

K26.343
Г16

Ухто-Печорская общественная организация «Мемориал»

А.И. Галкин

СОДЕРЖАНИЕ

Академик

Иван Михайлович ГУБКИН:

мифы и действительность

(1871–1939)

126505-4

Ухта
2009

Му "Центральная библиотека МОГО "Ухта" КФ

Ответственный редактор –
доктор геолого-минералогических наук

Г.П. Хомизури

Книга издана за счет пожертвований друзей автора и читателей
Ухто-Печорскому «Мемориалу»

Галкин А.И.

Г 93 Академик Иван Михайлович Губкин: мифы и действительность
(1871–1939). – Ухта: УПОО «Мемориал», 2009, 256 с., илл.

Миф об «основоположнике советской геологии нефти и газа» И.М. Губкине сформировался благодаря трудам последователей академика уже после его кончины, в 40–50-е гг. Но фундамент для этого мифа старательно возводил сам Губкин. В 1929 г. учёный-большевик по указанию свыше был внедрен в состав АН СССР. Вскоре он разгромил Геолком и существовавшие до него академические комиссии и сосредоточил в своих руках всю полноту власти в геологоразведке, нефтяной промышленности, геологической науке, нефтяном образовании и печати. Развенчание мифа о мнимом основоположнике, равно как и других мифов (об «отце» Курской магнитной аномалии, всемирно известном учёном и т.п.), и посвящена эта книга.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	7
Глава 1. КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ	13
Глава 2. НАСЛЕДИЕ И.М. ГУБКИНА В ГЕОЛОГИИ НЕФТИ И ГАЗА	18
Происхождение нефти и газа и формирование их залежей	18
Условия залегания и закономерности распространения нефти и газа	29
Связь грязевого вулканизма с нефтегазоносностью	30
Нефтепромысловая геология, подсчет запасов нефти и газа и нефтяная промышленность	38
Глава 3. ВКЛАД И.М. ГУБКИНА В ИССЛЕДОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ НЕФТЕГАЗОНОСНЫХ ПРОВИНЦИЙ	43
Северо-Кавказско-Мангышлакская провинция	43
Нефтяно-Ширванское месторождение	43
Апшеронская нефтегазоносная область	54
Тимано-Печорская нефтегазоносная провинция	57
Волго-Уральская провинция	62
История геологических исследований на нефть	62
Поиски и разведка месторождений в Волго-Уральской области	70
Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция	74
Глава 4. В КОМИССИЯХ И КОМИТЕТАХ	79
Сланцевое дело	79
Курская магнитная аномалия	83
Совет по изучению естественных производительных сил России	86
Всероссийская ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (ВАРНITCO)	89
Журнал «Нефтяное и сланцевое хозяйство»	94
Глава 5. КРАСНЫЙ АКАДЕМИК	97
И.М. Губкин и Геолком	97
Преподаватель	104
Внедрение в Академию наук СССР	106

Участник Международных геологических конгрессов	108
«Всемирно известный»	116
Можно ли считать И.М. Губкина Ученым?	121
Глава 6. И.М. ГУБКИН И КОЛЛЕГИ.....	129
Глава 7. СЕМЬЯ.....	170
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	175
ЛИТЕРАТУРА	182
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	202
Из наследия И.М. Губкина	202
Горючие сланцы и нефть в Поволжье	202
Сорвать строительство нефтяной промышленности вредителям не удалось	208
О так называемом академике Лузине	212
За осуществление третьей сталинской пятилетки	214
Документы	219
Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР об организации геологоразведочных и поисковых работ в СССР.....	219
Приказ Народного Комиссара тяжелой промышленности (№ 993 20 ноября 1937 г. об улучшении постановки и организации геологоразведочных и поисковых работ).....	221
За единую геологоразведочную службу в СССР	223
Воспоминания.....	229
Мишунина З.А. Маршал и генералы нефтяной геологии	229
Смехов Е.М. Мои современники	232
Вебер В.В. Много сочинили позднее.....	235
Письма	236
Г.А. Чернов – А.И. Галкину.....	236
К.А. Аникиев – А.И. Галкину	237
Бескровный Н.С. О научном культе И.М. Губкина (Отклик на статью А. Галкина в «НЕДЕЛЕ» от 22–28 января 1990 г.).....	237
Трофимук А.А. Клевета под флагом разоблачения (Отклик на статью А.И. Галкина в «Неделе» от 15.03.1990 г.)	239
Кротова В.А. От редактора сборника «Материалы по советской нефтяной геологии»	242
Основные даты жизни и деятельности И.М. Губкина	245
Именной указатель	247

«Губкин является ярким представителем славной плеяды выдающихся русских учёных, безраздельно соединивших свою жизнь и научную деятельность с партией великого Ленина».

М.И. Варенцов,
член-корреспондент АН СССР. 1972, с. 10.

«Достоверный портрет человека, прожившего долгую и сложную жизнь, неизбежно требует для своего воссоздания разных красок. Попытка ограничиться только одной оказывает «модели» дурную услугу: в такой портрет просто невозможно поверить. Картина получается объективной при том лишь условии, что углы не сглаживаются, что правда предстает во всей своей нагоде, без грима и умолчаний (с. 8).

Навязанная тенденциозность всегда дает лишь обратный эффект.

– Без гнева и пристрастия, – гласит старый принцип, дошедший до нас от древних римлян. – Без восторгов и умиления, – добавим мы».

Аркадий Ваксберг, 2003, с. 10.

«...Культовое восхваление одной личности непременно сопровождается принижением других».

Владимир Войнович, 2003, с. 168.

ОТ АВТОРА

К настоящему времени, как это ни странно, о якобы выдающемся и всемирно известном ученом, государственном и общественном деятеле, создателе советской геологии нефти и газа написана всего одна монография, да и та не научная, а научно-популярная, изданная в серии «Жизнь замечательных людей» (Кумок, 1968). Статей же опубликовано довольно много (Рис. 1).

Зачастую статьи, посвященные описанию вклада И.М. Губкина как в геологию нефти и газа в целом, так и в исследование отдельных нефтегазоносных провинций, объединены в сборники. В основном это материалы конференций в Москве, Баку, Новосибирске, Ухте, посвященных памяти академика, а чаще всего – доклады на губкинских чтениях в Московском нефтяном институте (МНИ), носящем его имя (после МНИ в разные годы – МИНХ и ГП, МИНГ, ГАНГ, ГУНГ, а ныне – РГУ нефти и газа). (Рис. 2).

Кроме того, описанию вклада И.М. Губкина в геологию нефти и газа (я сознательно избегаю терминов *исследование*, *изучение*, *анализ*, так как по отношению к подавляющему большинству такого рода работ они не подходят) посвящены зачастую вводные разделы в учебниках. Практически все без исключения авторы представляют читателю Губкина как основоположника геологии нефти и газа, выдающегося мыслителя, всемирно известного ученого и непременно – *ученого-большевика*, *ученого-патриота*. (Рис. 3). В том же ключе охарактеризован вклад И.М. Губкина в геологию нефти и газа М.К. Калинко в солидной академической монографии «История геологии» (Калинко, 1973).

Особый жанр представляют собой очерки по истории геологии нефти С.Ф. Федорова (1953) и А.Я. Кремса (1964). Анализ представлений И.М. Губкина о строении Нефтяно-Ширванского месторождения нефти можно найти в работах К.И. Богдановича, К.П. Калицкого, К.С. Маслова, Г.А. Хельквиста. А биогенную гипотезу происхождения нефти и газа Г. Потонье – Н.И. Андрусова – Г.П. Михайловского – А.Д. Архангельского в изложении Губкина довольно детально рассматривали К.П. Калицкий, Н.А. Кудрявцев, Н.Б. Вассоевич.

Биография И.М. Губкина обычно излагается в научно-популярных изданиях на основе его собственных статей – «Моя молодость» и «Доверие народа – высшая награда». Публиковались они в 30-е г. XX в. Но цитируют их всегда по двухтомнику «Избранных сочинений», изданных в 1950 (т. 1) и

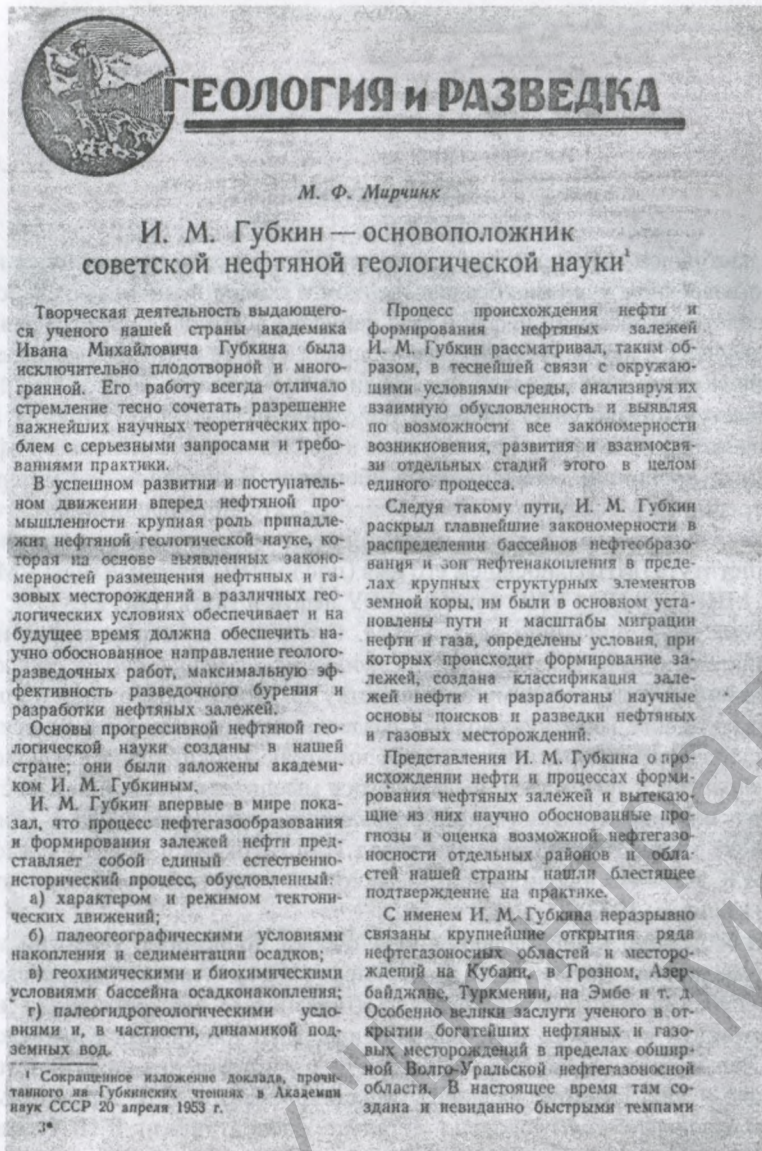

Рис. 1. Статья М.Ф. Мирчинка в журнале «Нефтяное хозяйство» (1953, № 6) озаглавлена стандартно: «И.М. Губкин — основоположник»

Творческая деятельность выдающегося ученого нашей страны академика Ивана Михайловича Губкина была исключительно плодотворной в многогранной. Его работу всегда отличало стремление тесно сочетать разрешение важнейших научных теоретических проблем с серьезными запросами и требованиями практики.

В успешном развитии и поступательном движении вперед нефтяной промышленности крупная роль принадлежит нефтяной геологической науке, которая на основе выявленных закономерностей размещения нефтяных и газовых месторождений в различных геологических условиях обеспечивает и на будущее время должна обеспечить научно обоснованное направление геологоразведочных работ, максимальную эффективность разведочного бурения и разработки нефтяных залежей.

Основы прогрессивной нефтяной геологической науки созданы в нашей стране; они были заложены академиком И. М. Губкиным.

И. М. Губкин впервые в мире показал, что процесс нефтегазообразования и формирования залежей нефти представляет собой единый естественно-исторический процесс, обусловленный:

- а) характером и режимом тектонических движений;
- б) палеогеографическими условиями накопления и седиментации осадков;
- в) геохимическими и биохимическими условиями бассейна осадконакопления;
- г) палеогеогеологическими условиями и, в частности, динамикой подземных вод.

¹ Сокращенное изложение доклада, прочитанного на Губкинских чтениях в Академии наук СССР 20 апреля 1953 г.

М. Ф. Мирчинк

И. М. Губкин — основоположник советской нефтяной геологической науки¹

Процесс происхождения нефти и формирования нефтяных залежей И. М. Губкин рассматривал, таким образом, в теснейшей связи с окружающими условиями среды, анализируя их взаимную обусловленность и выявляя по возможности все закономерности возникновения, развития и взаимосвязи отдельных стадий этого в целом единого процесса.

Следуя такому пути, И. М. Губкин раскрыл главнейшие закономерности в распределении бассейнов нефтеобразования и зон нефтенакопления в пределах крупных структурных элементов земной коры, им были в основном установлены пути и масштабы миграции нефти и газа, определены условия, при которых происходит формирование залежей нефти и разработаны научные основы поисков и разведки нефтяных и газовых месторождений.

Представления И. М. Губкина о происхождении нефти и процессах формирования нефтяных залежей и вытекающие из них научно обоснованные прогнозы и оценка возможной нефтегазоносности отдельных районов и областей нашей страны нашли блестящее подтверждение на практике.

С именем И. М. Губкина неразрывно связаны крупнейшие открытия ряда нефтегазоносных областей и месторождений на Кубани, в Грозном, Азербайджане, Туркмении, на Эмбе и т. д. Особенно велики заслуги ученого в открытии богатейших нефтяных и газовых месторождений в пределах обширной Волго-Уральской нефтегазоносной области. В настоящее время там создана и невиданно быстрыми темпами

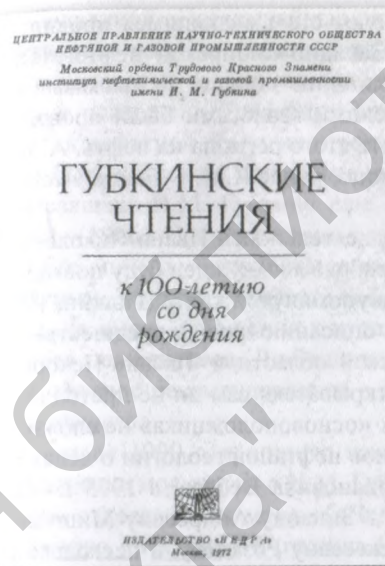

Рис. 2. Титульный лист сборника 1972 г. (Губкинские чтения в МНИ)

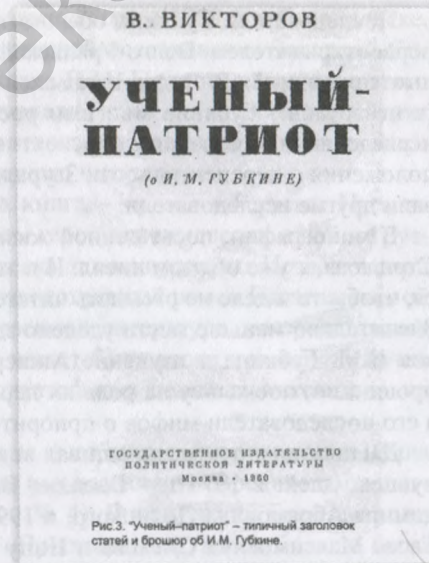

Рис. 3. «Ученый-патриот» — типичный заголовок статей и брошюр об И.М. Губкине.

Рис. 3. «Ученый-патриот» — типичный заголовок статей и брошюр об И.М. Губкине

1953 (т. 2) гг. Заинтересованный читатель может обратиться к этому изданию и сделать собственные выводы. Нужно только иметь в виду следующее: статьи И.М. Губкина в двухтомнике отредактированы так, что они существенно отличаются от публикаций в журналах и брошюрах 20–30-х годов. В частности, из них изъяты фамилии Д.И. Мушкетова, расстрелянного 18 февраля 1938 г., и И.Н. Стрижова, арестованного 1 июня 1929 г. и осужденного на десять лет лагерей.

Чтобы облегчить читателям поиск редких изданий, в приложениях к книге приведена погромная публикация И.М. Губкина «Сорвать строительство нефтяной промышленности вредителям не удалось» (1930), не включенная в «Избранные сочинения», и близкие к ней по духу статьи 30-х гг.

Установление в СССР в конце 20-х г. прошлого века тоталитарного режима привело к тому, что в науке, вузах, печати, во всех отраслях народного хозяйства на руководящие должности, как правило, назначались только члены ВКП (б) — красные специалисты.

В геологии таким человеком стал И.М. Губкин, в твердых руках которого сосредоточилась вся полнота власти. Им пытались заменить в Геолкоме Д.И. Мушкетова, в АН СССР — А.П. Карпинского и В.И. Вернадского, в нефтяной промышленности — И.Н. Стрижова, в горной — П.И. Пальчинского.

Последователи Губкина обычно именуют его выдающимся провидцем, первооткрывателем Волго-Уральской и Западно-Сибирской нефтегазоносных провинций. В Волго-Уральской провинции задолго до высказываний (а не трудов!) Губкина многими российскими геологами были проведены исследования, показавшие перспективность этого региона на нефть. А предположения о перспективности Зауралья также ранее И.М. Губкина высказывали другие исследователи.

В монографии, посвященной жизни и деятельности Ивана Николаевича Стрижова, я уже об этом писал. И в этой работе я вынужден буду повторяться, чтобы то и дело не отсылать читателя к упомянутой книге (Галкин, 1999). Значительно меньше места уделено здесь описанию вклада предшественников И.М. Губкина в изучение Апшеронской области и Тимано-Печорской провинции, поскольку на роль их первооткрывателя сам он не претендовал, а его последователи мифов о приоритетах «основоположника» не сложили.

Давным-давно я расспрашивал ветеранов нефтяной геологии о делах минувших дней: в 1974 г. – Василия Валериановича Вебера, в 1975 г. – Владимира Абрамовича Долицкого, в 1991 г. – Зинаиду Андреевну Мишунину, Евсея Максимовича Смахова и Нину Алексеевну Розанову, и несколько ранее – Зинаиду Львовну Маймин. Из бесед с ними я узнал тогда очень много ценного для понимания личности Губкина и его вклада в геологию нефти и газа. Но в то время я работал над книгой об И.Н. Стрижове, и поэтому записи мои долго ждали своего часа. К счастью, они сохранились.

Выше уже упоминалась научно-популярная работа Я.Н. Кумока, изданная в серии «Жизнь замечательных людей» в 1968 г. Автору, несомненно, были доступны архивы, и кое-что важное для читателя из переписки И.М. Губкина с женой Ниной Павловной и коллегами он в своей монографии цитирует. И, несмотря на явно заказной характер книги и ее ложную концепцию, она оказалась весьма полезной. Вполне вероятно, что автор хотел бы рассказать о своем герое более откровенно, чем это позволяла в то время цензура. Но я глубоко признателен ему и за то, что удалось опубликовать в виде иносказаний и намеков.

Бесценной для понимания обстановки в горном деле, взаимоотношений между И.М. Губкиным и коллегами и, прежде всего, с П.И. Пальчинским стала монография И.А. Гараевской «Петр Пальчинский (портрет инженера на фоне войн и революций)», опубликованная в 1996 г. Работы Ф.Ф. Перченка (1991; 1995), С.И. Романовского (1984; 1999), серия статей Ю.И. Кривоногова (2002–2005) в трудах годичных конференций Института истории естествознания и техники РАН им. С.И. Вавилова достаточно полно представляют картину того, в каких условиях проходили выборы в АН СССР в 1929 г. и каков был научный уровень вновь избранных тогда академиков-большевиков.

Интересной для читателя может быть и книга С.Ю. Андреева и

Н.А. Гольдиной «Чрезвычайные люди», вышедшая в 1989 г. в Свердловске. Практически все, что связано в ней с историей исследования Западной Сибири в тридцатые годы и описанием вклада И.М. Губкина в изучение этого региона, совершенно неверно. Зато журналистское расследование интриг 80-х гг. в нефтяной геологии, промышленности, партаппарате, ученом мире может быть полезным для заинтересованного читателя.

Посвящена И.М. Губкину еще одна книга – «роман» Германа Нагаева «Девон» (1966). В соответствии с жанром герой переименован в ней в Груздева. Его мнимые оппоненты также слегка замаскированы: Нечаев назван Уручаевым, Замятин – Омятиным. Производственный роман Нагаева, на мой взгляд, не имеет отношения к художественной литературе, не представляет интереса для геологов. Любопытен он может быть разве что как образчик чтива, которое рекомендовалось в воспитательных целях строителям *светлого будущего*.

В начале 1990 г. в широко известном в то время еженедельнике была опубликована моя статья о И.М. Губкине под названием «Вредителям нелегко было отделаться от меня» («Неделя», № 4). В поддержку моей позиции в редакцию поступило 4 отклика (см. «Приложения»), вдвое больше было опровержений. Главными моими оппонентами были В.С. Бочкарев (ЗапСибНИГНИ), писатель Я.Н. Кумок, академик А.А. Трофимук. Аргументами их в защиту Губкина были бездоказательные утверждения о приоритете *ученого-патриота*, которые я подробно рассмотрю ниже. Редакция «Недели» не стала открывать полемику. Но поскольку перед коллегами, а особенно перед студентами нефтяниками было весьма неловко, мои оппоненты вынуждены были публиковать свои отклики на страницах многотиражки Московского института нефти и газа им. И.М. Губкина (Жабреев 1990; Яковлев, 1990). Копии откликов моих союзников и друзей я получил от них самих, копию отклика академика А.А. Трофимука 19 лет тому назад мне любезно предоставила газета «Неделя». Часть этих материалов приведена в Приложениях.

Своим оппонентам я ответил через девять лет монографией «Иван Николаевич Стрижов». Книга моя удостоилась небольшой заметки в журнале «Природа» (2000, № 3). Опровержений же на монографию не последовало.

В 2002 г. в РГУ нефти и газа впервые за полвека после кончины Ивана Николаевича провели конференцию, посвященную 130-летию со дня его рождения. В 2003 г. переиздали учебник «Добыча газа», ставший библиографической редкостью, в 2005-м – выпустили брошюру в серии «Выдающиеся ученые РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина» (Басниев, 2005). Материалы конференции 2002 г. в течение шести лет тщательно редактировались и в конце 2008 г., наконец, были изданы в РГУ нефти и газа тиражом 150 экз. под редакцией профессора И.А. Гараевской. Сборник этот чрезвычайно интересен и, безусловно, полезен историкам геологии нефти и газа, нефтяной и газовой промышленности.

На протяжении многих лет поисков литературы я пользовался услугами многочисленных музеев, библиотек, геологических фондов и архивов Москвы и Санкт-Петербурга, Грозного, Эссентуков и Махачкалы, Бонна и городов Республики Коми – Сыктывкара, Печоры, Ухты. И не только услугами. Не будь у их сотрудников понимания важности моих занятий, их дружеского и сердечного отношения, работа моя над книгами об И.Н. Стрижове и И.М. Губкине была бы более долгой. А, может быть, никогда бы и не завершилась. В сборе материалов мне много помогли мои друзья-геологи Виктор Александрович Кучериненко, Виктор Васильевич Пятаков, Татьяна Сергеевна Пятакова, Николай Дмитриевич Трипольский, Григорий Маркович Фирер, Ефим Борисович Шафран.

Выражаю глубокую благодарность научным сотрудникам Государственного геологического музея им. В.И. Вернадского РАН: Зое Антоновне Бесудновой, Ирине Геннадьевне Малаховой, Светлане Кирилловне Пухонто, Юрию Яковлевичу Соловьеву, Георгию Павловичу Хомизури, Нине Ашотовне Хомизури и покойному Владимиру Владимировичу Тихомирову, директору Музея РГУ нефти и газа Татьяне Львовне Паталай, директору музея Ухтинского государственного технического университета Евгении Анатольевне Зеленской, научным сотрудникам Отдела истории наук о Земле Института истории естествознания и техники РАН им. С.И. Вавилова Вере Александровне Широковой и покойному ныне Игорю Александровичу Резанову, программисту музея Ухтинского государственного технического университета Сергею Леонидовичу Данилюку, директору Библиотеки Московского общества испытателей природы Ирине Викторовне Прохоровой и ее сотрудницам, всем коллегам, друзьям и близким, поддерживавшим меня на протяжении многих лет поисков, результатом которых и является эта книга.

Особенно признателен я покойному Владимиру Яковлевичу Соколову, издавна знакомому с моими статьями о Губкине, и редактору книги Георгию Павловичу Хомизури, прочитавшему все варианты книги. Их замечания и предложения как по отдельным вопросам, так и по подходу к проблеме в целом позволили, как мне кажется, избежать предвзятости и создать, насколько это возможно, достоверную картину.

Книгу к печати в последние годы готовила мой первый читатель и критик [Любовь Васильевна Галкина]. Без помощи и дружеского участия всех названных выше лиц (и еще десятки не названы, но всех я помню и благодарю!) дело бы затянулось на неопределенное время.

Я буду искренне благодарен читателям за замечания и критику. Их можно направить по адресу: E-mail: galkin@gmx.de.

Аркадий Галкин, март 2009 г.

Глава 1

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Миф об основоположнике советской нефтяной геологии Иване Михайловиче Губкине сложился в конце сороковых – начале пятидесятых годов, благодаря общей политической атмосфере и усилиям его последователей. Но базу для него создал, в сущности, сам Иван Михайлович в последнее десятилетие своей жизни (1929–1939 гг.). Культ Губкина является одним из первых научных культов, складывавшихся одновременно с культом Сталина. Во времени Губкин значительно опередил Т.Д. Лысенко.

Научная биография И.М. Губкина еще не написана. Авторы публикаций о нем обычно основываются на его автобиографических статьях 1937–1938 гг. Ссылки на архивные материалы в таких исследованиях практически нет. Едва ли не единственной работой, в которой приводятся выдержки из писем Губкина, является упоминавшаяся уже книга Я.Н. Кумока.

Изучение наследия Губкина облегчается тем, что курс лекций, читанных им в Горной академии и Московском нефтяном институте («Учение о нефти») переиздан в 1975 г. (Губкин, 1975). Пытливому исследователю необходимо обратиться к журналам: «Проблемы советской геологии», «Нефтяное хозяйство», «Нефтяному бюллетеню» и газетам: «Торгово-промышленной газете», «Правде» и «Известиям» и, конечно, к архивам.

Иван Михайлович родился (9) 21 сентября 1871 г. в селе Поздняково Муромского уезда Владимирской губернии в семье крестьянина. Судя по автобиографическим статьям Губкина, судьба его сложилась непросто. В большой семье Губкиных он был первым ребенком и единственным из 42 внуков, кому удалось учиться. Девяти лет от роду он поступил в сельскую школу. Затем было уездное училище в Муроме и учительская семинария в г. Киржач (1887–1890 гг.).

Из автобиографической статьи «Моя молодость», датированной 1937 г., можно почерпнуть, что из учительской семинарии юный Губкин якобы вышел безбожником. Вскоре он познакомился с народовольцами, читал марксистскую литературу, распространял прокламации. Но в период работы учителем от политического движения отошел и революционные связи потерял.

Испытав себя на стезе учительства, тридцати трех лет от роду решил сменить профессию и поступил в Горный институт в Петербурге. Окончил его в 1910 г., в тридцать девять лет. Во время учебы уже проявил способности исследователя и, будучи студентом, опубликовал статью «О петрографическом

составе некоторых горных пород северного побережья Ладожского озера» (совместно с Е.Н. Миткевич-Волчасским). По окончании института Губкин был принят на работу в Геологический комитет – высшее геологическое учреждение России (Архив РГУ нефти и газа. Губкин И.М., личное дело. Оп. № 1. Ед. хр. № 518. 78 л).

В начале XIX столетия, как и теперь, геологические исследования в России вели многие ведомства. Геолком, куда поступил И.М. Губкин, занимался изучением отдельных регионов, перспективных на полезные ископаемые. Поиски, разведку и добычу вели частные фирмы. Надзор за всеми работами осуществляли Управления горных округов. Существовала вузовская и академическая наука. Во всех упомянутых выше организациях трудились геологи, имена которых были хорошо известны специалистам как нашей страны, так и за рубежом. Назову хотя бы часть его современников. Практически ровесниками И.М. Губкина были известные геологи: В.Н. Вебер (1871–1940), А.Н. Рябинин (1874–1942); Н.Н. Яковлев (1870–1966); Г.П. Михайловский (1872–1912); Н.Н. Тихонович (1872–1952), И.Н. Стрижов (1872–1953), К.П. Калицкий (1873–1941). Несколько старше его – Н.И. Андрусов (1861–1924), В.И. Вернадский (1863–1945), Д.В. Голубятников (1866–1933), К.И. Богданович (1864–1947), В.А. Обручев (1863–1956); несколько моложе – А.Д. Архангельский (1879–1940), А.Е. Ферман (1883–1945), Д.И. Мушкетов (1882–1938).

Во время работы в Геолкоме Иван Михайлович трудился весьма напряженно и результативно. Думается, что с наставниками ему повезло. В 1910–1912 гг. он участвовал в исследовании Майкопского нефтяного района (в первый год под руководством горного инженера С.И. Черноцкого и профессора К.И. Богдановича, которые работали здесь с 1907 г.). С 1911 г. этим районом он занимался уже самостоятельно. В дальнейшем Губкин исследовал районы Керчи, Анапы, Темрюка и составил добротные геологические карты. Они вскоре были изданы Геолкомом. Нужно заметить, что труды всех сотрудников Комитета публиковались незамедлительно после завершения полевых работ и обработки их результатов.

В 1913 г. Иван Михайлович подключился к исследованиям Апшеронского полуострова, где уже более 10 лет работал Дмитрий Васильевич Голубятников. Геологическая съемка этого нефтеносного района осуществлялась Геолкомом планомерно. Многие листы геологической карты масштаба 1:42 000 были уже отработаны. Сумгаитский лист в известной мере случайно достался Губкину в связи с тем, что геолог Н.М. Леднев, которому на 1913 г. была запланирована эта работа, уже после утверждения планов вышел из состава сотрудников Комитета (Абрамович, 1960).

Труды Губкина *геолкомовского* периода (1910–1917 гг.) были по достоинству оценены коллегами: в 1913 г. он был избран адъюнкт-геологом, а еще через два года, в 1915 г. – геологом Комитета. (Архив РГУ нефти и газа,

«Губкин И.М.», личное дело, л. 1–4). К его мнению в эти годы прислушивались. Вместе с Д.В. Голубятниковым, С.И. Черноцким, Н.И. Ушейкиным он составлял заключения о ценности земельных участков, которые сдавались в аренду промышленникам для разведок и добычи нефти.

Тем не менее, жизнь его не была безоблачной. Геолкомовцы достаточно хорошо знали друг друга. И неприязнь к Губкину коллеги испытывали в частности в связи с тем, что он нарушал одно из Положений Геолкома: его сотрудники обязаны были свои консультации промышленникам давать бесплатно. Можно понять настрадавшегося в молодые годы от бедности Губкина. Умеренного жалования начинающему геологу и теперь не хватало на содержание семьи (а у него было тогда уже двое детей). И он во время полевых экспедиционных поездок брал заказы у частных фирм на обследование перспективных на нефть участков. Платили за эту работу гораздо больше, чем в Геолкоме. В одном из посланий жене Губкин пишет: «Взял я с этих господ по 100 рублей в день...» (Кумок, 1968, с. 122). Однако большого греха коллеги в действиях Губкина, видимо, не усмотрели. Да, вероятно, и не один он нарушал в это время Устав. Увы, изменилось время...

Для повышения квалификации летом 1917 г. Временное правительство направило Губкина в Соединенные Штаты. Вернулся он весной следующего года, уже после октябрьского переворота. Губкин достаточно быстро разобрался в том, что сулит ему новая власть, если исповедовать провозглашаемые ею идеи, поддерживать то и дело меняющиеся лозунги, принять правила поведения, присущие ее апологетам. И, видимо, уже к этому времени проявились те черты его характера, благодаря которым он быстро поднялся к вершине власти в геологии при новом режиме.

Существовавшим при Временном правительстве структурам управления народным хозяйством большевики не доверяли и параллельно им и взамен их формировали свои собственные. В частности при отделе топлива ВСНХ был создан Главный нефтяной Комитет (ГНК). Состав Коллегии ГНК был утвержден Президиумом ВСНХ в составе семи человек: председатель Н.И. Соловьев, заместитель – Г.Н. Пылаев, члены Коллегии – И.М. Губкин, И.Э. Гуковский, А.А. Шибинский, К.А. Махровский, С. М. Тер-Габриэлян. Н.И. Соловьев руководил ГНК до середины 1919 г., после чего был направлен в Баку для закупок нефти у мусаватов. В конце мая 1920 г. нефтяная промышленность Азербайджана была национализирована, Н.И. Соловьев возглавил ВСНХ Азербайджана, а Азнефтеком (позднее Азнефть) – А.П. Серебровский. Через год Н.И. Соловьев вернулся в Москву и руководил Нефтеиндикатом (Сафронов, 1981, с. 25–27).

В 1920 г. из Грозного в Москву перебрался Иван Николаевич Стрижов – один из подлинных основоположников геологии нефти и газа. В Главном нефтяном комитете он занимает руководящие посты в техническом отделе,

а уже со следующего года становится неформальным лидером в нефтяной промышленности страны.

Миф о том, что И.М. Губкин единолично руководил ее восстановлением после гражданской войны, боролся с обводнением нефтяных скважин, открывал новые месторождения и целые нефтегазоносные провинции, развеивается как дым при ознакомлении с публикациями двадцатых годов в журнале «Нефтяное и сланцевое хозяйство» и в «Нефтяном бюллетене».

В марте 1921 г. Губкин вступил в партию большевиков и с той поры стремительно пошел в гору. В анкете, заполнявшейся, по-видимому, в середине тридцатых годов (дата отсутствует), ректор Московской горной академии (МГА) И.М. Губкин сообщает, что он одновременно состоит членом Госплана, заместителем директора Геолкома, заместителем начальника Главного Геологического Управления (ГГУ), председателем Совета нефтяной промышленности, председателем Особой Комиссии по Курской магнитной аномалии (ОККМА), директором правления сланцевой промышленности. В Московском отделении Геолкома Губкин состоял членом Совета и председателем секции прикладной геологии. В ГНК был заведующим отделами – заводским, геологоразведочным и статистическим. Ниже Губкин еще раз повторяет, что с момента организации сланцевого дела в 1919 г. и комиссии по Курской магнитной аномалии в 1920 г. он стоит во главе этих учреждений. (Архив РГУ нефти и газа, «Губкин И.М.», личное дело, л. 8).

В 1928 г. по сталинскому сценарию разыгрывается первый показательный процесс о мнимом вредительстве внутренних врагов социализма – «Шахтинское дело». Как одного из «организаторов вредительства» на шахтах тогда осудили Николая Николаевича Тихоновича – руководителя промышленных разведок полезных ископаемых СССР, помощника директора Геолкома – Дмитрия Ивановича Мушкетова (Архив МВД г. Ухта, «Тихонович Н.Н.», личное дело).

В 1929 г. И.В. Сталин сворачивает НЭП, объявляет курс на коллективизацию в деревне, индустриализацию всей страны, на замену «буржуазных» специалистов «красными».

С середины двадцатых годов новая власть вплотную приступает к *советизации науки*. Перерабатывается Устав Академии наук, выборы новых академиков проводятся под контролем ЦК ВКП(б). И геолог Иван Михайлович Губкин 12 января 1929 г. *проводится* в академики по техническому (!?) отделению (Перченок, 1991, с. 96–104). В это время у него было опубликовано всего 36 работ. Среди них нет никаких трудов в области техники, разве что геолого-статистические обзоры по нефти.

В том же году распущен Геолком. К его разгрому Губкин приложил свою тяжелую руку (Заблоцкий, 1999, с. 398–403; Романовский, 1999, с. 306). В связи с инспирированным «Делом Промпартии» начались погромы во всех отраслях промышленности. Арест Ивана Николаевича Стрижова, который в

1926–29 гг. возглавлял Нефтяной директорат (по позднейшей номенклатуре был министром нефтяной промышленности), его явно порадовал. Оставаться в стороне от компании борьбы с вредительством Губкин не мог и не хотел. Вскоре в «Известиях» появляется его статья «Сорвать строительство нефтяной промышленности вредителям не удалось» (Губкин, 1930), погромные статьи в «Нефтяном хозяйстве» А. Сергеева (1930) и самого Губкина, в которых Иван Николаевич именуется уже разоблаченным ныне врагом народа (1930, с. 12–17).

На этом изложение биографических сведений можно и прервать, чтобы избежать повторов. В последующих разделах книги будет рассмотрен вклад Губкина в геологию нефти и газа и его деятельность на руководящих постах в нефтяной промышленности и геологоразведке.

Вероятнее всего, ученого-большевика, патриота, депутата Верховного Совета СССР, члена ЦИКа, обласканного вождём народов, Ивана Михайловича Губкина ждала та же участь, что и оболганных и погибших по его вине коллег. Планы по нефти, основанные на обещаниях академика, регулярно проваливались. А прощать такие промахи Сталин не любил. «Враги» и «вредители» уже либо сгинули совсем, либо сидели по лагерям, а нефти в стране, тем не менее, не прибавлялось. Так где же был истинный враг? Не замаскировался ли он на самом вершине нефтяной пирамиды?

Вполне вероятно, что смерть спасла Губкина от мук следствия и расстрела в подвале Лубянки. И в этом ему действительно повезло.

Умер он своей смертью 21 апреля 1939 г. и был с почестями похоронен в Москве.

Глава 2

НАСЛЕДИЕ И.М. ГУБКИНА В ГЕОЛОГИИ НЕФТИ И ГАЗА

В геологии нефти и газа выделяются следующие направления:

1. Происхождение нефти и углеводородных газов и формирование их залежей;
2. Условия залегания и закономерности распространения нефти и газа;
3. Методы поисков и разведки месторождений нефти и газа;
4. Нефтегазопромысловая геология;
5. Подсчет запасов нефти и газа;
6. Методы оценки перспектив нефтегазоносности новых регионов (Еременко, 1960, с. 3–37; Калинин, 1973, с. 305–321).

Здесь мы рассмотрим лишь те направления, развитие которых связывают с именем И.М. Губкина (1, 2, 4, 5). И попытаемся выяснить – что было сделано в геологии нефти и газа до Губкина и что сделано им самим.

Происхождение нефти и газа и формирование их залежей

Последователями И.М. Губкина сложен миф о том, что именно он является автором современного варианта гипотезы биогенного происхождения нефти. Рассмотрим, насколько это утверждение соответствует действительности.

Обзоры многочисленных работ по проблеме происхождения нефти неоднократно выполняли представители обоих основных направлений – как биогенного, так и абиогенного (глубинного). С позиций биогенной гипотезы проблему рассматривали К.П. Калицкий (1921), М.А. Мессинева (1947), В.А. Соколов (1948, 1953), И.О. Брод и Н.А. Еременко (1950–1960), А.А. Бакиров (1955, 1968), С.Ф. Федоров (1953), М.Ф. Двали (1968), Н.Б. Вассоевич (1963), С.Г. Неручев (1969), М.К. Калинин (1967, 1981), А.Э. Конторович (1998); с позиций глубинной гипотезы – Н.А. Кудрявцев (1951, 1973), Г.Н. Доленко (1971), В.А. Краюшкин (1984), а в последнее время – И.М. Шахновский (2001). В.Б. Порфирьев в 30–40-е гг. подходил к проблеме происхождения нефти с позиций образования нефти из живого вещества (1939), позднее – с позиций глубинной гипотезы (1967).

Думается, что наиболее детально и беспристрастно проанализировал взгляды И.М. Губкина на происхождение нефти Н.Б. Вассоевич (1963).

Он составил своеобразную анкету из восемнадцати вопросов и, основываясь на материалах «Учения о нефти» (Губкин, 1932 и 1937) и доклада И.М. Губкина на XVII сессии МГК (Губкин, 1940), показал, что представления Губкина весьма далеки от совершенства. По трем из поставленных вопросов Вассоевич усматривает у Губкина неточности в представлениях и изложении материалов, по пяти – неопределённые указания и противоречия, по семи – терминологические неточности, по трём – излишне широкие трактовки терминов или геологических процессов! (Табл.1).

Таблица 1

Результаты анализа взглядов И.М. Губкина на происхождение нефти (по Н.Б. Вассоевичу, 1963).

Позиции по Н.Б. Вассоевичу (находит у И.М. Губкина)	Комментарии Н.Б. Вассоевича
1	2
1. Нефтеобразование в геологической истории Земли	
1.1. Нефть накапливается в осадочных породах	Неточность в изложении материала. Следовало говорить об осадках.
1.2. Кембрийская эпоха	Терминологическая неточность. Следовало – период.
2. Тип исходного (материнского) органического вещества – ОВ	
2.1. Каустобиолиты	
2.2. К сапропелям относил целые толщи, содержащие “сравнительно небольшое количество ОВ...”, в частности “терригенные глинистые образования, типа отложений майкопской свиты...”	Излишне широкая трактовка.
2.3. Смесь сапропелитов с гумусовыми веществами называл почему-то доплеритами (1932, с.12–15; 1937, с. 23–24, 27)	Неточность в представлениях и (или) в изложении материала. У Потонье доплерит – гомогенная гумусовая масса, с. 8.
3. Исходные организмы одноклеточные водоросли, растительный (главным образом) и животный планктон (1932, с. 213; 1937, с. 271)	
4. Исходные биохимические компоненты живого вещества	
“Углеводородный тип”. Нефтематеринский сапропель обязан “накоплению и последующему изменению белкового вещества протоплазмы низших растений, главным образом водорослей и животных организмов” (1932, с. 13; 1937, с. 23). Позднее белки опускает. Критикует Крэга: Гипотеза (“теория”) К. Крэга совершенно упустила из виду отложение на дне водоемов растительного планктона, состоящего главным образом из одноклеточных водорослей и др. микрофлоры, в составе которой огромную роль играют растительные жиры и воски...” (1932, с. 386; 1937, с. 434–435).	Терминологическая неточность. Термин “материнские” в одних случаях заключал в кавычки, в других – нет (с. 9).
5. Необходимая степень концентрации ОВ в осадке (порode)	

1	2
Не приводил цифровых данных о содержании органики Как биогенные называл – диатомовые, глобигериновые, радиоляриевые и др. (1932, с. 396)	Неопределенные указания и противоречия. Вопрос о минимуме ОВ оставлен И.М. Губкиным без ответа. “Нет определенности (с. 10), биогенные (органогенные) осадки могут вообще не иметь ОВ. Они состоят из раковин фораминифер, панцирей кремневых организмов и т.д. “Органогеновые” (1937, с. 405); “органические илы” (1937, с. 397); иногда – “органогенные”, иногда “биогеновые”
6. Доля органики, расходуемая на нефтеобразование.	
6.1. Определенных суждений нет. Видимо, допуская весьма большой расход ОВ	Излишне широкая трактовка. Ввиду нечеткости терминологии возможны различные толкования высказываний И.М. Губкина. (с. 11).
6.2. Порода беднеет ОВ	Неопределенное указание. Неясно – все ли ОВ в целом... или только битуминозные компоненты (с. 11).
7. Длительность процесса нефтеобразования и стадии литогенеза, в течение которых он протекал	
7.1. Процесс длительный, непрерывный, безостановочный (позднее последнее опустил). “Процесс образования нефти есть непрерывный процесс. Изменение ее, по-видимому, не заканчивается и в сформированном НМ” (1932, с. 402; 1937, с. 450)	
7.2. Различает три стадии литогенеза: а) отложение осадков; б) диагенезис; в) метаморфизм “Длительная стадия катагенеза” именуется И.М. Губкиным то “диагенезом, то метаморфизмом” (с. 12)	Понимает очень широко “...с точки зрения новой и более точной терминологии “диагенезис” в трактовке И.М. Губкина надо понимать как диагенез+катагенез” (с. 12). Еще шире трактовал он объем термина метаморфизм (с. 12)
7.3. Различал свои стадии (периоды), которые не связывал определенно со стадиями литогенеза: биохимический период, геохимический период (связывает его с метаморфизмом в широком понимании термина)	Неточности и неопределенности. В процессе нефтеобразования, включая и формирование месторождений, И.М. Губкин выделял стадии, но очень крупные (длительные), без дифференциации их на подстадии или этапы. Не довел стадийный анализ до конца. “Этого он не сделал и в своем докладе на XVII сессии МГК...” (с. 13).
8. Факторы, обуславливающие развитие процесса нефтеобразования	О микробиологических процессах нет собственных представлений. Излагает данные и выводы В.Л. Омелянского, М. Стюарта, Т.Л. Гинзбург-Карагичевой, Г. Хаммера и др. (с. 15).

1	2
8.1. “...бактериальное разложение и температура, давление и пр.” (1940, с. 489). “Первая стадия бактериального разложения заканчивается образованием жиров и других устойчивых соединений. Этим вообще заканчивается стадия биохимических процессов...” (1932, с. 399–400; 1937, с. 448).	«Явно неудачное изложение: читатель ждет характеристики второй стадии биохимических процессов, а оказывается, «первая стадия» является в то же время и последней» (с. 15). Излагает мнения английских геологов и “оставил без внимания мнение А.Д. Архангельского (1927, с. 146), также предполагавшего, что нефтеобразование может являться в главной своей части, вплоть до образования УВ, процессом биохимическим” (с. 15).
8.2. Давление, возможно до 300–1000 атм.	“...проблема давления как фактора нефтеобразования была рассмотрена И.М. Губкиным всесторонне” (с. 16).
8.3. Температура “Протекал он (процесс нефтеобразования) при не особенно высокой температуре, при все нарастающем давлении и при участии анаэробных бактерий (1932, с. 405; 1937, с. 454); “в оценке значения температуры необходимо ясно учитывать его обратную зависимость от времени” (1937, с. 453).	
8.4. Время Вполне определенного суждения не высказывал, приводил взгляды других исследователей без критических замечаний	
9. Фациальные типы нефтематеринских осадков “Органические или биогенные илы” (1932, с. 397). Материал сапропелевый или сапропелево-гумусовый, отлагался в мелководных морях, бухтах, лагунах, лиманах, озерах. Пресноводные бассейны исключал. Преимущественно глинистые осадки, обогащенные ОВ.	
10. Палеогеографическая и палеотектоническая обстановка формирования НМ. “...родина нефти не в пресноводных бассейнах, не в болотах, а в областях древних мелководных морей, их заливах и прочих частях, на месте теперешних геосинклиналов, или в краевых зонах этих геосинклиналов, примыкавших к геантиклинальным поднятиям” (1937, с. 445). В 1938-м или 1939 г. возможно несколько изменил свое отношение к пресноводным осадкам. Рекомендовал ...изучение “донных отложений сапропелевого типа в современных водоемах как пресных, так и в особенности, с пониженной и нормальной соленостью воды (с. 18).	
11. Признаки нефтематеринских пород (свит)	
Принадлежность их к глинам или сланцам, битуминозность, темная окраска (1932, с. 248–249 и др.) “нефтепроизводящие свиты”:1) прослой (с. 19).	Излишне широкая трактовка и терминологические неточности. “Сланцы” – неудачно. Обычно под сланцами И.М. Губкин понимал горючие или битуминозные сланцы (глинистые породы с органикой), с. 19. Термин материнские употреблял то в кавчках, то без.

1	2
12. Факторы и время начальной миграции	Неточности в представлениях и в изложении материала. Неопределенные указания и противоречия. "И.М. Губкин говорил о перемещении диффузно-рассеянной нефти в песчаные пласты, указывал, что "весь этот процесс происходил до возникновения АС (Доклад на XVII сессии МГК). В других же случаях... утверждал, что эмиграция продолжается и позже. Особенно четко сформулирована эта мысль в главе "Образование НМ": "...Наибольшее уплотнение пород и наибольшее выдавливание жидкости – воды и нефти – в пески произойдет при горообразующих процессах" (1932, с. 264; 1937, с. 310). Очевидно, что начальная миграция нефти ...протекала не только и даже не столько в стадию диагенеза, а в стадию катагенеза" (с. 20).
13. Влияние состава исходного вещества на свойства нефти.	
"Эта разность в составе исходного материала и служит причиной того явления, что в одном и том же месторождении, а не только в разных, мы имеем разные по своим физическим и химическим качествам нефти" (1932, с. 407; 1937, с. 455)	
14. Основные факторы последующего изменения нефтей.	
14.1. Динамометаморфизм (катагенез). В подтверждение приводит данные Э.Р. Лиллея о постепенном переходе нефтей с асфальтовым основанием к парафиновым нефтям по мере усиления степени углефикации ("метаморфизма") ископаемых углей (1932, с. 408; 1937, с. 457) (с. 21).	
14.2. Глубина залегания. "...по мере нарастания мощности осадков, по мере погружения первично-битуминозной породы все в более глубокие зоны земной коры, приобретали в процессе нефтеобразования все возрастающее значение процессы гидрогенизации, которые все более и более улучшали, так сказать, качество нефти" (1932, с. 406; 1937, с. 455).	
14.3. Гипергенез	Этого вопроса почти не касался (с. 21).
15. Генетическое соотношение ископаемых углей, горючих сланцев, нефтей и горючих газов.	
15.1. Генетическая связь всех представленных каустобиолитов. "Нефть рассматривается как член единого генетического ряда полезных ископаемых, возникших из каустобиолитов. На одном конце этого ряда стоят графиты и антрациты, а на другом – горючие природные газы" (1932, с. VII).	

1	2
15.2. "Горючие сланцы представляют собой "недоразвившиеся до образования природной нефти породы". "Если бы они были развиты в областях погружения в переслаивании с песками и могли попасть в зоны высокого давления, ОВ в них, по всей вероятности, превратилось бы в нефть" (1932, с. 409; 1937, с. 458) (с. 21).	
15.3. И.М. Губкин стремился выявить черты различия между углями и сапропелевыми породами (с. 21). Его вывод: "...характер исходного материнского материала для образования нефти был несколько другой, чем тот, из которого возникали разного рода угли, и условия его отложения были другие по сравнению с условиями отложения углей, и процессы их изменения тоже были другие" (1932, с. 396; 1937, с. 444).	Неточности в представлениях. В данном случае И.М. Губкин не учел, что ископаемые угли бывают различными, не только гумусовыми, но и сапропелевыми и смешанными, т.е. состоящими из тех же самых веществ "сапропелевого и сапропелитово-гумусового характера", которые "были источником и для образования нефти" (1932, с. 393; 1937, с. 441–442). Поэтому и приведенный выше вывод И.М. Губкина, являющийся ответом на им же самим заданный вопрос, обращенный к Г.Л. Стадникову ("если и для углей и для нефти исходный материал был один и тот же, в чем же разница?"), нельзя признать исчерпывающим и даже вполне удовлетворительным, особенно если вспомнить, что И.М. Губкин допускал высокую концентрацию исходной органики в нефтематеринских породах".
15.4. Одной из причин различия в процессах образования нефти И.М. Губкин считал разную соленость вод соответствующих водоемов (с. 22). "Однако большинство американских геологов, – пишет затем И.М. Губкин, – не разделяет мнения Залозецкого, что нефть произошла в результате непосредственного гниения и разложения, и считает, что роль соленой воды ограничивается лишь замедлением разложения органического материала..." (1932, с. 399; 1937, с. 447)	Неопределенные указания и противоречия. Губкин цитирует Залозецкого (видимо, по Э. Лиллею): соль "задерживает и ограничивает разложение ОВ" (1932, с. 398; 1937, с. 446). "...В "Учении о нефти" имеет место некоторое противоречие: американские геологи, выходит, признают, а не отрицают замедляющее действие соленой воды..." (с. 22) (разрядка – Н.В.).
15.5. И.М. Губкин допускал возможность перехода угленосных фаций в нефтеносные (с. 22). Эта идея "нашла широкий отклик среди наших геологов. В последнее время она развивается Н.И. Марковским" (с. 23).	
16. Основное требование к правильной теории происхождения нефти.	

1	2
<p>16.1. "Самой важной чертой нефтеносности И.М. Губкин считал "региональность" ("...нефть в недрах земной коры распределена регионально" (1932, с. 391; 1937, с. 440), широкую распространенность нефти в природе. Особенно ярко он выразил эту мысль в "Учении о нефти". В диффузно-рассеянном состоянии нефть занимает огромные пространства на земном шаре. Всякая теория ее происхождения должна прежде всего удовлетворять этому условию" (1932, с. 380; разрядка дана во втором издании, 1937, с. 430; следовательно за период с 1932-го по 1937 г. И.М. Губкин еще больше утвердился в своем мнении). Идея о широком региональном распространении на земном шаре пронизывает всю концепцию И.М. Губкина о нефтеобразовании. Это исходное положение являлось для него пробным камнем, на котором он проверял все остальные свои положения и различные гипотезы других исследователей" (с. 23).</p>	
<p>16.2. Постоянство и непрерывность – вторая важная черта в представлениях И.М. Губкина... "...считал, что правильная теория происхождения нефти вообще не может базироваться на "каких-либо явлениях катастрофического порядка", на "явлениях местного и временного характера, а не регионального и постоянного" (1932, с. 378; 1937, с. 428) с. 23.</p>	
<p>17. Гипотезы, считающиеся ошибочными. И.М. Губкин считает ошибочными все разновидности как БГ, так и ГГ, кроме той, которую он заимствовал у Г.П. Михайловского – (с. 26).</p>	<p>Терминологические неточности. "И.М. Губкин считал слова "гипотеза" и "теория" однозначными" (1937, с. 415), с. 24. В этом разделе Н.Б. Вассоевич отмечает, что "Фукоиды", о которых пишет И.М. Губкин, не являются водорослями, а представляют собой ходы червей-илоседов, столь характерные для флиша" (с. 26)</p>

18. Состояние проблемы генезиса нефти и дальнейшие исследования.

И.М. Губкин указывал, что общее направление процесса "образования природной нефти ... можно более или менее считать установленным" (1932, с. 405; 1937, с. 454). И далее: "...последние работы американских ученых поставили его на правильный путь, увязавши экспериментальную работу химиков с полевыми наблюдениями геологов. Еще раз выскажу горячее пожелание, чтобы на помощь химикам и геологам пришла микробиология..." (1932, с. 410; 1937, с. 458–459). В работе "Урало-Волжская, или Восточная нефтеносная область" Губкин намечает и другие виды исследований: изучение современных осадков, пластовых вод, фациальный и палеогеографический анализ (включая экологию), изучение ОВ, нефтей и битумов. "Как ученый коммунист, И.М. Губкин стремился подходить ко всем явлениям природы с позиций диалектического материализма. В предисловии к первому изданию "Учения о нефти" он писал: "В этой книге я сделал попытку подойти к процессу нефтеобразования и процессу образования нефтяных месторождений с диалектической точки зрения, исходя из той мысли, что этот процесс представляет одну из струй единого великого диалектического процесса развития нашей земли" (1932, с. VI) (с.27).

ИТОГО: Неточностей в представлениях и (или) изложении материала – 3; неопределенных указаний и противоречий – 5; терминологических неточностей – 6; излишне широких трактовок – 3.

Заметим попутно, что так же нечетки представления Губкина и о месторождениях нефти и газа. Своей классификации у него не было. Он взял за основу классификацию Т.Г. Клаппа и «усовершенствовал» ее. «К сожалению, – пишет Н.А. Еременко, – в этой классификации происходит некоторое смешение таких понятий, как залежь, ловушка, месторождение и структурные формы, с которыми связаны месторождения» (Еременко, 1960, с. 456).

Но главное даже не в нечетких представлениях, терминологических неточностях и небрежном обращении с принятыми уже научным сообществом понятиями и определениями (так, вместо термина «покрышка» академик позволяет себе писать в 1932 г. – «перекрышка»). Главное в том, что концепция нефтеобразования, изложенная Губкиным в «его учении», полностью заимствована у Г.П. Михайловского!

Вот что пишет по этому поводу Н.Б. Вассоевич: «В образовании нефти и газа, по И.М. Губкину, главную роль играет органическое вещество сапропелевой природы, в меньшей мере смешанное, гумусово-сапропелевое. В ряде мест «Учения о нефти», начиная с «Предисловия», И.М. Губкин стремился «...обосновать так называемую теорию сапропелевого происхождения нефти, выдвинутую в первоначальной форме Потонье и развитую впоследствии в более определенных формах другими авторами...» (Вассоевич, 1963, с. 8). И далее: «...Система представлений, весьма близкая к концепции И.М. Губкина, уже была сформулирована задолго до него. Нельзя, например, не вспомнить работу профессора Г.П. Михайловского, опубликованную в 1906 г., т.е. за четверть века до выхода в свет «Учения о нефти» (там же, с. 30, выделено Н.Б. Вассоевичем – А.Г.). Далее Н.Б. Вассоевич отмечает, что не только общая концепция происхождения нефти, но и схема преобразования органического вещества у Губкина получила развитие (неясно только – какое? – А.Г.) в «Учении о нефти». «В самом деле, – пишет Н.Б. Вассоевич, – по Г.П. Михайловскому:

1. Исходное для нефти органическое вещество является смешанным (растительным и животным), сапропелевым;
2. Захоронение его приурочивается к глинистым илам (а не к пескам);
3. Первая стадия преобразования материнского органического вещества связывается с бактериально-анаэробными процессами (гнилостным разложением);
4. Последующие стадии являются физико-химическими, а главнейшими действующими факторами – давление и температура;
5. Первичная нефть считается диффузно-рассеянной;
6. Скопления нефти в коллекторах являются вторичными;
7. Образование залежей происходит в результате тектонических нарушений и, в частности, образования антиклиналей.

Если к этому добавить, что Г.П. Михайловский исключал из гипотез нефтеобразования те, в которых допускалась массовая гибель организмов и

вообще явления катастрофического характера, и что он относил к нефтематеринским отложениям те же мощные темные глины третичного возраста, развитые на Северном Кавказе, что и И.М. Губкин, то не останется ничего другого, как только выразить удивление такому большому сходству концепций обоих исследователей и выразить сожаление, что И.М. Губкин не счел нужным даже упомянуть о взглядах Г.П. Михайловского». И далее в сноске: «Объективней было бы назвать гипотезу, которую развивал И.М. Губкин, не гипотезой («теорией») Потонье, а гипотезой Михайловского или хотя бы Потонье-Михайловского» (там же, с. 30).

Здесь и всем нам – исследователям истории этого вопроса – остается только удивляться явному плагиату академика Губкина. Можно также сожалеть и о том, что Н.Б. Вассоевич не проанализировал здесь представления Н.И. Андрусова. Его работа была опубликована несколько раньше, чем статья Г.П. Михайловского: у Андрусова – в выпуске 5-м трудов Бакинского отделения ИРТО за май–август 1906 г., у Михайловского – в 6-м выпуске «Известий Геолкома» за тот же год. И Г.П. Михайловский на работу Н.И. Андрусова уважительно ссылается. Концепции и общая схема преобразования ОВ и формирования залежей нефти у них очень близки. И если приводить здесь представления Н.И. Андрусова, то придется практически еще раз повторять схему Г.П. Михайловского.

Далее по поводу отсутствия в учебнике И.М. Губкина ссылок на Г.П. Михайловского Н.Б. Вассоевич пишет: «Это тем более досадно, что А.Д. Архангельский в своей известной монографии, опубликованной в 1927 г., то есть за пять лет до выхода в свет «Учения о нефти», отдал должное Г.П. Михайловскому и напомнил читателям о сущности его взглядов большими цитатами из его работы. А.Д. Архангельский писал, что его выводы весьма близки к воззрениям Андрусова и Михайловского (Архангельский, 1927, с. 14). Однако И.М. Губкин по непонятным причинам умолчал и о труде самого А.Д. Архангельского «Условия образования нефти на Северном Кавказе», хотя довольно часто ссылался на других авторов, главным образом иностранных» (Вассоевич, 1963, с. 31). Еще цитата: «Фактически И.М. Губкин развивал гипотезу Г.П. Михайловского, и если бы он написал об этом, то способствовал бы упрочению приоритета русских ученых» (там же, с. 33).

Н.Б. Вассоевич утверждает, что концепция Губкина якобы более аргументирована, чем гипотеза Михайловского и «представляет собой важный качественный скачок в развитии правильных воззрений на сущность нефтеобразования, основанных на использовании накопившегося к 1932 г. богатого фактического материала» (500 статей многих авторов на русском языке и более 1000 за рубежом). И делает вывод: «Таким образом, если и нельзя говорить о теории И.М. Губкина, то можно, во всяком случае, признать существование гипотезы И.М. Губкина или гипотезы Михайловского – Губкина, уходящей своими корнями к М.В. Ломоносову» (там же, с. 33).

Конечно, в сборнике, посвященном 90-летию со дня рождения Губкина, прямо обвинить «основоположника» в плагиате было бы не удобно. Но на предыдущих страницах Н.Б. Вассоевич высказался так, что его истинные взгляды на «авторство» Губкина не вызывают сомнений. Он отмечает, что И.О. Брод и Н.А. Еременко и даже А.А. Бакиров в связи с рассматриваемым вопросом упоминают сначала Михайловского и Андрусова, а уже потом Губкина и Архангельского (там же, с. 32). Н.Б. Вассоевич пишет, что В.А. Соколов уделяет «большое внимание взглядам Архангельского, критике ошибочной гипотезы К.П. Калицкого, но нигде не говорит о теории И.М. Губкина» (там же, с. 31; Соколов, 1948, 1953).

И, наконец, совершенно убийственное замечание: «За рубежом известны ссылки на взгляды Н.И. Андрусова, К.П. Калицкого, особенно гипотезу А.Д. Архангельского, на высказывания других русских и советских геологов и химиков, но никто не упоминает о гипотезе или теории И.М. Губкина» (там же, с. 32). Таким образом, несмотря на реверансы типа «И.М. Губкин был очень крупным, высокоодаренным учёным» (там же, с. 32), истинная цель статьи совершенно ясна: Н.Б. Вассоевич показывает подлинное лицо академика.

Глава «Происхождение нефти» в учебнике И.М. Губкина – одна из наиболее объёмистых (50 стр.). Автор довольно подробно рассматривает здесь неорганические гипотезы и очень тщательно излагает воззрения и комментирует работы К. Энглера, Г. Гефера, Г. Потонье, К. Крэга, Н.И. Андрусова, Г.Л. Стадникова, Т.Л. Гинзбург-Карагичёвой, К.П. Калицкого. Из поля его зрения выпали лишь Г.П. Михайловский и А.Д. Архангельский. Но не знать их статей Губкин не мог. В 1910–1929 гг. он работал в Геолкоме, в трудах которого и была напечатана статья Г.П. Михайловского. В 1912 г. Георгий Павлович скончался и протестовать против столь неуважительного отношения к своей работе в 1932 г., когда был издан учебник Губкина, уже не мог. А А.Д. Архангельский находился в зависимости от всемогущего *первого геолога и нефтяника* страны и, естественно, знал о судьбах тех, кто еще не так давно с ним полемизировал.

В очерках по истории возникновения биогенной гипотезы В.А. Соколов (1970) и М.К. Калинин (1973) в ряду её основоположников первыми называют Г.П. Михайловского, Н.И. Андрусова, Г. Потонье, затем А.Д. Архангельского и американских авторов. Вклад И.М. Губкина в разработку гипотезы описан В.А. Соколовым в нескольких фразах: «В работах И.М. Губкина было показано, что образование нефти и газа из органических веществ, рассеянных в глинистых породах, представляет собой региональный процесс, протекающий на обширных площадях в толщах осадочных пород. В связи с этим И.М. Губкин считал, что вопросы происхождения нефти и образования ее залежей следует рассматривать совместно и что здесь мы имеем дело с единым сложным процессом, который может быть подразделен на ряд эта-

пов. Начало этих процессов связано с накоплением органического вещества в морских илах» (Соколов, 1970, с. 68–69).

В очередном издании «Учения», посвященном столетию со дня рождения Губкина, ни ответственный редактор А.А. Трофимук, ни член редколлегии Н.Б. Вассоевич не комментируют изложенные выше факты. Поскольку академик Трофимук всегда представляет читателям И.М. Губкина как основоположника, то его позиция неудивительна. А Н.Б. Вассоевич, конечно, вынужден был умалчивать о явном плагиате Губкина, так как Главлит изъясил бы всякую критику канонизированного *учёного-патриота*.

Завершая этот раздел, необходимо сказать ещё и о том, что биогенная гипотеза, и в частности представления о нефтепроизводящих свитах, подвергались критике с самого момента своего возникновения в трудах Д.И. Менделеева (1877), А.П. Иванова (1903), К.П. Калицкого (1916–1944), В.Б. Порфирьева (1939), Н.А. Кудрявцева (1951–1973) и многих других ученых. В.Б. Порфирьев в статье 1939 г. анализирует работы А.Д. Архангельского (1927), Г.Л. Гинзбург-Карагичевой (1932), А.И. Горской и О.А. Радченко (1935), Д.М. Раузер-Черноусовой (1935), Н.М. Страхова (1937), И.Е. Хакфорда (1932), Д. Уайта (1935), Т.Д. Траска (1937) и других авторов и ни в тексте, ни в списке литературы не упоминает здравствующего еще академика Губкина! Стало быть, ничего оригинального, заслуживающего внимания во взглядах И.М. Губкина автор не находит! Полемизирующий с В.Б. Порфирьевым С.И. Ильин (1940) также ни разу не ссылается на Губкина и не приводит в списке литературы названий его «классических» трудов.

Николай Александрович Кудрявцев весьма определённо высказался на совещании во ВНИГРИ в 1957 г. как о самой гипотезе, так и о мнимом её авторе: «Не так давно на одной из защит во ВНИГРИ Д.Л. Степанов обронил фразу, что теория нефтепроизводящих пород переживает кризис. Кризис этот наступил уже давно. Д.Л. Степанов, по-видимому, не был знаком с содержанием сборника «Происхождение нефти», иначе он сказал бы, что кризис разрешился, но принятые меры не спасли большого, хотя к лечению были привлечены не только лучшие врачи-специалисты, но и знахари, хотя лечили его и патентованными заграничными лекарствами по П. Смиту и просто деревенскими наговорами-акафистами «учёного И.М. Губкина», – больной на поправку не пошёл, его положение ухудшилось, роковой исход близок» (Кудрявцев, 1957, с. 344).

В настоящее время большинству исследователей ясно, что биогенная гипотеза зашла в тупик. И даже самые стойкие её приверженцы по существу отреклись от неё (Дьяков, 1988) или ищут компромисса с глубинной (Еременко, 1984; Соколов, Хайн, 1997; Гаврилов, 1998; Гаврилов, Григорьянц, Дворецкий и др., 2000; Баженова, Бурлин, Соколов и др., 2000). Весьма обстоятельный обзор по проблеме происхождения нефти и газа недавно опубликовал И.М. Шахновский, показавший полную абсурдность биогенной гипотезы – величайшей ошибки науки о нефти XX в. (Шахновский, 2001).

Выводы по разделу:

1. Работы Г.П. Михайловского и Н.И. Андрусова на четверть века опередили учебник И.М. Губкина, работа А.Д. Архангельского – на пять лет.
2. Губкин излагал биогенную гипотезу без ссылок на предшественников.
3. Неточности в представлениях и изложении материалов, неопределённые указания и противоречия в текстах, небрежности в обращении с терминами, показанные Н.Б. Вассоевичем, мало соответствуют образу *Учёного и Учителя, основоположника геологии нефти и газа*, который обычно пытаются представить читателям последователи И.М. Губкина.

Условия залегания и закономерности распространения нефти и газа

В середине XIX в. американскими геологами Уильямом Логаном, Стерри Хантом, Эндрюсом (Деворсен, 1970), и почти одновременно российскими – Г.В. Абигом, А.А. Кейзерлингом, Г.П. Гельмерсенем, Ф. фон Кошкулем были высказаны соображения о приуроченности залежей нефти к антиклинальным складкам. Они и послужили зародышами сформировавшейся позднее *антиклинальной теории*. Заметим сразу же, что на самом деле даже в наиболее полно изложенных вариантах это никак не теория, а не более чем эмпирическая закономерность.

В те годы, когда следовало утверждать, что до И.М. Губкина геологии нефти и газа в России не существовало, И.О. Брод писал, что представления об условиях залегания нефти в конце XIX в. характеризуются следующим высказыванием С.О. Гулишамбарова: «Нефть заключается в герметически замкнутых пустотах или пещерах, находящихся между собою в сообщении, но с заплывшими пливучим грунтом ходами» (1878, 1880). Эта же цитата кочует затем из издания в издание вплоть до 1960 г. (Геология нефти. Справочник, 1960). Позднее на эту же сентенцию Гулишамбарова ссылается и А.А. Бакиров (1968). Утверждения эти совершенно некорректны, так как Степан Осипович – не геолог, а инженер-технолог. И его рассуждения об условиях залегания нефти – лишь бесплатное приложение к действительно достойным трудам. Нефтяники до сих пор пользуются работами С.О. Гулишамбарова и, в частности, благодарны ему за полный библиографический указатель работ по нефти, опубликованный в 1878 г. А соответствующие современным представления о приуроченности нефти к пористым пластам и о связи с залежами с антиклинальными складками и грязевыми вулканами мы находим в более ранних трудах упомянутых выше российских исследователей.

В 1877 г. Д.И. Менделеев очень чётко описал все условия, необходимые для существования нефтегазовой залежи (Менделеев, 1949). Его представления согласно классификации Б.П. Высоцкого можно считать идеями, гипотезой (Высоцкий, 1977).

В дальнейшем существенный вклад в развитие антиклинальной тео-

рии в России внесли горные инженеры Н.А. Соколовский, А.М. Коншин, Н.Н. Барбот де Марни. Но наиболее полное выражение антиклинальная теория получила в работах И.Н. Стрижова 1900–1909 гг. В них он писал не только о приуроченности залежей нефти к антиклиналям, но и развивал представления Д.И. Менделеева о значении пористых и покрывающих их непроницаемых пластов как о необходимых условиях существования залежи. О вкладе ряда других исследователей в разработку антиклинальной теории я скажу в разделе о грязевом вулканизме. Поскольку И.М. Губкин был лишь популяризатором, а сам никакого вклада в развитие этой теории не внёс, я не буду рассматривать здесь труды всех названных выше и многих других геологов, а отсылаю читателей к своей монографии «Иван Николаевич Стрижов» (Галкин, 1999).

Связь грязевого вулканизма с нефтегазоносностью

Еще один миф во славу «основоположника» сложили последователи И.М. Губкина по поводу его якобы выдающегося вклада в исследование грязевого вулканизма и его связи с залежами нефти и газа.

О заслугах И.М. Губкина и своих собственных в разработке этой проблемы поведал нам в 1953 г. С.Ф. Фёдоров. Пишет он так, что заключительную часть раздела его «Очерков...» хочется процитировать полностью: «Нами, на основе опыта изучения отдельных площадей Азербайджана, в 1933 г. была разработана гипотеза генезиса грязевых вулканов, близкая к точке зрения И.М. Губкина, опубликованная в трудах НГРИ в 1934 г. (Федоров, 1934). В этой работе была изложена и методика изучения грязевых вулканов. Условия образования диапировых структур мы разработали и соответствующую работу опубликовали в 1939 г. (Федоров, 1939).

В результате комплексных исследований всех грязевых вулканов Крымско-Кавказской геологической провинции, проведенных большим коллективом под нашим руководством, выяснились факты, подтверждающие принципиальную точку зрения И.М. Губкина по этой проблеме (Губкин и Федоров, 1938; Федоров, 1939, 1940; Федоров, Сулин, Авдусин и Левенсон, 1940).

Мы установили, что грязевые вулканы связаны с диапировой тектоникой. Диапировая тектоника, благоприятная геологическая обстановка и газонефтеносность – вот причины деятельности грязевых вулканов. Грязевые вулканы генетически связаны с нефтяными месторождениями – вот вывод, который сделал академик И.М. Губкину и который подтвердили и развили на огромном фактическом материале его ученики.

Проблему грязевого вулканизма удалось разрешить в нашей стране коллективу советских ученых благодаря комплексности исследований, столь характерной для работ советских геологов-нефтяников. Зоны грязевых вулканов – благоприятные объекты для поисков нефти или газа» (Федоров, 1953, с. 63–64).

С.Ф. Федоров представляет дело так, как будто изучением связи грязевого вулканизма с нефтеносностью первым в России стал заниматься И.М. Губкин, а следом за ним и совместно с ним и он сам. Однако совершенно ясно, что столь интересные и зачастую грандиозные природные явления, как извержения грязевых вулканов, издавна привлекали к себе внимание геологов.

П.С. Паллас был знаком с проявлениями грязевого вулканизма близ Керчи и Тамани (Паллас, 1799), а А.А. Дейхман наблюдал их в районе Баку (Дейхман, 1828). Их представления о природе этого явления, о предполагаемой ими связи извержений с воспламенением находящихся на глубине залежей каменного угля или битуминозного шифера изложены В.В. Тихомировым (Тихомиров, 1951).

Н.И. Воскобойников и А.В. Гурьев (1832), видимо, одни из первых в России высказали представления о связи грязевых вулканов с месторождениями нефти. Они писали: «Можно с достоверностью полагать, что первоначальную причину как бакинских, так и таманских вулканов составляют нефтяные месторождения. Отделяющийся из них углеводородный газ, как упругая и горючая жидкость, производит извержение камней, ила и глины и бывает причиной огненных явлений» (Воскобойников и Гурьев, 1832, с. 70).

В 1859 г. произошло сильное землетрясение в Шемахе, извержение подводного грязевого вулкана в Каспийском море, к югу от Баку, в связи с чем здесь появился новый остров – Кумани (1860 г). Наблюдения за этими явлениями позволили Г.В. Абиху, проработавшему к тому времени на Кавказе около 15 лет, сделать выводы о связи «между тектоникой, сейсмическими и грязевулканическими явлениями. Причем последние он считал результатом действия подземных вулканических (магматических) сил» (Потапов, 1954, с. 10). Также оценили представления Абиха С.П. Волкова и В.В. Тихомиров. Они пишут: «Он отмечал, что центры землетрясений приурочиваются к основным тектоническим линиям, а грязевые вулканы суши и прилегающей части Каспийского моря располагаются по геометрически правильной сетке. Тем самым он наметил взаимосвязь грязевого вулканизма и сейсмотектоники... Эти его построения в общих чертах были приняты всеми позднейшими исследователями» (Волкова, Тихомиров, 1959).

И еще одно очень важное заключение Абиха: «Выходы нефти и горючих газов, грязные вулканы и присутствие соли на пространстве Апшеронского полуострова, заслужившего этим некоторую известность, представляют явления нераздельные и тесно связанные друг с другом (Абих, 1864, с. 129). Отметим, что эта работа Германа Васильевича, как и целый ряд других, написанных на немецком и французском языках, была переведена на русский Фридрихом фон Кошкулем.

Выделения нефти и горючих газов из жерл грязевых вулканов наблюдались непосредственно на поверхности. И естественная связь эта не только

привлекала к себе внимание геологов, но и позволяла делать логические заключения. На своде Бибиэйбатской антиклинали нефть добывали во времена Абиха из колодцев. И здесь же на своде складки видны отложения грязевого вулкана. На примере Бибиэйбата Г.В. Абих и доказывал «связь грязевулканической деятельности с образованием залежей нефти и газа» (Потапов, 1954, с. 10). ...«Он отмечал большое значение этой связи для разрешения проблемы нефтеобразования» (там же, с. 12).

В 1865 г. статс-капитан Фридрих фон Кошкуль осмотрел месторождения нефти Закубанского края и Таманского полуострова. На основании тщательной и кропотливой работы, многочисленных наблюдений, сопоставлений и анализа собранных материалов он пришёл к выводу о закономерной связи нефтепроявлений с геологическим строением района, а именно с антиклинальными складками и грязевыми вулканами. Фон Кошкуль пишет: «Источники нефти бывают в местах воздыманий или в местах так называемого антиклинального строения почвы, на этих же местах и даже на одних направлениях с источниками нефти находятся, в весьма близком иногда от них расстоянии, грязные вулканы и серносолёные минеральные источники. Такого рода *совместное нахождение источников нефти, минеральных вод и грязных вулканов до того постоянно, что оно может быть принято законом, которым следует руководствоваться при отыскании новых источников нефти*» (Кошкуль, 1865, с. 84, выделено мною – А.Г.). В целом Кошкуль здесь следует Г.В. Абиху, работу которого он незадолго до своей экскурсии переводил с французского языка на русский. При этом он так же четко, как Абих, формулирует представления о связях источников нефти и минеральных вод с грязевыми вулканами и антиклинальными складками как о *поисковых критериях на нефть* и придает этим связям статус закона.

В дальнейшем соображения о связи грязевого вулканизма с залежами нефти и газа встречаются в работах Шегрена (Шегрен, 1892) и Н.И. Лебедева (Лебедев, 1899) по Апшерону. В Тифлисской губернии совместные проявления нефти и минеральных грязей отмечали Л.Ф. Бацевич (1878) и А.Н. Рябинин (1903–1913).

В 1900 г. И.Н. Стрижов среди важнейших вопросов, требующих своего разрешения для развития нефтяной промышленности в целом и нефтяной геологии в особенности, ставит и такой: «Какое значение имеют для нефтеносности псевдовулканические сопки, присутствие горячих ключей, присутствие горько-соленых ключей и выходов газов, близость Главного Кавказского хребта, присутствие вулканических туфов и т.д.?» (Стрижов, 1900, с. 121). И знакомясь в дальнейшем с трудами своих коллег по соседним районам, никогда не выпускал из виду взаимосвязь проявлений различных флюидов на поверхности в местах выходов нефти и приуроченность их к определенным типам пород – будь то осадочных, вулканогенных или метаморфических.

В Чатминском нефтеносном районе нефтяные горизонты в отложениях

среднего сармата в 1907 г. описал К.П. Калицкий. Выходы нефти, связанные с сопками, а местами и с серными ключами, наблюдались им близ Аладжиги и Полпойтеби (Калицкий, 1907). Здесь же К.П. отметил и сбросо-сдвиг в сарматских и ачкагыльских пластах.

А.Н. Рябинин наблюдал в Сигнахском районе Тифлисской губернии много грязевых сопкок, которые вместе с сопочной грязью выделяли немного тяжелой нефти (Рябинин, 1903, с. 163–228). В другой работе, посвященной исследованию Кахетинского хребта, Рябинин пишет, что в антиклинальных складках здесь, как и на Апшероне имеются ядра протыкания. Нефтеносными породами Кахетии он считает пласты «мергелей и известковистых песчаников (известняков) палеогена с прожилками известкового шпата, примазками нефти, грязевыми сопками, выносами пленок нефти и газа и серными источниками» (Рябинин, 1911, с. 86).

Явления диапиризма наблюдались А.Н. Рябининым и в другом районе Грузии, в Ширакской степи. «Месторождения нижнего или эльдарского горизонта проявляются в глинах и раковинных песчаниках и по тектоническим условиям делятся на две группы. К первой группе относятся выходы нефти в Набамреби и в Мирзаанах. Нефтеносные глины и песчаники, с раковинами *Mastra caspia Eichw.*, поставлены здесь весьма круто, почти вертикально, представляя, по-видимому, ядро проткнутой антиклинали (*pli diapir on a pouan de percement*)» (Рябинин, 1913, с. 62).

В начале XX века профессор Екатеринославского горного института Э.А. Штебер изучал грязевые вулканы, главным образом, в Керченско-Таманском районе. Начиная с 1914 г. он публикует ряд работ, в которых излагает как свои представления о возможных химических реакциях, приводящих к образованию углеводородов, так и представления о формировании залежей нефти. «Э. Штебер полагал, что образовавшаяся в канале («скважине») грязевого вулкана нефть проникала в смежные с ним пористые породы и накапливалась в них, образуя залежи. Он предвидел и изменения, которым нефть подвергается в залежах в условиях высокого давления вследствие полимеризации и взаимодействия между углеводородами» (Кудрявцев, 1973, с. 17).

Н.А. Кудрявцев считает, что представления профессора Штебера привлекли бы к себе большее внимание геологов, если бы он воздержался от высказываний об универсальности механизма формирования залежей нефти только в грязевых вулканах во всех нефтеносных районах мира. Он полагал, что там, где грязевые вулканы в настоящее время не обнаружены, они уничтожены эрозией. В этом его воззрения были созвучны взглядам Д.И. Менделеева. Н.А. Кудрявцев считает, что «подобный процесс формирования залежей нефти и газа в областях развития грязевого вулканизма вполне реален, но, конечно, далеко не универсален, как это считал Штебер. Однако выдвинутая им идея об образовании углеводородных газов, нефти и серы из вулканических газов (CO , CO_2 , H_2 , H_2S , SO_2) в настоящее время не

только используется рядом геологов, но и получила фактическое подтверждение в загрязнении серы нефтяными битумами на многих вулканах и в открытии нефти на центральном фумарольном поле Камчатского вулкана Узон Н.С. Бескровным и Б.А. Лебедевым» (Кудрявцев, 1973, с. 17).

Много внимания уделял изучению строения грязевых вулканов Апшерона Д.В. Голубятников. Первая из его заметок на эту тему об извержении вулкана Отманбоздаг была опубликована в газете «Каспий» (Голубятников, 1904). В дальнейшем Дмитрий Васильевич неоднократно осматривал и обследовал обнаженные на поверхности грязевые вулканы, анализировал материалы по скважинам, вскрывавшим ископаемые. Результаты его наблюдений были изложены в публикациях: «О нефтеносности острова Булла» (Голубятников, 1912, с. 144), «О нефтеносности участка, расположенного около горы Отман-бозы-Даг» (1913), «Ископаемый грязевой вулкан на промысле «Ильич» (1923), «Об ископаемом грязевом вулкане на Бибиэбатской бухте» (1924). Наиболее полно охарактеризовано строение грязевых вулканов Кейреки (площадь Бинагады), Лок-Батан (Пула), Зых, а также вулкана, обнаруженного скважинами на промысле «Ильич» (Бухта Ильича).

Д.В. Голубятников весьма четко и подробно описывает строение и морфологию грязевых вулканов, отмечает их приуроченность к сбросовым трещинам и сводам антиклинальных поднятий. Он предполагает, что источник сил, выбрасывающих сопочную грязь из недр – «это газы, скопившиеся на глубине в слоях ильхидагской и сумгаитской серии, а возможно и глубже, в слоях меловой и юрской систем, где присутствие газа и нефти уже доказано в месторождениях, ближайших к Апшеронскому полуострову (Киязи и Хидырзынде)» (Голубятников, 1927, с. 263).

Далее Голубятников отвечает на поставленные им же самим вопросы:

– Стоит ли бурить в месте расположения этого ядра (речь идет о бухте Ильича – А.Г.) и есть ли надежда на глубине найти нефть?

– Стоит ли бурить до пластов нижнего отдела продуктивной толщи?

Зыхский вулкан обнажен на дневной поверхности, достаточно хорошо изучен. Д.В. Голубятников считает, что вулкан бухты имеет то же строение и те же размеры, что и Зыхский и приходит к следующим практическим соображениям: «...Газовые скопления надо отнести к слоям, подстилающим коунскую свиту, и глубина извержений сопочного материала превышает 800 с. Отсюда ясный вывод, что надеяться получить нефть в центре вулкана якобы «из-под пластов с брекчией» едва ли есть основание. Пластов с «брекчией» не существует, а есть трещины, заполненные брекчией, и в месте их наибольшего развития бурить не следует....»

В статье об ископаемом грязевом вулкане бухты (Голубятников, 1923) я уже говорил, что трещины вулкана разбили бухту на ряд изолированных полей. Поэтому понятно, что скважины, поступившие в эксплуатацию, быстро высыхают, ибо площадь питания забоя скважин незначительна. По мере уда-

ления от центральной части вулкана влияние вулкана ослабевает, трещины становятся меньше, нефтяные поля, питающие забой скважин, увеличиваются, и дебит скважин переходит в норму и становится устойчивым» (Голубятников, 1927, с. 265, выделено автором).

И.М. Губкин наблюдал грязевые сопки при проведении геологической съемки в районе Тамани, где он картировал листы Анапско-Раевский и Термюрско-Гостогоаевский (Губкин, 1915) и на Апшероне (Губкин, 1914, 1915, 1916). Но в это время он еще не высказывался о природе грязевого вулканизма, и это вполне естественно, так как собственных материалов у начинающего геолога было немного, и для крупных обобщений он был еще недостаточно подготовлен.

А.Д. Архангельский совместно с И.М. Губкиным посетил в 1923–1924 гг. некоторые грязевые вулканы Азербайджана. И вскоре после этой экскурсии опубликовал свою работу о грязевых вулканах Апшеронского полуострова и Керченско-Таманской области (Архангельский, 1925). Архангельский писал: «...у трещин протыкания обрываются все пласты, проткнутые при поднятии ядра, и в том числе, конечно, водо- и нефтеносные горизонты. При брахиантиклинальном расположении слоев, поднимающихся со всех сторон к трещинам, естественно, у них сосредоточиваются массы нефти, газа и воды. Достигнув трещины, газы поднимаются по ним, выталкивая находящийся здесь материал». И далее: «Эти выпертые брекчии, которые мы в дальнейшем будем называть для краткости просто брекчиями протыкания, вероятно, и образуют значительную часть брекчиевых накоплений, слагающих крупные грязевые вулканы. Одновременно (!!! – А.Г.) или непосредственно после образования брекчий протыкания должно начать сказываться и влияние газового давления» (Архангельский, 1925, с. 280).

Весьма важно отметить и приоритет А.Д. в постановке проблемы исследования грязевого вулканизма в целом. В той же статье он заявляет: «...в текущем году Государственным Исследовательским Нефтяным Институтом были по моей инициативе начаты и систематические работы по изучению грязевых вулканов Апшерона, порученные М.М. Жукову» (там же, с. 270, выделено мною – А.Г.).

Вслед за публикацией А.Д. Архангельского появляется капитальное исследование С.А. Ковалевского, посвященное грязевым вулканам восточного Закавказья (Ковалевский, 1927, 1928). Завершая свою работу, С.А. Ковалевский писал: «В заключение о грязевых вулканах можно заметить, что чем глубже и подробней мы проникаем в их сущность, тем яснее и непреложнее выступает их генетическое родство с настоящими магматическими вулканами, эмбриональными формами которых они являются. Поэтому предложение Э.А. Штебера, одного из первых русских вулканологов, разгадавших природу грязевого вулкана, заменить всю сумму случайных определений этого объекта, как грязевой вулкан, сопка, сальза и т.п. термином более выразительным – «вулканоид» следует признать удачным» (Ковалевский, 1928, с. 39).

В 1933 г. К.А. Прокопов в статье «Природные газы в северо-западной части Северного Кавказа» довольно подробно рассмотрел газоносность Термюкского района, в котором достаточно широко распространены грязевые сопки. Статья эта интересна как фактическими материалами, так и выводами автора. И.М. Губкина Прокопов упоминает дважды. Он отмечает, что Губкин показал распространение сопок на карте и отбирал пробы газа. (Анализы показали, что газ состоит из метана, углекислого газа и азота). Между прочим (и это весьма существенно!) Прокопов отмечает, что все грязевые сопки на Тамани «связаны с антиклиналями, составленными из нескольких брахиантиклинальных складок или куполовидных вздутий **диапирового** строения, которыми на поверхность выдвигаются нижележащие слои вплоть до майкопских отложений» (Прокопов, 1933, выделено мною – А.Г.).

Последователи Губкина стремятся во что бы то ни стало утвердить его приоритет во всех направлениях геологии нефти и газа. И если другие исследователи публикуют свои труды ранее, чем «основоположник», то в ход идёт утверждение о том, что И.М. Губкин, дескать, устно высказался по этой проблеме всё же ранее. С.Ф. Федоров пишет, что «Впервые обоснование закономерной связи грязевых вулканов с диапировыми складками и с выходами нефти было дано И.М. Губкиным еще в 1922–1923 гг. в лекциях в Московской горной академии» (Федоров, 1953, с. 61).

Однако И.М. Губкин опубликовал свои представления значительно позднее А.Д. Архангельского и С.А. Ковалевского – в 1934 г. в работе «Тектоника юго-восточной части Кавказа в связи с нефтеносностью этой области» (Губкин 1934), а затем (совместно с С.Ф. Фёдоровым) в 1938 г. (Губкин, Федоров, 1938).

Вспомним, что к выводу о связи нефтеносности с антиклинальными складками и грязевыми вулканами Г.В. Абих, Г.П. Гельмерсен и Ф. фон Кошкуль пришли почти за 70 лет до публикации Губкина! В их работах, правда, не уточняется – к какому именно роду относятся те антиклинальные складки, на которых они наблюдали грязевые вулканы и источники нефти. В то время ещё не существовало понятия «диапиризм». Оно будет сформулировано Мразеком значительно позднее (Мразек, 1907). Но по существу как раз о таких складках и писал Кошкуль. Ведь именно благодаря действию грязевого вулкана и образуется складка с кратером (ядром протыкания). Так что открытие триединой сущности диапиризма, нефтеносности и грязевого вулканизма по существу принадлежит Г.В. Абиху и Ф. фон Кошкулью, а не И.М. Губкину, провозгласившему эту связь как якобы открытый им в 1934 г. закон (Губкин, 1934, с. 44). Соответственно, ложно и утверждение приоритета И.М. Губкина С.Ф. Фёдоровым.

Упомянутая выше работа И.М. Губкина 1934 г. «Тектоника...» представляет теперь лишь исторический интерес, ничего по существу нового о грязевом вулканизме ни в трудах самого академика, ни в трудах его последователя

мы не находим. Весьма определенно высказалась об их совместной работе 1938 г. З.А. Мишунина: «Беспредметная» (Приложения, «Маршал и генералы нефтяной геологии»). К рассмотрению доклада И.М. Губкина «Тектоника...» мы еще возвратимся в разделе «Участник МГК».

М.К. Калинин считает, что «связь грязевых вулканов с диапировыми и криптодиапировыми структурами действительно существует, но она является частной. В общем же случае грязевые вулканы возникают под влиянием специфических гидродинамических условий, характерных для определенных геотектонических зон» (Калинко, 1964, с. 30).

Утверждение же Калинин о том, что идея комплексного изучения областей грязевого вулканизма принадлежит Губкину и эти исследования проводились под его руководством (там же, с. 39), противоречит приведенному выше замечанию А.Д. Архангельского.

Н.А. Кудрявцев неоднократно рассматривал проблему взаимосвязи грязевого вулканизма и магматизма и считал эту связь реальной (Кудрявцев, 1963, 1973). С позиций глубинной гипотезы рассматривают проблему грязевого вулканизма В.А. Горин и З.А. Буниат-заде. Они полагают, что:

1. Региональные глубинные разломы определяют «закономерности проявления газонефтяного вулканизма во времени и пространстве»;

2. Газонефтяные вулканы постепенно переходят «в категорию грязевых и начинают выделять через предельно разработанные жерла уже в основном газ и насыщенную газом газонефтевулканическую брекчию»;

3. Со временем действующие грязевые вулканы становятся ископаемыми. То есть грязевые вулканы закономерно проходят ряд этапов в своём развитии (Горин, Буниат-заде, 1967).

Положения о глубинной природе грязевого вулканизма подтвердили и авторы «Карты месторождений и перспективных структур Азербайджанской ССР» и объяснительной записки к ней (Алиев, Багир-заде, Буниат-заде и др., 1985). Они пишут, что «...удалось установить прямую генетическую связь каналов эрупции этих вулканов через региональные разломы со значительными глубинами земных недр, косвенную морфологическую связь рассматриваемых вулканов с приразломными антиклинальными складками, пространственную географическую связь этих вулканов с региональными разломами, количественную связь рассматриваемых вулканов с газо-нефтяными скоплениями, и другие виды связи этих вулканов как с нефтегазовыми скоплениями, так и с элементами тектоники и геоморфологии (там же, с. 85). И далее: «...в последнее время все большее признание в качестве объектов поисков нефтегазовых скоплений приобретают приразломные зоны, рассматриваемые ныне как зоны нефтегазонакопления» (там же, с. 86).

37 Выводы по разделу:

1. Основы представлений о связи нефтяных и газовых месторождений с грязевыми вулканами и происхождении последних были заложены задолго до И.М. Губкина трудами Г.В. Абиха, Ф. фон Кошкюля, Г.П. Гельмерсена, Д.И. Менделеева, Э.А. Штебера, С.А. Ковалевского.

2. Представления А.Д. Архангельского и И.М. Губкина о формировании диапировых складок в областях развития грязевого вулканизма в результате процессов, происходящих лишь в осадочной толще, оказались неверными.

3. В настоящее время большинству исследователей понятно, что истине более соответствуют представления о природе грязевых вулканов Д.И. Менделеева, Э.А. Штебера, С.А. Ковалевского и Н.А. Кудрявцева, чем взгляды сторонников биогенной гипотезы.

Нефтепромысловая геология, подсчет запасов нефти и газа и нефтяная промышленность

Разработкой проблем нефтепромысловой геологии в России занимались в конце XIX и начале XX столетия А.М. Коншин, Д.В. Голубятников, Е.М. Юшкин, И.Н. Стрижов, Н.И. Ушейкин, М.В. Абрамович и другие исследователи. А.М. Коншин дал первые оценки запасов нефти по месторождениям Кубани (1888) и Апшерона (1892). И.Н. Стрижов в 1905 г. подсчитал запасы нефти Грозненского района (Стрижов, 1905). Как заведующий грозненскими нефтяными промыслами Стрижов занимался вопросами проводки эксплуатационных скважин, изоляции водоносных горизонтов, совместной эксплуатации нескольких пластов в одной скважине, утилизацией газа. Все эти проблемы освещены им в многочисленных докладах и статьях, опубликованных в трудах ТО ИРТО в самом начале прошлого столетия. Многие из этих проблем, если не все они, были успешно разрешены им самим и его современниками и внедрены в практику нефтяного дела. Авторитет И.Н. Стрижова, возглавившего в 1921 г. технический отдел Главного нефтяного комитета, а в 1926–29 гг. руководившего всей нефтяной и зарождающейся газовой промышленностью страны, был огромен.

И.М. Губкин непосредственно на промыслах никогда не работал, хотя в период исследований на Нефтяно-Ширванской, а позднее и других площадях знакомился с промысловым делом.

На I Всероссийском съезде нефтеработников в 1922 г. И.М. Губкин сделал доклад «Об обводнении нефтяных месторождений Бакинского и Грозненского районов», однако значения он практически не имел, так как носил в основном декларативный характер. И в основу правил об охране нефтяных месторождений от обводнения был положен проект, составленный И.Н. Стрижовым. Другие резолюции съезда также во многом основывались на материалах Стрижова.

Иногда в литературе встречаются ссылки на работы И.М. Губкина, свя-

занные с якобы разработанной им классификацией запасов нефти и газа, так как он на XVII сессии Международного Геологического Конгресса в Москве (июль 1937 г.) выступил с докладом «Мировые запасы нефти» (Губкин, 1939). Заблуждение по поводу приоритета И.М. Губкина в этом деле происходит из-за его манеры не ссылаться на работы предшественников, как это было показано выше.

Впервые разделение запасов полезных ископаемых на категории *видимых, вероятных и возможных* было предложено К.И. Богдановичем на XI Всероссийском съезде деятелей по практической геологии и разведочному делу (Богданович, 1911). Фундаментальная работа «Подсчет подземных запасов нефти» была опубликована В.В. Билибиным в 1937 г. под редакцией М.В. Абрамовича (Билибин, 1937). Она была сдана в набор 2 августа 1936 г. В небольшом списке литературы, приложенном к этой монографии, не упоминаются труды И.М. Губкина. В.В. Билибиным перечисляются те же пять категорий запасов, о которых говорил позднее И.М. Губкин на конгрессе: подготовленный запас – категория A_1 , разведанный – A_2 , видимый – В, предполагаемый – C_1 , перспективный – C_2 .

Единственное отличие у И.М. Губкина – возможный запас. Не исключено, что список работ, цитируемых В.В. Билибиным, далеко не полон и разработки по этой проблеме осуществлены ранее в приложении к твердым полезным ископаемым. Отметим также, что вопросами, связанными с оценками запасов нефти, В.В. Билибин серьезно занимался еще в двадцатые годы. В частности, в 1927 г. была опубликована его работа по оценкам нефтедобычи, подготовленная на высоком научном уровне (Билибин, 1927).

Несколько статей И.М. Губкина, относящихся к области промысловой геологии, связаны с полемикой по поводу системы разработки нефтяных месторождений, предложенной И.Н. Стрижовым. Изучая и обобщая промысловые данные, Стрижов пришел к выводу о том, что в сводовых частях залежей может располагаться чисто газовая зона – газовая шапка.

Имевшееся в то время оборудование не позволяло предотвращать открытые газовые фонтаны. Терялся газ, падало пластовое давление и, в конечном счете, снижалась нефтеотдача. Исходя из этого, И.Н. Стрижов предложил вести разработку залежей от крыльев поднятия к своду, а после отбора нефти последними скважинами добывать газ из газовой шапки (Стрижов, 1923). Система И.Н. Стрижова была первой в мире системой разработки нефтяных месторождений. Она была признана за рубежом и получила там название «русская система» (Strigeoff, 1928).

На Всесоюзном совещании по охране и рациональному использованию нефтяных недр в 1925 г. возражения против этой системы были высказаны лишь несколькими геологами, в том числе И.М. Губкиным (Тихонович, 1925). Однако, побывав на месторождении Магат в 1926 г., он в беседе с корреспондентом «Нефтяного бюллетеня» отметил, что скважина № 202

попала, по-видимому, в газовую шапку. «Поэтому с целью сохранить ее, от эксплуатации газа пришлось отказаться и заложить еще одну скважину вниз по падению пласта, которая должна решить вопрос о нефтеносности южного купола» (Губкин, 1926, с. 2–7). То есть, были реальные факты, которые трудно (да и нужно ли!?) было оспаривать.

В двадцатые годы Губкин, видимо, не мог оказывать заметного влияния на нефтяное хозяйство страны, хотя и возглавлял редколлегию отраслевого журнала и в течение ряда лет Совет нефтяной промышленности. Более того, вскоре после совещания его вообще не избрали в этот Совет. Вероятно, его некомпетентность для геологов-нефтяников в эти годы была очевидной.

Но в июне 1929 г. И.Н. Стрижов был арестован. В следующем году появилась статья И.М. Губкина «К вопросу о рациональной разработке нефтяных месторождений» (Губкин, 1930). И здесь автор уже отрицает существование газовой шапки, называет ее мифической, и отвергает систему разработки Стрижова, противопоставляя ей свою *плановую* систему, предусматривающую бурение первых скважин на сводах антиклиналей.

Не странно ли? На основании чего так резко изменились взгляды Губкина и на газовую шапку, и на систему Стрижова, которая в двадцатые годы большинством специалистов и в нашей стране, и за рубежом была признана? Но в СССР ничего странного нет. Чтобы спасти себя, застраховаться от обвинений в соучастии с «вредителем», следовало немедленно отмежеваться от своего недавнего коллеги, обвиняемого в преступлениях против режима.

Практически одновременно была опубликована в центральных газетах статья Губкина со зловещим названием «Сорвать строительство нефтяной промышленности вредителям не удалось» (Губкин, 1930). Не заставили себя ждать и другие погромные статьи, в которых система Стрижова квалифицировалась как вредительская, а сам он объявлялся классовым врагом (Сергеев, 1930). (Рис. 4).

Расправляясь с выдающимся специалистом и его единомышленниками, И.М. Губкин в то же время выдвигал нереальный план – добыть 40–42 млн. тонн нефти к концу первой пятилетки и совершенно фантастический – догнать Америку к концу второй пятилетки, то есть добыть 100–120 млн. тонн. Нереальными эти планы были не только из-за недостаточного фонда подготовленных к разработке месторождений, но также и в связи с отстранением квалифицированных кадров нефтяников от руководства нефтяной промышленностью и заменой их мало подготовленными, зачастую посредственными, специалистами. Основным критерием для выдвижения человека на руководящую должность становилась преданность партии, исполнительность, готовность выполнять ее директивы любой ценой. Проявлять полезную для дела инициативу было опасно.

Крах был неизбежен. Обещанного Губкиным уровня промышленность не достигла ни в первой, ни во второй пятилетке. Незадолго до войны добыча нефти составила 31,6 млн. т.

Около десяти лет проваляли в нефтяной индустрии еще можно было оправдывать происками «вредителей». Но к 1939 г. часть их уже осваивала нефтяные месторождения Тимано-Печорской провинции (Н.М. Леднев, А.А. Аносов, Н.Н. Тихонович). И.Н. Стрижов после шести лет работы в Ухтпечлаге вел по заданию центра поиски нефти в Сибири. Н.Н. Тихонович, отбыв десятилетний срок «прикрепления» к Ухтпечлагу, вскоре возвратился в Москву, но занимался не производственной, а преподавательской деятельностью. Справедливости ради надо отметить, что к Н.Н. Тихоновичу Губкин, вероятно, относился неплохо. И, несмотря на статус прикрепленного к Ухтпечлагу, Н.Н. Тихонович принимал участие в работе XVII сессии Международного Геологического Конгресса (МГК) в Москве в 1937 г. (правда, в сопровождении конвоира в штатском).

Попытка добыть ранее репрессированных геологов, даже уже отбывших сроки заключения и прикрепления к лагерям, была предпринята в 1938 г., когда была сорвана вторая нефтяная пятилетка. В конце 1938 г. в поселок Чибью была направлена комиссия ГУЛАГа, которая явно имела заранее подготовленное решение о вредительстве ведущих геологов Ухтпечлага – Н.Н. Тихоновича, И.Н. Стрижова, А.А. Аносова. И это несмотря на то, что в труднейших условиях бесправные специалисты откры-

Рис. 4. Статья И.М. Губкина в газете «Известия» (1930, 25 ноября, № 324)

ли Чибьюское и Ярегское нефтяные и Седьиольское газовое месторождения и вели их освоение. Действовали два нефтяных промысла и промысел по добыче радия. Была составлена первая геологическая карта масштаба 1:1000000 всего огромного Тимано-Уральского региона, было предварительно оценено юго-западное Притиманье, велись поисковые работы на новых площадях, которые позднее станут месторождениями (Нижняя Омра, Западный Соплесск, Югид). И если промышленных притоков геологам Ухтпечлага получить на них в тридцатые годы не удалось, то не из-за вредительства, а из-за нехватки станков и их недостаточной мощности. Нефть на Нижней Омре будет открыта в 1951 г. на глубинах 900–1000 м, а газ на Западном Соплесске только в 1974 г. на глубине около 4000 м (Нефт. и газ. месторождения... Справочник, 1987).

После отъезда И.Н. Стрижова и Н.Н. Тихоновича из Ухты геолого-разведочные работы еще в течение 15–20 лет велись на указанных ими направлениях и привели к открытию ряда месторождений в юго-восточном Притиманье.

Вполне вероятно, что судьба руководителей геологической службы Ухтпечлага уже была предreshена органами НКВД. И может быть лишь особое мнение члена комиссии ГУЛАГа Н.А. Кудрявцева, противопоставленное заранее заготовленному решению, спасло геологов от окончательной расправы (Кудрявцев, 1939, Архив ПГО «Ухтанефтегазгеология», с. 45–89).

Поскольку версии о продолжающемся вредительстве на местах не всегда подтверждались, оставалось искать причину провалов на самой вершине геологоразведки... В последние месяцы своей жизни И.М. Губкин тяжело болел и уже не выходил из дома. Кончина, последовавшая в апреле 1939 г., вероятно, спасла его от той участи, на которую были обречены опешельмованные им выдающиеся специалисты.

Выводы по разделу:

1. Основы нефтепромысловой геологии были заложены исследованиями многих зарубежных и отечественных ученых.

2. Выступления И.М. Губкина по вопросам разработки нефтяных месторождений нанесли огромный вред нефтяной промышленности из-за насаждения хищнической системы разработки, приводившей к потерям газа, к снижению коэффициента нефтеотдачи пласта, к уменьшению добычи нефти по залежам и месторождениям в целом.

3. Отстранение от руководства нефтяной промышленностью высоко квалифицированных кадров геологов, буровиков, промысловиков, их заключение в лагерь и физическое уничтожение как мнимых вредителей приводило лишь к невыполнению планов добычи нефти как по нефтяным объединениям, так и по стране в целом.

Глава 3

ВКЛАД И.М. ГУБКИНА В ИССЛЕДОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ НЕФТЕГАЗОНОСНЫХ ПРОВИНЦИЙ

Северо-Кавказско-Мангышлакская провинция

Нефтяно-Ширванское месторождение

Нефть в Майкопском районе была известна коренному населению с давних времен и добывалась с помощью колодцев. Первые публикации о нефтеносности Кубанского края принадлежат Ф. фон Кошкулью (Кошкуль, 1865), А.М. Коншину (Коншин, 1888, 1896, 1909), В. Винде (Винда, 1906), К.И. Богдановичу (Богданович, 1906, 1910, 1915), С.И. Чарноцкому (Чарноцкий, 1909, 1910), Е.М. Юшкину (Юшкин, 1909, 1910, 1913). Буровые скважины были заложены здесь частными предпринимателями в 1906–1907 гг., и одна из них с глубины 28 саженей дала приток легкой нефти. Тогда же Геологический комитет приступил к исследованию Кубанского нефтеносного района. Руководил работами профессор К.И. Богданович. Вместе с ним работал горный инженер С.И. Чарноцкий. Ими было определено в 1907–1908 гг. стратиграфическое положение майкопской свиты, составлены геологические карты района (Губкин, 1912).

В это же время геологическое строение района изучали горные инженеры Е.М. Юшкин и Г.Л. Сорокин. Евгений Максимович Юшкин исполнял тогда обязанности областного инженера Кавказского горного округа. В 1909 г. на собрании Терского отделения Императорского Русского Технического Общества (ТО ИРТО) он сделал доклад о Майкопском нефтяном месторождении. Юшкин детально рассмотрел разрезы обнажений, колодцев, скважин, состояние буровых и промысловых работ, геологию района. По его представлениям Майкопская залежь связана с нефтеносной толщей, которой «свойственны крупные изменения по простиранию глинистых пластов... Около станицы Хадыженской толща эта существенно глинистая, местами с постоянными пластами кировых песчаников и кремневых прослоев. К юго-востоку от ст. Хадыженской, через ст. Нефтяную и далее по направлению к ст. Ширванской характер толщи резко изменяется: в ней появляются, числом не менее двух, пласты песка и песчаника, мощностью не менее 25 саж., с наиболее обильным проявлением нефтеносности. Ближе к ст. Ширванской песчаные пласты вновь исчезают...» (Юшкин, 1909, с. 20).

Доклад Е.М. Юшкина вызвал большой интерес. В том же выпуске трудов ТО ИРТО, где помещен его доклад, опубликовано выступление А.М. Коншина и работа И.Н. Стрижова «Признаки благонадежности нефтяных месторождений на Кавказе» (Стрижов, 1909). Отношение к новому району было тогда весьма сдержанным.

Выступление Афанасия Михайловича Коншина было посвящено в основном оценке нефтеносности района. Своих новых данных у А.М., по-видимому, в это время не было и, отдавая должное работе Е.М. Юшкина, он пытался рассмотреть вопрос о благонадежности района со своих позиций, основываясь на материалах докладчика. Упоминает Коншин и работу горного инженера Винды. Основным критерием для Афанасия Михайловича был не структурный признак, а степень насыщенности песчаников нефтью. А поскольку вопрос этот в докладе Е.М. Юшкина, по мнению Коншина, был не вполне выяснен, то и вопрос о благонадежности Майкопа в это время оставался открытым (Коншин, 1909).

Весьма осторожно отнесся к оценке Майкопского района и И.Н. Стрижов, так как кроме благоприятного разреза он считал необходимым для существования залежи наличие на площади антиклинальной складки. «...Месторождений такого типа, как Майкопское, много на Северном Кавказе», – сказал Иван Николаевич. При этом он *не поставил крест* на районе, а рекомендовал провести здесь дополнительные исследования. «Но я полагаю, – продолжал И.Н., – что в таких месторождениях, и в том числе в Майкопском, помимо возможности иметь некоторую добычу нефти в второстепенных выпуклостях пород, есть основания испытать разведками полосу, отступая на север от выходов нефтеносных слоев по падению их» (Стрижов, 1909).

И.Н. высказал предположение о возможности наличия широтных нарушений к северу от выходов нефтенасыщенных пород. Эти нарушения, по его мнению, могут отделять обнаженные на поверхности истощенные пласты от погруженных, содержащих более значительные количества нефти. Завершая свой доклад, И.Н. Стрижов отметил, что Майкопское месторождение по богатству ниже Грозненского и от него нельзя ожидать «особенно большой добычи нефти». И все же: «Оно еще недостаточно исследовано» (там же).

И.М. Губкин был привлечен профессором К.И. Богдановичем к изучению этого района, вероятно, еще в студенческие годы. Первая публикация Губкина о разведочных работах на Нефтяно-Ширванской нефтеносной площади подготовлена им совместно с С.И. Чарноцким, который, естественно, и руководил работой начинающего, хотя и немолодого исследователя (Чарноцкий, Губкин, 1910). После мощного нефтяного фонтана в августе 1909 г. на площади Бакинско-Черноморского общества Геолком решил послать в этот район своего представителя для наблюдения за бурением и сбором материалов по скважинам с целью составления более детальной карты всего месторождения, определения положения в разрезе нефтеносных и водоносных

горизонтов. Выполнение этих задач было возложено с первого мая 1910 г. на только что окончившего Горный институт И.М. Губкина, принятого в Геолком на должность адъюнкт-геолога. В помощь ему были прикомандированы горные инженеры К.А. Прокопов и А.А. Маковский. Работа эта продолжалась до начала ноября 1911 г.

Отчет И.М. Губкина о выполненных им по поручению Геолкома работах опубликован через два года (Губкин, 1912). (Рис. 5).

На приложенной к отчету карте (Рис. 6) есть еще одна фамилия – А.А. Маковский. И.М. Губкин пишет, что Маковский осуществлял в основном тахеометрическую съемку и привязку скважин, составил топооснову для геологической карты, помогал вместе с К.А. Прокоповым в сборе материалов по скважинам. Автор отчета грамотно сопоставил разрезы, построил ряд профилей, хорошо иллюстрирующих строение района. В этом отчете И.М. Губкин часто ссылается на работы своих учителей и наставников, признает, что «предшествующими работами проф. К.И. Богдановича и горн. инж. Чарноцкого установлен факт, что собственно песчаные пласты Нефтяно-Ширванского месторождения по существу своему представляют плоские

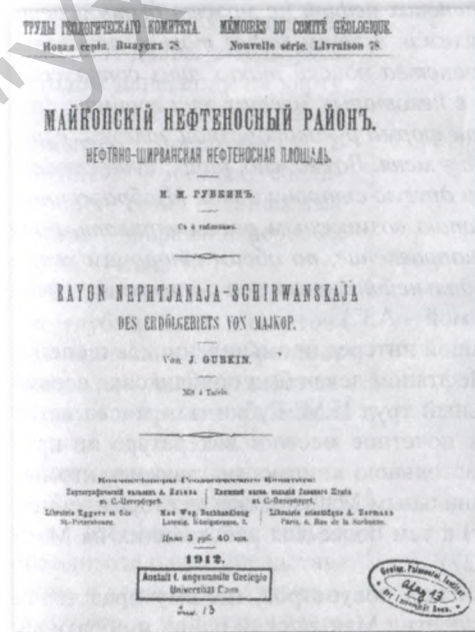

Рис. 5. Титульный лист первой самостоятельной работы И.М. Губкина в геологии

Рис. 6. Фрагмент карты Нефтяно-Ширванского месторождения нефти

чечевицы, выклинивающиеся по всем направлениям, что является общим признаком всех прибрежных образований» (Губкин, 1912, с. 52–53).

Губкин полагает, что новые материалы позволяют детализировать «это первоначальное общее представление», и определяет Майкопское месторождение легкой нефти как «рукавообразную залежь, отложенную на поверхности размыта фораминиферовых слоев» (там же, с. 37).

При этом И.М. Губкин ссылается на монографию Г. Гефера, описавшего рукавообразные залежи нефти на Пехельброннском месторождении в Эльзасе. И все же пока он, видимо, не совсем уверен в том, что Майкопская залежь аналогична Пехельброннской, не решается полностью отвергнуть соображения предшественников, и находит компромиссное решение. Продуктивные песчаные линзы, соглашается Губкин, действительно существуют, но приурочены они к поверхности древней эрозии, рукавообразной по форме. «Развивая представление о залегании песчаных образований, дающих приток легкой нефти, в виде чечевиц или линз, — пишет он, — я считаю нужным указать, что не во всяком месте, входящем в пределы изображенного мною на карте рукава, можно рассчитывать встретить пески с легкой нефтью. Возможно, что скважины будут попадать на места выклинивания чечевиц, и тогда, разумеется, ни о каких притоках нефти не может быть и речи. Проводя границы рукавообразной залежи, я этим хотел только показать, что в пределах очерченного пространства поиски таких линз сопряжены с наименьшим риском. Кроме того, в некоторых местах эти границы проведены условно. В действительности форма рукавообразной залежи, вероятно, более сложна, чем изображено у меня. Возможно, напр., существование ответвлений, уклонений в ту или другую сторону и т.п. Изображенную мною рукавообразную залежь я считаю возможным рассматривать пока как схему, дающую лишь основное направление, по обеим сторонам которой должна быть сосредоточена дальнейшая разведка горизонта легкой нефти» (Губкин, 1912, с. 35, курсив мой — А.Г.).

Эта работа Губкина вызвала большой интерес промышленников и специалистов. В конце того же 1912 г. в «Нефтяном деле» был опубликован весьма благожелательный отзыв. «Капитальный труд И.М. Губкина, — писал автор отзыва, — по справедливости займет почетное место в литературе по прикладной геологии и должен стать настольною книгою для всякого, кто пожелает ознакомиться с весьма оригинальным Майкопским месторождением («рукавообразная залежь» по автору) а тем более для работающих на Майкопских промыслах.» (Н-к., 1912, с. 27).

Весной 1912 г. по пути на Таманский полуостров, где ему предстояли геолого-съёмочные работы, Губкин посетил Майкопский район и обратился к представителям фирм с просьбой не прекращать сборов каменного материала из скважин. А в октябре, по окончании работы на Тамани, просмотрел образцы по 85 углубленным и вновь пробуренным скважинам.

В отчете о работах, выполненных в 1912 г., Губкин большое внимание уделяет описанию способа составления профилей, которым он воспользовался при перенесении разрезов скважин, удаленных от профиля, на его плоскость. Позднее способы построения профилей войдут в учебники и будут представляться геологам как сами собой разумеющиеся, но тогда, по-видимому, в описании их была необходимость. (Рис. 7).

Свое предположение о приуроченности песчаных линз к поверхности размыта И.М. Губкин решил подтвердить структурной картой, причем отметки залегания фораминиферовых слоев он спроектировал не на горизонтальную, а на наклонную поверхность. «...За условный уровень взята плоскость, — поясняет Губкин, — проходящая в лежащем боку песчаного пласта, находящегося в основании горизонта Ширванских колодцев, именно по месту соприкосновения с подстилающим его пластом глинистого конгломерата.

Плоскость эта определяется следующими тремя произвольно взятыми точками. Она пересекает разрез скважины № 9 О-ва «Победы» на участке 202 на глубине 260', разрез скваж. № 15 на том же участке — на глубине 363' и разрез скважины № 8 на участке 3 на глубине 85' от земной поверхности» (Губкин, 1913, с. 7, курсив мой — А.Г.). И далее: «Пользуясь методом нанесения на карту горизонталей, я изобразил размытую поверхность в изогипсах — линиях, соединяющих точки одинаковых глубин фораминиферовых слоев, — через 10'.

В тех местах, где отметок глубин было достаточно, изогипсы изображают более или менее действительную картину размыта. В таких местах они проведены сплошными линиями.

Там же, где отметок было мало, изогипсы дают только приблизительное представление о характере размыта — схему его, — и поэтому здесь они проведены пунктиром, как вероятные изогипсы» (там же, с. 22)

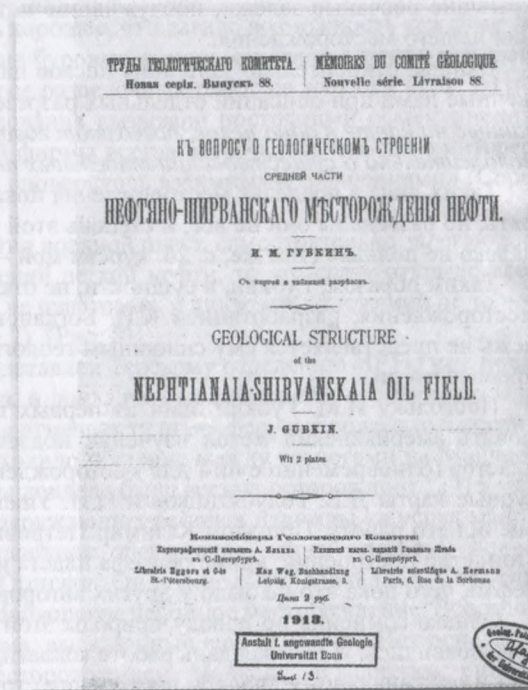

Рис. 7. В работе 1913 г. И.М. Губкин развил идею о рукавообразной залежи нефти

И.М. Губкин подробно рассматривает полученную картину, глубины залегания фораминиферовых слоев, т.е. пытается представить себе и читателю поведение рельефа эрозионной поверхности. И здесь он впервые приходит к выводу о том, что размыв фораминиферовой толщи осуществлялся древней рекой. «Получается впечатление, – пишет Губкин, – что перед нами размыв, произведенный текучими водами, действовавшими в виде потока на поверхности фораминиферовых слоев, представлявших в эпоху, к которой относится размыв, сушу. Такая форма размыва намечалась еще предыдущими исследованиями, побудившими дать ей название рукава.

Дно этого рукава... представляет ряд углублений, чередующихся с менее размываемыми местами. К этим углублениям приурочено отложение песчаных линз или чечевиц.

Такое состояние русла нашего потока дает основание предполагать, что он не достиг еще в своем развитии кривой нормального падения (*profil de equilibre*), когда последовал захват суши морем, превративший его в залив – эстуарий, в котором отложились темно-серые, песчаные глины, прикрывшие песчаные залежи, послужившие потом материалом для образования нашего месторождения.

Данные относительно залегания песков на размывтой поверхности, изложенные нами при описании отдельных разрезов этого месторождения и *связанные на карте в одно целое, позволяют говорить не предположительно, а положительно о существовании отдельных песчаных линз.*

Таких линз в пределах месторождения пока вскрыто буровыми работами пять, но разведаны они не все, и степень этой разведки в некоторых случаях далеко не полная» (там же, с. 26, курсив мой – А.Г.).

Таким образом, Губкин, в сущности, не отказывается от модели строения месторождения, разработанной К.И. Богдановичем и С.И. Чарноцким. Залежь не представляется ему сплошным геологическим телом, заполняющим древнее русло.

Поскольку И.М. Губкин один из первых геологов в России начал применять американский метод изучения подземного рельефа продуктивных пластов (одновременно с ним для месторождений Апшерона строили структурные карты Д.В. Голубятников и Н.И. Ушейкин), К.П. Калицкий высоко оценил его работу. При этом Казимир Петрович отметил немаловажное достоинство построений: кроме рельефа пласта на карте была показана залежь нефти, чего пока что не было у других авторов (Калицкий, 1916).

Однако сомнения по поводу природы этой залежи вскоре у К.П. Калицкого появились. И отдавая дань работе коллеги, тщательности его исследований и оригинальному способу построения структурной карты, он все же не считал однозначным вывод о связи залежей нефти именно с речным руслом. Не исключал он приуроченности их к древнему заливу (Калицкий, 1921, с. 66). Более определенно высказывался в те же годы К.И. Богданович: «Тол-

кование Губкина нельзя считать доказанным... Гораздо вероятнее, что эти залежи расположены не по направлению какого-либо рукава, залива или русла реки, а действительно вдоль мелководной полосы...» (Богданович, 1921, с. 102).

До 1917 г. И.М. Губкин на своих Учителей, наставников и коллег в основном ссылался. *Позабыл* он почему-то лишь о горном инженере Г.Л. Сорокине, который 17 ноября 1912 г. представил свой доклад о Майкопском месторождении, хорошо иллюстрированный разрезами, Терскому отделению ИРТО. Григорий Лаврентьевич служил в то время на участке князя Салтыкова (бывшем Бакинско-Черноморского общества), где и были сосредоточены основные продуктивные скважины, дававшие нефть из знаменитой Чекохской линзы. «...После большого количества пробуренных скважин, – пишет Сорокин, – промысловым техникам, вместе с работавшим здесь в 1911 г. геологом И.М. Губкиным, удалось разобраться в характере строения этого капризного месторождения. Бурение каждой новой скважины в этом оазисе вызывало общий научный интерес, независимый от разделения поверхности между разными фирмами. Общение между промысловыми техниками и приезжими геологами было очень хорошее, что давало возможность каждому заходить в любое время на чужие буровые вышки, смотреть грунты, собирать сведения и вообще быть в курсе разведочных работ не только у себя, но и у соседей. Такие общие исследования вызывали постоянный обмен мнений, так как у каждой работающей фирмы всегда встречалось что-либо интересное новое, которое сейчас же проверялось взаимными сравнениями» (Сорокин, 1913, с. 6).

Когда ряд скважин «встретил водяной пласт, самостоятельно залегающий намного выше против отложений легкой нефти, то это сразу открыло всем глаза на существование здесь не пластовых, а линзовых отложений не только нефти, но и воды» (там же, с. 7). (Рис. 8).

Доклад Сорокина был представлен Терскому отделению ИРТО уже после выхода в свет работы Губкина, и докладчик на нее вполне корректно ссылается. Знаменательно то, что он отмечает ту атмосферу доброжелательности и открытости, в которой происходило общение между геологами на Майкопе. Общая оценка района автором доклада была весьма осторожной: 12–15 млн. пудов осталось на Чекохе, в окружающих районах надежды на успех мало.

Сообщение вызвало оживленное обсуждение, итоги которому подвел председатель ТО ИРТО И.Н. Стрижов. Он отметил, что доклад Г.Л. Сорокина сжато и выпукло обрисовал Майкопское нефтяное месторождение. Вспомнил Стрижов и свои оценки района, высказанные еще в 1909 г. «Нет оснований считать Майкоп хорошим месторождением. Майкопское месторождение не в состоянии дать скважин с долговременной большой добычей. Могут быть небольшие фонтаны, но добыча должна быстро понизиться, ибо там нет обильных запасов нефти и газов, хорошо прикрытых от атмосферных вли-

ний». «Все это оправдалось. ...Таких бедных месторождений, как Майкоп, на Кавказе сотни. А в России в настоящее время могут разрабатываться только богатые месторождения», – резюмировал он (Протокол..., 1913, с. 161–163). И.Н. Стрижов в своих оценках Майкопского месторождения был крайне осторожен. Его можно, конечно, обвинить в излишней прямолинейности в подходе к новому нефтеносному району. Он твердо руководствовался своими тремя признаками, и отсутствие на Нефтяно-Ширванской площади антиклинальной складки не позволяло ему относить этот район к числу благонадежных. Реально оценивал он также и геолого-экономические условия освоения района, с чем во многом и связана была его характеристика месторождения. Таким образом, ещё за десять лет до своего личного знакомства с И.М. Губкиным, И.Н. Стрижов уже стал его оппонентом.

В 1917 г. С.И. Чарноцкий выступил со статьей «К вопросу об эксплуатации второстепенных месторождений нефти на Кавказе», в которой весьма четко изложил критерии оценки благонадежности месторождений. И как пример такого рода второстепенных месторождений привел Майкопский район, в котором коллекторами нефти являются не пласты песка, а линзы (Чарноцкий, 1917). В сущности, он повторил здесь критерии благонадежности нефтяных месторождений И.Н. Стрижова.

Из приведенных материалов видно, что в изучение Майкопского района немалый вклад внесли исследования многих геологов – как геолкомовцев, труды которых упоминает И.М. Губкин, так и служивших в частных фирмах. Работы последних практически не освещены Губкиным, а некоторые

СХЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗРЕЗ

линзовой залежи легкой нефти по направлению OW
р. Чекох.

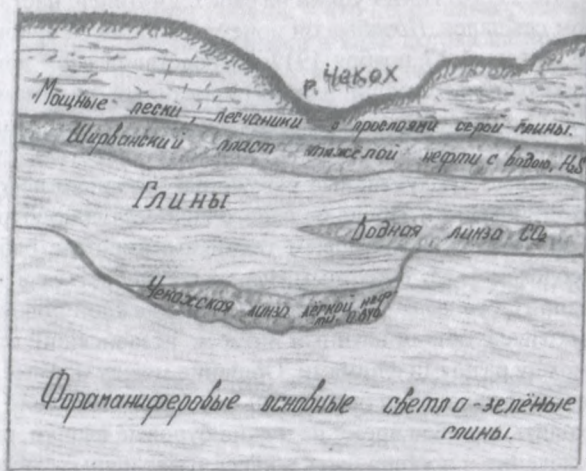

Рис. 8. Г.Л. Сорокин: промысловым техникам вместе с работавшим здесь в 1911 г. геологом И.М. Губкиным удалось разобраться в характере строения этого капризного месторождения. 1913 г.

– доклады Г.Л. Сорокина и И.Н. Стрижова – даже не упомянуты. А ведь именно тесному общению с промысловыми геологами И.М. Губкин был обязан многими сведениями а, может быть, и интересными соображениями. Позднее в своем учебнике Губкин уже не упоминал о книге Гёффера и вкладе С.И. Чарноцкого и К.И. Богдановича в изучение Майкопского района. «Впервые такая структура, – пишет Губкин, – была открыта мною при исследованиях в Нефтяно-Ширванском месторождении Майкопского нефтеносного района в 1910–1911 гг. ... При изображении её применен впервые до меня не практиковавшийся метод составления структурной карты месторождения, с изображением в горизонталях рельефа наиболее важных маркирующих частей структуры. Мои исследования имели решающее влияние на изменение всего хода разведки Майкопского месторождения и привели к установлению очень узкой зоны оказавшейся нефтеносной в пределах намеченного мною направления рукавообразной залежи» (Губкин, 1932, с. 329). И далее: «Долгое время считалось, что Майкопская залежь представляет своего рода мировой уникам. Но за последнее десятилетие в Соединенных Штатах, в Оклахоме и в восточном Канзасе найдены такие же рукавообразные залежи (Chanell Deposits), которым американцы дали чрезвычайно оригинальное название «башмачных шнурков» (Shoe Strings) и по описанию этих «шнурков» имеется уже некоторая литература» (там же, с. 330). Таким образом, у читателя должно было создаться впечатление о том, что Губкиным впервые открыта такого рода залежь, впервые установлен тип рукавообразных залежей, и это, вероятно, должно было укрепить реноме академика.

Между тем добыча нефти на Нефтяно-Ширванском месторождении была максимальной в 1911-м и 1912 гг. (130 и 150 тыс. т), как раз в те годы, когда здесь работал не только Губкин, но и другие специалисты Геолкома. Затем последовало падение добычи: 1913 г. – 85, 8 тыс. т; 1914 – 63,7 тыс. т; 1915 – 121, 1 тыс. т. В последующие годы месторождение давало 32–66 тыс. тонн. То есть, рекомендации Губкина о заложении скважин в намеченном им направлении распространения *рукавообразной залежи* не привели к немедленному успеху. Удача пришла позднее. В 1923 г. на Майкопских промыслах забил фонтан, давший в сутки около 200 тыс. пудов нефти. А.И. Косыгин отметил, что скважина № 7, давшая этот фонтан, была заложена в направлении, «точно предугазанном работами И.М. Губкина» (Косыгин, 1923, с. 4). Заметим, что о желательности проведения дальнейших поисковых работ именно к северу от уже разведанных участков говорил еще в 1909 г. и И.Н. Стрижов. То есть, характер предполагаемого распространения Нефтяно-Ширванской залежи был ясен геологам и до начала исследований Губкина.

В двадцатые годы одни геологи разделяли соображения И.М. Губкина о строении рукавообразной залежи легкой нефти (Аносов, 1928), другие выражали сомнения в правильности его представлений. «Вопрос о природе рукавообразной залежи Майкопского района, – писал К.П. Калицкий, – ос-

тается открытым, так как пока ещё окончательно не установлено, является ли рукавообразная залежь древним руслом реки с отложившимися в ней мощными линзами песка или древним лиманом, т.е. затопленной ингрессией моря долиной или бухтой, наподобие тех, что имеются в настоящее время на Севастопольском побережье. Можно, однако, предположить *чисто геометрический подход* к объяснению формы рукавообразной залежи, а именно, – представим себе в определенном стратиграфическом горизонте ряд мощных линз, т.е. двояковыпуклых тел, расположенных полосой, и пусть мощность этих линз выражается десятками саженей. Если посредством подземных горизонталей изобразить вид нижней поверхности этих линз, то получится на чертеже изображение ряда впадин, которые при близком расположении их друг к другу нетрудно обобщить в руслообразное углубление» (цитируется по Шатскому, 1963, с. 324–325, выделено мною – А.Г.).

Также определенно о применявшейся Губкиным методике как о неудачной и ошибочности толкования сделанных на её основе построений высказался Г.А. Хельквист. «Эти выводы (о связи продуктивных песчаников с руслом древней реки – А.Г.) академик И.М. Губкин сделал для небольшого участка Апшероно-Хадыженского района, – писал он, – но в дальнейшем его последователи распространили их без достаточных оснований на другие нефтяные горизонты Майкопских месторождений.

Мы в 1936 г. дали иное понимание геологического строения и генезиса нефтяных залежей этого района. Детальное изучение фактического геологического материала многочисленных буровых скважин показало, что имеющееся ранее представление об отсутствии закономерности в характере изменчивости продуктивных горизонтов неверно и явилось следствием неправильной методики изучения геологического строения нефтяных залежей. Стало совершенно очевидным, что для нефтяных залежей Майкопского района характерно зональное распространение песчаных отложений, связанное не с тектоникой и не с рельефом размытой поверхности подстилающих отложений, а с древней береговой линией и с направлениями морских течений в век Майкопского моря» (Хельквист, 1946, с. 6–7).

Критиковать не только самого И.М. Губкина, но даже высказанные им отдельные положения – уже в 30–40-е г. было опасно. Г.А. Хельквист этой опасностью тогда пренебрёг. Но после сессии ВАСХНИЛ 1948 г., когда «вредителей типа генетиков» начальники от науки приказали выявлять во всех областях знаний, Г.А. Хельквист, видимо, был вынужден как-то сгладить резкость своих предыдущих высказываний. В учебнике для техникумов, подготовленном им совместно с А.В. Ульяновым, говорится, что литологические залежи нефти установлены впервые в мире И.М. Губкиным в Кубано-Черноморском районе в 1912 г. Учебник был издан в 1955 г. Но до публичного осуждения культа Сталина и научных культов оставалось ещё два года, а у власти в нефтяной промышленности находились последователи И.М. Губкина...

В 1958 г., когда стали возможными открытые высказывания о канонизированных личностях, в рецензии на упомянутый учебник Н.А. Кудрявцев написал, что его авторы дважды повторили легенду о приоритете И.М. Губкина в открытии литологических залежей нефти: «В действительности о залежах нефти в линзах песков, отложившихся из текущих вод или вдоль морского берега, писал ещё в 1875 г. ярый противник антиклинальной теории П. Лесли. А самый термин «рукавообразная залежь», применённый И.М. Губкиным (Губкин, 1912) к залежи в горизонте «е» Нефтяно-Ширванского месторождения, появился впервые в 1908 г. в русском переводе 2-го издания книги Г. Гефера «Das Erdöl und seine Verwandten», 1906 г. (Hufer, 1906), в которой термин «Schlauch» (рукав) был применен к залежам Пехельбронна. Они и должны считаться прототипом рукавообразных залежей. Заслуга же Губкина состоит в том, что он впервые сумел опознать в «Нефтяно-Ширванском месторождении залежь этого типа, в то время в России еще неизвестную, и подробно ее описал, применив особый способ ее изображения на структурной карте, пересчитанной на горизонтальную поверхность» (Кудрявцев, 1958, с. 414).

В конце двадцатых годов в результате бурения появились новые данные, позволявшие сделать вывод о смене отдельных линз горизонта легкой нефти протяженными пластами (Губкин, 1930). То есть, построения И.М. Губкина оказались справедливыми именно для изученного им ранее участка месторождения. Позднее К.С. Маслов пришел к выводу о переходе речных фаций в дельтовые и авандельтовые, которые далее к северу сменяются глинами, отлагавшимися на большем удалении от берега моря (Маслов, 1964).

Подъем добычи нефти на Нефтяно-Ширванском месторождении начался с 1927 г., и в начале тридцатых годов добыча нефти достигла 900–930 тыс. т в год. Периоды спадов и подъемов переживали и более мелкие месторождения – Хадыженское, Калужское, Ильское. Краснодарский край в целом давал в отдельные предвоенные годы 2,4 млн. т нефти, то есть около 10% общесоюзной добычи (Геология нефти..., 1968). Несомненно, это был довольно весомый вклад. В послевоенные годы месторождения Краснодарского края уже не играли заметной роли в нефтяной промышленности страны, правда, здесь возросла добыча газа.

Выводы по разделу:

1. Представления об отсутствии на Нефтяно-Ширванской площади антиклинального поднятия и связи залежей нефти с изменениями литологии пород высказывались до начала работ И.М. Губкина К.И. Богдановичем, И.Н. Стрижовым, С.И. Черношким, Е.М. Юшкиным и практически одновременно с Губкиным – Г.Л. Сорокиным.
2. И.М. Губкин внес определенный вклад, им самим и его последователями сильно преувеличенный, в изучение Нефтяно-Ширванского месторождения нефти.
3. Гипотеза формирования песчаных тел в древнем речном русле (гипотеза рукавообразной залежи) подтвердилась лишь для ограниченного участка района.
4. Вполне справедливы и представления современников И.М. Губкина о приуро-

ченности залежей Нефтяно-Ширванского месторождения нефти к морскому мелководью. Т.е., в этом споре в известной мере оказались правыми и И.М. Губкин, и его оппоненты.

5. При поисках месторождений нефти и газа ещё несколько десятилетий после кончины Губкина геологи-практики руководствовались, к сожалению, зачастую только геометрическими (структурными) построениями, а не тщательным анализом геологической обстановки.

Апшеронская нефтегазоносная область

Иногда пишут, что И.М. Губкин создал основополагающие труды по геологии Апшеронской нефтеносной области (АНО). По-видимому, в основном объективно излагает историю геологического изучения АНО И.И. Потапов (Потапов, 1954). Он тщательно рассматривает работы Н. Шегрена, академика Г.В. Аби́ха, геологов Кавказского Горного Управления – Л.Ф. Бацевича, Н.Н. Барбот де Марни и С. Симановича, А.М. Коншина, А. Сорокина, Н.И. Лебедева.

С 1901 г. здесь начаты исследования Геолкома. И.И. Потапов отмечает огромное значение трудов К.И. Богдановича, Н.И. Андрусова, С.К. Квитки, П.Е. Воларовича, Д.В. Голубятникова. Он пишет, что у Д.В. Голубятникова была своя геологическая школа: М.В. Абрамович, Н.И. Ушейкин, Д.В. Наливкин, Ю.А. Жемчужников, Н.Г. Кассин, В.Д. Голубятников, В.С. Чернобровов и другие, а работы основателя школы по Апшеронскому полуострову, опубликованные в 1908–1911 гг., являются образцовыми. «В тот же период, – продолжает Потапов, – на Апшеронском полуострове от Геолкома работали и другие геологи: Н.А. Рябинин в 1905 г., П.Е. Воларович в 1907–1911 гг., И.М. Губкин в 1913–1916 гг.» (Потапов, 1954, с. 17). К сожалению, не обошлось без славословия по адресу Губкина и в рассматриваемом очерке.

Губкин тщательно закартировал ряд планшетов в северо-западной части полуострова. Его описания обнажений и стратиграфическое расчленение разрезов были на то время вполне достоверны или таковыми казались. Н.С. Шатский и В.В. Вебер отмечают, что их выводы по сравнительной стратиграфии палеогена Северного Дагестана и Кабристана лишь в деталях разнятся от тех результатов, к которым пришел И.М. Губкин в 1916 г. Ссылки на И.М. Губкина в этой работе делаются очень часто при описании многих разрезов. Можно отметить при этом, что не менее часто как в этой, так и других статьях Н.С. Шатский ссылается и на Н.И. Андрусова, Д.В. Голубятникова, К.П. Калицкого, А.Н. Розанова и многих других исследователей. То есть свою работу И.М. Губкин выполнил на таком же хорошем профессиональном уровне, как и его коллеги (Шатский, Меннер, 1927).

Новыми в трудах И.М. Губкина были отдельные элементы стратиграфического расчленения третичных отложений, выделение новых свит (коунской, ильхидагской, юнусдагской), установление тождества майкопской сви-

ты Северного Кавказа с толщами амфизилиевых и цедроксилоновых глин Д.В. Голубятникова. Однако И.И. Потапов считает, что «правильное представление о возрасте этих свит впервые дал в 1933 г. М.Ф. Мирчинк. Он отнес юнусдагскую и ильхидагскую свиты к верхнемеловому флишу» (Потапов, 1954, с. 49).

Исследования И.М. Губкина на Апшероне были, несомненно, добротными работами способного исследователя, выполненными в ряду и на основе многочисленных работ не менее талантливых исследователей. Нет никаких сомнений в том, что вносить уточнения и дополнения в уже разработанные стратиграфические и тектонические схемы намного проще, чем составлять их для неизученного района.

Не меньшее значение для исследования Апшерона имели работы Н.И. Ушейкина и скончавшегося в 1912 г. П.Е. Воларовича. И неизмеримо большее – Д.В. Голубятникова, что и отражено по справедливости и без всякого восхваления И.И. Потаповым. Масса работ по этому региону публикуется в 20–30 гг. М.В. Абрамовичем, К.П. Калицким, С.А. Ковалевским, А.И. Месропяном, М.Ф. Мирчинком, С.М. Аapresовым, В.В. Вебером, В.А. Сулиным, В.П. Батуриным и другими исследователями. Нужно отметить, что на XVII сессии Международного геологического конгресса самая престижная среди геологов всего мира премия имени Леонида Спендиарова была присуждена «В.П. Батурину за работу по палеогеографии Юго-Восточного Кавказа, в которой он детально исследовал отложения продуктивной толщи Апшеронского полуострова» (Батурин, 1940, с. 295–310; Романовский, 1984, с. 122).

В 1960 г. М.В. Абрамович опубликовал работу «Д.В. Голубятников и его деятельность». В кратком историческом обзоре работ, выполненных на Апшероне в XIX столетии, до начала исследований Дмитрия Васильевича, названы те же геологи, что и в монографии И.И. Потапова. К сожалению, и Михаил Владимирович, на мой взгляд, грешит против истины, подчеркивая в первую очередь упущения предшественников Голубятникова (мнимые или действительные – это вопрос), с тем, чтобы вклад его Учителя – Д.В. Голубятникова – в исследование АНО выглядел внушительнее. А роль И.М. Губкина без какого бы то ни было обоснования названа выдающейся.

Зинаида Андреевна Мишунина рассказывала, что ей приходилось работать на соседних с заснятыми ранее Губкиным планшетах (З.А. работала в 1930–1934 гг.). И у нее были проблемы при сбивке ее карт с картами Губкина. «У нас были разные представления о возрасте некоторых свит. Там, где у него были надвиги, у меня – стратиграфические несогласия.... В общем, это явления нормальные». И далее: «С самого начала моих работ у меня было несколько скептическое отношение к данным Губкина. Гениальными его труды я не считала (это по отношению к его работам по Кабристану). Обста-

новка в стране нам была ясна, но tet a tet мы с Николаем Брониславовичем Вассоевичем это обсуждали и даже посмеивались над Губкиным. Н.Б. одно время интересовался Кабристаном. И здесь мы уловили неправильности построений Губкина. В особенности они были заметны на стыках планшетов. Я тоже знаю от Н.Б. Вассоевича, что Губкин выражал недовольство: «А что ты делаешь на моем планшете?!» (См. Приложение).

Упомянутые здесь источники позволяют сделать предположение, что работы Губкина занимают вполне определенное и достойное место в ряду других исследований, посвященных АНО. Исследования такого уровня и такой значимости выполнялись ранее и до, и наряду, и после Губкина на других планшетах. Такого рода работы имели естественные достоинства не только благодаря уму, таланту и трудолюбию исследователя, но и благодаря тому, что он опирался на фундамент, заложенный предшественниками. Были у таких трудов и неизбежные недостатки, связанные как с нехваткой фактических данных, так и с недостаточным учетом материалов коллег и первопроходцев.

Завершенная И.М. Губкиным в 1934 г. сводка «Тектоника юго-восточной части Кавказа» «...явилась обобщением результатов проведенных к тому времени многочисленных исследований и развитием идей Г.В. Абиха, К.И. Богдановича, Д.В. Голубятникова, С.М. Апресова». Высокую оценку этой работе Губкина дал в 1951 г. В.Е. Хаин (Хаин, 1951). Но думается, что и он отдал здесь дань времени.

В 1954 г. в работе «Геотектонические основы поисков нефти» Виктор Ефимович Хаин очень интересно оценил вклад И.М. Губкина в изучение рассматриваемого региона: «В Азербайджане, где протекала основная научная деятельность И.М. Губкина, ценные работы по отдельным вопросам тектоники, главным образом диапировой складчатости и грязевому вулканизму, были опубликованы М.В. Абрамовичем, С.М. Апресовым, В.А. Гориним, Ш.Ф. Мехтиевым, М.Г. Агабековым и др.» (Хаин, 1954, с. 10). Получается так, что научная деятельность будущего академика здесь протекала, а интересные исследования выполняли другие геологи!

В 1963 г. Е.Е. Милановский и В.Е. Хаин в очерке истории геологического изучения Кавказа пишут, что крупный вклад в исследование этого региона внесли в 30-е годы геологи ЦНИГРИ и НГРИ. Они отмечают, что «...уже в 1930 г. была издана геологическая карта Кавказа в масштабе 1:1 000 000, впервые достаточно полно и в основном правильно отобразившая его сложное геологическое строение. А.П. Герасимовым в 1929 г. и в переработанном виде в 1935 г. были опубликованы обзоры геологического строения Северного Кавказа, в которых едва ли не самым существенным явилось установление важной роли каледонских и герцинских движений и магматизма в истории Большого Кавказа.

На основе всех накопленных к середине тридцатых годов материалов В.В. Белоусов (1936–1937) построил серию карт фаций (точнее литофаций) и мощностей юрских, меловых и третичных отложений Большого Кавказа; анализ этих карт позволил ему восстановить картину развития Главного хребта и прийти к важным теоретическим выводам общего тектонического значения» (Милановский и Хаин, 1963, с. 21).

Вклад Губкина авторами отмечен так: «И.М. Губкин в большой работе «Тектоника юго-восточного Кавказа» (1934) дал объяснение происхождению диапировых складок этой области, показав, что в процессе их длительного роста происходит выжимание пластичных глинистых масс палеогена и миоцена в своды антиклиналей» (там же, с. 22). Далее в завершающей части очерка Е.Е. Милановский и В.Е. Хаин отмечают, что о принадлежности Куринской и Рионской впадин в мезозое и палеогене к образованиям типа срединного массива «писали В.П. Рентгартен, особенно А.И. Джанелидзе и отчасти И.М. Губкин» (там же, с. 24, выделено мною – А.Г.).

Тимано-Печорская нефтегазоносная провинция

С историей исследования Тимано-Уральского региона можно познакомиться по ряду выпусков «Геологической изученности СССР» (Коми АССР и Архангельская область). И интересующихся читателей я отсылаю к этому изданию.

Небольшой след, но все же достойный упоминания, И.М. Губкин здесь тоже оставил. Начнем с того, что в 1918 г. Главконевть направила на Ухту небольшую геологическую партию для уточнения строения района в связи с его нефтеносностью. И поставленную перед ней задачу эта партия в основном выполнила. Подробнее об этом – в дальнейшем. Но промышленное освоение Коми края начинается с прибытия сюда Ухтинской экспедиции ОГПУ. И об этой экспедиции следует рассказать подробнее.

Партжурналисты и парткраеведы в Коми АССР в советские времена с упоением цитировали Губкина: «Тем, что этот отдаленный край не был забыт и в нем ключом забила трудовая жизнь, мы обязаны зоркому глазу Ильича, его инициативе и внимательности». И Губкин здесь не солгал: столь благодатный далекий, суровый и в то время почти пустынный северный край очень приглянулся Ильичу для осуществления очередного большевистского эксперимента.

Многие вопросы большевики решали кардинально: «Нет человека – нет проблемы». И после подавления кронштадтского восстания 2103 человека были расстреляны. Но под арестом находились еще 6459 мятежников, приговоренных к различным срокам заключения (Кантор, 2005, с. 240). Разместить их в оставшихся от царского наследия тюрьмах было невозможно: не было

никогда в России столько преступников, сколько появилось их в одночасье у новой власти. Соответственно, не строились и новые тюрьмы.

И немедленно, в том же 1921 г., Политбюро под председательством Ленина дважды собиралось для решения судьбы кронштадтцев, причем этот вопрос был увязан с ухтинской нефтью. В чем и проявилось мудрое государственное мышление вождя. Зачем держать преступников в тюрьмах, задаром кормить, охранять, обслуживать? Пусть отрабатывают свой хлеб. На заседании Политбюро 20 апреля 1921 г. была создана комиссия под председательством Менжинского, которой поручалось подготовить вопрос «о создании дисциплинарной колонии на 10000–20000 человек, по возможности на далеком Севере, в районе Ухты, в большой отдаленности от населенных местностей».

К этому вопросу Политбюро вернулось через неделю. Постановили: «Поручить т. Дзержинскому в ведомственном порядке организовать ухтинскую колонию для лиц, подлежащих высылке, с тем, чтобы немедленно была отправлена разведочная экспедиция для полного обследования края, составления точных цифровых данных и для начала практической работы.

Но в начале двадцатых годов руки до Ухты не дошли. Вождь умер, а у преемника его до поры до времени были более важные заботы. Но, как очень верно тогда говорили, Ленин умер, но дело его живет. Пришло время, и ленинский план воплотил в жизнь Сталин: в Ухтинский край направили экспедицию под эгидой ОГПУ! Причем геологическое обоснование для разведки ухтинской нефти готовил в одиночной камере на Лубянке заключенный Николай Николаевич Тихонович, осужденный ОСО ОГПУ по фальсифицированному «шахтинскому делу». Какие удобства и тишина: никто не мешал работать! И необходимые автору проекта материалы по его просьбе в камеру доставлялись исправно. И поскольку в тиманской тайге крупных поселков, баз снабжения и магазинов не было, Тихонович обязан был предусмотреть все, вплоть до топора и последнего гвоздя. И со своей задачей Николай Николаевич справился успешно: как вспоминал он позднее, *экспедиция была сконструирована*. Первый ее этап во главе с чекистом С.Ф. Сидоровым достиг места назначения 21 августа 1929 г.

Тихонович прибыл на речку Чибью со вторым этапом в сентябре и немедленно занялся осмотром естественных обнажений по рекам Ижме и Ухте и их притокам. А там, где выходов коренных пород не было, их вскрывали шурфами. Проходка шурфов продолжалась почти до конца года даже при сильных морозах и была прервана 20 декабря, когда работать стало уже невозможно. Но эта авральная и самоотверженная работа позволила Николаю Николаевичу выбрать точку для бурения первой скважины. А от успеха ее бурения (будет нефть или нет?), как говорят, зависела судьба и главного геолога экспедиции, и ее начальника – старшего майора госбезопасности Я.М. Мороза.

В начале следующего года Н.Н. Тихонович направил в центр отчет о проделанной работе. Он изложил в нем и свои представления о геологическом строении Ухтинского поднятия, и программу дальнейших работ. К концу года этот отчет был опубликован в «Нефтяном хозяйстве» без указания его автора, зато с предисловием Губкина. И не просто геолога Губкина, и даже не профессора Губкина, а теперь уже *академика* И.М. Губкина.

Чем же предвывает статью Н.Н. Тихоновича увенчанный академическими лаврами ученый муж? Сам Губкин на Ухте не бывал, своих материалов он не имеет. И поэтому лишь пересказывает своими словами то, что представил Николай Николаевич. Делает академик и глубокомысленные выводы. В частности он пишет: «По моему представлению, месторождения Ухты лежат на западном крыле большой геосинклинали, отделяющей тиманские дислокации от уральских, а месторождения Кожвы и Точильной горы – на восточном. По всей вероятности, областью питания нефтью и тех и других месторождений являются свиты верхнего девона, принимающие участие в строении наиболее глубоких частей этой геосинклинали.... На западном склоне Урала, там, наоборот западные складки, террасы и флексуры, более близкие к геосинклинали, представляют больший интерес, чем те, которые развиты ближе к центральной части Уральского хребта» (Губкин, 1930, с. 2).

Возвращаясь непосредственно к Ухтинскому месторождению, И.М. Губкин пишет: «...На основании всей совокупности геологических данных и признаков нефтеносности оно заслуживает быть разведанным тщательным образом, хотя бы для того, чтобы больше к нему не возвращаться.

К таким основным выводам приводит меня ознакомление с материалами Ухтинской экспедиции 1929–1930 г., представляющими большой и чисто научный, и практический интерес» (там же, с. 6). И завершает свое «Предисловие» с присущим ему с недавних пор апломбом: «Материалы эти мною просмотрены, систематизированы и публикуются во всеобщее сведение» (там же, с. 6).

В своем «Предисловии», как уже было отмечено, Губкин пересказал текст Н.Н. Тихоновича и таким образом осложнил читателям его восприятие. И как мог Губкин систематизировать материалы опытейшего геолога с тридцатипятилетним опытом работы, нам остается только догадываться. У Тихоновича к этому времени было опубликовано несколько десятков работ (вдвое больше, чем у академика!), изданных в серии «Труды Геологического комитета» и подготовленных в лучших традициях Геолкома. Можно предположить, что «систематизация» материалов Ухтинской экспедиции заключалась в переносе истории исследования Ухтинского района из основной части текста в «Предисловие» и в вымарывании подписи автора статьи: имена репрессированных в это время и вплоть до середины пятидесятых годов в открытой печати не упоминались. Что же касается плана работ по исследо-

ванию района, то и он заимствован у Тихоновича, но изложен Губкиным в слишком обобщенном виде. У Николая Николаевича план этот весьма конкретен.

Место заложения первой скважины, от результатов бурения которой зависела дальнейшая судьба и жизнь самого начальника экспедиции и главного геолога, по распоряжению Я.М. Мороза Тихонович указал буровому мастеру И.И. Косолапкину лично, собственноручно забив в этой точке деревянный кол. По-видимому, с этих пор это стало традицией: на отбивку точки для бурения поисковых, разведочных и даже структурно-поисковых скважин вместе с топографом и буровым мастером выезжал геолог и передавал эту точку мастеру *из рук в руки*.

Первая же скважина, заложенная Н.Н. Тихоновичем примерно в 500 м от устья реки Чибью, в октябре 1930 г. дала небольшой, но промышленный приток нефти. Этим мнимые вредители себя вполне реабилитировали и с этого момента могли работать более спокойно.

Создавался нефтяной промысел, нужны были специалисты по нефтепромысловому делу. С очередными этапами на Ухту стали прибывать и они. А в 1931 г. сюда пришел под конвоем и самый крупный специалист нефтяного и газового дела Иван Николаевич Стрижов. Три года тому назад они с Николаем Николаевичем полемизировали в печати по поводу поисков нефти в новых местах. Теперь им предстояло работать вместе. Статус заключенных им вскоре заменили на *прикрепленных к Ухтпечлагу*. Это несколько облегчало жизнь и свободу передвижения в пределах территории деятельности лагеря. Семейные могли вызвать сюда своих близких. Н.Н. Тихонович был одинок. К Стрижову перебрались жена и дети.

Иван Николаевич был назначен заместителем Н.Н. Тихоновича – начальника топогеологического сектора экспедиции и незамедлительно включился в работу. В 1932 г. было открыто Ярегское месторождение тяжелой нефти в отложениях среднего девона. Так отвечали «вредители» на репрессии.

О Тимано-Печорской провинции И.М. Губкин вспоминал периодически при выездах в новые нефтяные районы. Так, в 1932 г., после посещения Стерлитамакского нефтяного месторождения, он писал: «...сейчас разведочные работы на нефть ведутся, начиная с далекого Севера, на Ухте, на Печоре, на Большой и Малой Кожве и на других притоках Печоры. Там сейчас ведет свои работы Ухтинская экспедиция, которая дала уже хорошие результаты не только в отношении разведки на нефть, но и в отношении других ценнейших богатств» (Губкин, 1932, с. 5).

В начале 1933 г., когда уточнялся второй пятилетний план, геологи Ухтпечлага Н.А. Кулик и Н.Н. Тихонович были доставлены в Москву для доклада о выполненных за три с небольшим года работах и рассмотрения перспектив на ближайшее пятилетие. Совещание проходило в Секторе природных

ископаемых Госплана. В его работе приняли участие геологи А.А. Чернов, В.А. Варсонофьева, Т.А. Добролюбова, М.Л. Кострикин, Логачев, от НГРИ – К.П. Калицкий и С.И. Миронов, от ГУЛАГа – первый начальник Ухтинской экспедиции ОГПУ чекист С.Ф. Сидоров и еще один чекист – Израилев. Совещание проводили чиновники Госплана Гогунцов и Багерьянц.

Весьма странно, что на этом совещании отсутствовал И.М. Губкин. Можно сделать несколько предположений:

1. Губкин болел? Но из уважения к *главному геологу и нефтянику страны в одном лице, академику, борцу за нефть в новых регионах* об этом должны были бы сообщить присутствующим. Не сообщили.

2. Не хотел встречаться лицом к лицу с Н.Н. Тихоновичем, недавним коллегой по Геолкому, ВСНХ, так как теперь они находились по разные стороны большевистских баррикад?

Работу геологов Ухто-Печорского треста и доклад Н.Н. Тихоновича о ней все участники совещания и руководящие работники Госплана оценили весьма высоко. Итоги первого дня работы, 26 января, подвел председательствующий Гогунцов: «Заслушав его (Н.Н. Тихоновича – А.Г.) прекрасный доклад, приходится отметить огромную работу, сделанную Ухто-Печорским комбинатом в деле изучения нефтеносных районов, и констатировать, что эти нефтеносные районы приобретают промышленное значение, выходящее за пределы местного» (О результатах... 1933, с. 32). И резолюция по докладу Н.Н. Тихоновича (также как и по докладу Н.А. Кулика по рудным месторождениям) как по итогам работ, так и по их дальнейшему направлению принималась без участия Губкина.

И в дальнейшем ни в каких геологических материалах по Тимано-Печорской провинции не обнаруживается следов внимания И.М. Губкина к этому региону. Т.е., здесь то якобы «необыкновенное» чутье на новые залежи нефти, как пишет С. И. Романовский (Романовский, 1999), у Губкина не проявилось. Он полагал, что образовавшаяся во впадинах нефть мигрировала к ее бортам. А поскольку его последователи еще более прямолинейно следовали положениям своего учителя, то многие районы они из числа перспективных исключали и никаких работ в них не проводили. Открытия таких месторождений, как крупное Западно-Тэбукское нефтяное, гигантское нефтяное Усинское, гигантское газоконденсатное Вуктыльское, были сделаны не благодаря прогнозам Губкина и руководству геологоразведкой региона его верного ученика А.Я. Кремса, а вопреки их представлениям. В 70-е годы провинция вышла на одно из ведущих мест в СССР по добыче нефти и газа. И в этом нет никакой заслуги ни мнимого основоположника и провидца, ни его последователей, занимавших ключевые посты в геологоразведке и нефтяной промышленности.

История геологических исследований на нефть

«...Искали калий, а нашли нефть. Случайно, но нашли!»

Наше научное предчувствие целиком оправдалось».

Губкин, 1938.

Миф о приоритете И.М. Губкина в оценке высоких перспектив Урало-Поволжья его последователи сложили в конце 40-х годов. Но почву для этого подготовил, как видим, сам академик.

Проявления нефти и месторождения асфальта в районе Самарской Луки были известны коренному населению с давних пор и разрабатывались кустарным способом для местных нужд. Довольно обстоятельно они описаны Гернгросом-2-м (1837), П.В. Еремеевым (1867), Г.Д. Романовским (1864, 1868) и многими другими исследователями. Причем Павел Владимирович Еремеев считал, что нефть поднимается в обнаженный на поверхности песчаник «из обширных ее скоплений в самых нижних слоях пермской или, быть может, каменноугольной почвы и удерживается в нем вследствие скважности этой породы, в таком случае самарские и казанские месторождения нефти будут иметь важное значение в промышленности» (Еремеев, 1867, с. 496).

Геннадий Данилович Романовский, как и Еремеев, полагал, что на дневную поверхность нефть вытекает из более глубоких горизонтов. По его мнению, этими горизонтами могли быть отложения девона или нижнего карбона. Положительно оценивал перспективы этого района Алексей Петрович Павлов. Он считал, что нефть приурочена к разлому, проходящему с ЮЗ на СВ через всю площадь 110 листа специальной карты (Сызрань, Бахилово, окрестности Сергеевска, верховья рек Камышлы, Байтугана, Шешмы и др.). И делал вывод: «...весьма вероятно, что детальные геологические изыскания вдоль намеченного мною пути дислокационной трещины приведут к открытию еще большего количества месторождений нефти и асфальта...» (Павлов, 1887, с. 57). (Рис. 9).

В дальнейшем район не раз обследовался сотрудниками Геолкома, а участки с проявлениями асфальта и жидкой нефти разведывались бурением.

Однако в течение десятилетий эти работы не приводили к успеху. И многие исследователи полагали, «что битуминозные песчаники... могут иметь практическое значение, но встретить здесь жидкую нефть в промышленных количествах нет никакой надежды. Такого взгляда придерживались, например, А.В. Нечаев, А.Н. Замятин и А.А. Краснопольский, с небольшими, впрочем, индивидуальными колебаниями по отношению к возможности встретить нефть ниже пермских слоев. С.И. Миронов в обзоре минеральных ресурсов СССР (вып. 28 – Нефть) уделяет приволжским месторождениям нефти

лишь несколько строчек, отмечая, что «с точки зрения добычи нефти все месторождения, по-видимому, особого интереса не представляют» (Миронов, 1920 с. 56; цитируется по Розанову, 1928).

Надо отметить, что в дальнейшем сторонники Губкина, стремившиеся утвердить его приоритет если не в открытии Волго-Уральской области в целом, то хотя бы в борьбе за приволжскую нефть, некорректно цитировали труды так называемых геологов-пессимистов, выхватывая из их текстов лишь строчки с наиболее осторожными оценками Урало-Поволжья. (Замечу, что А.Н. Розанова я последователем Губкина не считаю, и мое замечание о некорректности к нему менее всего относится). У А.Н. Замятина, например, в работе 1913 г., посвященной Эмбенскому району, читаем: «...Рекомендовать рационально поставленные разведки, которые могут дать весьма много

ценного материала к пониманию ряда вопросов, касающихся залегания нефти во всей Уральской области. Признаки нефти являются вполне оправдывающими постановку здесь разведок» (Замятин, 1913, с. 868). И далее: «В 1913 г. мной намечены новые зоны, в которых поиски признаков нефти могут быть небезрезультатными» (там же, с. 869). Напрасно оговаривают последователи Губкина и Н.Н. Тихоновича, посвятившего несколько лет исследованиям в Урало-Эмбенской нефтеносной области (1914–1918). В обобщающей работе «Уральский нефтеносный район», опубликованной в 1918 г., Н.Н. писал: «...несомненно, здесь имеется обширное поле для изысканий, причем общая площадь указанных месторождений; в которой нефтеносность доказана геологически, достигает не менее 5000 десятин, т.е. в 25–30 раз превосходит площадь Доссорского месторождения, несомненно при этом, судя по результатам бурения на Макате и в Ново-Богатинске, что продуктивность некоторых из этих площадей окажется не ниже Доссора. Поэтому имеются все основания считать уральский район имеющим серьезное промышленное значение» (Тихонович, 1918, с. 139).

В 1919–1920 гг. Казимир Петрович Калицкий в течение двух неполных

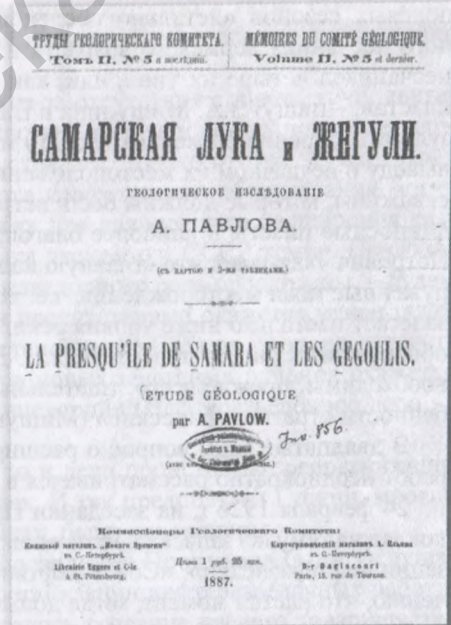

Рис. 9. А.П. Павлов считал, что нефть приурочена к разлому и изыскания вдоль него приведут к открытию новых месторождений нефти

полевых сезонов «детально обследовал более 10 месторождений гудронного песчаника пермского возраста и выделил по условиям залегания этих песчаников четыре их типа, или, как он их называет, «коренных нефтяных пласта», – пишут З.А. Мишунина и В.В. Вебер. – Критически рассмотрев результаты бурения 20 мелких (до 350 м) проведенных там скважин и придя к выводу о неудачном их местоположении, Казимир Петрович наметил четыре скважины, которые должны были встретить обследованные им пермские нефтеносные пласты в наиболее благоприятных условиях. При этом Казимир Петрович указывает, что «главную надежду приходится возлагать на необнаруженные пока месторождения, т.е. те, в которых коренной нефтяной пласт залегают настолько ниже уровня реки, что на дневной поверхности ничем не обнаруживает своего присутствия... Для поисков подобных месторождений необходимы, прежде всего, тщательные геологические исследования, в особенности стратиграфические» (Мишунина и др. 1974, с. 15–16).

В двадцатые годы вопрос о расширении нефтепоисковых и разведочных работ неоднократно рассматривался в планирующих органах.

24 февраля 1926 г. на заседании Президиума ВСНХ И.М. Губкин сделал доклад на тему «О запасах нефти в недрах наших месторождений и об организации нефтеразведки». «Совет нефтяной промышленности пришел к заключению, что настал момент, когда должен быть создан достаточно компетентный и хозяйственно-мощный орган, снабженный необходимыми средствами для ведения нефтяной разведки» (Вопрос о нефтеразведке..., 1926, с. 11). Президиумом ВСНХ СССР по этому вопросу было принято постановление, на основании которого Комиссией И.М. Губкина и В.М. Свердлова был разработан вопрос об организации специального органа для поисков и разведки нефтяных месторождений. Предусматривалось два варианта: такие работы могло бы вести добровольное акционерное общество «Нефтеразведка», либо трест, финансируемый по бюджету (Организация нефтеразведки, 1926, с. 6).

Вскоре председатель Совета нефтяной промышленности профессор И.М. Губкин был командирован Геолкомом (с санкцией Горного Директората Цугпрома) в основные нефтяные районы страны – Грозный, Баку и Урало-Эмбенский район – для ознакомления с положением в них нефтеразведочных работ. В беседе с корреспондентом Нефтяного бюллетеня Губкин отметил, что во всех районах по сравнению с 1925 г. достигнуты весьма значительные успехи. Заметим, что в 1926 г. народное хозяйство страны было восстановлено после многих лет войны и разрухи, и его уровень достиг показателей довоенного 1913 г. Именно поэтому появилась возможность освоения новых перспективных районов.

О том, с какими проблемами сталкивались геологи, И.М. Губкин рассказал очень подробно: «Затем надо принять во внимание чрезвычайную дикость и отдаленность местностей, в которых производится разведка – отсутствие проезжих дорог, которые часто приходится создавать заново, телефонов и телеграфа, отдаленность от населенных пунктов, безлюдность, отсутствие

квалифицированной рабочей силы, заманить которую в такие глухие углы, как какой-нибудь Каратон, нет никакой возможности, – все это чрезвычайно затрудняет работы.

...Разведочные работы тормозятся из-за отсутствия станков, труб, двигателей, которые если и отпускаются для них, то почти всегда поневоле, плохого качества. Дело от этого жестоко страдает. Только отпуск необходимых средств и льготы в отношении импорта необходимого оборудования могут создать удовлетворительную обстановку для дальнейшего расширения разведочного дела в необходимом для экономики СССР темпе. Психологические преграды в проблеме нефтеразведочного дела преодолены, – будем надеяться, что борьба с техническими препятствиями окажется менее тяжелой и даст быстрый успех. Иначе постановление СТО от 28 июня останется только декларацией, и дело поисков новых нефтяных районов окажется погребенным в недрах московских канцелярий» (Нефтеразведочное дело..., 1926, с. 7).

Нужно отметить, что в это время то и дело происходили реорганизации как в ВСНХ, так и в его подразделениях. И как предполагал Губкин, многие вопросы, в частности и о нефтеразведках, были похоронены.

27 сентября 1926 г. на заседании президиума Промплана были заслушаны доклады Губкина и Стрижова об организации нефтеразведочных работ в СССР. Постановлением предусматривалось создание паевого товарищества нефтетрестов, которому передается все дело разведочных работ, как на землях трестов, так и за их пределами. По-видимому, большинство участников заседания с таким решением согласилось. Особое мнение подали представители Главгортопа П.А. Чубаров и И.Н. Стрижов, оценившие этот проект организации работ как нерациональный. По их мнению, на землях близ нефтяных месторождений нефтетрестов разведки должны вести они сами, «а для поисков новых месторождений и разведок на нефть за пределами земель нефтетрестов надлежит учредить отдельную организацию, финансируемую по бюджету» (Вопрос об организации..., 1926, с. 14).

Это мнение в какой-то мере было принято во внимание, когда вопрос рассматривался в ВСНХ. Было решено, что разведочные работы как на эксплуатируемых, так и на резервных землях должны вести нефтетресты. В новых районах разведку предусматривалось поручить особому отделу Геолкома. «Вопросы организации и финансирования этих работ будут решаться при обсуждении программы 1927–1928 гг. В этом году, за отсутствием свободных денежных средств *никакой новой организации по нефтеразведкам не учреждается. Создание разведочного треста было признано несвоевременным*» (Отказ от организации..., 1926, с. 12, выделено мною – А.Г.).

Как видим, особое мнение о поисках нефти в новых местах силами специализированной организации высказали только два человека. Стало быть, Губкин был в числе тех, кто с этим мнением не согласился. Разногласия у И.М. Губкина со своими коллегами, в особенности с И.Н. Стрижовым,

происходили постоянно. Это были разногласия чиновника, поверхностно знакомого с производством и не умевшего прогнозировать развитие этого производства, приспособивающегося к зарождавшейся бюрократической системе, и специалиста, знающего дело изнутри, представляющего себе тенденции его развития.

15 января 1927 г. И.Н. Стрижов опубликовал в «Торгово-промышленной газете» статью «Промышленное строительство и новые месторождения нефти». Он писал: «Есть основания думать, что при надлежащих разведках соляных месторождений в Пермском крае и при направлении этих разведок в сторону получения нефти и газа, то есть с обследованием рыхлых пластов над месторождением соли и с закрытием воды над этими пластами там можно найти и нефть, и естественный газ. Находку газа в Соликамске никоим образом нельзя оставить без внимания». Стрижов рекомендует вести поиски газа и на западном, и на восточном склонах Урала (ныне это Волго-Уральская и Западно-Сибирская нефтегазоносные провинции!) (Стрижов, 1927).

Ознакомление с геологическим строением Северо-Американской платформы, с геологией месторождений и практикой их поисков в Соединенных Штатах во время командировки в 1927–1928 гг. еще больше утвердило И.Н. Стрижова во мнении о возможности открытия новых нефтеносных областей в СССР. «Мы должны поставить поиски новых нефтяных месторождений на берегах среднего течения Волги, на склонах Среднего Урала, к югу от Донецкого бассейна, на Вятской антиклинали, на Медведицкой антиклинали, на антиклинали Ока-Цна и т.д.» – писал он 15 июля 1928 г. в той же газете (Стрижов, 1928). Опубликовал эту статью член редколлегии «Нефтяного хозяйства» не в своем журнале, а в газете, конечно, не случайно, а с целью привлечь внимание к проблеме, интересной для широких кругов общественности и специалистов. На страницах «Торгово-промышленной газеты» и в журнале «Нефтяное хозяйство» развернулась дискуссия.

С критикой предложений Стрижова уже через 13 дней на страницах той же газеты выступил Н.Н. Тихонович, руководивший в то время всеми промышленными разведками в СССР. Это был также ответ от имени Геологического комитета, поскольку Николай Николаевич являлся еще и помощником директора Комитета, а в статье Стрижова содержались упреки в инертности и бездеятельности этого учреждения. Тихонович соглашается с необходимостью вести поиски в районах с известными нефтепроявлениями, в особенности в Поволжье, но считает их преждевременными в других районах, в частности на Медведицкой и Окско-Цнинской антиклиналях. Он не отрицал также перспектив Приуралья на нефть и газ, но, имея в виду наши скромные возможности, считал поиски в этих районах делом третьестепенной важности (Тихонович, 1928).

С поддержкой предложений Стрижова выступил А.Н. Розанов. Алексей Николаевич писал: «...наибольший экономический эффект, конечно, имела

бы возможность отыскания промышленных месторождений нефти в Центральной области, в Поволжье, Заволжье или по западному склону среднего и южного Урала, как это вполне справедливо отмечает и И.Н. Стрижов» (Розанов, 1928, с. 603). А.Н. Розанов ставит конкретные задачи:

«1. Систематическое изучение тектоники всего пространства между Волгой и Уральским хребтом, с одной стороны, и между Камой и Каспийским морем, с другой, с детальным картированием отдельных участков благоприятных тектонических структур.

2. Производство бурения на пермскую нефть в точном соответствии с данными по изучению тектоники района.

3. Закладка нескольких буровых на девонско-каменноугольную нефть в Самарском районе в пунктах наибольшей вероятности ее сохранения, после тщательного обсуждения и выбора места такой закладки.

4. Поиски новых месторождений нефти, приуроченных к куполам и брахиантиклиналям, между Общим Сыртом и Урало-Эмбенским районом» (там же, с. 605).

И, отвечая на предложение Н.Н. Тихоновича *сначала разведать все в старых районах*, делает следующее заключение: «Но нельзя также откладывать и попытку глубокого бурения на девонско-каменноугольную нефть на слишком большой срок, так как, при всем риске этого предприятия, оно слишком важно в смысле получения руководящих данных для последующих работ, а в случае даже частичного успеха открыло бы совершенно новые перспективы в деле поисков нефти в Поволжье. Задержка здесь целесообразна лишь постольку, поскольку требуется предварительное геологическое освещение некоторых вопросов и выбор места для бурения» (там же, с. 606).

Открытие нефти в Чусовских городках положило конец спорам о перспективности Урало-Волжского региона. И вслед за этим открытием опубликовал интересную статью А.Д. Архангельский, также поддержавший А.Н. Розанова и И.Н. Стрижова. Причем Архангельский по существу подчеркнул приоритет Ивана Николаевича Стрижова как инициатора поисков нефти в новых местах. «С осени 1928 года, – пишет Архангельский, – благодаря инициативе директората нефтяной промышленности у нас впервые со всей резкостью и конкретностью был поставлен вопрос о поисках новых нефтеносных областей. Дело, конечно, не обошлось без трений, без глухого сопротивления этой насущно необходимой, но слишком смелой для обычного геолога идее...» (Архангельский, 1929, с. 791, выделено мною – А.Г.). Отсюда видно, кто в действительности в двадцатые годы вновь вернулся к проблеме поисков новых нефтеносных областей и настаивал на незамедлительном начале работ (заведующим нефтяным директоратом был И.Н. Стрижов) и как было встречено его предложение.

Вот и все участники дискуссии, статьи которых удалось обнаружить в названных изданиях за 1927–1928 гг. И.М. Губкин прямо в полемике не учас-

твовал. Возможно, он не препятствовал, может быть, даже одобрил статьи А.Н. Розанова и А.Д. Архангельского, опубликованные на страницах журнала, в котором он являлся председателем редколлегии.

В своей «Автобиографии» Иван Николаевич Стрижов пишет: «Задолго до получения первой нефти на западном склоне Урала я отстаивал необходимость бурения на Самарской Луке, в Ишимбаеве, около Астрахани, на Доно-Медведицкой антиклинали, на Шугоровском куполе, на Вятском вале, на антиклиналях Саратовского уезда, на антиклинали Ока-Цна-Клязьма-Волга, на структуре Новый Торжок-Вышний Волочек, на Полесском вале и пр., но другие геологи меня высмеивали, а один видный геолог со смехом говорил: «Стрижов-то у Моршанска хочет бурить!» Указанные места перечислены в книге «Топливные ресурсы СССР» (издание Госплана), вышедшей в начале 1929 г., но написанной в 1928 г. В ней отдел нефти написан мной до получения нефти на Западном склоне Урала.

В смету ВСНХ СССР на 1929 г. было по моим настояниям введено ассигнование на бурение в Ишимбаеве. Этого мне удалось добиться потому, что на решающем заседании ВСНХ, кроме меня, не было ни одного геолога и никто не мешал» (Стрижов И.Н. Автобиография, 1943, л.7).

Последователи и биографы Губкина, именующие его первооткрывателем целых нефтегазоносных провинций, всегда опираются лишь на его автобиографическую статью 1937 г. Особенно охотно они цитируют следующее: «В 1927 г. я был директором Московского отделения Геолкома. В Москве (хотя это не входило в функции отделения) я организовал комиссию по поискам уральской нефти (разрядка Губкина – А.Г.). Всё говорило за то, что в отрогах Урала должна быть нефть, и много нефти.

Но стоило мне и товарищам приступить к изучению этой проблемы, как консервативные ученые, и в их числе вредители, начали невообразимую возню. Тогдашний председатель Геологического комитета проф. Мушкетов (ныне разоблачен как враг народа) шипел: «Нефть на Урале.... Это даже не утопия! Это очередная авантюра Губкина, как и его курское железо...

Через несколько месяцев после того как злобствующий профессор столь нелестно аттестовал желание искать нефть на Урале, нефть была найдена в Чусовских городках. Искали калий, а нашли нефть. Случайно, но нашли! Наше научное предчувствие целиком оправдалось» (Губкин, 1938, с. 33).

О якобы имевшем место высказывании Д.И. Мушкетова известно лишь со слов Губкина. Свидетелей этого разговора явно не было, как не было, конечно, и самого разговора. До 1929 г. еще существовала гласность и возможность публикаций различных мнений по любым политическим, культурным, научным и народно-хозяйственным проблемам. Все новости по нефтяному делу оперативно публиковались как в «Нефтяном хозяйстве», так и в «Нефтяном бюллетене». Никаких следов деятельности упомянутых выше

Комитета и Комиссии отыскать не удалось. Ни один протокол их заседаний (а были ли они?) не опубликован.... Очередной миф.

В учебнике для вузов «Нефтяные месторождения Советского Союза» (Федоров и др., 1935) В.А. Сулин описывает нефтяные месторождения Среднего Поволжья, приводит краткие сведения об истории поисков здесь промышленных залежей нефти и вообще не упоминает имени Губкина. Стало быть, миф о выдающейся роли нефтяного академика был создан позднее. Надо бы отдать должное скромности Ивана Михайловича: ведь в монографии «Волго-Уральская нефтеносная область», начатой, видимо, лишь в конце 1937 г. или в 1938 г. и оставшейся неоконченной, он излагает краткую историю геологических исследований в этом регионе и не претендует на честь первооткрывателя. Напротив, он отмечает, что месторождение нефти у Чусовских городков было открыто случайно, при поисках калийных солей.

Отдадим должное И.М. Губкину и как Председателю Оргкомитета XVII сессии МГК. По Волго-Уральскому региону на ней был представлен доклад П.К. Иванчука и Я.С. Эвентова по Среднему Поволжью, Н.П. Герасимова по Пермскому Прикамью и два по Башкирии: весьма обстоятельное сообщение А.А. Борисова и О.П. Грациановой и краткое, в тезисах, А.А. Блохина. То есть по Волго-Уральскому региону было рассмотрено четыре сообщения. Да еще, кроме того, Н.И. Буялова по Эмбе и Н.Ю. Успенской по Нижней Волге и Калмыцким степям.

В 1945 г. Н.С. Шатский опубликовал очень важную по существу и весьма интересную для историков науки работу – «Очерки тектоники Волго-Уральской нефтеносной области и смежной части западного склона Южного Урала». В большом списке исследователей, занимавшихся изучением геологического строения и нефтеносности региона, есть все хорошо известные нам имена: А.П. Павлов, А.Д. Архангельский, Е.В. Милановский, А.Н. Мазарович, А.Н. Семихатов, А.Н. Розанов, Н.Г. Кассин, М.С. Швецов, П.А. Софроницкий. Есть и те, кого обычно охаивают последователи Губкина – А.В. Нечаев и А.Н. Замятин. «...Особенно важно отметить, – пишет Шатский, – работу геологов-нефтяников, широко применявших значительно более точные методы в геологической съемке равнинных пространств Русской платформы, а именно методы структурной съемки» (Шатский, 1945, с. 8). И совсем не странно, а напротив, совершенно естественно, что среди этих имен нет И.М. Губкина, а в списке литературы его произведения – «Волго-Уральская нефтеносная область». Важно отметить также, что работа Н.С. Шатского была отмечена в 1946 г. Сталинской премией, несмотря на отсутствие реверансов в сторону мнимого «отца» Волго-Уральской области. Стало быть, в это время (до сессии ВАСХНИЛ!) никто И.М. Губкина не возвеличивал, а его последователи еще не обрели большого влияния в геологии нефти и газа и нефтяной промышленности.

Поиски и разведка месторождений в Волго-Уральской области

До сих пор мы говорили, в основном, о научных спорах и в меньшей степени об организации поисков нефти в Волго-Уральской и Тимано-Печорской областях. Но очень интересен и вопрос о том, как воплощались в жизнь представления о перспективности Волго-Уральской области. С 1929 г. оппоненты Губкина были отстранены от дел, а И.Н. Стрижов и Н.Н. Тихонович были репрессированы и занимались поисками и разведкой нефти в Тимано-Уральском регионе. Так что никто не мешал Губкину воплощать «свои» идеи в жизнь.

После открытия месторождения в Пермской области, в районе Верхне-Чусовских городков, сомнений в перспективности на нефть Приуралья у большинства геологов практически не было. Месторождение разведывалось трестом «Востокнефть». К 1932 г. здесь было пробурено 46 скважин, из которых некоторые достигли солидной по тем временам глубины – 1000 м.

«Скважинами было оконтурено все месторождение, – пишет Г.А. Дуткевич, – выяснены приблизительно его размеры, определен характер залегания главного нефтеносного горизонта и, наконец, была начата возможная его эксплуатация» (Дуткевич, 1932). (Любопытно, что в том же 1929 г. месторождение нефти такого же типа (массивная залежь, карбонатный коллектор) было открыто и в США). Месторождения нового типа не могли не вызвать интереса у специалистов.

В 1932 г. месторождение, подобное Чусовским Городкам, было обнаружено южнее, в Башкирии, в районе Ишимбая, также в Предуральском прогибе. И.М. Губкин незамедлительно посетил Ишимбай и тут же, по горячим следам, опубликовал на месте, в Уфе, небольшую статью «Башкирская нефть и ее значение» (Губкин, 1932). Пишет Губкин популярно: статья явно адресована партийно-хозяйственному активу Башкирии.

Строители культа Губкина – М.Ф. Мирчинк, С.Ф. Федоров, М.И. Варенцов, А.А. Трофимук, А.Я. Кремс – в своих очерках, докладах, воспоминаниях – пытаются убедить читателей в том, что Губкин всегда, с 1919 г. и до последних дней своей жизни боролся с *маловеерами и пессимистами*, и прямыми врагами и вредителями. В последнем они, пожалуй, правы: погромы в геологоразведке и нефтяной промышленности с 1928 г. не прекращались. Естественно, в таких условиях люди думали не столько о выполнении и перевыполнении планов, об открытиях месторождений, а о том, как выжить.

В работах А.А. Трофимука и А.Я. Кремса можно найти сведения о том, как непоследовательно, а порой и бездумно принимались решения то о поисках новых месторождений нефти, то о прекращении бурения на новых площадях. В частности, по распоряжению из Москвы едва было не прекратили бурение скважины № 7 в Сызрани в 1936 г. давшей вскоре приток нефти из отложений среднего карбона (Кремс, 1964, с. 198–199). В условиях плановой социалистической экономики, полной безответственности, безыници-

ативности и страха потерять должность, свободу, жизнь, принять решение мог только самый главный начальник в пределах каждого иерархического подразделения. Мог ли А.Я. Кремс, в то время главный геолог Главнефти, не согласовать столь принципиальный вопрос как прекращение бурения поисково-оценочной скважины с Губкиным?

Значит, Волго-Уральская область все еще казалась территорией с неясными перспективами, вполне рядовым регионом, какими были в то время Тимано-Печорская и Урало-Эмбинская области, Сахалин. И никакого особого внимания И.М. Губкин ей не уделял. И не было у него никакого *научного чутья*. И геолого-геофизические материалы по Волго-Уральской области он не анализировал.

В Тимано-Печорской области уже лет триста как известны и разрабатываются в качестве абразивных материалов битуминозные песчаники визейского яруса – «свита точильного камня». Добыча нефти в 30-е годы на Ухте уже ведется из песчаников верхнего и среднего девона. И если бы думающий геолог сопоставил эти данные с материалами по западному склону Урала, он неминуемо пришел бы к выводу о необходимости ориентировать поиски нефти и в Волго-Уральской области не только на пермь, но и на карбон, и на девон. Кому, как не академику, самому главному геологу СССР решать такие кардинальные вопросы?

Значит, не хватило губкинского кругозора на то, чтобы направить поиски на исследование всего разреза палеозоя хотя бы до подошвы девонских отложений! То есть, то, что было ясно еще в XIX в. А.П. Павлову и непосредственно перед началом исследований Тимано-Печорского региона и Урало-Поволжья А.Н. Розанову и А.Д. Архангельскому, И.М. Губкин как *главный геолог СССР с 1929 г.* на вооружение почему-то не взял. Что это было? Невнимание к трудам и позициям коллег? Неуважение? Непонимание? Или то и другое вместе? Да еще и полная безответственность и уверенность в безнаказанности за нерациональное ведение работ: *стрелочник* за провал дела всегда найдется. Тем более что часть этих вероятных *стрелочников* уже находилась в лагерях, а часть – под следствием.

Знаменательно, что в статье, опубликованной к 60-летию открытия Туймазинского месторождения, ее авторы не упоминают И.М. Губкина (Баймухаметов, Якупов, 2004). Понятно, что миф о долгой и неутомимой борьбе большевика-академика за нефть в Урало-Поволжье и его огромном вкладе в исследование региона создавали его последователи. Тем не менее, основы для сотворения этого мифа заложил все-таки он сам в выступлениях на геологических конференциях и в популярных статьях и речах перед избирателями (Губкин, 1938).

Стало быть, не занимался постоянно Волго-Уральской областью наш академик. В 1937 г. он готовился к Международному геологическому конгрессу и готовил к печати второе издание «Учение о нефти». Этим, по всей видимости, и занимался.

А главное – снова запахло «жареным». Проваливалась по добыче нефти уже вторая пятилетка. И нужно было искать врагов и вредителей и обезопасить себя на случай вероятных интриг и доносов.

И на время это Губкину удалось. Появление в 1937 г. Постановления Совнаркома Союза ССР «Об организации геологоразведочных и поисковых работ в СССР» от 17 ноября 1937 г. и Приказа народного комиссара тяжелой промышленности № 993 «Об улучшении постановки и организации геологоразведочных и поисковых работ» от 20 ноября того же года не было случайностью (Приложения).

После XVII сессии МГК продолжались репрессии. Можно предполагать, что академик лично регулировал процесс изъятия своих коллег из подведомственных ему учреждений. И.О. Брод нужен был до поры до времени: на его материалы на XVII сессии МГК Губкин в своем докладе то и дело ссылался. А после сессии И.О. Брода посадили. 25 сентября того же 1937 г. арестовали и группу геологов треста «Востокнефть», в том числе и К.Р. Чепикова, по обвинению в контрреволюционной деятельности. Приговаривали обычно к расстрелу. Но случались и чудеса. После воцарения в НКВД Берии в 1938 г. был освобожден И.О. Брод и в сентябре 1939 г. К.Р. Чепиков (Еременко, 2002; Бессуднова, 2006).

Отстранение от активной производственной деятельности лучших геологов, геофизиков, буровиков страны приводило к плачевным результатам – провалу грандиозных сталинских планов. А И.М. Губкин был и не в состоянии противиться *борьбе с вредительством*, и не хотел противиться. Напротив, активнейшим образом участвовал в этой борьбе.

Складывалась парадоксальная для нормального общества и естественная для тоталитарного режима ситуация. Новые открытия, создание новых производств и технологий, выполнение планов – все это было в исправительно-трудовых лагерях. Там были лучшие умы, туда без ограничений перекачивались средства, направлялась техника и почти ничего не стоившая рабочая сила. А подведомственные Губкину геологические и нефтяные структуры были обезглавлены.

И вину снова возлагали на мнимых врагов и вредителей. В первом же номере журнала «Проблемы советской геологии» (отв. редактор И.М. Губкин) вместе с упомянутыми выше «Постановлением» и «Приказом» помещена редакционная статья «За единую геологоразведочную службу в СССР». Авторы статьи, так же, как и главного редактора журнала (не исключено, что он сам и писал эту статью), эти документы вдохновили на следующие строки: «До настоящего времени геологоразведочные работы у нас велись самыми разнообразными учреждениями и предприятиями. Далеко не всегда эти работы проводились хорошо, а иногда приводили даже к совершенно неправильным выводам о сырьевой базе, что вело к неправильному распределению капиталовложений, замораживанию средств, т.е. по существу

к вредительскому подрыву благосостояния социалистического хозяйства. Главное Геологическое Управление до сих пор не было по существу штабом геологоразведочных работ. Троцкистско-бухаринские шпионы, диверсанты и вредители, пользуясь нашей беспечностью, творили свои грязные дела, задерживали изучение недр, создавая диспропорцию между изученностью месторождений и планом его эксплуатации» (За единую..., 1938, с. 7).

Далее отмечаются недостатки в работе ГГУ: в изучении качества сырья, материально-технической вооруженности, в деле хранения фондовых материалов. «Наши недостатки умело использовались врагами народа и поэтому нам необходимо перестроить нашу работу немедленно, в кратчайший срок навести порядок в геологоразведочной службе.

Надо сломать старую гнилую и вредительскую систему организации и метода работы и работать по-большевистски, по-новому организовать геологоразведку на основе указаний товарища Сталина, на основе указаний нашей партии и правительства» (там же, с. 8).

Далее призывы к качественному ведению работ, централизации их в ГГУ, составлению сводных карт перемежаются проклятиями по адресу мнимых врагов народа. «Неповоротливости и беспечности должен быть положен конец. В первую очередь необходимо принять меры к искоренению последствий вредительства. Враги народа, троцкистско-бухаринские бандиты, шпионы и диверсанты нанесли геологоразведочному делу огромный ущерб; нашей неотложной задачей является полнейшее и окончательное разоблачение всей этой мрази и их пособников. Выкорчевывая остатки вражеской банды, мы должны смело опереться на наши молодые кадры, воспитанные Советской властью» (там же, с. 11).

Затем следуют тезисы о развитии стахановского движения и снова – о материально-техническом вооружении, темпах разведки, о запасах и качестве сырья. И конец статьи «Партийные и непартийные большевики, работающие в области геологии, достигшие под руководством партии Ленина-Сталина и вождя народов, нашего любимого Сталина, необычайных успехов, записанных в Великой Сталинской Конституции, через преодоление временных трудностей придут к еще более невиданным победам.

Мы даем свое твердое обещание под руководством нашей партии и вождя народов товарища Сталина, – выполнить это постановление и приказ и полностью обеспечить все отрасли нашей социалистической индустрии минерально-сырьевой базой» (там же, с. 12).

Конечно, дело было не столько в Губкине, сколько в системе в целом. Конвейер репрессий, запущенный в 1917 г., ничто не могло остановить.

Евсей Максимович Смехов, молодой геолог, был направлен в трест «Башнефть». В 1991 г. он вспоминал: «Начальником треста был в то время Константин Романович Чепиков. Там был тогда разгром кадров. Арестовывали всех подряд. И он был смертник. Уцелел чудом. А меня прислали туда на

укрепление. К.Р. сказал мне: «Уезжай, не снесешь головы». И я уехал» (Приложение).

Познакомимся с еще одним очень интересным и важным свидетельством. Н.П. Герасимов в докладе на XVII сессии МГК «Нефтяные месторождения Пермского Прикамья» также подтверждает факт случайного открытия нефти в Чусовских Городках. Далее он говорит: «Однако развитие нефтяной промышленности в районе сильно задержалось в связи с *неправильным направлением поисковых работ* и трудностью поисков нефтеносных структур типа Чусовских Городков. Нефтяная промышленность получила здесь прочную основу для широкого роста только после открытия промышленных запасов нефти в низах среднего карбона в г. Краснокамске (1936 г.)» (Герасимов, 1940, с. 233, выделено мною – А.Г.).

Вот так! Мнимые враги социалистического строительства Н.Н. Тихонович, И.Н. Стрижов и их многочисленные сторонники – заключенные и *прикрепленные к Ухтпечлагу* – за это же время открывают уже после ввода в разработку Чибьюского нефтяного месторождения Ярегское месторождение тяжелой нефти (1932 г.), Седьюльское газовое месторождение (1935 г.), успешно ведут поиски месторождений по всему Тимано-Уральскому региону! А под мудрым руководством академика Губкина и его многочисленных последователей, вооруженных *единственно правильным научным мировоззрением* (ЕПНМ) – биогенной гипотезой и диалектическим материализмом, за семь лет, прошедших после открытия нефти в Чусовских Городках в Пермском Прикамье, не открывается ничего!

Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция

Последователи И.М. Губкина, желающие утвердить его в качестве первооткрывателя нефти в этом регионе, всегда ссылаются на его речь на совещании в тресте «Востокнефть» в 1934 г. Действительно, слова Губкина заслуживают того, чтобы их процитировать. «Уже на нашей конференции, – говорил он, – вносились предложения расширить границы Восточной нефтеносной области дальше за пределы намеченного нами плацдарма. Внешено предложение разведать в нефтеносном отношении Западную Сибирь. Это предложение не является новым. На выездной сессии Академии Наук в Свердловске в 1932 г. я выдвигал идею разведки Восточного склона Урала на нефть» (Губкин, 1953, с. 436). Вот как ревностно стремился утвердить свой «приоритет» академик Губкин. Мог ли он не знать, что за пять лет до него предложение исследовать оба склона Урала – и западный, и восточный – выдвинул И.Н. Стрижов. Или он был уверен в том, что Стрижов уже не вернется из лагерей и имя его будет запретным для грядущих поколений?

О естественных выходах нефти и газа в Сибири местные жители знали издавна и использовали нефть для своих нужд. Известны документы двух-

сот- и трехсотлетней давности о находках нефти на Байкале, берегах Иртыша, Енисея, на побережье Ледовитого океана (Геологическая изученность СССР, Тюменская обл.).

В 30-е годы ряд интересных статей о перспективах нефтегазоносности рассматриваемого региона публикуются в Вестнике Западно-Сибирского геологического управления. Начнем с того, что репрессированный геолог Ростислав Сергеевич Ильин в 1932 г. направил докладную записку руководству Западно-Сибирского геологоразведочного треста, в которой в частности говорилось: «Указанием на нефтеносность девона служат наши барзасские сапропелиты (ибо сапропелит стоит между нефтью и каменным углем). Поэтому нефть надо искать под теми местами, где девон наиболее сильно дислоцирован.... Глубокое бурение должно быть поставлено после целого ряда геофизических работ, которые позволяют геологам уточнить перспективы.

Теоретически рассуждая, нефтеносными могут оказаться еще другие формации с умирающими морями – юра и палеоген. Юрское море оставило осадки на нашем Севере, главным образом, уже в пределах Сургутского и других районов Уральской области (р. Большой Юган); в этой области документы богатых событий скрыты под толщей рыхлых, главным образом, послетретичных отложений Западно-Сибирской низменности...» (Ильин, 1932).

Через три года Ильин представил две небольших работы, в которых рассматриваются возможные условия образования нефти в ряде районов Восточной и Западной Сибири и даются рекомендации по проведению поисковых работ. Р.С. Ильин предлагает ориентировать их на область распространения юрских отложений. Наиболее перспективным районом он считает Обь-Иртышский водораздел, сверху покрытый Большим Васюганским болотом. (Ильин, 1935).

Об этой докладной записке, датированной 12 мая 1932 г., как и о последующих работах Р.С. Ильина, Губкин знал, несомненно. На него работали как отдельные референты, так и целые институты. И, надо полагать, академика регулярно обо всем новом информировали. Проблема перспективности Западной Сибири на нефть и газ рассматривалась в 30-е годы в ряде сводок, обзоров, в вузовских учебниках (Федоров и др., 1935).

Проблеме нефтеносности Сибири на XVII сессии МГК были посвящены доклады А.Г. Вологодина и др., Л.С. Петрова, Г.Е. Рябухина и С.И. Миронова. И не случайно практически непосредственно после сессии предпринимались конкретные шаги по исследованию Сибири.

В начале 1938 г. Главгеологией Наркомтяжпрома для поисков нефти в Сибири была учреждена Канско-Тасеевская нефтеразведочная экспедиция ГУЛАГа НКВД СССР. Однако нацелена она была не на Западную Сибирь. Из Ухтпечлага в Москву был вызван И.Н. Стрижов и назначен главным геологом этой экспедиции. В отчете о работах 1938–39 гг. И.Н. писал: «В выбо-

ре района работ мы не участвовали, но перед отъездом заявили, что поиски нефти в кембрийских отложениях на платформе связаны с большим риском, и в этих поисках нельзя ограничиться Канско-Тасеевским районом. Перед отъездом нам были указаны основные черты плана работ. В Красноярске мы должны были составить план работ на 1938 г. К сведению и руководству нам был дан план работ по поискам нефти в Красноярском крае, составленный Красноярским Крайпланом и ЦНИГРИ. Из этого плана мы ввели в наш план проекты трех геологических партий, топографические работы и бурение одной скважины на Верхнетасеевской антиклинали. Эти три геологических партии были предусмотрены для Тасеевского, Тасеево – Ангарского и Манзинского районов. Кроме того, мы ввели в наш план: 1. Канскую геологическую партию. 2. Иркижево-Чадобецкую геологическую партию. 3. *Четыре геологические партии на Западно-Сибирской низменности.* 4. Две структурные и одну разведочную скважину на Канской антиклинали. 5. *Четыре скважины на Западно-Сибирской низменности, из коих две должны были быть начаты в 1938 г. и две – в 1939 г.* (курсив мой – А.Г.). Этот план 17 апреля 1938 г. обсуждался без нашего участия в Москве на совещании. Против работ на низменности выступили А.Г. Вологдин, М.А. Усов и Н.Н. Тихонович. Вследствие их выступления работы на низменности были вычеркнуты из плана» (Стрижов, 1938). Таким образом, с мнением Стрижова о необходимости начала геологоразведочных работ в Западной Сибири не посчитались и обязали его сосредоточиться на поисках нефти в кембрии Канско-Тасеевского района.

А.Г. Вологдин, Н.А. Гедройц и Л.П. Смирнов перспективными объектами для поисков нефти в Сибири считали предполагаемые ими соляные купола. Их программа работ, опубликованная в брошюре «Нефтеносность Сибири», была рассчитана на много лет, и основным перспективно нефтеносным районом А.Г. Вологдин и его соавторы считали Сибирскую платформу (Вологдин и др., 1938). Для поисков «предполагаемого соляного купола, — пишет в 1938 г. Стрижов, — были произведены геофизические исследования Канской антиклинали и первый вывод автора произведенного исследования гласит: «Прежде всего, следует констатировать отсутствие соляных куполов в обследованной части Канско-Тасеевского соленосного района». И.Н. предлагает отказаться от поисков соляных куполов и перенести геофизические исследования на Западно-Сибирскую низменность.

И.М. Губкин в очередной раз ошибся, не приняв во внимание рекомендации И.Н. Стрижова, положившись на представления А.Г. Вологодина – несомненно, крупного геолога и палеонтолога, но мало компетентного в вопросах нефтяной геологии специалиста. В 1939 г. член-корреспондент АН СССР А.Г. Вологдин опубликовал статью «Пути практического разрешения проблемы сибирской нефти». В ней он остается на тех же позициях, что и два года тому назад. И обнаруживает свою некомпетентность в нефтяной геологии, утверждая, что нефтяные месторождения в девоне в СССР нигде не из-

вестны (Вологдин, 1939). В то время как нефть на Ухте добывалась из девонских отложений кустарным способом уже в течение почти двухсот лет! А в тридцатые годы текущего столетия, т.е., можно сказать, на глазах Вологодина Ухтинская экспедиция подтвердила промышленную нефтеносность района и открыла, кроме Ухтинского, еще и крупное Ярегское нефтяное и Седьольское газовое месторождения именно в девоне! Статья опубликована во втором номере «Известий АН СССР», стало быть, она поступила в журнал еще при жизни Губкина, не позднее конца 1938 г. И редколлегия журнала пропускает столь нелепые утверждения!

Кроме заимствованных заблуждений, И.М. Губкин имел и свои собственные, *вредные* (выразимся его языком), для дела поисков нефти. Он полагал, что образовавшаяся во впадинах нефть мигрирует к обрамляющим их горным сооружениям. Почему и призывал к её поискам не на Западно-Сибирской низменности, а на восточном склоне Урала, в Минусинской котловине. При этом он исходил из того, что угольные фации Минусы к западу должны смениться нефтеносными. Как обычно, и эти его прогнозы были ничем иным как повторением чужих мыслей и *оптимистическим кликушеством*. Вольно или невольно Губкину вторили в своих прогнозах и другие специалисты.

В сороковые годы наиболее четкие представления о перспективности Западно-Сибирской низменности высказывал Н.А. Кудрявцев, который считал необходимым увеличить здесь объем буровых работ и предлагал конкретные районы для геологических исследований и заложения скважин (Кудрявцев, 1948).

В 1978 г. академик А.А. Трофимук провел в Новосибирске «Сибирские губкинские чтения». Они были приурочены к 25-летию открытия газа в районе села Березово в Западной Сибири. После вступительного слова организатора чтений были заслушаны доклады А.А. Бакирова, Г.Е. Рябухина, В.С. Вышемирского с соавторами, М.М. Мандельбаума с соавторами и А.Э. Конторовича (Научное наследие..., 1980). (Рис. 10).

Утверждения об огромном вкладе И.М. Губкина в геологию Сибири во всех докладах основываются лишь на цитировании речей-призывов академика и его выступлений на совещаниях, о которых якобы существуют протоколы (Рябухин, 1980). Однако ссылки на эти протоколы отсутствуют. И нет ни одного факта, свидетельствующего о научном обосновании прогноза перспектив нефтегазосности рассматриваемого региона. Нужно отметить, что и в сборнике статей, посвященном 90-летию со дня рождения Губкина (Материалы..., 1963), в статье В.Д. Наливкина о вкладе Губкина в изучение Сибири также отсутствуют какие-либо конкретные материалы о приоритете Губкина. Имеется лишь упоминание о том, что «И.М. Губкин в 1932-м и затем в 1934 г. выдвинул и проводил идею поисков нефти в западной части Западно-Сибирской низменности» (Наливкин, 1963, с. 81).

Ни у кого не вызывают сомнений утверждения о том, что крупней-

шим исследователем Кавказа является Г.В. Абиx, Русской платформы – А.П. Карпинский и А.Д. Архангельский, Сибири – В.А. Обручев, Средней Азии – Д.И. Мушкетов. Бесспорно и то, что первооткрывателем ряда нефтяных месторождений Грозненского района является И.Н. Стрижов, Апшерона – Д.В. Голубятников, Средней Азии – К.П. Калицкий, Тимано-Печорской провинции – Н.Н. Тихонович и И.Н. Стрижов. Они посвятили работе в названных регионах многие годы своей жизни, оставили многочисленные статьи и монографии.

Можно согласиться с тем, что И.М. Губкин оставил свой след в изучении геологии и нефтеносности Кавказа и Кубани. Здесь он действительно проводил полевые работы, и результаты своих исследований изложил в геологических отчетах, статьях и одной монографии. А высказывания о перспективности каких-либо регионов и призывы к их изучению имеют такое же отношение к науке, как и директивы ЦК ВКП (б).

И не случайно в работе Н.Н. Ростовцева и И.И. Нестерова 1964 г. в большом списке публикаций, посвященных исследованию Западной Сибири, приведены труды А.Д. Архангельского, Н.С. Шатского, Н.А. Кудрявцева и нет имени Губкина.

Выводы по разделу:

И.М. Губкин не является первооткрывателем не только каких-либо нефтегазоносных провинций, но даже и отдельных месторождений. Его представления о перспективах Волго-Уральской и Западно-Сибирской нефтегазоносных провинций высказывались вслед за оценками других геологов и не несут следов гениального прогноза. Миф о борьбе Губкина за Волго-Уральскую нефть не подтвержден опубликованными документами и основывается большей частью на автобиографических статьях, в которых он упоминает о якобы имевшей место полемике с пессимистами и маловеерами. Как представитель Геолкома именно он и ответственен за пассивность этого учреждения в изучении новых нефтеносных провинций, в чем и упрекал Геологический комитет И.Н. Стрижов в 1927–1928 гг.

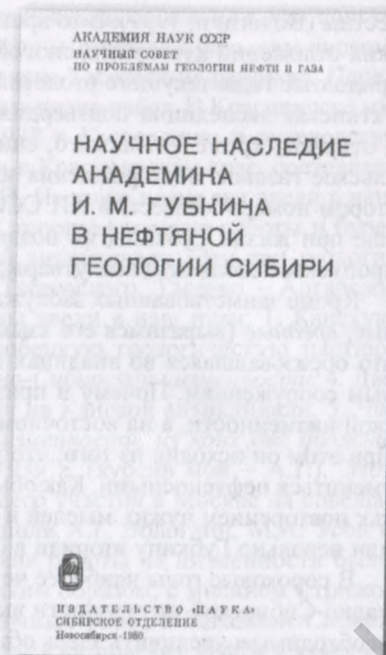

Рис. 10. «На выездной сессии Академии наук в Свердловске в 1932 г. я выдвигал идею разведки восточного склона Урала на нефть». Этой фразой и ограничивается вклад Губкина в исследование Сибири

Глава 4 В КОМИССИЯХ И КОМИТЕТАХ

Сланцевое дело

Месторождения горючих сланцев на территории России были известны в Ухтинском районе с конца XVII в., в Прибалтике – с начала XVIII в., в Поволжье – с середины XIX в. Зарождение сланцевой промышленности в Кохтла-Ярве (Эстония) датируется 1916 г. Тогда были заложены первые карьер и шахта для добычи сланцев.

В связи с топливным голодом во время войны и разрухи первых же после революционных (после февраля 1917-го) месяцев Временное правительство сформировало Особое совещание по топливу (ОСОТОП). Правами председателя этой структуры был наделен П.И. Пальчинский – талантливый горный инженер, имевший к тому времени почти двадцатилетний опыт работы в горном деле.

Ряд месторождений угля в это время оказался на территориях, находящихся на театре военных действий. И Петр Иоакимович предложил программу утилизации местных видов топлива, чтобы заменить ими уголь. «На первое место он поставил горючие сланцы..., сам объехал месторождения и доложил в ОСОГ (Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства – А.Г.) результаты своей поездки», – пишет И.А. Гараевская...

Пальчинский привлек к решению проблем сланцевой промышленности лучшие технические силы (даже металлурга В.Е. Грум-Гржимайло, который разрабатывал конструкцию печи для сжигания сланца), открыл курсы для техников по сланцевому делу, привлек экономический отдел городского комитета по топливу ЦИК СР и СД, общественность, – и добыча, доставка и переработка сланца началась. Поставляемый горючий сланец Северного района по количеству (миллиарды пудов) и по качеству (имеет теплопроводность как у сухого дерева) превзошел все ожидания. При сжигании сланца получался газ, зола, сырое масло, в котором содержалось 15% бензина, 15% керосина и 70% мазута. Зола могла использоваться в керамическом и цементном производстве и для строительства шоссейных дорог. Сопровождающий сланец известняк применялся в строительном деле. Где еще можно найти такой идеальный, натуральный, экологически чистый продукт, который бы

при утилизации не имел отходов? Не случайно Пальчинский всю жизнь его пропагандировал и внедрил в производство» (Гараевская, 1996, с. 68).

Октябрьский переворот сам по себе не мог изменить к лучшему сложившуюся обстановку. Напротив, ухудшил. Министры Временного правительства частью бежали, частью были арестованы. А новое правительство реально управлять ситуацией еще не могло. Те структуры, которые сформировало Временное правительство, были парализованы. Тем более что такие выдающиеся руководители и организаторы промышленности и обороны, как П.И. Пальчинский, находились в заключении.

С первых же дней после взятия власти большевики вынуждены были решать те же задачи, которые стояли и перед царским, и перед Временным правительством. И в 1918 г. пришла пора обратиться к проблеме горючих сланцев. Летом 1918 г. по заданию Главного нефтяного комитета было начато исследование месторождений сланцев в Поволжье. Разведка была поручена П.И. Пальчинскому, к этому времени уже освобожденному из тюрьмы (см. раздел «И.М. Губкин и коллеги»). Вскоре после этих исследований, в 1919 г., в небольших размерах и здесь была начата добыча сланцев (Горная энциклопедия, 1984–1991, т. 4, с. 564–565).

По данным И.А. Гараевской, основанным на архивных источниках, Петр Иоахимович вскоре представил в ВСНХ проект разработки залежей сланца близ селения Ундоры Симбирской губернии, технологические расчеты, смету. Одновременно он готовил материалы по технологии сухой перегонки сланцев.

Но 25 июня 1918 г. Пальчинский был вновь арестован. Новое направление в горнорудной промышленности, весьма необходимое стране в связи с изоляцией столь крупного специалиста, могло умереть в зародыше.

Решено было дела не прекращать, а напротив, выделить его как самостоятельную (перспективную пока что) отрасль. Был учрежден Главный сланцевый комитет. Председателем комитета утвердили И.М. Губкина. Это был первый пост, на котором Иван Михайлович был не заместителем, не помощником, а лицом, облеченным всеми полномочиями и ответственностью.

История Главсланца недостаточно освещена в печати. В юбилейном издании «50 лет Советской геологии» (1968, с. 420) в разделе «Нефть и природный газ» И.М. Губкин, как водится, упомянут неоднократно как *основатель и прорицатель* (с. 220–223). Не странно ли, что нет ссылок на него при описании горючих сланцев? Здесь сообщается о крупных запасах сланцев в СССР и о том, что в их изучении принимали участие С.С. Баунов, М. Газизов, И.С. Забнин, Э.А. Мугус, Мустыги, А.А. Кивит и другие исследователи.

Большая Советская Энциклопедия сообщает, что добыча сланцев у нас ведется в Эстонии, на Ленинградском и Кашпирском месторождениях. Сведения о добыче приводятся с 1940 г.

Губкин предполагал использовать сланцы не только путем прямого сжигания на ТЭЦ, но и организовать их перегонку так же, как и перегонку угля. В начале 1927 г. в «Торгово-промышленной газете» была опубликована статья «Нефтепродукты из угля» (Губкин и др., 1927), в которой были приведены мнения И.М. Губкина, В.Н. Ипатьева и И.Н. Стрижова о возможности и целесообразности получения нефти путем переработки твердого топлива. Губкин и Ипатьев рассказали корреспонденту газеты о проводящихся в Москве и Ленинграде экспериментах, о необходимости расширения работ и о своих надеждах на успех и разворот дела. При этом Ипатьев упомянул, что желательно поставить опыты и с торфом, а И.М. Губкин – и с горючими сланцами.

В двухтомник сочинений Губкина включена его статья «Горная промышленность за десять лет существования Советской власти», опубликованная в 1928 г. (Губкин, 1953, с. 97–119). Он подробно рассматривает в ней уголь, нефть, газ, железные руды, цветные металлы, останавливается на добыче соли, асбеста, слюды, графита и серы и ни слова не говорит о *своем детище* – сланцевой промышленности!

В двадцатые годы Главным сланцевым комитетом практически ничего сделано не было. К 1926 г. народное хозяйство страны после многих лет застоя и разрухи (в том числе и в нефтяной промышленности) достигло уровня 1913 г. Острая потребность в топливе отпала. А проблема использования сланцев как сырья для получения многих ценных продуктов Губкина, на самом деле, видимо, не интересовала. Тем более что выдвинул и разрабатывал ее не он, а другие специалисты, и, в первую очередь, Петр Иоахимович Пальчинский. И материалы по сланцам публиковались не в выходящем под его председательством журнале, а в других изданиях. И, в первую очередь, в журнале «Поверхность и недра» – детище Пальчинского. И не случайно именно в это время журнал «Нефтяное и сланцевое хозяйство» меняет свое название: с титульного листа исчезает слово «сланцевое».

А проблемой сланцев (точнее мнимым вредительством в сланцевом деле) уже начинает интересоваться Ревтрибунал. Причем на *беседы* вызывают не председателя Главсланца большевика Губкина, а его заместителя Б.В. Цванцигера (Гараевская, 1996).

На процессе «Промпартии» утром 1 декабря 1930 г. допрашивался Л.К. Рамзин, главный обвиняемый, который пошел на поводу у органов и принял участие в розыгрыше этого страшного сценария. Он показал: «Основными работниками были Пальчинский и Цванцигер. Установка сланцевой проблемы с самого начала была такова, что дальнейшее движение в этом направлении являлось явно неправильным и невыгодным для народного хозяйства».

Здесь достаточно будет даже проглядеть следственное дело, которое в Верховном суде имелось по этому вопросу, чтобы убедиться, как велось сланцевое дело до 1926 г., примерно, включительно. Обычно в печати давались победные фанфары.

Крыленко: Может быть мы, из этой части Вашего показания, сделаем вывод, что если бы даже в вопросах сланцевой проблемы инженер Цванцигер и действовал, бонафиде, добросовестно, когда писал эти статьи, то все же благодаря методам разработки сланцевой проблемы, если бы эта точка зрения, которая здесь восторжествовала и не была бы принята, – равным образом было бы им осуществлено вредительство?

Рамзин: Простите, я не понял.

Крыленко: Если бы развитие сланцевой проблемы было расширено, то все равно, Вы говорите, методы, формы и способы технические, сроки и так далее развития этой проблемы таковы, что все равно вредительство сказало бы?

Рамзин: Да, да» (Процесс..., 1931, с. 308).

Вот так. Вину за отсутствие успехов в сланцевом деле возложили на заместителя Губкина в Главсланце Б.В. Цванцигера и П.И. Пальчинского. И вполне естественно, что имя самого председателя Главного сланцевого комитета большевика И.М. Губкина вообще не упоминается – ни в связи со сланцами, ни с нефтью. До поры до времени он вождю был еще нужен и не подсуден.

П.И. Пальчинский представлялся на процессе в качестве руководителя вымышленного вредительского Инженерного Центра, а в дальнейшем (после планировавшегося якобы свержения советской власти) – премьер-министра и военного министра, а в целом в период военной диктатуры – диктатора. В примечании к странице 8 составителями «труда» «Процесс Промпартии» говорится, что он расстрелян по приговору коллегии ОГПУ по делу о вредительстве в золото-платиновой промышленности. «По другой, близкой к истине версии, Пальчинский не выдержал пыток и погиб во время следствия» (Ваксберг, 1990).

В докладе на чрезвычайной сессии АН СССР в Москве в июне 1931 г. Губкин поведал лишь о мнимом вредительстве в области сланцевой проблемы и развития сланцевого дела. Он уделил внимание и углю, и торфу, и лесным богатствам СССР, а о горючих сланцах по существу не сказал ничего. Стало быть, ничего конкретного по сланцам за время пребывания его на посту руководителя Главсланца сделано не было, и останавливаться на этой скользкой проблеме он не хотел.

Выводы по разделу:

Практически никакого следа в изучении сланцев И.М. Губкин не оставил. В единственной его газетной статье «Горючие сланцы и нефть в Поволжье» (Губкин, 1919) нет новых геологических данных. Это была одна из первых статей руководящего работника, статей-призывов, не имеющих ни научной, ни практической ценности. Не случайно в монографии «Геология месторождений угля и горючих сланцев СССР» в томе II-м, посвященном сланцам, имя Губкина также не упоминается, как и в других изданиях (Геология мест. угля и гор. сланцев..., 1968).

Курская магнитная аномалия

Председателем Особой комиссии по изучению Курской магнитной аномалии (ОККМА) И.М. Губкин был назначен 14 июля 1920 г. Затем он возглавил Наблюдательный совет по Курской магнитной аномалии при Совете Труда и Обороны. Это произошло через полтора года после того, как комиссия уже начала действовать при Московском отделении КЕПС и через год после начала геологических исследований А.Д. Архангельского и геофизических – П.П. Лазарева. То есть это был очередной руководящий пост Губкина.

Довольно подробно освещает в 1923 г. исследования КМА П.П. Лазарев (Лазарев, 1950). Осенью 1918 г. к нему обратился нарком Л.Б. Красин с предложением создать комиссию для разработки вопроса об изучении КМА. 26 ноября 1918 г. Лазарев провел совещание (это было первое совещание по КМА), в котором участвовали А.Д. Архангельский, С.Л. Бастамов, В.И. Пришлецов, Н.Т. Федоров. По предложению А.Д. Архангельского было принято постановление: «1) Собрать весь буровой материал по Курской и Орловской губерниям, находящийся в распоряжении гидротехнических организаций местных Совдепов и отдела земельных улучшений.

2) Необходимо в точках с большими аномалиями после тщательного изучения и обработки геологического бурового материала заложить буровые на глубину до 300 саженей». (Лазарев, 1950, с. 11–50).

По предложению П.П. Лазарева было решено также исследовать гравитационные явления в области КМА, которые предположительно должны были сопутствовать магнитной аномалии.

Доклад П.П. Лазарева был заслушан в Академии наук. Под его председательством была создана комиссия, которую причислили к Московскому отделению постоянной Комиссии по исследованию естественных производительных сил России при Академии наук (КЕПС). Как известно, работой КЕПС руководил В.И. Вернадский. П.П. Лазарев представил смету на летние работы 1919 г., и Чрезвычайная комиссия по снабжению армии по докладу Л.Б. Красина через несколько часов решила вопрос об ассигнованиях. Через день получили деньги и начали организационную работу. По предложению академика А.Н. Крылова решено было использовать для изучения КМА метод дефлектора де Коллонга, который использовался при исследовании магнитной аномалии кораблей. Начальник Главного гидрографического управления Е.Л. Бялокоз выделил 10 приборов и направил для работы с ними опытных гидрографов-магнитологов.

П.П. Лазарев довольно обстоятельно излагает историю, связанную с проблемой использования приборов де Коллонга и Талена-Тиберга. «...В течение более 7 месяцев работы магнитного отдела постоянно тормозились вопросом о негодности метода, принятого магнитной комиссией КЕПС. Эти вопросы, поднимавшиеся членами и сотрудниками комиссии, проводились

с таким упорством и отстаивались так упрямо, что пришлось принимать совершенно экстренные меры, приведшие к устранению ряда членов из комиссии и переходу Комиссии из ведения Горного совета в ведение Президиума ВСНХ» (там же, с. 22–23). Это произошло уже весной 1920 г. Председателем ОККМА был утвержден профессор инженер И.М. Губкин, его заместителем и начальником магнитно-гравитационного отдела – академик П.П. Лазарев, начальником геологического отдела – профессор А.Д. Архангельский и начальником отдела глубокого бурения – инженер А.Я. Гиммельфарб.

В 1921 г. уже были найдены максимумы вертикальной составляющей и была намечена точка для бурения первой скважины, которая и была начата в июле того же года.

В результате магнитной съемки было получено 10500 точек наблюдений (у Лейста 4500 точек на всю Курскую губернию) и составлены карты района КМА (вертикальной и горизонтальной составляющих). Было установлено, что аномалия начинается на севере Орловской губернии, а затем ее осевая линия тянется к юго-востоку через Курскую губернию и продолжается в Воронежской. Глубина залегания магнитных масс была ориентировочно определена в 175–200 саженей. П.П. Лазарев замечает, что такую же примерно величину дал и А.Д. Архангельский, исходя из гипотетических геологических представлений о строении местности в области Курской губернии.

В своей работе П.П. Лазарев несколько раз упоминает И.М. Губкина. В первый раз в связи с назначением его председателем комиссии, второй – в связи с выбором типа бурения (ударное бурение предложили И.М. Губкин, А.Я. Гиммельфарб и А.Д. Архангельский) и третий раз упомянут Губкин в эпизоде о смене ударного бурения на вращательное. Нужно было установить алмазный станок на место ударного. «Но главный инженер А.Я. Гиммельфарб был в это время в Германии, и его помощник инженер Каржи заболел. Тогда профессор И.М. Губкин взял на себя это дело, поручив установку инженеру А.С. Попову, который блестяще справился с задачей и уже в апреле привез первые колонки алмазного бурения» (Лазарев, 1950, с. 47).

Славословие по адресу председателя комиссии в работе Лазарева совершенно отсутствует. Более того, нет здесь и упоминания имен руководителей государства, чем так умело пользовался в своей деятельности И.М. Губкин: сначала он частенько вспоминал о внимании В.И. Ленина к деятельности возглавлявшихся им отделов и комиссий (Губкин, 1937), а потом вздохнул славословил Сталина и сталинского наркома Кагановича. Например, в 1931 г. Губкин говорил, что «к этому делу многие относятся скептически, с усмешечкой, – а ведь КМА содержит запасы железа, превышающие запасы всего мира. Несмотря на это, в 1925 г., не доведя дела до конца, прекратили разведку КМА. И только теперь, по почину товарища Сталина, проблема КМА снова стала в порядок дня» (Губкин, 1953, с. 264).

Сведения об истории исследования КМА можно почерпнуть и из очерка

Н.С. Шатского об А.Д. Архангельском (Шатский, Яншин, 1986). Изучение геологических условий КМА, – пишет Шатский, – А.Д. Архангельский проводил в 1919–1922 гг. в Геологическом Комитете, а затем они были расширены и он «возглавил (1923–1926) геологический отдел Особой комиссии по изучению Курских магнитных аномалий, руководимой И.М. Губкиным.

Для полного обоснования разведочных работ на железные руды в районе аномалии А.Д. Архангельский, вопреки протесту многих геологов-разведчиков, начал широкие региональные исследования, позволившие осветить в целом район Южно-Русской (Днепровско-Донецкой) впадины и Среднерусской девонской оси, то есть тех структур Русской платформы, в пределах которых известны сильные магнитные аномалии. Для решения этих вопросов А.Д. Архангельский вновь вернулся к методу коллективной работы, увенчавшейся большим успехом в поволжских исследованиях. В 1923–1924 гг. к участию в разработке геологии района Курских магнитных аномалий он пригласил начинающих геологов: О.А. Денисову, К.П. Козина, М.М. Корбуша, В.Н. Крестовникова, Н.А. Преображенского и Н.С. Шатского. Вместе с ними, проведя большие полевые исследования, он не только разработал геологию осадочных толщ, покрывающих докембрийский массив с его богатейшими железными рудами, не только составил полные отчеты о разведке залежей руды в Щигровском районе, в области Тимского минимума и в области Старооскольского и Огибянского магнитных хребтов, но и впервые в СССР начал подробно разрабатывать вопрос о соотношениях между аномалиями силы тяжести, магнитными аномалиями и геологическим строением в Восточной Европе. Последние работы в области Курской магнитной аномалии были опубликованы А.Д. Архангельским в 1926 г. (Шатский, Яншин, 1986, с. 60). Имя И.М. Губкина как руководителя ОККМА Н.С. Шатский упоминает лишь однажды.

Работы П.П. Лазарева и А.Д. Архангельского о результатах исследований в области КМА публиковались в период 1919–1926 гг., то есть непосредственно после получения и обработки результатов полевых исследований. И.М. Губкин как геолог в этих работах не участвовал. За период работы в ОККМА он сделал всего лишь один доклад на I-м Всероссийском съезде по горной промышленности (1922 г., одна страница!) и совместно с П.П. Лазаревым и А.Д. Архангельским опубликовал статью в газете «Правда» в 1923 г. Зато через несколько лет после ликвидации комиссии и после вступления академика на пост председателя СОПС появляется еще несколько докладов Губкина, хотя никаких самостоятельных исследований он здесь не проводил. Видимо, наиболее выдающимся трудом составителя «Избранных сочинений» сочли его доклад на собрании партактива в г. Воронеже в 1931 г. (Губкин, 1953, с. 302–308). Академик популярно изложил в нем сведения о земном магнетизме, о магнитных аномалиях вообще, об истории изучения КМА, о своих контактах с Лениным в связи с работой по КМА.

Глубина залегания железистых кварцитов оказалась близкой к расчетной. Понятно, что финансовые и технические возможности того времени не позволяли начать разработку месторождения. Бессмысленными были бы и дальнейшие исследования, и ОККМА была в 1926 г. ликвидирована. Однако еще в 1923 г. Комиссия была награждена орденом Трудового Красного Знамени, а на сельскохозяйственной выставке в 1923 г. за свои работы получила высшую государственную награду.

Богатые железные руды были обнаружены вблизи сел Коробково и Салтыково (ныне город Губкин) в 1931 г., то есть через пять лет после ликвидации Комиссии.

На XVII сессии МГК обстоятельный доклад «Курские магнитные аномалии» сделал К.Г. Бронштейн, который упоминает вклад Губкина в их изучение (руководство комиссией, оценки запасов) и сообщает о том, что в это время уже была пройдена шахта № 1, которой было присвоено имя руководителя комиссии. Пробная эксплуатация железяков была начата на этой шахте (в районе Коробково) в 30-е годы и к 1937 г. было добыто несколько тысяч тонн руды (Бронштейн, 1940). К промышленной же разработке приступили лишь в 1952 г. (Горная энциклопедия, 1984–1991, т. 3, с. 158–159).

П.П. Лазарев пишет о разногласиях между членами Комиссии, которые вызвали административные меры – исключение из нее инакомыслящих. Но таких терминов, как «враги», он не употребляет. Губкин же пишет большевистски: «У Курской магнитной аномалии (КМА) было много явных и еще более скрытых врагов» (Цитируется по Гордееву, 1972, с. 97). Остается добавить, что в 30-е г. эти «враги» – В.В. Кисельников и Д.Л. Ортенберг – были репрессированы (Заблоцкий, 1999).

Совет по изучению естественных производительных сил России

Совет по изучению естественных производительных сил России (СОПС) И.М. Губкин возглавил в 1930 г., после того как стал действительным членом АН СССР. О том, как проходили выборы в 1928–1929 гг., будет сказано немного ниже. Так что в своем повествовании мы несколько забежали вперед.

На вновь избранных академиков-большевиков возлагалась ответственная задача: *наведение порядка в старорежимной Академии*. И Иван Михайлович со свойственным ему в таких делах рвением к выполнению поручения приступил. Начал он с разгрома Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС).

Комиссия эта была создана 4 февраля 1915 г. по предложению В.И. Вернадского, которое он внес от своего имени и от имени академиков А.П. Карпинского, Б.Б. Голицына, Н.С. Курнакова и Н.И. Андрусова. В состав КЕПС вошли 12 академиков, а позднее в ее работу включились крупнейшие петроградские и московские ученые – представители от ученых комитетов Министерств, девяти главнейших русских ученых обществ и военно-общественных

организаций (Щербаков, 1963, с. 34–45). Руководил работой КЕПС академик В.И. Вернадский. Д.И. Щербаков пишет, что КЕПС была центром «по организации сбора материалов и исследований природных ресурсов СССР, а также по публикации работ в этой области. Главная роль в ней принадлежала совету, состоящему из ряда видных академиков – В.И. Вернадского, Н.С. Курнакова, А.Е. Ферсмана и других... в этом учреждении совершенно не чувствовался бюрократический дух, а наоборот – было очень легко проявлять инициативу, всегда получавшую одобрение и поддержку со стороны президиума Комиссии» (там же, с. 42).

В середине двадцатых годов КЕПС объединяла 26 научных институтов Академии. Все они работали над научно-прикладными темами под общим руководством президиума. Создавались и новые институты: Радиевый, Гидрологический, Почвенный, Керамический, Оптический, Мерзлотоведения. Выпускалась огромная печатная продукция. Характеристика академика Д.И. Щербакова сомнений не вызывает: КЕПС сыграла выдающуюся роль в изучении природных богатств России, труды ее сохранили свое значение до настоящего времени. Казалось бы, деятельность организации, имеющей несомненные успехи, следует поддерживать и развивать.

Однако в 1930 г. КЕПС реорганизуется. От нее отделяются институты. Создается Совет по изучению производительных сил (СОПС), во главе которого ставят новоиспеченного академика Губкина. Президиум КЕПС был сохранен в виде органа, руководящего работой СОПСа.

Вступив на очередной руководящий пост, Губкин произносит *тронную речь* на чрезвычайной сессии АН СССР в Москве в конце июня 1931 г. Он популярно рассказывает академикам, что такое производительные силы, с позиций *единственно правильной марксистской точки зрения* и почему название КЕПС не вполне точно (он утверждает, что КЕПС изучала естественные богатства). Далее он доходчиво разъясняет, что естественные богатства – «это не есть что-то наперед заданное и predetermined», что с развитием потребностей, техники и промышленности человек начинает использовать те ископаемые или их компоненты, на которые ранее не обращал внимания (бензин, мазут), здесь же И.М. Губкин упоминает о перегонке угля, о чем говорилось выше и, конечно, о врагах трудящихся, которые мешали прогрессу.

Толкует он и о борьбе с природой за ее тайны, и о невиданном развитии производительных сил при коммунизме. Тут же досталось и царскому правительству, которое держало народ в темноте и мраке невежества, отчего он влачил жалкое существование. «Низка была техника, низка была культура, ничтожно мало было и использование естественных богатств» (Губкин, 1931; цитируется по «Избр. соч.», 1953, с. 239).

Губкин обещал ограничиться в докладе рассмотрением энергетических (угля, нефти, газа, торфа, воды, ветра и леса) и минеральных ресурсов. Фак-

тически он дал подробный обзор сведений о запасах и добыче угля, нефти, торфа, рассказал также кое-что о горючих газах, энергии воды и ветра, о запасах леса. Затем – о нерудных ископаемых, а рудным уделил лишь несколько общих фраз (12 строк!). Суть этого раздела сводится к тому, что «металл – основа из основ нашего социалистического строительства» (там же, с. 258).

Другая половина этого раздела не менее «глубокомысленна»: «Валютные соображения, пока мы находимся в капиталистическом окружении, заставляют нас уделить внимание и так называемым благородным металлам: золоту, платине и серебру, но потом, при коммунистическом строе, они утратят значение «кумира священного» и войдут в самый прозаический обиход человечества» (там же, с. 259).

Новый председатель Совета по поводу выполненной ранее работы (изданы сводки по углю, железу, нефти, четырехтомник «Нерудные полезные ископаемые» и «Обзор минеральных ресурсов» в двух томах) заявил, что это капля в море и не может удовлетворить потребности в подсчетах промышленно-эксплуатационного характера (там же, с. 242). Но сам он даже и задач не поставил по изучению рудных ископаемых.

В конце доклада прозвучали недвусмысленные намеки. «В такую эпоху оставаться сторонним зрителем происходящего, так называемым объективным исследователем, «добру и злу внимая равнодушно», – это значит не понять всего величия и значения науки, выросшей из потребностей жизни и долженствующей этим потребностям служить. Наука, оторванная от жизни вообще, – мертвая наука «схоластика», а наука, «оторванная от жизни в наше время, в нашей стране, обречена на гибель» (выделено мною – А.Г.). Жизнь пройдет мимо такой «науки для науки» и создаст себе новые научные центры, где наука будет служить задачам жизни и ученые будут представлять не замкнутую касту, не вещей оракулов, а органическую часть единой великой семьи трудящихся, в которой будет воплощена идея уничтожения грани между трудом умственным и физическим» (там же, с. 262).

Закончился доклад известными призывами и здравницей в честь полного слияния науки и труда. Стало быть, ему было не стыдно выступать в Академии с подобного рода заявлениями, оскорблять академиков, угрожать им. Он понимал, что мало кто может решиться дать ему отпор. Всего полгода тому назад прошел процесс «Промпартии». Материалы публиковались в печати. Основные обвиняемые были приговорены к расстрелу, который был потом заменен десятью годами заключения с последующим поражением в правах на пять лет. А ведь могли бы и не помиловать...

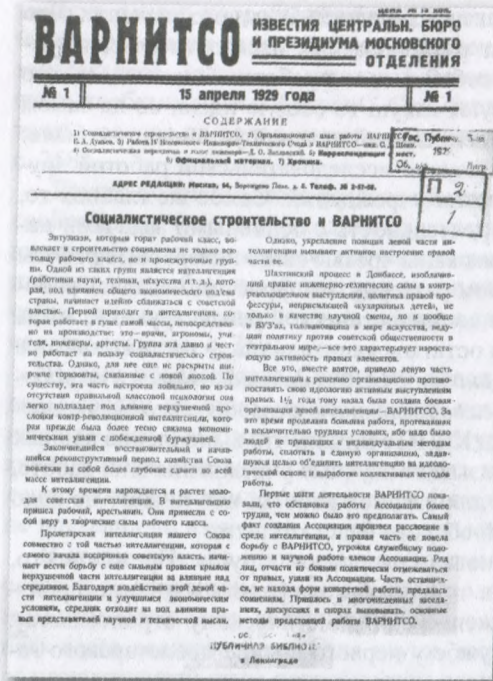
Еще один доклад Губкина посвящен в 1931 г. деятельности Академии наук (Губкин, 1953, с. 263–272). Здесь он откровенно порочит работу Комиссии, проделанную до его вступления на пост председателя СОПС. «Работа КЕПС и Комиссии экспедиционного исследования была работой необходимой, но она не была увязана с задачами нашего строительства; поэтому

она не могла принести большой пользы и получить большого значения. Что представляла собой КЕПС? Агрегат разнообразных исследовательских учреждений, плохо спаянных между собой в своей работе. Казалось бы, что эти учреждения воплощают, реализуют какую-то общую идею, но на самом деле в их работе этой стержневой идеи, единой целевой установки не было: работа КЕПС была слабо увязана с научно-исследовательской работой других академических и внеакадемических учреждений. Самое же главное то, что КЕПС не сумела увязать свою деятельность с основными задачами нашего строительства (хотя ею опубликованы чрезвычайно интересные работы по разным вопросам). Когда широким развернутым фронтом началась работа по индустриализации страны, ее социалистической реконструкции, когда мы повели наступление на позиции остатков капитализма, – тогда выявилась враждебность идеологических установок КЕПС и наблюдавшаяся в ее работе идеалистическая установка на самодовлеющую цель научного исследования: наука для науки... Руководители КЕПС считали, что выполнение данных извне заданий по планированию связывает научные учреждения в их работе, что эти задания являются помехой для научной работы, ибо никому не надо знать заранее, что именно и в какой области будет открыто.

У Совета идеологическая установка совершенно другая. Прежде всего, его основная задача заключается в том, чтобы направить изучение производительных сил целиком на служение социалистическому строительству. Не наука для науки, а наука на службе у первого в мире пролетарского государства, строящего свою экономику, свое народное хозяйство на новых социалистических началах, поставившего перед собой великую задачу перестройки всего человеческого общества на основе коммунизма. По целевым установкам и по характеру своей работы СОПС не представляет собой продолжения КЕПС, а является ее отрицанием» (там же, с. 270, выделено мною – А.Г.).

Всероссийская ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (ВАРНITCO)

В 1927 г., когда готовилось наступление власти на Академию наук, в противовес ей была сформирована Ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (ВАРНITCO). Несомненно, что создание ВАРНИТСО было инспирировано самыми верхами, а в числе тайных инициаторов Ассоциации Ф.Ф. Перченков называет А.Я. Вышинского и В.М. Свердлова (Перченков, 1995). Инициативную группу по созданию ВАРНИТСО возглавил химик и биохимик Алексей Николаевич Бах, активно содействовавший советизации российской науки и избранный действительным членом Академии в 1929 г. (Романовский, 1999). Он же затем возглавил и Ассоциацию.

За год-полтора Ассоциация вполне организационно оформилась и окрепла и в 1929 г. уже имела свой печатный орган – «ВАРНИТСО – Известия Центрального бюро и Президиума Московского отделения» (Рис. 11).

Редакционная статья первого номера за 1929 г. «Социалистическое строительство и ВАРНИТСО», по-видимому, является программной. Светлое будущее, по мнению вождей Октября, построит пролетариат в союзе с трудовым крестьянством. А интеллигенцию не жаловал ни Владимир Ульянов-Ленин, ни его наследники (Сойфер, 1990). Но поскольку она все-таки нужна власти, приходится мириться с ее существованием. Но, конечно, перековывать старую буржуазную интеллигенцию в красную. Идеологи ВАРНИТСО полагают, что первой сближается с

советской властью та группа интеллигенции, «которая работает в гуще своей массы, непосредственно на производстве: это врачи, агрономы, учителя, инженеры, артисты. Группа эта давно и честно работает на пользу социалистического строительства. Однако для нее еще не раскрыты широкие горизонты, связанные с новой эпохой. По существу, эта часть настроена лояльно, но из-за отсутствия правильной классовой идеологии она легко подпадает под влияние верхушечной прослойки контрреволюционной интеллигенции, которая прежде была связана экономическими узами с побежденной буржуазией» (Известия..., 1929, с. 3, выделено мною – А.Г.)

Далее руководители Ассоциации пропагандируют лозунги и положения, обычные для советской прессы того времени. Тем, кто недостаточно знаком с советской историей, может быть непонятна та атмосфера, которой была проникнута тогда вся жизнь общества. Цитируемая статья проливает некоторый свет на обстановку двадцать девятого года. «Однако укрепление позиции левой части интеллигенции, – провозглашает редколлегия, – вызывает активное настроение правой части ее.

Шахтинский процесс в Донбассе, изобличивший правые инженерно-технические силы в контрреволюционном выступлении, политика правой профессуры, неприемлющей «кухаркиных детей» не только в качестве научной смены, но и вообще в вузах, головановщина в мире искусства, ведущая политику против советской общественности в театральном мире, все это характеризует нарастающую активность правых элементов.

Все это, вместе взятое, привело левую часть интеллигенции к решению организационно противопоставить свою идеологию активным выступлениям правых. Полтора года тому назад была создана боевая организация левой интеллигенции – ВАРНИТСО (Соц, строит-во..., 1929).

Первые шаги деятельности ВАРНИТСО показали, что обстановка работы Ассоциации более трудна, чем можно было это предполагать. Самый факт создания Ассоциации произвел расхождение в среде интеллигенции, и правая часть ее повела борьбу с ВАРНИТСО, угрожая служебному положению и научной работе членов Ассоциации. Ряд лиц отчасти из боязни политически отмежевываясь от правых ушли из Ассоциации. Часть оставшихся, не находя форм конкретной работы, предалась сомнениям. Пришлось в многочисленных заседаниях, дискуссиях и спорах выковывать основные методы предстоящей работы ВАРНИТСО» (там же, с. 3).

На самом деле здравомыслящие люди, истинные российские патриоты, такие как А.П. Карпинский, В.И. Вернадский, И.Н. Стрижов, видели весь ужас происходящего с людьми, с природой, народным хозяйством, со страной в целом. Но они понимали, что большевизм – это надолго. И нужно жить, терпеть и работать не для нынешней власти, а для России, для ее будущего. И никакого тайного сопротивления так называемому плановому хозяйству, социалистическому строительству (а на самом деле хищничеству по отношению к природе, недрам) в среде научно-технической интеллигенции не было. Разногласия с чиновниками-хищниками по проблемам рационального ведения хозяйства, в частности разработки и эксплуатации недр, безусловно, были. Но большевистские бонзы стремились придать им политическую окраску, избавиться от талантливых соперников, способных занять руководящие посты в промышленности и науке. В этом и был тайный смысл борьбы с мнимыми правыми. Именно это и крылось за словоблудием об усилении классовой борьбы и расслоении интеллигенции.

А случайно вовлеченные в Ассоциацию люди естественно отшатывались от нее, когда понимали, что в бессмысленных словопрениях они только тратят время, могут быть вовлечены в грязные интриги против своих коллег. Да и просто некогда было работать. На VI съезде Всесоюзной Ассоциации инженеров (ВАИ) в декабре 1926 г. выступавшие отмечали, что на предприятиях директор и замдиректора 41 процент рабочего времени заседают, 30 тратят на прием и доклады, 11 – на отчеты и только 14 – на производство. А «общественные организации инженеров... находятся под подозрением у

контролирующих организаций. Вообще их состояние можно назвать тяжелым ожиданием» (Гараевская, 1996, с. 149).

И тяжелые предчувствия не обманули. В это время опричники Сталина уже вели свои *разработки*, которые были начаты еще 7 ноября 1917 г. его учителем и с тех пор никогда более не прекращались.

Когда в 1936 г. возникло «Дело академика Николая Николаевича Лузина», в травле главы российской математической школы активно участвовала Ассоциация в целом и, естественно, Иван Михайлович Губкин (Рис. 12).

Дело было инспирировано свыше. На примере избранной жертвы (а в этом смысле Сталину было все равно – математик это, биолог или физик), вождь намеревался преподать академикам наглядный урок. Пора было прекратить печатание самых крупных по значимости трудов за границей, следовало почаще выступать с патриотическими речами и лозунгами, в общем, быть, прежде всего, *советскими патриотами*. И в этом смысле математик Лузин оказался удачно выбранной мишенью. С подробностями этого дела читатель может ознакомиться в книге «Дело академика Николая Николаевича Лузина» (1999).

Рис. 12. И.М. Губкин был активным членом ассоциации (фото из книги Я.Н. Кумока)

Академики И.М. Губкин и Н.Н. Лузин были, безусловно, лично знакомы. В тридцатые годы число действительных членов Академии наук не превышало ста человек (Кривоносов, 2004). А активисты партгруппы, надо полагать, постоянно помечали в своих списках – *наш по духу, ближе к нам, на подозрении* и т. п.

Казалось непонятным – для чего геологу Губкину ввязываться в дело математика? Мог бы уклониться от участия в разбирательствах, сослаться на занятость, сказатьсь больным. Нет, член ВАРНИТСО, большевик Губкин, конечно, не мог, а главное – не хотел оставаться в стороне, когда *социально близкие* травили тех, на кого власть указала пальцем. А вдруг подумают, что он солидарен с врагом, заодно с ним?

Надо сказать, что далеко не все академики следовали высочайшим указаниям. И не только уклонялись от участия в разоблачении мнимых прегрешений Лузина, но либо склонялись к мягким вариантам резолюции по делу (сам председатель ВАРНИТСО А.Н. Бах!), либо вообще отрицали наличие «состава преступления» в поведении своего коллеги (Дело академика..., 1999).

Видимо, по разрядке (куда кому) Губкина направляют в Институт органической химии, где он выступает с гневной речью против мнимого врага и вредителя, еще не зная, что наверху уже предполагают завершить это дело не исключением из Академии и репрессиями, а ограничиться мягкой формулировкой, предупреждением. Немного поугуляли – и хватит. Вождь не позволил своим сатрапам – заведующему Отделом науки Московского комитета ВКП(б) Э. Кольману и главному редактору «Правды» З.Л. Мехлису принимать окончательное решение.

Но Губкин еще не знает о высочайших указаниях (видимо, они поступят немного позднее). И со всей большевистской непримиримостью обвиняет Лузина во всех выдуманных его завистниками грехах. И по существу попадает впросак. Но об этом он узнает немного позднее. А пока в «Правде» 15 июля публикуется его злобная речь. В упомянутой выше книге текст выступления Губкина приводится в сокращении. И с любезного разрешения ее составителей мы даем эту речь Губкина в «Приложениях» (Приложения).

В личном деле ректора Московского нефтяного института И.М. Губкина хранится набросок его партийной характеристики без точной даты и подписи, вероятно, второй половины тридцатых годов. В ней говорится: «Кроме того, И.М. – член ОКК-РКИ, депутат Моссовета. Во всей своей работе И.М. Губкин твердо проводил директивы партии и ее ленинскую генеральную линию, защищая ее в области своей деятельности от наскоков и нападений как со стороны контрреволюционного троцкизма, так и со стороны правых элементов и «левых» загибщиков, борясь и разоблачая вредительские установки» (Губкин И.М., личное дело, л. 10).

Журнал «Нефтяное и сланцевое хозяйство»

Главный нефтяной комитет практически с первых же месяцев своего существования учредил свой печатный орган – «Известия Главного нефтяного комитета». Вскоре этот журнал был переименован в «Нефтяное и сланцевое хозяйство». Редколлегия состояла всего из трех человек: И.М. Губкин, П.М. Шох, В.Н. Якубов, позднее в нее вошел И.Н. Стрижов (Рис. 13).

Председателем редколлегии был утвержден И.М. Губкин. В двадцатые годы в центре журнал был единственным органом, в котором освещались все стороны нефтяного и газового дела: геология, бурение скважин, разработка и эксплуатация месторождений, охрана нефтяных недр, переработка нефти и газа и их транспорт, экономика нефтяной промышленности, зарубежный опыт и т.д.

При известной загруженности председателя редколлегии разнообразными обязанностями (Главный нефтяной комитет, Сланцевый комитет, преподавание, а вскоре и ректорство в МГА) основную нагрузку по выпуску очередных номеров журнала несли штатные сотрудники. Вероятно, что дело так обстояло и раньше, и продолжается поныне. Тем не менее, редактор, болеющий за свое детище и отвечающий за него, прежде чем завизировать номер к печати, его внимательно прочитывает.

В статье «Доверие народа – высшая награда» кандидат в депутаты Вер-

Рис. 13. Первый состав редколлегии журнала «Нефтяное хозяйство»: слева-направо: П.М. Шох, И.Н. Стрижов, И.М. Губкин (председатель), В.Н. Якубов (редактор)

ховного Совета СССР И.М. Губкин, желая рассказать своим избирателям о своей близости к В.И. Ленину, простодушно вспоминает весьма характерный для его бурной деятельности эпизод.

3 июня 1921 г. вождь обратился к Губкину с запиской по поводу возможной экономии металла при обсадке нефтяных скважин. Оказывается, Ленин внимательно прочитал в «Нефтяном и сланцевом хозяйстве» реферат из американского источника «Замена металлических труб цементным раствором при бурении нефтяных скважин» (1921). Описание процесса крепления стенок скважины смесью цементного раствора, песка, гипса и шпатового железняка без спуска металлических труб похоже на первоапрельскую шутку. Но статья из американского журнала была добросовестно переведена на русский и опубликована в разделе «Хроника». И, видимо, председатель редколлегии подписал журнал к печати, едва его пролистав.

«Письмо Владимира Ильича меня чрезвычайно обрадовало и в то же время пристыдило. Мелкая заметка действительно была похоронена где-то на задворках журнала и напечатана петитом. Я поспешил достать номер американского журнала «Mining and Metallurgy», из которого была перепечатана заметка, и увидел, что речь шла пока что не о практическом опыте, а о предложении. Написал об этом Владимиру Ильичу. Он снисходительно отнесся к моей ошибке» (Губкин, 1938, с. 23–24).

Отсюда следует, что: 1) Губкин подписал номер к печати не ознакомившись с текстом; 2) что по существу вопроса он сразу ответить не мог, обходятся ли американцы без труб или это только фантазия (якобы предложение), или цемент применяется для закрепления стенок скважины *трубами*. И ему пришлось разыскивать журнал. Если бы Губкин знал об опыте крепления скважин в России, он должен был бы ответить сразу: «В реферате что-то не так, упустили».

С тех пор, как в редколлегию пришел И.Н. Стрижов, журнал стал весьма авторитетным, солидным изданием. Иван Николаевич постоянно поднимал новые проблемы, ставил широкие задачи для отрасли, для всего хозяйства страны в целом. В их обсуждении на страницах журнала участвовали крупные специалисты, авторитетнейшие работники. И теперь председатель редколлегии мог действительно подписывать журнал к печати, не читая и не листая. Если выпуск готовил Стрижов, за содержание номера можно было быть совершенно спокойным. Так же как и за постановку всего дела в целом.

Как уже отмечалось выше, «Нефтяное хозяйство» было единственным журналом в отрасли, издававшимся в центре. Но он, конечно, не мог вместить всего объема полезной информации, получаемой в регионах. И за счет средств нефтетрестов на местах печатались еще и «Грозненское нефтяное хозяйство» и «Азербайджанское нефтяное хозяйство». Они были, безусловно, полезны, необходимы и более доступны, чем центральный журнал, специа-

листам регионов. И печатавшиеся там статьи имели зачастую, так сказать, не местное значение, а поднимали крупные проблемы литологии, стратиграфии, тектоники Кавказа, геологии нефти и газа. Порой и столичные геологи представляли свои материалы не только в центральный журнал, но и в Баку, и в Грозный. И даже член редколлегии «Нефтяного и сланцевого хозяйства» Иван Николаевич Стрижов статью о системе разработки нефтяных месторождений направил в 1923 г. одновременно в два журнала – в центральный и в грозненский (Стрижов, 1923). До поры до времени свобода научного слова в СССР еще существовала. И Губкин, пока не добрался до самой вершины власти в геологоразведке и нефтяном деле, определенные вольности региональным журналам и издательствам позволял, не предвидя опасности, которую представляли для него конкуренты на местах. Но об этом немного позднее.

Большевики создали систему, при которой первым лицом на производстве, в организации, учреждении должен был быть партиец, независимо от его образования и квалификации, а воз тянули заместители-специалисты (зачастую еще и под наблюдением комиссаров). Иван Николаевич в частности вспоминает, что в МГА он был заместителем председателя предметной комиссии И.М. Губкина и нередко замещал его (Стрижов И.Н. Автобиография, 1943, л. 8). Таков был стиль работы советских чиновников.

После ареста Стрижова редколлегия была пополнена новыми сотрудниками. Они и обеспечивали работу журнала.

Выводы по разделу:

И.М. Губкин, несомненно, обладал организаторскими способностями. И при демократическом устройстве общества, вполне вероятно, работал бы с большей отдачей и пользой, чем при тоталитарном режиме. Не меньшие, а скорее, большие способности, таланты имели другие инженеры и ученые, состоявшие до октябрьского переворота в других, нежели Губкин, партиях. Но власть на руководящие должности ставила только *своих*. Поэтому многочисленные комиссии и комитеты возглавляет именно *большевик-патриот* И.М. Губкин. Как действовали бы те же учреждения под руководством В.И. Вернадского, А.Д. Архангельского, И.Н. Стрижова, П.И. Пальчинского – догадаться нетрудно. Многие большие дела были начаты до подключения к ним И.М. Губкина и развивались без него вполне успешно. А продолжались бы без его участия и еще лучше. Некоторые из руководимых им комиссий и комитетов (КМА, Сланцевый комитет) вскоре зачахли, а иные из их сотрудников оказались без вины виноватыми и были репрессированы. Председатель же их оставался до поры до времени неприкасаемым. Деятельность же Губкина в ВАРНИТСО в дополнительных комментариях не нуждается.

Глава 5

КРАСНЫЙ АКАДЕМИК

И.М. Губкин и Геолком

«В Петрограде, – писал Губкин, – меня ожидало распоряжение ВСНХ выехать в Москву... где, впоследствии образовался Советский геологический комитет в противовес старому Геолкому, не признававшему Советской власти. Я с большой горячностью стал работать в новом Геолкоме» (Губкин, 1938).

С петровских времен недра России находились в ведении Горного департамента страны. Здесь оформлялись разрешения на создание промыслов, велся учет добычи полезных ископаемых, выдавались премии рудознателям, принимались решения о наказании неплательщиков налогов.

Геологические исследования с целью выявления полезных ископаемых проводились в губерниях силами Управлений горных округов за счет государственных и губернских бюджетных ассигнований и средств, выделяемых земствами. Но к концу XIX века геологической общественности России стало ясно, что исследования эти уже не удовлетворяют потребностей огромной державы. И 31 января 1882 г. был подписан Указ об учреждении Геологического Комитета Российской Империи.

«Инициаторами создания Геолкома были профессора Петербургского горного института: Г. Романовский, Г. Гельмерсен, В. Ерофеев, Н. Барбот де Марни и В. Мёллер» (Спасский, Кравцов, 1983).

Первым директором Комитета был утвержден академик Г. Гельмерсен, но уже в октябре 1882 г. его сменил В. Ерофеев, а в 1884 г. после кончины В. Ерофеева директором стал Александр Петрович Карпинский. Он возглавлял Геолком в течение 18 лет и одновременно был главным редактором геологической карты Европейской части России, отдельные листы которой в масштабе 1:42000 составлялись сотрудниками Геолкома. Насколько ответственной и почетной являлась работа в Геолкоме, в особенности в первые десятилетия его деятельности, можно представить себе, познакомившись со списком его сотрудников.

В 1882 г. штатными сотрудниками Комитета были А.П. Карпинский, И.В. Мушкетов, С.Н. Никитин в качестве старших геологов, В. Домбер,

А.А. Краснопольский, Ф.Н. Чернышов в качестве младших, хранителем коллекций и делопроизводителем – А. Махальский.

Поскольку организаторами Геолкома были профессора Петербургского горного института, неудивительно, что именно своих питомцев они и рекомендовали на работу в Комитет. В самом конце столетия в Геолком пришли молодые геологи и палеонтологи – П. Лутугин, А. Борисьяк, Н. Яковлев, Э. Толль. Труды их вскоре будут известны во всем мире.

В дальнейшем директорами Геолкома будут Ф.Н. Чернышов (1903–1913), К.И. Богданович (1914–1917), В.Н. Вебер (1917–1919), А.К. Мейстер (1919–1921), А.Н. Рябинин (1921–1924), Н.Н. Яковлев (1924–1926), Д.И. Мушкетов (1926–1929). В 1929 г. короткое время обязанности директора исполнял член Совета ВСНХ СССР Р. Радченко.

Во время учебы И.М. Губкина в институте профессор Карл Иванович Богданович одновременно исполнял обязанности вице-директора Геолкома (директором тогда был Ф.Н. Чернышев). Надо думать, что Карл Иванович хорошо знал немолодого студента, отличавшегося трудолюбием и усердием. Не исключено, что Губкин был вхож в дом профессора. Восприемницей (крестной матерью) дочери Губкина Галины в 1910 г., уже после окончания Губкиным института, была супруга Карла Ивановича Полина Николаевна. И вполне вероятно, что именно он рекомендовал своего выпускника в Геолком. И не случайно подающий надежды геолог был направлен в Майкопский нефтеносный район. Здесь его наставником и руководителем был горный инженер С.И. Чарноцкий и все тот же Карл Иванович Богданович – Учитель и опекун, видевший, разумеется, не только упорство и настойчивость зрелого мужа в овладении азами геологических наук, но и его житейские проблемы. (Студенту кроме себя самого во время учебы нужно было прокормить еще жену и сына, а по окончании института уже двоих детей).

Нефтяная секция в Геологическом комитете, которая объединила всех геологов, проводивших исследования в нефтеносных районах России, была организована в январе 1917 г. В нее входили А.Д. Архангельский, Д.В. Голубятников, И.М. Губкин, К.П. Калицкий, С.И. Миронов, Н.Н. Тихонович, М.В. Абрамович, В.Н. Вебер, а позднее – и более молодое поколение: Н.А. Кудрявцев, Б.А. Алферов, В.В. Вебер, Н.А. Гедройц, Н.Б. Вассоевич, В.Б. Порфирьев, Л.А. Гречишкин, Н.Ю. Успенская, И.О. Брод, С.И. Ильин (Проблемы..., 1979).

Еще до формального образования секции сотрудники Геолкома определились с выбором определенных регионов. На Апшероне работал Д.В. Голубятников, с первых же шагов ставший его патриотом и посвятивший Апшеронской нефтеносной области тридцать лет – все последующие годы своей жизни. К.П. Калицкий короткое время вел исследования в Грозном, Дагестане, а затем переключился на Закаспий (Челекен, Фергана) и стал знатоком и ведущим в стране геологом по этому краю. Н.Н. Тихонович, С.И. Миронов,

А.Н. Замятин изучали Урало-Эмбенский район. Д.В. Голубятников, затем и М.В. Абрамович свою привязанность к Апшерону, а К.П. Калицкий к Фергане навсегда сохранили. И.М. Губкину довелось исследовать Майкопский район, отдельные листы геологической карты России по Крыму и Апшерону. И хотя в дальнейшем в своих учебниках и докладах на сессиях Международных конгрессов он будет обращаться к Кавказу и Предкавказью, глубоким знатоком какого-то определенного района, таким как Голубятников, Калицкий или Тихонович, он, конечно, не стал.

Вскоре после октябрьского переворота правительство Советской России перебралось из Петербурга в Москву. Но ряд государственных организаций, в том числе и Российская Академия наук и Геологический комитет остались в Петербурге.

Для ВСНХ, Госплана России это было весьма неудобно. И, видимо, для обеспечения большей оперативности работы было учреждено Московское отделение Геолкома. Нужно сказать, что региональные отделения Геолкома существовали в отдельных губерниях России и занимались действительно полезной практической деятельностью. А Московское отделение должно было служить по замыслу его создателей связующим звеном между Петроградом и Москвой.

Проанализируем фразу Губкина о *советском и старом* Геолкоме. Нет никаких сомнений в том, что утверждение Губкина «*впоследствии образовался Советский геологический комитет в противовес старому Геолкому, не признававшему Советской власти*» – ложное. Во-первых, образовался не новый Геолком, а лишь Московское отделение, на правах регионального отделения того самого *старого Геолкома*. Во-вторых, отделение это было создано по решению Комитета. Если бы *старый Геолком* действительно не признал советской власти, финансирование его деятельности было бы прекращено. На этот счет у новой власти представления были четкие. А саботажников бы определили на *перевоспитание* незамедлительно. Так что ни одного слова правды по существу вопроса в заявлении Губкина нет.

Напротив, распоряжения центра Геолкомом выполнялись, насколько позволяли условия гражданской войны и всеобщей разрухи. Так, Казимир Петрович Калицкий, избранный в 1918 г. руководителем нефтяной секции Геолкома, в том же году, несмотря на огромные трудности, добрался до района реки Ухты. «Это была первая *советская* экспедиция, организованная Геологическим комитетом с целью геологического обследования Ухтинского нефтяного месторождения», – пишут З.А. Мишунина и В.В. Вебер (Мишунина и др., 1974, выделено мною – А.Г.). А в 1919–1920 гг. Калицкий по поручению Геолкома работал в Поволжье (там же). Так что независимо от того, нравилась ли многим сотрудникам Геолкома власть большевиков или нет, они продолжали служить своему делу, служить России.

А создание новой властью бесконечных комиссий, комитетов, отделений люди науки, люди дела воспринимали как административную суету. Поэтому геологи северной столицы считали создание Московского отделения излишним. Активно выступал против этих аппаратных игр помощник Д.И. Мушкетова В.К. Котульский. Н.Н. Яковлев пишет, что «В.К. Котульский был человеком определенных твердых убеждений... Он неукоснительно твердил о ненужности Московского отделения Геологического Комитета и необходимости его закрытия, что, конечно, очень не нравилось московским геологам» (Яковлев, 1965). И начались бесконечные реорганизации. Уже в двадцатые годы были заложены основы командно-административной системы, уничтожившей самостоятельность как специалистов и ученых, так и целых организаций. В марте 1926 г. было отменено положение, согласно которому должность директора комитета была выборной (выборы были введены 6 февраля 1917 г.). С этого времени директор и его помощники назначались Президиумом ВСНХ.

С 20 апреля 1926 г. Геолком возглавил профессор Горного института Д.И. Мушкетов, его заместителем был назначен И.М. Губкин, помощниками – А.К. Мейстер, В.К. Котульский, Н.Н. Тихонович.

В октябре 1929 г., когда власть вышла на новый виток в череде погромов в храме науки и техники (Алексеев, 1988), Геолком был реорганизован. 27 июня 1929 г. было принято постановление Президиума ВСНХ о реорганизации (децентрализации) Геолкома в Главное Геологоразведочное управление (ГГРУ) при Президиуме ВСНХ СССР. С октября 1929 г. по апрель 1930 г. в состав ГГРУ входили 7 институтов и 12 районных геологоразведочных управлений. В ГГРУ входил сначала и новый Геологический комитет, реорганизованный 1 апреля 1930 г. в институт геологической карты.

Понятно, что в статье 1983 г. (Спасский, Кравцов, 1983) ее авторы еще не могли открыто говорить о том, что бесконечные реорганизации, начавшиеся в 1929 г., были направлены на отстранение, а в дальнейшем и физическое уничтожение *буржуазных специалистов* и замену их *красными*. И о том, что реорганизация Геолкома была по существу его разгромом. Созданное на его базе Главное Геологоразведочное управление ГГРУ не могло заменить ГЕОЛКОМа как научно-методического центра страны. А партбилет Губкина, назначенного начальником ГГРУ, не мог заменить научного потенциала Д.И. Мушкетова.

Последствия этого погрома сказались практически мгновенно. И уже в 1931 г. бывшие научно-исследовательские подразделения Геолкома были вновь объединены в Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт (ЦНИГРИ, с 1939 г. – ВСЕГЕИ). То есть по существу Геолком был восстановлен.

Тем не менее, своего И.М. Губкин добился: избавился от ненавистных ему руководителей и получил еще один начальственный пост. Соперники

были сметены с дороги, отстранены от руководства геологической службой. В.К. Котульский в 1930 г. занялся *проблемой никеля на Кольском полуострове* (Нехорошев, 1978, с. 254). Д.И. Мушкетов также мешать полновластному хозяину в геологии уже не мог. Но у Дмитрия Ивановича еще оставались весьма высокие посты (кафедра и геологический музей в Ленинградском Горном институте) и влияние если не на дела непосредственно, то на умы коллег и подрастающего поколения, и огромный авторитет во всем мире. И это не позволяло И.М. Губкину спокойно жить.

И он беспрерывно боролся с геолкомовским духом, с геолкомовскими традициями. Боролся сам, призывал бороться коллег. На сессии АН СССР, состоявшейся 12–19 ноября 1932 г., И.М. Губкин говорил: «Промышленность и другие отрасли народного хозяйства требовали... изучения месторождений, бурения, проведения горных выработок. Но Геологический Комитет на этот путь никак не желал становиться, он считал этот путь искажением своего служения чистой науке». И далее: «Основной характерной чертой деятельности современной геологической службы является полная ее увязка с задачами социалистического строительства, ее служебная роль в этом строительстве. Геологическая служба – один из элементов великой стройки, а не самодовлеющее учреждение со своими задачами служения геологической науке в мировом масштабе, каким стремился все время сделаться старый царский Геолком» (Губкин, 1933).

В один голос с Губкиным выступают М.М. Тетяев, С.А. Аржекаев и их единомышленники: «Наличие геолкомовских традиций среди некоторой части старых специалистов ЦНИГРИ осложняет работу над составлением плана научно-исследовательских работ второй пятилетки. Сущность их в основном сводится к следующему: а) желание уйти от текущих вопросов промышленности и углубиться в разработку вопросов теории вне связи ее с практикой; б) стремление работать во чтобы то ни стало индивидуально, замкнуто, обособленно от других, с тем чтобы быть монополистом в знании того или другого участка нашей территории или того или иного объекта полезных ископаемых; в) бесконтрольность и безотчетность в работе; г) крайняя медлительность в сроках работы; д) отрицание возможности планировать и нормировать научно-исследовательскую работу. Это отрицательное наследство, полученное нами от бывшего Геолкома, должно быть учтено при разработке второй пятилетки ЦНИГРИ» (Тетяев, Аржекаев и др., 1932 с. 9).

Директор Института В.А. Языков в статье, посвященной работе ЦНИГРИ, писал о том, что промышленность предъявляет серьезные претензии к институту, его называют «учреждением паразитического характера». И от трестов, средств на исследования, оторванные от самых насущных, как им представлялось, проблем, не поступает (Языков, 1935, с. 16).

Естественно, работу ЦНИГРИ перестраивали, приближали тематику к решению «народнохозяйственных проблем с точки зрения обеспечения... соот-

ветствующей минерально-сырьевой базой» (там же). И в то же время «часто бывают нападки на то, — пишет В.А. Языков, — что ЦНИГРИ превращается из геологического института в какой-то другой, что мы забросили геологию, геологией не занимаемся...» (там же).

Как же решались эти насущные проблемы в институте, который лихорадило от разноречивых требований и действий разнонаправленных сил? Очень просто: руководство ЦНИГРИ боролось с «геолкомовскими традициями». Как велась эта борьба и перестройка работы института, директор рассказывает предельно четко и откровенно: «С этими тенденциями у нас велась борьба, и главным образом по линии оздоровления состава нашего института. Конечно, нельзя представлять себе эту борьбу в виде изъятия отдельных крупных специалистов института, вышедших из социально-чуждой среды. Борьба с традициями — вещь тяжелая в условиях таких учреждений, как наш институт, поэтому бороться можно только путем систематического внедрения плановости в работу, с одной стороны, путем приближения работы к вопросам промышленности и с другой — путем систематического роста социально-близких кадров. Имея в своем составе прекраснейшее ядро крупных специалистов, мы все время чувствуем недостаток в новой молодежи, и в первую очередь в партийной, среди наших специалистов, хотя значительные изменения мы уже внесли в соотношение по этим отдельным категориям.

Если на 1 апреля 1932 г. из общего состава партийцев ЦНИГРИ в 111 человек мы имели 28 специалистов, то на 1 апреля 1933 г. мы имели 133 партийца и 33 специалиста из них, а на 1 апреля 1934 г. мы уже имели специалистов-коммунистов 51 человека; т.е. в течение этих двух лет количество специалистов-коммунистов, не говоря уже об окончивших в советское время социально близких нам специалистов, почти удвоилось»....

«Естественно поэтому, что самый смысл работы института был коренным образом изменен, и нужно полагать, что именно по линии этого изменения, по линии приближения своих работ к запросам промышленности должны идти другие институты, и в частности растущий и необходимый в Москве Институт геологии и минералогии».

«К сожалению, на громадной территории Советского Союза пока что существует только один институт в области геологии и геологоразведочного дела, который является хранителем накопленного объема знаний, накопленного опыта и материалов и обладателем высококвалифицированных кадров» (Языков, 1935, с. 21).

Геологическая съемка — основа основ геологии. И проводилась она во многих районах России царским Геолкомом не только в интересах чистой науки, как утверждал Губкин (а чистая наука — стратиграфия и литология, тектоника и магматизм — это база для оценки перспектив любого региона на полезные ископаемые), а именно с целью ликвидации белых пятен на огромной территории России, изучения новых регионов и выявления в конеч-

ном итоге месторождений рудных и нерудных ископаемых. Еще в 1901 году, за девять лет до начала работ Губкина, Геолком приступил к составлению геологических карт нефтеносных областей Кавказа. И именно Геолком направил своего начинающего адъюнкт-геолога в Майкопский нефтеносный район с совершенно конкретной практической программой — разобраться в строении сложного месторождения.

Так что все обличения И.М. Губкиным и его приспешниками царского Геолкома, геолкомовских традиций, геолкомовского духа, сохранившегося до 30-х гг., были откровенной ложью.

И такого рода работы — геологическая съемка перспективных на различные полезные ископаемые многих регионов России — проводились Геолкомом и его отделениями на Кавказе, Урале, в Сибири, несмотря на потрясения революции, переворота и даже гражданской войны, погрома 1929 г. и последующих реорганизаций.

Были у Геолкома грехи и традиции, с которыми трудно согласиться, но повинны в них, видимо, очень многие его сотрудники, и в первую очередь и больше всех сам Губкин. Геолкомовцы в своих трудах обычно ссылались только на работы своих коллег и как бы не замечали вклада геологов Горных управлений и частных фирм в общее дело. Так К.П. Калицкий, К.И. Богданович, К.А. Прокопов, И.М. Губкин редко ссылаются на работы Ф. фон Кошкуня, А.М. Коншина, Е.М. Юшкина по многим нефтяным районам Кавказа. Естественно, что труды кавказских геологов геолкомовцам были известны. А неуважение к ним оказывало плохую услугу тем, кто не замечал их. Анализируя и обобщая результаты исследований высококвалифицированных специалистов, работавших не в центре, а в регионах и публиковавших свои труды в сборниках отделений Географического и Технического обществ и других региональных организаций, они смогли бы подняться на более высокую ступень, скорее приблизиться к разгадке тайн нефти.

Пример И.Н. Стрижова очень показателен. Он опережал коллег практически по всем направлениям нефтегазовой геологии и промышленности не только благодаря своим природным способностям. Приступая к новому для себя делу, он изучал всю опубликованную по проблеме литературу и составлял обзоры. Таковы все его ранние работы, например, «Изучение третичных слоев Кавказа» (1904). Таковы его работы по Тимано-Уральскому региону (1933) и Сибири (1938), многочисленные работы по нефтепромысловой геологии и разработке нефтяных и газовых месторождений, нефтяной и газовой промышленности. Анализируя труды предшественников, Иван Николаевич делал глубокие выводы и обобщения. Здесь уместно вспомнить изречение Альберта Эйнштейна: «Я увидел дальше других, потому что стоял на плечах гигантов». К сожалению, масштаба личности И.Н. Стрижова его современники не оценили.

Ссылались на работы И.Н. Стрижова геолкомовцы очень редко. На-

пример, в Геолкоме в 1913 г. обсуждался вопрос о фонтане нефти на земле генерала Беллика в окрестностях Грозного. И отзыв Николая Ивановича Андрусова о новом месторождении был составлен на основе материалов А.М. Коншина и И.Н. Стрижова.

Упоминал Ивана Николаевича Д.В. Голубятников в связи с оценкой Берекейского нефтяного месторождения (Голубятников, 1906) К.П. Калицкий в работе «Озокерит или горный воск» (Калицкий, 1917) и Н.Н. Тихонович в открытой полемике по поводу поисков нефти в новых местах (Тихонович, 1928). И.О. Брод ссылаясь на Стрижова даже в самом страшном 1937-м и позднее (Брод, Старобинец, Тилупо, Елин, 1937; Брод, 1951). Других случаев припомнить я не могу.

И.М. Губкин же в своих статьях и «Учении о нефти» не ссылаясь не только на работы своих предшественников – геологов частных фирм и горных управлений. Он не ссылаясь на коллег-геолкомовцев и вообще на всех соотечественников. А если и упоминал в «Учении о нефти» Д.И. Менделеева и Г.Л. Стадникова, то только со свойственной ему беззастенчивостью и грубостью. Прекратил ли бы когда-нибудь И.М. Губкин свои обличения «геолкомовских традиций» и преследования геолкомовцев? Думается, что нет. Он постоянно находил повод помянуть высшее геологическое учреждение России недобрым словом. В своей речи, произнесенной в ноябре 1937 г., кандидат в депутаты Верховного Совета СССР вице-президент АН СССР И.М. Губкин говорил по поводу изучения Курской магнитной аномалии: «В разочаровании Курского земства немалую роль сыграл старый Геолком, считавший выводы Лейста нелепостью и всячески поносивший их» (Губкин 1938, с. 28). Естественно, положение исправил якобы сам Губкин, назначенный председателем ОККМА. О своих предшественниках – В.И. Вернадском, А.Д. Архангельском, П.П. Лазареве – «первопроходец» не вспоминает здесь, как никогда не упоминал и ранее.

А по адресу Д.И. Мушкетова, уже арестованного и находящегося под следствием, Губкин высказался в ноябре 1937 г. определенно подло и преступно, явно торопя расправу органов над ним (см. выше, в разделе: о Волго-Уральской НГП).

Речь кандидата в народные избранники была напечатана в газете «Бакинский рабочий» 27 ноября 1937 г. 18 февраля следующего года, то есть менее чем через три месяца Дмитрий Иванович Мушкетов был приговорен к расстрелу. В тот же день, не давая возможности для обжалования приговора и пересмотра дела, его убили в ленинградских Крестах.

Преподаватель

С именем Губкина связывают организацию нефтяного образования в нашей стране. Действительно, он был ректором Московской горной академии, а позднее Московского нефтяного института, поныне носящего его имя (те-

перь – Государственный университет нефти и газа). Вполне вероятно, что в первые пять-семь лет Губкин еще действовал на пользу дела, привлекая к преподаванию многих талантливых ученых. Окончившие МГА и МНИ специалисты вспоминают, что Губкин прекрасно читал лекции. В литературе приводят и такой случай. Приступая к исследованиям в области нефтяной геологии, А.Д. Архангельский, уже будучи с 1917 г. доктором геологии и геогнозии, вместе со студентами прослушал курс лекций у И.М. Губкина. Понятно, что в памяти бывших студентов академик оставил свой след. Естественно и то, что им запомнилась и настольная книга «Учение о нефти» (Губкин, 1932), по которой они готовились к экзаменам. Между тем литературы по геологии нефти, ее поискам и разведке в эти годы было достаточно.

Правомерен вопрос: были ли в двадцатые годы более квалифицированные специалисты и более талантливые руководители? Несомненно, были. Мало кто из студентов Губкина мог в двадцатые годы предположить, что он мог бы прослушать курс геологии нефти у ее истинного основоположника профессора И.Н. Стрижова, который здесь же, в МГА, читал лишь курс «Газового дела» и вел занятия в газовой лаборатории. И не будь Стрижов репрессирован, он, несомненно, написал бы свою «Геологию нефти» в 1930–1931 гг., что было предусмотрено его программой командировки в США. Уже через год после возвращения из США, в 1929 г., он опубликовал первую книгу «Американские нефтеперегонные заводы». Была реальная угроза того, что он выполнит все задуманное: даст столь же капитальные сводки по бурению, транспорту, экономике, высшему образованию, и, конечно, геологии нефти и газа. Такой человек был опасен. Тем более что он не вписывался в систему, служил не ей и возглавлявшим ее чиновникам, а своему делу, высказывал свое мнение, не ожидая указки сверху.

Для подготовки геологов-нефтяников в тридцатые годы большую пользу, чем книги Губкина, могли принести курсы лекций К.И. Богдановича «Очерк месторождений нефти и других битумов» (1921) и К.П. Калицкого «Геология нефти» (1921) и, несомненно, труды И.Н. Стрижова, если бы они были собраны и переизданы. Безусловно, полезны были работы Э. Блюмера, Д. Хагера, К. Крейчи-Графа, К. Крэга. Труды этих исследователей были, в отличие от учебников Губкина, основаны на материалах собственных исследований, оригинальны по замыслам и по разработке многих вопросов. В.В. Вебер вспоминает, что Губкин рекомендовал им, молодым тогда сотрудникам НГРИ, перевести на русский язык книгу Э. Блюмера, а потом использовал ее, как и работы других авторов, при подготовке «Учения о нефти» (Приложение). Об этом же рассказывает и З.А. Мишунина (Приложение).

Учебники же Губкина компилятивны не только по содержанию, но даже и по своему построению. За основу Губкин взял упоминавшуюся выше работу Г. Гефера и дополнил ее материалами, накопившимися к моменту подготовки «Учения о нефти» (Губкин, 1932).

Внедрение в Академию наук СССР

В 1925 г. Российская Академия наук отметила 200-летие. Тогда же было принято решение о превращении её во «Всесоюзную», «и власти озаботились её будущим, – пишет Ю.И. Кривоносов. – В ноябре 1925 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) была создана комиссия «для связи и наблюдения за работой Академии наук», в задачу которой входила разработка нового Устава Академии, и в 1927 г. комиссии в несколько измененном составе была поручена подготовка и проведение выборов новых академиков. В число кандидатов на академические звания были включены члены ВКП(б), в задачу которых входило ускорение «советизации» Академии наук.

Комиссия подготовила неоднократно корректировавшиеся списки кандидатов в академики, включавшие три категории: «1) Члены ВКП(б); 2) Кандидаты ближе к нам; 3) Кандидаты приемлемые» (Кривоносов, 2004, с. 168).

О том, как тщательно власть готовила почву для проведения выборов через прессу, научные общества, путем переговоров с отдельными лицами, написано достаточно много. И все же часть академиков проявили строптивость, и 12 января 1929 г. три кандидата из числа членов ВКП(б) – А.М. Деборин, Н.М. Лукин и В.М. Фриче не набрали необходимых двух третей голосов. Правительство расценило это как «буржуазный выпад» старой академии против советской власти. И, несмотря на то, что в результате повторного голосования эти три кандидата были в Академию все-таки проведены, в том же 1929 г. был учинен погром в Храме науки – спровоцировано «Академическое дело» (Перчёнок, 1995). Такова была обстановка в то время, когда И.М. Губкин, минуя звание члена-корреспондента, в одночасье стал академиком. Ф.Ф. Перченко пишет, что судьбу Н.И. Бухарина, Г.М. Кржижановского и И.М. Губкина на выборах решил всего один голос: никакого энтузиазма по поводу протаскивания в Академию наук членов ВКП(б) большинство ученых не испытывали.

Симптоматично, что Губкин представлялся академическому сообществу таким же партийным функционером, как Кржижановский и Бухарин! Понятно, что за кандидатов с весьма проблематичными достижениями в науке академики проголосовали, вполне отчетливо сознавая перспективу грядущего за непослушание разгрома. В результате этих выборов в Академию прошли семь членов ВКП(б). Работой ячейки большевиков в Академии с 1929-го по 1932 г. руководил М.Н. Покровский, известный погромщик в системе Наркомпроса, позднее – И.М. Губкин (Орел, Кривоносов, 2002; Романовский, 1999).

Трудов, достойных высокого звания, у новоявленных академиков не было. Список работ И.М. Губкина к концу 1928 г. насчитывал всего 36 названий: отчеты по геологическим исследованиям на Кавказе, компилятивные журнальные и газетные статьи и речи-призывы 1918–1929 гг. Озабоченный тем, каким будет научный авторитет вновь избранных академиков-коммунистов,

Н.И. Бухарин направляет в Политбюро ЦК ВКП(б) «Записку», проект которой единогласно принимается всей коммунистической группой Академии. «Запиской» предусматривалось, что они обязаны в течение «ближайшего же года дать ряд соответствующих научных работ, а также принять меры по организации своих кадров молодежи, работающих при Академии» (Орел, Кривоносов, 2002, с. 70).

Правомерен вопрос: нужно ли было крестьянскому сыну, поднявшемуся до немыслимой еще недавно высоты – профессор и ректор весьма престижного вуза, еще одно необыкновенно высокое звание – *бессмертного*? Человечу с умеренным честолюбием – навряд ли....

Вероятно, Губкину было немного страшно: с чего бы это вдруг – в академики!? Но он не посмел от очередного партийного поручения (*советизировать Академию*) отказаться. Отказ мог грозить партийными же санкциями, а в перспективе утратой партбилета, и следом – всех высоких постов. Так что избежать своего нового звания Губкин если бы и хотел, то не мог.

А далее следовало выполнять партзадание – создавать научные труды, соответствующие званию академика. Можно думать, что профессора И.М. Губкина так же, как и студентов Горной академии, до той поры устраивали пособия для геологов-нефтяников К.П. Калицкого, К.И. Богдановича (Рис. 14, 15), статьи ведущих специалистов в отраслевых журналах и пере

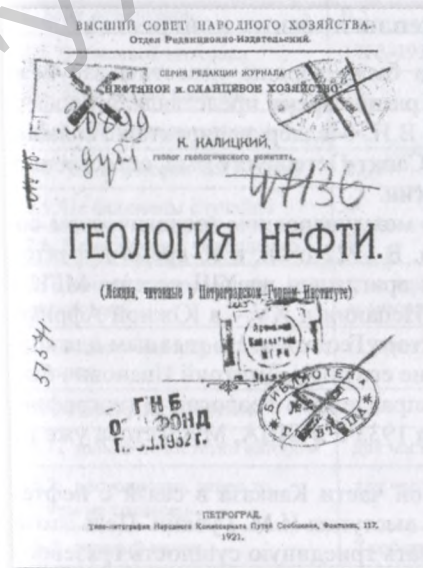

Рис. 14. Титульный лист первого отечественного учебника «Геология нефти» К.П. Калицкого, 1921 г.

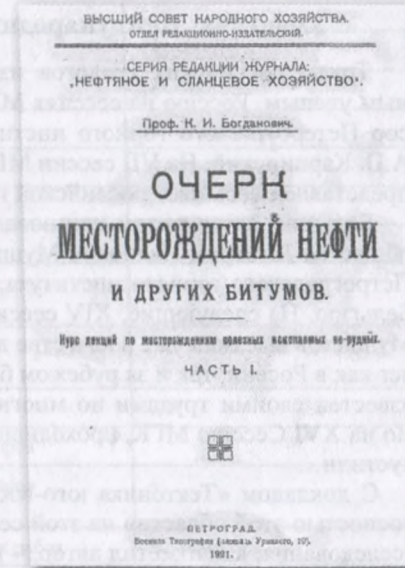

Рис. 15. Титульный лист курса лекций К.И. Богдановича, 1921 г.

водная литература. Но поручение коммунистической группы Академии наук следовало выполнить. И в этом свете становится понятным появление (правда, не через год, а только через три) курса лекций с весьма претенциозным названием «Учение о нефти» (Губкин, 1932).

Оригинальным это произведение могло бы стать, если бы у автора было достаточно своих материалов, было бы желание проанализировать труды своих предшественников, сложились бы собственные представления хотя бы по кардинальным проблемам геологии нефти. Понятно, что многие учебники в той или иной мере компилятивны и авторы используют накопившиеся ко времени их составления материалы и, разумеется, ссылаются на источники. Но академик И.М. Губкин выполнил партийное поручение по-большевистски: на многих авторов ссылался большей частью для того, чтобы их критиковать. А биогенную гипотезу происхождения нефти переписал у Г.П. Михайловского вообще без упоминания имени покойного профессора. Зато для непосвященных «труд» со столь солидным названием мог показаться оригинальным, соответствующим академическому положению автора.

Понятно, что и в последующие годы над И.М. Губкиным довлела его партийность, и он был просто вынужден *соответствовать*: участвовать с докладами в международных конгрессах, переиздавать свой «классический труд», создавать новые компиляции.

Участник Международных геологических конгрессов

Труды российских геологов издавна были хорошо известны зарубежным ученым. Россию на сессиях МГК в разное время представляли профессор Петербургского горного института В.И. Меллер и директор Геолкома А.П. Карпинский. На VII сессии МГК в Санкт-Петербурге был, естественно, представлен весь цвет российской геологии.

Большим авторитетом пользовался в международном геологическом сообществе Дмитрий Иванович Мушкетов. В 1922 г. он, в то время директор Петроградского горного института, был приглашен на XIII сессию МГК в Бельгию. На следующие, XIV сессию в Испании и XV – в Южной Африке, Мушкетов выезжал уже в качестве директора Геолкома. Но главным для коллег как в России, так и за рубежом было не его пост: Дмитрий Иванович был известен своими трудами по многим направлениям геологии и географии. Но на XVI Сессию МГК, проходившую в 1933 г. в США, Мушкетова уже не пустили...

С докладом «Тектоника юго-восточной части Кавказа в связи с нефтеносностью этой области» на этой сессии выступил И.М. Губкин. Цель этого исследования, как отметил автор, – показать триединую сущность грязевого вулканизма, диапиризма и нефтегазоносности.

Эта работа Губкина по существу представляет собой обзор опубликованной литературы. Попытаемся разобраться в том, удалось ли автору до-

стичь поставленной цели и убедить слушателей и читателей в защищаемой им позиции. Попытаемся оценить достоверность обзора по предложенным в 2004 г. критериям (Галкин, 2004). Они приведены в нижеследующей таблице (Таблица 2).

Таблица 2

Оценка достоверности обзорных материалов И.М. Губкина (1934) и И.Н. Стрижова (1904)

Обзоры, год, объем, критерии	И.М. Губкин, 1934, 52 с.	И.Н. Стрижов, 1904, 33 с.
1. Системность анализа и обобщения	0,5	1,0
1.1. Наличие (отсутствие):		
а) плана	Стандартный план геологического отчета	Хронологический порядок изложения
б) критерии оценок	Субъективные. Соответствие или несоответствие взглядов авторов его собственным	Наличие или отсутствие новых данных
1.2. Рассматриваемые проблемы	Взгляды на тектонику Кавказа (хаотично)	История изучения стратиграфии Тг отложений
2. Банк источников	0,5	1,0
2.1. Временной интервал	1858–1932	1832–1903
2.2. Количество изданий	14	16
2.3. Количество источников	42	65 (полностью)
2.4. Число авторов вкл./не вкл.	23/6	12/–
2.5. Не включены случайно	–	–
2.6. Не включены умышленно	6	–
3. Точность цитирования и датировок	0 не указывает стр., и автора	+1,0
4. Точность интерпретации текстов	0,5 (нет стр.)	+1,0
5. Объективность оценок	0,5	1,0
5.1. только недостатки авторов	для части авторов	
5.2. достоинства, затем то, с чем не согласен	для части авторов	+
5.3. личный вклад	7 собственных работ	Не отмечает
5.4. то же, наряду с другими	+	+
Коэффициент достоверности	0,4	1,0

Объем этого доклада достаточно большой – 52 страницы. Для его подготовки автор использовал 42 источника за период 1858–1932 гг. Работа построена как будто по обычному плану, принятому в отчетах по геологической съемке (правда, Губкин его не всегда придерживается):

«Истории исследования» посвящены страницы	3–9,
«Стратиграфии»	9–19,
«Тектонике»	19–43,
«Выводы» изложены на страницах	43–51,
Список литературы приведен на страницах	51–52.

Стройно, последовательно в докладе охарактеризована разве что стратиграфия региона. Но изложена она излишне подробно. Для той цели, которую поставил перед собой Губкин, достаточно было бы более краткого палеонтологического обоснования принятых границ и более краткой литологической характеристики стратиграфических подразделений. История исследования проблемы освещена хаотично. Добрую половину раздела занимает полемика с В.П. Ренгартемом по поводу отнесения Куринского района к впадинам или плитам. По справедливости Губкин неоднократно ссылается здесь на труды и представления основоположника кавказской геологии Г.В. Аби́ха, своего учителя К.И. Богдановича и своих современников – В.П. Ренгартена и А.П. Герасимова.

Но другие весьма важные источники в этом разделе отсутствуют. Поскольку цель доклада – не только (и не столько) геологическая характеристика района, но **решение проблемы**, необходимо было бы прокомментировать те работы, которые имеют к ней отношение (выполненные в других регионах, обобщающие и т.д.).

Весьма ценные сведения о связи грязевого вулканизма с нефтегазоносностью приведены в работах Г.П. Гельмерсена, Ф. фон Кошкюля, Д.И. Менделеева, Э.А. Штебера, А.Н. Ряби́нина, К.П. Калицкого, С.А. Ковалевского, С.М. Апресова. Выше об этом уже достаточно говорилось. И если бы Губкин в разделе «История исследования проблемы» (а не региона) рассмотрел взгляды на нее своих предшественников, то его собственный вклад в ее разрешение не казался бы ему столь значительным. И совершенно иначе должен был бы выглядеть доклад на ту же тему, представляемый мировому сообществу. Число авторов, упоминаемых Губкиным в докладе – 23, шестерых он как бы не знает, а точнее не хочет знать. Оценка достоверности «Банка источников» – 0, 5.

В этом же разделе («История») И.М. Губкин говорит о том, что его предшественники уже высказали целый ряд идей о тектоническом строении юго-восточной части Кавказа:

1. По Аби́ху «...на юго-востоке развилась система сбросов, разбившая эту часть Кавказа по двум совершенно определенным направлениям, одно из которых совпадает с общим направлением хребта, а другое ему почти перпендикулярно» (Губкин, 1934, с. 4).

2. Представления о том, что в краевых зонах хребтов и на их окончаниях развивается особый тип складок, среди которых ветвистые складки играют заметную роль, были высказаны ранее Э. Зюссом. К.И. Богданович еще в самые первые годы XX столетия отмечал, что на юго-восточном Кавказе возникла система веерообразно расходящихся разломов (там же, с. 5). По этим разломам и сформировались соответственно веерообразно расходящиеся складки. И Губкин на своих предшественников по справедливости ссылается (правда, Э. Зюсс назван лишь в тексте, а в списке литературы его работы нет).

Еще более некорректно обращается докладчик с работой Н.С. Шатского 1930 г. В списке литературы она упомянута, а в тексте автор представлений о тектонической природе брекчий грязевых вулканов не назван, а представлен читателям как *некоторые геологи*.

В итоге по четырем позициям оценка достоверности доклада И.М. Губкина – 0, 5, точность цитирования и датировок – нулевая. Общая оценка достоверности работы – 0, 4.

Таким образом, по содержанию исследование (?) Губкина не оригинально. Работа не отредактирована, небрежна по построению, хаотична. В той же таблице для сравнения приведены результаты анализа статьи И.Н. Стрижова «Изучение трегичных слоев Кавказа» 1904 г. По всем показателям эта работа (а она должна была быть известной Губкину!) образцовая: полная достоверность ее сомнений не вызывает. У увенчанного лаврами чиновника были достойные для подражания образцы. И если он ими пренебрегал, то тем хуже для академика.

С.И. Романовский в статье, посвященной сессиям МГК в России, пишет, что в 1933 г., сразу же после решения XVI сессии МГК в Вашингтоне о проведении следующей встречи в СССР, «был создан Организационный комитет во главе с почетным председателем, президентом АН СССР акад. А.П. Карпинским. Председателем Оргкомитета стал вице-президент АН СССР акад. И.М. Губкин, его заместителями – академики А.А. Борисяк и В.А. Обручев, а генеральным секретарем акад. А.Е. Ферсман» (Романовский, 1984, с. 121).

Понятно, что руководство мероприятием международного масштаба не могло быть возложено в стране победившего социализма на издавна опального, бывшего кадета В.И. Вернадского или выходца из казачьей семьи и также впавшего в немилость Д.И. Мушкетова. Не может быть сомнений в том, что кандидатуры на посты руководителей предстоящей сессии согласовывались с самим вождем. Несомненно, что главным здесь, как и везде, должен был быть большевик. И кандидатуры на другие, наиболее ответственные посты, конечно, также намечались на самом высоком партийном уровне. Тем не менее, обязанности вице-президентов Конгресса были возложены на беспартийных, но весьма достойных представителей российской геологии – академиков А.А. Борисяка и В.А. Обручева. Членами Президиума были назначены и весьма компетентные специалисты – Д.В. Наливкин и А.Л. Рейн-

гарт, и, может быть, просто преданные лично Губкину и исполнительные люди – А.А. Амирасланов и А.А. Блохин.

Естественно, что удобную для себя команду И.М. Губкин подбирал сам. Кроме маститых академиков (надо сказать, что среди них был и опальный В.И. Вернадский), в оргкомитет был включен и К.П. Калицкий. Факт этот любопытен хотя бы потому, что последователи Губкина представляют Калицкого как автора *метафизической, идеалистической, реакционной концепции* происхождения нефти, с которой Губкин якобы вел непримиримую борьбу. Известно, что Казимир Петрович не скрывал своего неприятия большевизма до конца своих дней. И рисковал многим, открыто высказывая свое мнение об облеченном властью академике. Тем не менее, И.М. Губкину в Оргкомитете Конгресса он оказался нужным. Может быть, по причине его знания английского языка и известности среди геологов-нефтяников мирового сообщества как выдающегося российского специалиста, редактора и переводчика зарубежной литературы. А представления Калицкого о происхождении нефти и формировании ее залежей *in situ* часть известных геологов как в России, так и за рубежом разделяла. Так что присутствие оригинального ученого в Оргкомитете в какой-то мере могло сглаживать неблагоприятное впечатление от преследований инакомыслящих в России.

Нет никаких сомнений в том, что в цивилизованном демократическом государстве состав Оргкомитета научного конгресса определялся бы специалистами. И, конечно, при выборе членов комитета геологи руководствовались бы не принадлежностью их к правым или левым, либералам или консерваторам, а их трудами, их вкладом в мировую науку. И если бы это происходило в свободной России, то наряду с действительно достойными представителями геологической науки академиками А.А. Борисяком, В.А. Обручевым и А.Е. Ферсманом в Оргкомитет конгресса были бы избраны не менее достойные, всемирно известные Д.И. Мушкетов, В.В. Вернадский, И.Н. Стрижов. И, конечно, не вошел бы И.М. Губкин, к какой бы партии он ни принадлежал.

С.И. Романовский в 1984 г. еще не может ни высказать своего собственного отношения к составу Оргкомитета, ни процитировать В.И. Вернадского: «Я думаю, что очень странное впечатление должен был произвести и состав президиума» (Вернадский, 1979, с. 197).

Сессия открылась 21 июля. На первом пленарном заседании «почетным президентом сессии избрали Председателя ЦИК СССР М.И. Калинина, а президентом И.М. Губкина» (Романовский, 1984, с. 122). Таким образом, участники сессии выразили свое уважение к стране-организатору.

Наиболее выдающимися, по мнению С.И. Романовского, докладами были сообщения В.И. Вернадского «О значении радиогеологии для современной геологии», П.И. Степанова «Некоторые закономерности стратиграфического и палеогеографического распределения геологических запасов ископаемых

углей на земном шаре», американца Г.Г. Хесса «Островные дуги, аномалии силы тяжести и интрузии серпентинита (к проблеме офиолитов)» и ряд других. Отмечает С.И. Романовский и доклад И.М. Губкина «Мировые запасы нефти» и характеризует его как основополагающий, поскольку ранее вопрос о подсчете запасов нефти во всем мире даже не ставился. Тем не менее, автор характеризует его как не столько геологический, как экономический. Вряд ли это сообщение могло вызвать большой интерес у участников конгресса.

Естественно, что *главный геолог Страны Советов* должен был соответствовать своей высокой миссии в глазах ученых всей планеты. И он готовит к сессии три (!) доклада. На пленарном заседании Губкин выступил с сообщением «Мировые запасы нефти» (Губкин, 1939).

Здесь уместно вспомнить, что задачу оценки запасов нефти для всей России, вероятно, впервые поставил перед коллегами руководитель нефтяной секции Геолкома К.П. Калицкий. В курсе лекций «Геология нефти», опубликованном в 1921 г., читаем: «Переходя к вопросу о подсчете запасов нефти в данном месторождении, не приходится распространяться на тему о значении подсчетов. Оно слишком очевидно. *Подобный подсчет, проведенный по отношению ко всем месторождениям нашей страны, имел бы громадное значение с государственной точки зрения*, ибо он дал бы нам представление о том, как велики ресурсы государства по части жидкого топлива» (Калицкий, 1921, с. 105–106, выделено мною – А.Г.). Конечно, в то время такие расчеты оказались бы очень приблизительными: несовершенна была лабораторная база, не хватало определенных параметров, необходимых для выполнения расчетов. Видимо, мало изменилась к лучшему обстановка и через пятнадцать лет....

О том, как отнеслось мировое сообщество к поставленной И.М. Губкиным проблеме, говорит он сам: «Организационный комитет по созыву XVII Международного геологического конгресса предполагал привлечь к этому делу все научные геологические силы мира. Для этой цели он опубликовал специальную брошюру с изложением наших взглядов на методику подсчета запасов нефти и их классификацию в надежде получить исчерпывающую критику наших положений. К сожалению, этого не произошло. Следующим нашим шагом было обращение к геологическим учреждениям мира с просьбой прислать материалы по подсчету запасов нефти в их странах. Такие материалы, ценные указания и помощь мы получили только от геологических учреждений США, если не считать небольшого материала из Голландии. Это все» (Губкин, 1939, с.169).

Допустим, что Губкин поднял действительно важную энергетическую и экологическую проблему, на десятилетия опередил время, но не был понят современниками. Стало быть, не сумел довести ее назревающую актуальность и важность до сознания зарубежных коллег?

Или они ждали писем от Д.И. Мушкетова, заслуги и известность кото-

рого и определили выбор страны-организатора очередной сессии? А письма от Оргкомитета вдруг стали поступать за подписью мало известного господина, хотя и академика, но избранного в свое время вовсе не по геологическому, а по техническому отделению. Можно ли представить себе, что геологи Франции, Германии, Англии не откликнулись бы на обращение к ним В.А. Обручева, Д.И. Мушкетова, В.И. Вернадского? Стало быть, прав был В.И. Вернадский, когда писал, что недоумение вызовет за рубежом состав президиума конгресса.

Вернемся, однако, к докладу И.М. Губкина. И вспомним все-таки, что на его письма откликнулись только голландцы и американцы. Внимание к обращению Губкина со стороны голландских коллег вполне определенно объяснить не берусь. Быть может, они не теряли надежды получить, как в стародавние времена, нефтяные концессии в России? А американцам Губкин был известен если не трудами, то, во всяком случае, тем, что с 1918 г. состоял членом Американской ассоциации нефтяных геологов. И естественно, что они проявили любезность к члену своей ассоциации.

Тем не менее, нефтяники всего мира и американцы, может быть, в первую очередь, к оценкам ресурсов нефти (как и к любым проблемам) подходили чисто прагматически. Им просто неинтересны были спекулятивные прогнозы. И в известной мере альтернативой докладу И.М. Губкина прозвучало на сессии выступление Дж. Э. Томаса «Достоверные запасы нефти в США» (Томас, 1940).

Отметим, во-первых, что автору доклада известна работа В.В. Билибина «Подсчет подземных запасов нефти» (Билибин, 1928, 1937). Однако Томас пишет: «Американскими инженерами, занятыми подобными проблемами, практикуется применение аналогичных приемов подсчета, лишь поскольку речь идет об эксплуатируемых или разведанных бурением площадях. Что же касается непроверенных возможностей неразведанных территорий с лишь вероятной или предполагаемой нефтеносностью, то даже при любом хорошо произведенном вычислении при помощи установленных математических формул в это дело были бы внесены такие непостоянные факторы, которые ставили бы под сомнение реальности всяких сопоставлений между отдельными районами, штатами или странами. Возможно, что если бы группа людей, одинаково хорошо осведомленных в отношении геологии, геофизики и техники добычи по всем нефтеносным районам во всех странах мира, могла бы посвятить свое время проблеме подсчета мировых запасов нефти, то могли бы быть получены сравнимые результаты для различных государств. Но такой группы людей, очевидно, не существует» (Томас, 1940, с. 280).

Стало быть, Д.Э. Томас не считает Губкина и его коллег достаточно компетентными в той проблеме, которой посвящен доклад академика. В одном, вероятно, ошибается Томас. Та весьма квалифицированная группа специалистов, к мнению которой могли бы прислушаться американцы, в то время

существовала. Этой «группой» был один человек – Иван Николаевич Стрижов. И американские коллеги его достаточно хорошо знали, тем более, что и он состоял членом Американской ассоциации нефтяных геологов. И еще в 1928 г. были поражены его осведомленностью не только по всем тем проблемам, о которых упоминает Томас, но и в областях техники разведки, добычи и транспорта нефти, экономики нефтяной промышленности. Но привлечь И.Н. Стрижов к решению проблемы, которую он считал для себя выигрышной, Губкин, несомненно, не стал бы. Даже если бы Иван Николаевич был на свободе. (А он в это время был *прикреплен* к Ухтпечлагу и по своему социальному статусу в работе конгресса участвовать не мог).

Вряд ли это сообщение могло вызвать большой интерес участников конгресса. Скорее всего, представления И.М. Губкина о том, что «прирост нефтяных запасов будет опережать потребности человечества в нефти», они восприняли скептически.

Надо думать, что если бы доклад Губкина был действительно основополагающим хотя бы с точки зрения экономики нефтяной промышленности, произвел бы впечатление на зарубежных ученых, ссылки на него мы встретили бы в монографиях Рассела, Леворсена и других известных исследователей.

Если бы И.М. Губкин как председатель Оргкомитета Конгресса был озабочен не тем, как он лично будет выглядеть в глазах мирового сообщества, а, в первую очередь, тем, как полнее представить на сессии отечественную геологию, он должен был бы по-иному планировать состав нашей делегации, тематику докладов и авторов. Тогда XVII сессию МГК наряду с В.И. Вернадским и В.А. Обручевым должны были бы возглавить и Д.И. Мушкетов, и И.Н. Стрижов. И, естественно, они выступили бы с докладами, которые могли бы стать украшением сессии. Теоретически это было возможно: представлен ведь был в виде тезисов доклад *прикрепленного к Ухтпечлагу* Н.Н. Тихоновича... О грязевом вулканизме должен был бы доложить С.А. Ковалевский. Но Губкин был озабочен в большей степени своим имиджем, а не проблемами российской науки. Так что речи о том, чтобы представить на конгрессе обогативших им «вредителей», конечно, не было.

В том же году, когда проходила XVII сессия МГК, знаменательном 1937-м, И.М. Губкин был назначен председателем Азербайджанского филиала Академии наук СССР. Нет никаких сомнений в том, что никто не жаждал видеть московского академика полновластным *хозяином в науке* Азербайджана. Выступить против него – значило обречь филиал на уничтожение.

Управлял азербайджанской наукой Губкин недолго, практически один 1938 г. В этом же году в системе Азербайджанской Академии наук под него был создан Институт геологии его имени (!). Но все же кое-что со свойственной ему неукротимой большевистской энергией за это короткое время успел. Естественно, прежде всего, в области геологии. Провинциальные

коллеги должны были, естественно, согласовывать свои планы с руководителем филиала. Весьма настораживает, что в этом 1938 году практически не печатаются в местных изданиях известные специалисты по Апшерону, которые своими трудами конкурировали с И.М. Губкиным: М.В. Абрамович, С.М. Аapresов, В.В. Вебер, Я.В. Гаврилов, М.Ф. Мирчинк, В.П. Батурин, С.А. Ковалевский, В.С. Мелик-Пашаев. И сразу же после кончины Губкина, с 1939–1940 гг. возобновляются публикации их трудов! Конечно, не только сам Губкин нагонял страх в подведомственных ему структурах. В 1937 г. и до Конгресса, и после него геологов, как и всех других *подозреваемых*, вызывали на допросы, арестовывали, уничтожали. До статей ли им было?

Знаменательно, что все доклады на XVII сессии МГК имеют своих авторов, а «Нефтяные месторождения Азербайджана» представлен *коллективом геологов Азнефтеразведки*. Вполне вероятно, что авторы доклада на сессии были названы поименно, но если в момент подготовки IV тома к изданию они были репрессированы, то имена их уже не могли появиться в печати. Возможно, что одним из авторов этого доклада был А.Я. Кремс, вознесенный тогда же на вершину нефтяной геологической службы, а в 1938 г. уже низвергнутый в Ухтпечлаг. Не исключено, что в подготовке доклада участвовал и ненавистный Губкину М.Ф. Мирчинк. И, естественно, что такого автора председатель Оргкомитета Конгресса к участию бы не допустил.

«Всемирно известный»

Интересно, с какого времени И.М. Губкин считается всемирно известным ученым? Как справедливо заметил в 1963 г. Н.Б. Вассоевич (Вассоевич, 1963), за рубежом никто на Губкина никогда не ссылался, во всяком случае как на автора какой-либо оригинальной гипотезы происхождения нефти. Это утверждение Н.Б. можно не проверять: он был редактором ряда переводных монографий, в том числе и К. Крейчи-Графа. Работа Крейчи-Графа «Основные вопросы нефтяной геологии» была опубликована в 1930 г., а в 1934-м переведена на русский. Имя Губкина встречается в этой книге лишь в предисловии редактора и в составленных им дополнительных списках литературы. Знаменательно, что с русской литературой автор монографии был хорошо знаком. В число 372 источников, использованных при написании книги, входят работы А.Д. Архангельского, Д.В. Голубятникова, К.П. Калицкого, К.А. Прокопова, М.А. Ракузина, А.Н. Саханова, М.Д. Залесского. Отсутствие в этом списке И.Н. Стрижова, вполне вероятно, связано с запретом (в СССР, разумеется) на его имя. Особо подчеркивается Крейчи-Графом значение работ А.Д. Архангельского по современным отложениям и К.П. Калицкого – по нефтепроизводящим свитам.

Какие же работы И.М. Губкина можно считать основополагающими в нефтяной геологии? Какие работы могли бы дать ему мировую известность?

В списке, приложенном к двухтомнику избранных сочинений И.М. Губкина, насчитывается около 150 трудов, общим объемом примерно 3000 страниц. Кроме того, здесь же перечислены его статьи, интервью, беседы, опубликованные в газетах в 1919–1939 гг. (примерно 130). Известны также пять автобиографических статей и небольших монографий, адресованных молодежи и избирателям (в 1937 г. Губкин был избран депутатом Верховного Совета СССР). Педагогическое наследие сельского учителя И.М. Губкина крайне невелико: небольшая заметка в 1895 г. и одна статья в 1901 г.

Первая работа И.М. Губкина по Нефтяно-Ширванской площади, как уже упоминалось выше, подготовлена в 1910 г. совместно с С.И. Чарноцким. Вместе с ним, а также с Д.В. Голубятниковым и Н.И. Ушейкиным в предреволюционные годы дано несколько заключений по отдельным нефтеносным участкам Апшеронского полуострова и составлена небольшая сводка о наиболее благоприятных нефтеносных районах России. Всего за период 1909–1917 гг. Губкиным опубликовано 16 работ. В основном это отчеты о геологических исследованиях, проведенных в Кубанском (4 работы – 506 стр.) и Апшеронском (4 работы – 116 стр.) нефтеносных районах Геологическим комитетом (Губкин, 1912–1916).

Интересно отметить, что большинство специалистов, побывавших в США, незамедлительно после возвращения публиковали весьма солидные монографии: Д.И. Менделеев – «Нефтяная промышленность в Северо-Американском штате Пенсильвания и на Кавказе» (по изданию 1949 г. – 227 с.); А.М. Коншин «Описание разработки нефтяных месторождений в Северной Америке и сравнительные условия добычи нефти на Кавказе» (1896, 291 с.); И.Н. Стрижов – «Американские нефтеперегонные заводы» (1929, 439 с.).

И.М. Губкин обещал читателям «Нефтяного и сланцевого хозяйства» представить свою работу о нефтяной промышленности Америки. Во всяком случае реклама предполагавшейся монографии была помещена в журнале. Но читатели ее так и не дождались. Сразу же после возвращения из-за океана автор закрутился в комиссиях и комитетах и не опубликовал не только книги, но даже и статьи о своих впечатлениях от поездки.

С 1918 г. начинается деятельность И.М. Губкина в качестве заведующего геологоразведочным отделом Главного нефтяного комитета, руководителя Главсланца (1919), ректора Московской Горной Академии (1922–1930) и Московского нефтяного института (1930–1939), заместителя директора и директора Московского отделения Геолкома (1923–1929), начальника Главного геологоразведочного управления (с 1931-го) и практически одновременно на многих других постах.

С 1918-го по 1925 год им опубликовано 4 работы по геологии нефти (все-го 31 стр.), 2 компилятивные статьи по Ухтинскому и Грозненскому районам. Появляются первые небольшие обзоры о состоянии нефтяной промышленности Азербайджана и России в целом, статьи-призывы типа «Боевые задачи на нефтяном фронте» (Губкин, 1953).

В 1925 г. произнесены и первые вступительные и заключительные речи на Всесоюзном совещании по вопросам охраны и рационального использования нефтяных недр. И после этого полный застой: в 1926 г. не опубликовано ни одной работы, имеется лишь запись беседы в «Нефтяном Бюллетене», в 1927 г. – одна небольшая заметка к десятилетию нефтяной промышленности СССР. В 1928 г. – выходят обзоры по горной промышленности к десятилетию Советской власти (56 стр.) и по нефтяным ресурсам СССР (9 стр.).

В это же первое послереволюционное десятилетие ежегодно появляются 1–2, редко 3–4 статьи в газетах. Они касаются проблем КМА (совместно с П.П. Лазаревым и А.Д. Архангельским), но в основном связаны с нефтью и нефтяной промышленностью.

После внедрения в Академию наук в последнее десятилетие своей жизни Губкин опубликовал еще 115 работ. Из них 50 – это вступительные и заключительные речи и статьи-призывы. В 1931–1932 гг. 6 работ посвящено КМА (333 стр.), 1 – углю (32 стр.). Если в 1918–28 гг. разработке нефтяных месторождений и нефтяной промышленности было посвящено 13 работ (68 стр.), то в 1930-м – 31 работа (333 стр.). Интересно, что М.К. Калинин вообще не упоминает И.М. Губкина в связи с проблемой разработки нефтяных месторождений и в разделе «Нефтепромысловая геология», и в целом. Вероятно, стыдно историкам науки вспоминать погромные статьи «основоположника», подготовленные им самим, и совместно с Ф.Ф. Дунаевым, И.Д. Жаровым, Н.М. Николаевским (Губкин и др., 1934).

Еще несколько крупных работ опубликовано И.М. Губкиным в соавторстве с другими исследователями. Это сводка «Мировые нефтяные месторождения» (с С.П. Киселевым, 1934), «Грязевые вулканы Советского Союза и их связь с нефтеносностью» (с С.Ф. Федоровым, 1940).

Некоторые работы Губкина переводились на английский и немецкий языки и издавались за рубежом. Это обзоры типа «Природные богатства СССР и их использование» (1932–1934), доклад «О задачах по изучению четвертичных отложений» (1932). Из работ по геологии нефти переведена только одна – «Нефтяные запасы и разведки в СССР» (1934). Вполне понятно, что в такого рода материалах зарубежных коллег привлекало не имя автора (им мог быть вообще никому неизвестный начинающий специалист), а фактические данные, представляющие стратегический интерес не только (а, может быть, и не столько!) для геологов-нефтяников, сколько для правительств зарубежных государств.

А.И. Косыгин пишет, что работа И.М. Губкина по Майкопскому району вскоре была переиздана на английском языке в Лондоне, хотя в списке трудов Губкина в двухтомнике избранных сочинений такого указания нет. Доклад И.М. Губкина на XVI сессии МГК «Тектоника юго-восточной части Кавказа в связи с нефтеносностью этой области» (Губкин, 1934) опубликован на английском как международном языке Конгресса, а вовсе не пото-

му, что он вызвал необычайный интерес специалистов. «Учение о нефти» (Губкин, 1932, 1937, 1975) за рубежом никогда не издавалось. В основополагающих работах ведущих зарубежных геологов-нефтяников как при жизни И.М. Губкина, так и позднее, ссылки на его работы отсутствуют.

Весьма важное свидетельство об отношении мирового научного сообщества к мнимому лидеру советских геологов (т.е. к себе самому!) оставил нам сам Губкин. Как уже было отмечено выше, на его обращения к зарубежным коллегам по поводу совместной разработки классификации запасов нефти и оценки ее мировых ресурсов ответили всего две страны из пятидесяти стран-участниц.

Портрет Губкина будет неполным, если не сказать об его отношении к наследию прошлого, к своим предшественникам. В одной из своих статей он писал, что до революции (читай до Губкина – А.Г.) в России не было ни научно-технического журнала, ни научно-технической литературы, посвященных нефтяной промышленности. Правда, имелся небольшой нефтяной журнал «Нефтяное дело» с убогим содержанием и до чрезвычайности элементарными задачами – «отстаивать эгоистические интересы своих хозяев, нефтепромышленников». Это утверждение Губкина ложное. В «Нефтяном деле» публиковались статьи, как по геологии нефтяных месторождений, так и по всем проблемам нефтяной промышленности, давалась полнейшая информация об открытиях и перспективах новых земель, об авариях на нефтяных промыслах и компенсациях работникам за причиненный ущерб, о ценах на нефть, реклама отечественного и зарубежного оборудования. Эти же вопросы освещались в «Грозненском торгово-промышленном бюллетене», сборниках трудов Бакинского, Терского и других отделений ИРТО, и в «Горном журнале», в многочисленных монографиях. А издания Геолкома, в которых публиковались труды самого Губкина! Их тоже не было?!

Утверждение об отсутствии нефтяной литературы в России преследовало цель создать впечатление о том, что вся нефтяная наука создана лишь при жизни академика, при его непосредственном участии и руководстве. Таким образом перечеркивался огромный вклад в геологию нефти Г.В. Аби-ха, Ф. фон Кошкуля, Д.И. Менделеева, Н.А. Соколовского, А.М. Коншина, Н.Н. Барбота де Марни, Е.М. Юшкина, Л.И. Баскакова, И.Н. Стрижова, Д.В. Голубятникова, К.И. Богдановича, К.П. Калицкого, Г.П. Михайловского, Н.И. Ушейкина и ряда других исследователей – специалистов по бурению, технологии переработки нефти и газа, транспорту и экономике нефти.

А выпады по адресу работ Д.И. Менделеева заслуживают того, чтобы их процитировать. В «Учении о нефти» Губкин пишет о давно умершей естественной смерти карбидной теории Менделеева, а на следующей странице допускает еще большую грубость, говоря об оживлении Стадниковым трупа карбидной теории (Губкин, 1932, с. 359). И эта книга предназначалась, прежде всего, для студентов! Понятно, что таким образом в норму возводилось

начальственное пренебрежение к предшественникам и их трудам, к «чистой академической науке и её жрецам». Так характеризовал Губкин геолкомовцев. Эти традиции, насаждавшиеся новоявленными руководителями, сменившимися на высших постах подлинными специалистами, по существу сохранялись в России и всем постсоветском пространстве до самого последнего времени.

Молодые геологи из названных выше никаких имен в нефтяной геологии практически не знают. Понаслышке некоторым из них известно о каком-то Калицком, с которым Губкин якобы всю жизнь вел справедливую войну и, естественно, победил. Этот Калицкий вроде бы проповедовал происхождение нефти из морской травы зостера, а Губкин это учение разоблачил. И после смерти Губкина его верный ученик А.Я. Кремс, посвятивший ему свои «исторические» очерки, организовавший в Ухте конференцию памяти И.М. Губкина, где славословие лилось нескончаемым потоком (Материалы..., 1972), во многих своих произведениях писал о ложных антинаучных позициях, вредном, реакционном учении Калицкого.

Откуда же эта терминология? Это терминология тридцатых годов, терминология самодержца от геологии Губкина. Его выступления и статьи изобилуют такими ярлыками: пессимисты, малoverы, рутинеры, ликвидаторы, вредители, враги. Они легко привились в атмосфере всеобщей подозрительности и доносительства, в среде посредственности, рвавшейся к власти по головам своих коллег и близких. Это им, его последователям, понадобился миф о якобы имевшем место научном споре между Губкиным и Калицким. Миф показывал: 1) гениальность и прозорливость академика и торжество его якобы глубоко научной теории, его оценок и прогнозов; 2) лояльность Губкина по отношению к поверженному оппоненту: К.П. Калицкий репрессиям не подвергался и пережил Губкина. Миф этот, раздутый и широко распространяемый досужими журналистами и литераторами, маскировал основное направление «научной» борьбы Губкина: разгром руководящего ядра нефтяной промышленности и Геолкома. В результате он сосредоточил в своих руках практически всю власть в геологии и нефтяном деле.

Анализ трудов И.М. Губкина показывает, что наиболее существенными из них были геолого-съемочные работы по Кубани и Апшерону. Они внесли определенный вклад в изучение геологического строения и нефтеносности этих регионов. Основоположником геологии нефти и газа И.М. Губкин не был. Свою власть он утверждал недозволенными приемами. А его последователи, насаждавшие его культ и приписывавшие Губкину то, чего он не совершал, сослужили ему плохую службу. Искажения истины были очевидны для современников. Не ускользают они и теперь от внимания исследователей. Одна за другой развеиваются легенды об открытиях Губкина, и вместе с ними рушится его мнимый авторитет. Не будь искажений истины и славословий, не будь репрессий, к которым Губкин приложил свою тяжелую руку,

он остался бы в истории геологии как один из достойных исследователей Кавказа и Предкавказья.

Миф о прогрессивном учении Губкина был создан в конце сороковых – начале пятидесятых годов его последователями на очередной волне погромов в науке, после печально известной сессии ВАСХНИЛ.

Можно ли считать И.М. Губкина Ученым?

Чтобы ответить на этот вопрос (является ли И.М. Губкин Ученым с большой буквы, Ученым с мировым именем), я попытался найти в словарях определение термина *ученый*. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова 1978 г. читаем:

1. Выученный – наученный чему-нибудь.
2. Много знающий в области какой-нибудь науки.
3. Относящийся к науке, научный. *Ученое звание. Ученый спор. Ученая степень.*
4. Специалист в какой-нибудь области науки. *Ученый с мировым именем.*

В других энциклопедиях и словарях, ни у В.И. Даля, ни у Брокгауза и Ефрона, определения этого термина я не нашел. Но и у Ожегова нет критериев, по которым можно было бы судить о том, насколько соответствуют заслуги того или иного исследователя понятию Ученый с большой буквы, Ученый с мировым именем.

Думается, что Ученому (по призванию, по бескорыстию, по одержимости, по трудам, а не по должности) интересно не только и не столько его собственное положение в обществе, а окружающий мир, его загадки. Естественно, в первую очередь, в избранной им сфере деятельности. Часто – и в смежных областях. А порой, – казалось бы, и в весьма далеких от его специальности. Чтобы разгадать эти загадки, он проводит исследования на натуре (полевые работы), ставит эксперименты, сопоставляет, анализирует, обобщает. Обычно сам. Но часто совместно с начинающими учеными – ассистентами, аспирантами, студентами. Заботливо выращивает себе и Отечеству достойную смену.

Результаты (далее я буду говорить в основном о геологах и тех Ученых, кто внес значительный вклад в геологию нефти и газа):

- Новые данные по геологии района (региона, провинции).
- Новые идеи.
- Новые методы.
- Открытие неизвестных ранее закономерностей.
- Новые поколения талантливых исследователей – истинных последователей, друзей, продолжателей дела своего Учителя, его Школа.

Ученому есть чем поделиться с коллегами: результатами исследований,

новыми соображениями, выводами. Следовательно, – публикации, которых у Ученого, прожившего большую жизнь, обычно сотни, а то и тысяча – полторы. И среди них десятки монографий. Ученого знают коллеги во всем мире, персонально приглашают на Международные форумы.

Не вызывает сомнений, что М.В. Ломоносов, Г.В. Абих, Д.И. Менделеев, Н.И. Андрусов, А.Д. Архангельский, В.И. Вернадский, А.П. Карпинский, К.И. Богданович, И.Н. Стрижов, К.П. Калицкий, П.Н. Кропоткин, Н.А. Кудрявцев, Д.И. Мушкетов, В.А. Обручев, В.Б. Порфирьев, Н.С. Шатский, И.О. Брод – Ученые. Можно ли считать, что к этой славной когорте принадлежит и И.М. Губкин? (Табл. 3, 4).

Попробуем ответить на вопросы: «Что характерно для деятельности Ученого?», «По каким критериям можно определить – относить ли данного исследователя к категории *Ученый*?». Оговоримся, что мы пытаемся, таким образом, нарисовать несколько *идеализированный образ Ученого*. Соберем воедино, систематизируем эти, несомненно, широко известные критерии (а) и сравним то, что сделано *Учеными* и что И.М. Губкиным (б). Итак, *Ученый*:

1. а) Уважительно относится к трудам предшественников, глубоко изучает их, анализирует. Составляет обзоры проработанной литературы. В наследии *Ученого* значительное место занимают труды по истории науки. У большинства из перечисленных выше крупных геологов такое наследие имеется (обзоры, биографии, портреты геологов).

б) И.М. Губкин оставил нам лишь две автобиографические статьи, причем последняя из них «Доверие народа...» написана по политическому заказу и для собственной славы в 1937 г., по случаю выборов в Верховный Совет СССР, куда он был свыше определен кандидатом в депутаты (Губкин, 1938).

2. а) Для Ученого не существует мелочей – все важно. Он анализирует все факты, как подтверждающие его собственную гипотезу (или принятую в настоящее время научным сообществом), так и противоречащие ей. Он не отбрасывает без всестороннего анализа даже те представления, которые, на первый взгляд, кажутся фантастическими.

Многие сторонники биогенной гипотезы (Н.И. Андрусов, Г.П. Михайловский) начинали свои статьи, посвященные происхождению нефти, с изложения фактов, свидетельствующих о глубинном происхождении углеводородов, рассматривали их, анализировали. Всесторонне и глубоко анализируют биогенную гипотезу Н.А. Кудрявцев и его последователи.

б) И.М. Губкин по любым проблемам (глубинное происхождение углеводородов, их миграция, грязевой вулканизм) высказывается обычно безапелляционно, просто отбрасывая представления, кажущиеся ему неприемлемыми. В частности, пренебрежительно отзывается он о гипотезе Д.И. Менделеева. В «Учении о нефти» он обычно излагает взгляды других авторов без анализа (Еременко, 2002, с. 56).

Таблица 3

И.М. Губкин и великие ученые (по «Горной энциклопедии», 1984–1991 гг.)

1	2	3
<p>Менделеев Дмитрий Иванович (08.02.1834, Тобольск – 02.02.1907, Петербург)</p> <p>Открыл периодический закон химических элементов (1869), член-корреспондент Петербургской Академии Наук (1876). Окончил Главный педагогический институт в Петербурге (1855). Работал в Петербургском университете (1857–90). В 1890–95 консультант научно-технической лаборатории Морского министерства. Ученый хранитель (1892–1907) Денпо образцовых гирь и весов (ныне ВНИИ метрологии им. Д.И. Менделеева). Автор трудов по химии, химической технологии, физике, метрологии, воздухоплаванию, метеорологии и др. Исследовал химический состав минералов. Изучал работу Бакинских нефтепромыслов, был инициатором устройства нефтепроводов и разностороннего использования нефти как химического сырья. Разработал принцип непрерывной дробной перегонки нефти. Предложил гипотезу неорганического происхождения нефти из карбидов тяжелых металлов. В связи с изучением Донецкого угольного бассейна наметил перспективы развития каменноугольной промышленности, впервые высказал идею подземной газификации углей (1888). Член Лондонского Королевского общества, член Римской, Парижской и Берлинской АН, почетный член ряда зарубежных научных обществ и университетов. Горная энциклопедия. Т. 3. С. 302.</p>	<p>Вернадский Владимир Иванович (12.03.1863, Петербург – 06.01.1945, Москва)</p> <p>Минералог и геохимик, академик АН СССР (академик Петербургской АН с 1912). Окончил физмат Петербургского университета (1885). Научно-педагогическая деятельность связана с АН (1906–45) и Московским университетом (1890–1911). Один из основоположников генетической минералогии и геохимии. Идеи Вернадского легли в основу современных представлений о строении силикатов, парагенезисе химических элементов в изоморфных рядах, геохимии редких и рассеянных элементов на Земле и в космосе. Его учение о живом веществе и роли последнего в геохимических процессах впервые определило задачи биохимии. Сформулированное в учение о биосфере и ее эволюции, о мощном воздействии на окружающую среду человека и преобразовании современного биосферы в ноосферу (сферу разума) – крупное философское обобщение. Развивал мысли о радиоактивном распадае как эталоне времени и энергетическом факторе Земли. Вернадский положил начало радиогеологии. Предвидя большое будущее радия и урана, Вернадский впервые в России проводил с 1910-го поиски их месторождений. Идеи Вернадского имеют фундаментальное значение для решения вопросов горной науки – разработки месторождений полезных ископаемых с помощью подземного выщелачивания, охраны окружающей среды в</p>	<p>Губкин Иван Михайлович (21.09.1871, с. Поздняково, ныне Навашинского района Горьковской области – 24.04.1939, Москва)</p> <p>Советский геолог, основоположник советской нефтяной геологии, академик АН СССР (1929). Член КПСС с 1921-го, член ЦИК СССР (1935–37), депутат Верховного Совета СССР (1937–39). После окончания Петербургского горного ин-та (1910) работал в Геологическом Комитете (1923–28 – зам. директора и директор Московского отделения Геологического Комитета), в 1917–18 гг. командирован в США для изучения нефтяной промышленности. По предложению Ленина введен в состав Главного нефтяного Комитета (1918), руководитель Главсепана (1919), Председатель Совета нефтяной промышленности (1920), Председатель Особой Комиссии по исследованиям КМА (1920–25), член Госплана СССР (1921–29). С 1920 г. в Московской горной академии (1922–30 ректор) основатель и директор Государственного исследовательского нефтяного института (ГИНИ), реорганизованного (1934) в Институт горючих ископаемых (ИГИ) АН СССР (1924–39), организатор и ректор Московского нефтяного института (ныне МИНХ и ГП) (1930–39). Председатель Совета по изучению производственных сил АН СССР (1930–36); начальник геологоразведочного управления ВСНХ (1931); вице-президент АН СССР (1936–39); председатель Азербайджанского филиала АН СССР (1937);</p>

1	2	3
<p>в районах горнодобывающих предприятий, комплексного использования минерального сырья и др. Вернадский – организатор многих научных учреждений. Комиссии по изучению естественных производительных сил страны (КЕПС; председатель в 1915–1930); АН УССР (первый президент в 1919–1921); Государственного радиохимического института (директор в 1922–1939); Биохимической лаборатории АН СССР – ныне ГЕОХИ (директор 1928–45); Международной комиссии по определению абсолютного возраста горных пород (вице-президент в 1937–45); Комиссии по изотопам (1938); Урановой комиссии (1939). Научная и педагогическая работа Вернадского привела к созданию школы русских минералогов и геохимиков (школы Вернадского), к которой принадлежали: А.Е. Ферсман, В.Г. Хлопин, Я.В. Самойлов, А.П. Виноградов, Д.И. Щербаков, А.А. Твалчрелидзе, К.А. Ненадкевич и др. Государственная премия СССР (1943) за многолетние выдающиеся работы в области науки и техники. Имя Вернадского присвоено ГЕОХИ АН СССР (1947), вершине на острове Парамушир, полуострову в Восточной Антарктиде, проспекту в Москве и минералу из группы сульфатов. В АН СССР учреждены премии (с 1945) и золотая медаль (с 1963) им. В.И. Вернадского. Вернадский – член-корреспондент Британской ассоциации наук АН и Сербской АН (1926), Парижской АН (1928) и др. Горная энциклопедия, т. 1. С. 361.</p>	<p>Губкин разработал теорию грязевого вулканизма, установил генетическую связь между грязевым вулканизмом, диапиризмом и месторождениями нефти в пределах Кавказской геосинклинальной области. Открыл впервые в мире литологическую залежь нефти, названную “рукавообразной” (в Майкопском районе Краснодарского края). Губкин руководил геологическими исследованиями восточных районов Русской платформы и раскрыл перспективы Волго-Уральской нефтегазоносной провинции. Результаты исследования опубликованы в посмертном труде “Урало-Волжская нефтегазоносная область” (1940). В 1932 г. дал научно обоснованный прогноз нефтегазоносности мезозойских отложений Западно-Сибирской низменности. Премия им. В.И. Ленина (1929). Именем Губкина названы город и район в Белгородской области, поселок в Азербайджанской ССР, банка в Каспийском море, рудник на территории КМА, газонефтяное месторождение в Западной Сибири, Институт геологии АН Азерб. ССР; МИНХ и ГП; геофизическое исследовательское судно Министерства геологии СССР; Всесоюзное научно-техническое общество нефтяной и газовой промышленности. В 1949 г. в АН СССР учреждена премия им. И.М. Губкина (присуждается 1 раз в три года). С.П. Максимов. Горная энциклопедия, т. 2. С. 195–196.</p>	

И.М. Губкин и великие ученые (по С.Г. Романовскому, 1999)

Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907)	Вернадский Владимир Иванович (1863–1945)	Губкин Иван Михайлович (1871–1939)
1	2	3
<p>Великий русский химик, создатель периодической системы химических элементов (1869). Профессор Петербургского университета (1865–1890).</p>	<p>Великий ученый-естествоиспытатель, акад. (1912). Основатель геохимии, биогеохимии, радиогеохимии. Создал концепцию биосферы (1926). Первый Президент Украинской АН (1919). После 1917 г. остался в России, хотя до конца жизни так и не признал идеологию большевизма.</p>	<p>Советский геолог, акад. (1929). Работал в области нефтяной геологии, обладая исключительным “чутьем” на новые нефтяные залежи. Много сделал для жесткой централизации управления геологоразведочными работами. Его стараниями в 1929 г. ликвидирован Геологический комитет. С 1929-го проводил отчетливо фракционную политику в АН, руководя работой “большевистской фракции”.</p>

3. а) Ученый способен отказаться от собственной гипотезы, от тех взглядов, которые он разделял, если новые факты им противоречат. В 30–40-е годы Н.А. Кудрявцев и В.Б. Порфирьев еще стоят на позициях биогенной гипотезы, пытаются найти объяснения новым данным в ее рамках. Но в 50-е годы становится ясно, что «теория нефтепроизводящих свит» неверна. И сначала Н.А. Кудрявцев, а затем и В.Б. Порфирьев смело выступают с ее критикой, не взирая на преследования начальствующих геологов-нефтяников.

б) У И.М. Губкина собственных гипотез и разработок не было. В этом смысле он мог бы безболезненно переключаться на новые представления. И он легко менял свои взгляды, руководствуясь при этом не поисками истины, а политической конъюнктурой. Так, в середине 20-х годов он принял было представления И.Н. Стрижова о строении газонефтяных залежей (о газовой шапке), а с момента его ареста стал говорить о *мифической газовой шапке* и вредительской системе разработки нефтяных месторождений. И противопоставлял ей угодную власти *плановую*, а на самом деле хищническую систему разработки.

4. а) Обычно Ученый – выдающийся Педагог. Он заботливо растит себе смену: поддерживает не тех, кто во всем заранее с ним согласен, а думающих, спорящих, задиристых, выдвигающих что-то свое, новое. Создает научную школу. Оставляет заметный след в области образования и подготовки научных кадров (своя система преподавания, методические пособия, учебники).

Научные школы создали все перечисленные выше геологи. На их трудах, их учебниках и пособиях выросло несколько поколений геологов, нефтяников, газовиков.

б) Школа И.М. Губкина – это партийные функционеры в геологии нефти и газа, сделавшие карьеру на восхвалении мнимых заслуг академика. Практически все они продвигались в Академию наук незаслуженно (Хаин,

Соколов, 2002; правда, авторы утверждают, что часть из них – заслуженно). *Классический* (так принято у последователей Губкина начинать фразу о его произведениях) труд Губкина «Учение о нефти» построен по образцу монографии Г. Гефера «Нефть и ее производные» (1908) и компилятивен по содержанию.

5. а) Создание школы предполагает в известной мере организаторский талант: заведование кафедрой, руководство отделами, лабораториями, институтами.

б) Несомненно, что организаторским талантом Губкин от природы был наделен. Но, став большевистским функционером, талант этот он подчинил интересам партии и своим собственным.

6. а) Работы Ученого оригинальны, как по замыслу, так и по построению и новизне материалов. Таковы труды всех названных выше геологов.

б) Доклады Губкина на XVI и XVII сессиях МГК компилятивны так же, как и «Учение о нефти» и «Урало-Волжская нефтеносная область». Вспомним замечание Н.Б. Вассоевича: «За рубежом известны ссылки на взгляды Н.И. Андрусова, К.П. Калицкого, особенно на гипотезу А.Д. Архангельского, на высказывания других русских и советских геологов и химиков, но никто не упоминает о гипотезе или теории И.М. Губкина» (Вассоевич, 1963, с. 32).

7. а) В геологии Ученый зачастую первооткрыватель месторождений и новых нефтегазоносных провинций, автор крупных открытий, иногда и изобретатель, разработчик непосредственно связанных с данной наукой технических, технологических и экологических проблем.

б) Ни одного месторождения нефти и газа, тем более ни одной новой провинции Губкин не открыл. Многочисленные выступления его последователей по поводу *открытия* Майкопской рукавообразной залежи и Волго-Уральской нефтеносной области – не более чем мифы.

8. а) Ученый переполнен новыми идеями. Ставит новые крупные проблемы и ищет пути их разрешения.

б) И.М. Губкин в двадцатые годы никакой геологической продукции не производит, в тридцатые – создает компилятивные обобщения, необходимые ему для подтверждения реноме академика. Его отягощают при этом не проблемы геологии, а проблема создания имиджа ученого.

9. а) Ученый постоянно классифицирует изучаемые им объекты и явления по различным признакам. По мере накопления материалов создает новые классификации.

б) Никаких новых классификаций в геологии нефти и газа Губкин не предложил. А «уточняя» классификацию месторождений нефти и газа Т.Г. Клаппа, допустил смещение ряда понятий (Еременко, 1960).

10. а) Открывая неизвестные ранее закономерности, Ученый неизбежно

вводит в науку новые термины, понятия и определения. Он точен в употреблении общепринятых терминов.

б) Исключительно редки новые термины у Губкина. Едва ли не единственный пример – *нефтеборные площади*. Сторонниками биогенной гипотезы этот термин употреблялся, но с отрицанием этой гипотезы уйдет в небытие и он. Губкин крайне небрежен в терминологии.

11. а) Ученый – это часто и стабильно цитируемый автор.

Стоит ли напоминать о том, что труды, посвященные истории и методологии геологии, не обходятся без ссылок на работы М.В. Ломоносова, В.И. Вернадского, А.П. Карпинского, Н.С. Шатского.

б) И, как уже упоминалось выше, за рубежом никто не цитирует Губкина. И лишь последователи канонизированного академика в СССР постоянно пользовались «классическими» трудами И.М. Губкина, поскольку ни статьи, ни книги без ссылок на его труды к печати не допускались.

12. а) Ученый скромн. Для него нет необходимости напоминать о своих приоритетах и заслугах. Об этом свидетельствуют его труды.

б) И.М. Губкин то и дело утверждает: «Об этом я говорил ранее» (И.Н. Стрижова, Н.С. Шатского). А на самом деле заимствует чужие идеи и не ссылается на предшественников. И делает беспрецедентное заявление: «В науку я вошел хозяином» (Рис. 16).

13. а) Ученый свой талант, силы, жизнь кладет на Алтарь Науки, Алтарь Отечества.

б) В период работы в Геолкоме, до 1917 г. И.М. Губкин проявил себя как способный геолог. А затем употребил свои способности на служение власти, во имя карьеры. И как Ученый не состоялся.

Свое второе призвание окончательное и, вероятно, истинное он обрел в шельмовании подлинных творцов науки, их безжалостном и жесточайшем преследовании.

Рис. 16. Вымышленная самим Губкиным биография давала благодатную возможность возвращать мифы об ученом-большевике, патриоте, хозяине в науке и распространять их

Отметим, что по какому-либо одному из названных признаков вряд ли можно сказать – данный специалист Ученый или, скажем, научный сотрудник. Думается, что только наличие всех признаков позволит решить вопрос, вынесенный в заглавие раздела.

И.М. Губкин *проведен* академиком по техническому отделению. В том, что он ученый, убежден разве что он сам и, может быть, весьма недалекие по своим способностям, но близкие для Губкина его последователи.

В техническом отделении коллеги его своим не считают: какие такие технические труды он имеет? Статистику по нефти?

В геологии крупного вклада, достойного звания академика, у него тоже нет. А.Д. Архангельского, опубликовавшего крупные обобщения, ему уже не догнать, геохимиков и минералогов – тоже. По геологии нефтеносных областей гораздо больше крупных работ у Д.В. Голубятникова, К.П. Калицкого, Н.Н. Тихоновича, П.И. Полевого.

Выводы по разделу:

И.М. Губкин был от природы, несомненно, способным, может быть, даже талантливым человеком. И также несомненно то, что Ученым он не был.

Глава 6

И.М. ГУБКИН И КОЛЛЕГИ

Деятельность в геологии и нефтяной промышленности связывала И.М. Губкина со многими специалистами. И поскольку в интерпретации последователей Губкина его отношение к коллегам, к их трудам обросло мифами, сделаем попытку разобраться в том, как обстояло дело при жизни нашего героя и как это изображалось до недавнего времени в «исторических очерках».

Как уже отмечено выше, в Геолком И.М. Губкин был принят на должность адъюнкт-геолога в 1910 г., в возрасте 39 лет. Изучением нефтеносных областей Кавказа в это время занимались его ровесники, имевшие уже значительный опыт геологических исследований и десятки опубликованных работ. И, надо полагать, что отношение к ним начинающего геолога в первые годы его деятельности было вполне уважительным.

В первых же публикациях по Майкопу Губкин проявил себя как серьезный исследователь. Структурные карты для изображения подземного рельефа продуктивных горизонтов в это время уже широко использовались в США. В России первые попытки таких построений тогда же (начиная с 1904 г.) делал Д.В. Голубятников и затем Н.И. Ушейкин. Но никто из российских геологов еще не изображал на структурных картах нефтяных залежей. То есть, представления о строении залежей, их границах были умозрительны и не имели графического воплощения.

Губкин решил первым. И изобразил майкопскую нефтяную залежь на структурной карте. Именно эти построения и смелая их интерпретация как рукавообразной нефтяной залежи и вызвали восторженный отзыв о ней К.П. Калицкого. Так что с самых первых шагов в геологии хорошее отношение к новичку было обеспечено. Надо полагать, что оно до поры до времени было взаимным.

По возвращении из командировки в США И.М. Губкин с головой окунулся в новую жизнь, в организацию различных комитетов, комиссий, редакционно-издательскую деятельность, преподавание в Московской горной академии.

Приступая к краткому описанию сотрудничества Губкина с коллегами, сразу оговорюсь, что я не ставил перед собой невыполнимой в рамках данной работы задачи – дать полный анализ их трудов и исчерпывающей ха-

рактические их личностей. Читатель найдет здесь лишь краткие сведения о контактах И.М. Губкина со многими известными геологами и некоторые штрихи к их портретам. С одними дороги Губкина пересекались чаще, с другими – реже. Соответственно, поэтому различны по объему и мои заметки о его коллегах. Труды большинства из упомянутых ниже исследователей, естественно, ждут монографического исследования.

Казимир Петрович Калицкий

Казимир Петрович Калицкий младше И.М. Губкина на полтора года (родился 17 марта 1873 г.). Петроградский горный институт окончил в 1899 г., на 11 лет раньше Губкина.

С 1901 г. работал в Геолкоме и проводил исследования в нефтеносных областях России: на Северном Кавказе, на Челекене, в Фергане.

В 1918 г. Главконфетью была организована небольшая экспедиция на Ухту с целью изучения геологического строения района в связи с его нефтеносностью. В 1930 г. И.М. Губкин вспоминал: «...в состав этой экспедиции вошли геологи К.П. Калицкий и А.А. Стоянов, один из них нефтяной геолог, а другой знаток палеозойской фауны. Одной из главнейших задач этой экспедиции была проверка взглядов Ф. Чернышева и А.Н. Замятина. Правда, эта экспедиция не дала прямого и решительного ответа на поставленный ей вопрос. Однако теория грабена толкованиями геолога К. Калицкого была поколеблена и взята под сомнение...» (Губкин, 1930).

Стало быть, Казимир Петрович Калицкий – геолог Геолкома, тот, которого последователи Губкина впоследствии будут клеймить как идеалиста и метафизика, был приглашен Губкиным в качестве известного специалиста, выдающегося геолога-съемщика, способного решать весьма сложные геологические задачи. В данном случае, проверить представления маститого геолога Ф.Н. Чернышева о строении Ухтинского района!

Очень важный момент, не упоминающийся в «исторических» очерках последователей Губкина: с 1920-го по 1925 гг. Калицкий руководил нефтяной секцией Геолкома. В эту секцию входили все сотрудники, занимавшиеся исследованиями нефтеносных областей России: М.В. Абрамович, В.Н. Вебер, Д.В. Голубятников, И.М. Губкин, А.Н. Замятин, Н.М. Леднев, С.И. Мионов, К.А. Прокопов, Н.Н. Тихонович, Н.И. Ушейкин, С.И. Чарноцкий.

Почему же именно Калицкий, а не кто-то другой возглавил нефтяную

секцию? Ответ единственный: пользовался заслуженным авторитетом. Если у всех геологов, занимавшихся исследованием нефтеносных районов России, публикации касались только отдельных площадей и месторождений, то Казимир Петрович был уже автором интересных и серьезных обобщений: «О миграции нефти» (1911), «Нефтяные месторождения Ферганы» (1914), «В какую фазу геологического цикла происходит образование нефтяных залежей?» (1916), «Озокерит» (1917). Кроме того, читал лекции в Петроградском горном институте и готовил их к печати. В 1921 г. они и были опубликованы в России под названием «Геология нефти». Это был первый учебник такого рода в России! Было за что уважать Казимира Петровича, можно было и позавидовать.

Казимир Петрович Калицкий был одним из первых исследователей нефтеносных площадей Средней Азии и проявил себя здесь как блестящий, непревзойденный геолог-съемщик. Целая серия публикаций Калицкого посвящена этому региону. Высказывания последователей Губкина о том, что именно его, Губкина, приглашали в Среднюю Азию для консультаций, так же «достоверны», как и прочие славословия в адрес всемогущего начальника. Приглашали Казимира Петровича Калицкого. И он на месте квалифицированную помощь местным геологам оказывал. Более того, находясь в Ленинграде, он состоял в Ферганском тресте штатным консультантом, работая в нем по договору. Его статья 1926 г. по Чимиону – конкретное тому подтверждение (Калицкий, 1926).

В это же время К.П. давал конкретные рекомендации по заложению очередных скважин на разведываемых месторождениях, в частности, на Шорсу. 7 марта 1930 г. на буровой № 14 этой площади забил нефтяной фонтан большой силы. «Газеты тотчас отметили это событие, – вспоминала позднее жена Казимира Петровича. – В «Правде» появилось сообщение: «вчера в Нефтяном Институте ГГРУ на имя старшего геолога К.П. Калицкого была получена телеграмма: «На промыслах Шорсу из буровой скважины № 14 ударил фонтан с суточным дебитом около 365 тонн. Трудящиеся промысла приветствуют Вас как советского геолога и ученого, трудами которого создан промысел». Ежедневный дебит в 365 тонн для месторождений Средней Азии является чрезвычайно большим. В ближайшее время приступлено к бурению новых скважин, что дало возможность ускорить выполнение пятилетки по нефтяным исследованиям» (Калицкая, 1945, с. 218). Далее В.П. Калицкая продолжает: «4 мая по Правлению Союзнефти был издан приказ, в котором в частности говорилось: «...придавая особое значение руководству геологическими работами в Средней Азии со стороны проф. К.П. Калицкого, Правление Союзнефти особо отмечает его личные заслуги в деле развития нефтяной промышленности в Средней Азии и постановляет наградить его персональной премией в размере 2000 рублей».

Во второй половине мая 1930 года К.П. поехал в Коканд. Оттуда 26/V он написал: «Ездил сегодня в Шорсу на новом автомобиле. Полтора часа туда, столько же обратно. На вышке № 14 прибита хорошо сделанная вывеска со словами: «Буровая скважина имени проф. К.П. Калицкого». Она обнесена загородкой и колючей проволокой» (там же, с. 218–219).

«Основы геологически грамотных поисков нефти в Фергане были заложены К.П. Калицким...», – пишет И.П. Соколов. И в списке литературы по региону приводит ряд работ К.П. (1913–1914, 1918) и ни одной Губкина!

«Геология нефти» – первый отечественный учебник для студентов вузов – весьма необходимое в то время и оригинальное пособие. Правда, в своих лекциях Казимир Петрович, вопреки очевидному, отрицает *антиклинальную теорию*, опровергает (так ему кажется) представления о происхождении нефти Д.И. Менделеева и упорно отстаивает гипотезу образования залежей нефти *in situ*. Эти положения не выдержали испытания временем. Но книга насыщена богатым фактическим материалом, приобретенным в основном в результате собственных полевых исследований. И тот, кто хотел учиться, безусловно, мог получить серьезную профессиональную подготовку. А лектор, как вспоминают, Калицкий был непревзойденный. И в дискуссиях с коллегами по самым сложным теоретическим проблемам всегда оставался победителем. Заметим также, что в «Геологии нефти» Казимир Петрович, вероятно, впервые поставил вопрос о подсчете запасов нефти в недрах для всей России. Примерно через пятнадцать лет Губкин поручил решить эту задачу коллективу геологов НГРИ (несомненно, что и ведущий геолог института К.П. Калицкий в этой работе также участвовал). А затем академик и президент XVII сессии МГК и представил участникам конгресса доклад, подготовленный сотрудниками подчиненного ему института.

И поскольку И.М. Губкин, несмотря на все свои руководящие посты, оставался еще и геологом Геологического комитета, здесь до 1925 г. он находился в подчинении у К.П. Калицкого! И в дальнейшем, когда К.П. уже оставил эту должность и работал в НГРИ в качестве ведущего геолога института, надо думать, что Губкину он был просто нужен. Своего отношения к коммунистам, как вспоминает Е.М. Смехов, Калицкий не скрывал (Приложение). О Губкине лично и его приспешниках в тридцатые годы вслух отзывался саркастически: «Калигула ввел своего коня в Сенат» (Хаин, Соколов, 2002, с. 5). И уцелел Казимир Петрович, по-видимому, чудом. Ведь охотники донести и на «виноватого», и на правого с целью занять его место, а то и просто из раболепия перед властями, находились всегда...

И хотя К.П. органы привлекали по «Делу Геологического комитета», он был освобожден по завершении дела «за недоказанностью обвинения» (Заблоцкий, 1999, с. 399). Замечание же автора этой работы о том, что Калицкий получил свой приговор позднее по «делу о вредительстве в нефтяной про-

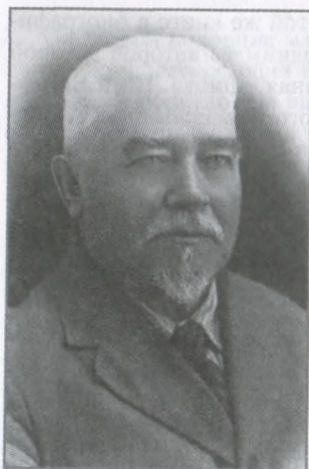
мышленности» (там же) нуждается в проверке. В той же книге в биографической справке «Казимир Петрович Калицкий», одним из авторов которой совершенно безосновательно назван я, имеется явная ошибка. Ни в Воркуте, ни в Ухте никаких следов пребывания Калицкого нет. Если бы Казимир Петрович отбывал срок в Ухтпечлаге, мы бы знали о его геологических исследованиях в регионе, так как в то время все заключенные или прикрепленные к лагерю геологи использовались по специальности. Ни заключенный, ни свободный К.П. Калицкий в Ухте в 30–40-е гг. не жил. Если бы он был действительно репрессирован, то З.А. Мишунина, Е.М. Смехов, В.В. Вебер в своих воспоминаниях об этом бы рассказали.

В конце января 1933 г. Казимир Петрович – участник совещания в Госплане СССР по Тимано-Уральскому региону. В тридцатые годы его работы регулярно публиковались: «Самашкинский нефтеносный район» (1931), «Происхождение и условия залегания Ферганской нефти» (1936), «Фациальные особенности шнурковых залежей нефти» (1939). В это же время, если не ранее, он уже включен (естественно, Губкиным) в состав Оргкомитета XVII сессии МГК. И значится не просто в списках участников, как ошибочно сообщается в приписываемой мне справке (Репрессированные геологи, 1999), а представляет на сессии доклад о месторождениях Среднеазиатских республик, опубликованный в трудах конгресса (Калицкий, 1940). Так что времени для пребывания в лагере у К.П., к счастью, почти не остается.

Вполне вероятно, что Губкину на строптивного коллегу доносили. Может быть, и зубами скрипел. Но почему-то сам не донес и не тронул. Стало быть, Калицкий ему в институте был нужен. И только. О сантиментах тут говорить не приходится. И даже вполне вероятно, что ходатайствовал за него перед органами. Возможно, что именно по этой причине показания подследственного Калицкого в апреле 1929 г. были выделены из «Дела Геолкома», которое вело ленинградское ОГПУ, и переданы в Москву.

Работы своего младшего по возрасту, но старшего по опыту и трудам коллеги, Губкин использовал при подготовке своих учебников и «Урало-Волжской нефтеносной области». И за это должен был быть ему признателен. Что, вполне вероятно, на самом деле и было.

Свидетельствует Василий Валерианович Вебер: «Совершенно неверно противопоставление И.М. Губкина К.П. Калицкому. При их жизни этого не было, придумали это позднее, во время сессии ВАСХНИЛ. Когда было принято постановление о возможности присвоения ученой степени доктора наук без защиты диссертации, за Н.Н. Яковлева и К.П. Калицкого ходатайствовал И.М. Губкин» (Приложение).

Дмитрий Васильевич Голубятников

Дмитрий Васильевич Голубятников старше И.М. Губкина на пять лет (родился в 1866 г.). Работать в Геолкоме начал на десять лет раньше Губкина, в 1900 г. Практически все последующие годы, до самой кончины в 1933 г., посвятил исследованию нефтеносных площадей Апшерона. В период геолого-съёмочных работ Губкина в регионе совместно с ним (и другими геологами) составил два небольших заключения по вопросу о сдаче под разведку и в аренду ряда местностей в Азербайджане (Абрамович, 1960). В 1924–1930 гг., продолжая работы по изучению нефтеносных площадей Апшерона и готовя к печати материалы по исследованным ранее планшетами, – преподавал в МГА (профессор). Крупный региональный исследователь. Перспективы Волго-Уральской области на нефть оценивал отрицательно и в этом серьезно расходился с другими геологами. Не понимал (как это ни странно!) строения нефтегазовых залежей, а именно того, что в синклиналиях нефть замещается водой, писал о *пресловутых контурах нефтеносности*. М.В. Абрамович пытается, правда, реабилитировать своего Учителя: якобы его выступления по этому поводу не так поняли (Абрамович, 1960). Прожил Дмитрий Васильевич всего 65 лет, значительно меньше многих своих коллег. Возможно, сказались нелегкие годы, проведенные в конце XIX века в ссылке, и переживания, связанные с нервной обстановкой тридцатых годов.

Андрей Дмитриевич Архангельский

А.Д. Архангельский моложе И.М. Губкина на восемь лет (1879 г. рождения). А геологические исследования начал проводить еще в период учебы в Московском университете под руководством А.П. Павлова, почти на десять лет раньше Губкина. И уже в 1904 г. подготовил свою первую монографию, посвященную исследованию фауны и стратиграфии саратовского Поволжья. То есть, как геолог он сложился на шесть–семь лет раньше Губкина. По окончании университета сверхштатный ассистент кафедры геологии Архангельский начал сотрудничать с Геолкомом и по его заданию проводил такого

же рода работы, как и все геологи Комитета: съёмку одного из листов Общей десятиверстной карты Европейской России. А с 1913 г. стал и штатным сотрудником Геолкома и переехал из Москвы в Санкт-Петербург (Шатский, 1944). Вероятно, в это время, если не ранее (на заседаниях в Геолкоме) А.Д. и лично познакомился с И.М. Губкиным.

Вскоре судьба свела их на Курской магнитной аномалии. Как уже отмечалось выше, А.Д. руководил здесь геологическими работами, а Губкин осуществлял *общее руководство*. Архангельский оставил здесь след как Ученый, а Губкин только как организатор. И в то время никому, вероятно, еще не приходило в голову взять начальника в соавторы, как это часто будет делаться в дальнейшем в советской действительности.

В 1925 г. Андрей Дмитриевич был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук по геологическому отделению. Это были еще свободные выборы. Академия находилась в Ленинграде, руки у властей до нее еще не дошли. Стало быть, Архангельский был избран за свои заслуги перед наукой, за свой вклад в геологию.

Примерно в это время заинтересовался проблемой происхождения нефти. Литературу, естественно, проработал. Но не остановился на изложении чужих представлений, а углубился в изучение новых проблем. Грязевой вулканизм, органическое вещество современных осадков – вот работы, заслужившие внимание мирового сообщества. На них будут ссылаться и в нашей стране, и за рубежом. А у нашего героя такого рода трудов пока нет.

И уже совершенно очевидно соперничество. А.Д. отмечает: «Для Керченского полуострова наличие диапировых складок вполне доказано только мною в прошлом году» (Архангельский, 1925, с. 275). Тем не менее, сотрудничество с И.М. Губкиным продолжается. А.Д. преподает в Московской горной академии, возглавляет деканат геологоразведочного факультета (до 1930 г.), а с 1925-го по 1930 год и геологический отдел в Государственном исследовательском нефтяном институте (ГИНИ).

Действительным членом АН СССР по геологическому отделению А.Д. избирают 12 января 1929 г. В это время у него уже более 100 опубликованных научных трудов. Видимо, в это время А.Д. Архангельскому под непосредственным руководством Губкина уже становится тесно как в МГА, так и в ГИНИ. И с 1930 г. он руководит литологическим отделом Института геологии и минералогии при Наркомтяжпроме, читает курс «Геология СССР» в Московском геологоразведочном институте (МГРИ). В 1934 г. А.Д. избирают директором Геологического института АН СССР, а в 1937-м – директором объединенного Института геологических наук АН СССР.

Но, несмотря на высокие должности, требующие немалых затрат времени и сил, всегда неутомимо занимается делом. В начале тридцатых годов Архангельский создает и публикует капитальный труд «Геологическое стро-

ение СССР. Европейская и Среднеазиатская части» (Архангельский, 1932). Через два года эта работа, исправленная и дополненная, переиздается. Затем следует еще один выпуск (1934). Для его подготовки автор проработал огромный массив литературы: список насчитывает 2060 наименований, в том числе 162 на иностранных языках! Заметим, что именно к 1932 г., за те же три года после избрания в академики, Губкин смог подготовить лишь компиляцию – «Учение о нефти».

Труды по геологии Русской платформы приносят Архангельскому мировую известность. Он создает школы: в области тектоники его дело продолжает Николай Сергеевич Шатский, в литологии – Николай Михайлович Страхов. В соавторстве с ними и со многими другими молодыми геологами у А.Д. опубликовано немало трудов. А вот соавторством с Губкиным он себя, к счастью, не замарал. Вполне вероятно, что А.Д. Архангельский возглавил бы еще одну школу – школу теоретических проблем геологии нефти, в особенности в области разработки биогенной гипотезы. Весьма многозначительное замечание находим в отчете Н.Б. Вассоевича о работах на Кавказе в 1928 г.: «Новое направление в нефтяной геологии СССР, горячо проводимое акад. А.Д. Архангельским и **его школой**, открывает блестящие перспективы в отношении и более правильной практической оценки известных уже месторождений нефти и в направлении поисков новых «возможно нефтеносных» районов» (Вассоевич, 1931, с. 26, выделено мною – А.Г.).

Понятно, что *ученого-большевика*, активиста ВАРНИТСО, и своего начальника в комиссиях, МГА, институтах, а позднее и вице-президента Академии наук А.Д. боялся, сомнений нет. Иначе разве и он, и А.Е. Ферсман подписали бы рекомендации С.Ф. Федорову в члены-корреспонденты Академии наук? Отказать в этом всемогущему в то время *хозяйину в науке* значило впасть в немилость со всеми непредсказуемыми последствиями. Можно предположить также, что не только из-за огромной загрузки, но и из боязни опередить Губкина в решении загадки происхождения нефти А.Д. благоразумно отошел в сторону и занятия по столь интересной для него проблеме прекратил.

И самое главное: на труды А.Д. Архангельского, имеющие отношение к геологии нефти, за рубежом ссылаются, а Губкин как оригинальный исследователь там не известен.

Ушел из жизни Андрей Дмитриевич слишком рано – в 1940 г., в возрасте 61-го года.

Алексей Николаевич Розанов

Алексей Николаевич Розанов моложе И.М. Губкина на 11 лет (родился в 1882 г.). В Московский университет Алексей Розанов поступил в 1900 г., геологии учился у профессора А.П. Павлова.

Самостоятельные геологические исследования начал проводить в Подмоскovie еще в студенческие годы и сложился как специалист на несколько лет раньше И.М. Губкина. В 1906 г. по окончании университета был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию.

Геологическую съемку по заданию Геолкома А.Н. Розанов начал выполнять с 1914 г. и, возможно, тогда же познакомился с И.М. Губкиным. Позднее тесно сотрудничал с Губкиным в Московском отделении Геолкома, а с 1931 г. заведовал кафедрой «Геологии СССР» в Московском нефтяном институте.

Трудно сказать, кто и почему донес на А.Н. В обстановке тридцатых годов все было возможно. Арестовали его в 1933 г. Дочь А.Н. Нина Алексеевна рассказывала о работе отца в лагерях и едва ли не чудесном облегчении его участи благодаря встрече в Норильске с бывшим своим учеником, заместителем наркома НКВД А.П. Завенягиным.

Поразительно быстро разобрался Алексей Николаевич в строении Норильского района и открыл новое полиметаллическое месторождение. Столь же энергично действовал он и в Ухте. И доклад о геологии и перспективах нефтегазоносности Тимано-Уральского региона на республиканской конференции в Сыктывкаре в 1944 г. представил не главный геолог Ухткомбината А.Я. Кремс, а научный руководитель ЦНИЛа Алексей Николаевич Розанов.

Полное освобождение получил Розанов в 1942 г. Работал над докторской диссертацией и привез ее в начале 1949 г. на отзыв в Ухту. Но здесь он скорострительно скончался. Сказались мытарства лагерной жизни, тяжелые условия Севера.

Николай Николаевич Тихонович

Николай Николаевич Тихонович младше И.М. Губкина на один год (родился в 1872 г.). Естественное отделение Харьковского университета окончил в 1896 г. С 1898 г. проводил самостоятельные гидрогеологические исследования в Семипалатинской и Тургайской губерниях. С 1904 г. – в Геологическом комитете, а район работ – смежный с предыдущим – Оренбургская губерния. Затем будет Сахалин, а с 1911 г. нефтеносные и газоносные области – Урало-Эмбенская область и Самарская губерния. В этот период опубликовал работы: «Уральский нефтеносный район. Лист: Макат, Бляули, Чингильды» (Совместно с С.И. Миرونвым, 1914); «Уральский нефтеносный район: Кой-Кара, Иман-Кара, Кизил-Куль» (1915); «Уральский нефтеносный район» (1918, обобщение).

Таким образом, к тому времени, когда началось формирование новых организационных структур в геологии и горной промышленности, Н.Н. Тихонович имел большой опыт исследований, был известным геологом, специалистом с широким кругозором. Как геолог Геолкома, а с 1920 г. – председатель Комитета промышленных разведок при Горном отделе ВСНХ, по долгу службы непосредственно сотрудничал с Губкиным.

В конце 1928 г., когда уже завершалось оформление «Шахтинского дела», был арестован (вариант – по делу Геолкома). Свою мнимую вину искупал в Ухтинской экспедиции ОГПУ и ее преемнике – Ухтпечлаге. О результатах деятельности ухтинских геологов в Тимано-Печорской провинции под руководством Н.Н. Сказано выше. Результаты эти были, можно сказать, весьма впечатляющими. Далеко не все производственные организации имели такие успехи.

Вероятно, Губкин неплохо относился к Н.Н. Тихоновичу. Прикрепленный к лагерям Н.Н. был участником XVII сессии МКК! Думается, что организаторы конгресса были в положении щекотливом, опасном: репрессированному докладчику могли вольно или невольно задать нежелательные вопросы и тем самым создать ситуацию, чреватую для всех непредсказуемыми последствиями.

Десятилетний срок заключения и прикрепления к лагерям Тихонович отбыл сполна и в конце 1938 г., незадолго до кончины Губкина, был отпущен из Ухты, возвратился в Москву. Преподавал в Нефтяном институте, носящем имя академика, завершил обработку обширных материалов, накопленных в течение десятилетий (1951). Оставил глубокий след в геологии многих регионов. Николая Николаевича всегда глубоко уважали коллеги и до сих пор тепло вспоминают выпускники института.

Иван Николаевич Стрижов

Иван Николаевич Стрижов младше И.М. Губкина на один год (родился в 1872 г.). Московский университет окончил в 1894 г. То есть, как геолог он сформировался на шестнадцать лет раньше Губкина. Нефтяным делом начал заниматься с 1898 г. – на двенадцать лет раньше.

К тому времени, когда И.М. Губкин приступит к исследованиям на Кубани, И.Н. Стрижов уже будет иметь внушительный ряд публикаций и репутацию серьезнейшего работника по *нафтологии*. Среди них: «Коренной вопрос нефтепромышленности» (1900, постановка задач по нефтяному делу и геологии нефти и газа на десятилетия); «Изучение третичных слоев Кавказа» (1904, обзор литературы, несомненно, полезной для геолога, начинающего исследования в новом для себя районе); серия статей по геологии и нефтеносности Грозненского района, Дагестана и Челекена, закладывающих основы геологии нефти и газа и нефтегазопромыслового дела.

Особо выделю «Признаки благонадежности нефтяных месторождений на Кавказе» (1909). Такое название не могло не привлечь внимания серьезного исследователя. Нужно было только читать, обдумывать и двигаться дальше. И если не прочитал, не понял, пренебрег, то потерял очень много. Впрочем, не осознали важности этой небольшой статьи, а, может быть, и не прочитали ее, вероятно, многие. Не захотели осознать, отдать ей должное. Видимо, должно было пройти время, для того чтобы специалисты смогли оценить эту работу с большого расстояния.

С трудами И.Н. Стрижова И.М. Губкин мог познакомиться в период своих исследований на Кавказе. Хотя бы с работой «Изучение третичных слоев Кавказа» (Стрижов, 1904). Но ссылок на нее, как и на другие труды Стрижова, у Губкина мы не находим.

В 1920 г. И.Н. из «Грознефти» перевели в Москву на работу в Главный нефтяной комитет. То есть и здесь, и в Совете нефтяной промышленности Стрижов сотрудничал с Губкиным. Немедленно пригласил его последний к сотрудничеству в журнале «Нефтяное и сланцевое хозяйство», в котором был председателем редколлегии. Без Ивана Николаевича в это время не могли обойтись. Заметим, что Стрижов был необходим отрасли всегда, а сейчас, говорят специалисты, России нужен новый Стрижов.

Одна из статей И.Н. в 1922 г. сопровождается следующим примечанием редколлегии: «Не вполне разделяя взгляды автора по ряду затронутых им в настоящей статье отдельных вопросов, редакция помещает ее полностью,

имея в виду, с одной стороны, выдающийся практический стаж автора в области организации и техники нефтяной промышленности, делающий его одним из признанных авторитетов в этой области, с другой – необходимость самого всестороннего обсуждения и разработки относящихся сюда основных вопросов». Комментарии к этому примечанию излишни.

Но вскоре начались расхождения в позициях между И.Н. Стрижовым и И.М. Губкиным по многим кардинальным проблемам нефтяного дела. И.Н. отстаивал принципы рациональной разработки залежей нефти с газовой шапкой, комплексного использования полезных ископаемых, сохранения пластовой энергии. Губкин шел на поводу у властей, девизом которых было *выполнение планов любой ценой*. Заметим – планов часто нереальных. Методы рациональной разработки газонефтяных месторождений (идеи Стрижова) поддерживало большинство специалистов-нефтяников, горный инженер Петр Иоакимович Пальчинский, а позднее, в тридцатые годы, даже во времена гонений на Стрижова – А.П. Серебровский и Н.А. Кудрявцев (З.А. Мишунина, «Приложения»).

В 1930 г., после ареста Стрижова, Губкин, явно выполняя возложенную на него долгом большевика-патриота и тайной миссией ВАРНИТСО задачу, опубликовал в «Известиях» погромную статью «Сорвать строительство нефтяной промышленности вредителям не удалось» (Приложения). В 1935 г. С.Ф. Федоров, подпевая Губкину, еще писал о газовой шапке как о мифической и о связанном с этими представлениями вредительстве. Но в 1937 г. на XVII сессии МГК о газовой шапке говорили уже совершенно открыто (Иванчук и Эвентов, 1940). Стало быть, *главный нефтяник страны* с нею смирился. Проблема с «мифической» газовой шапкой была как бы снята, одно из серьезных обвинений против Стрижова – о торможении разработки нефтяных месторождений – отпадало. Но, естественно, Губкин не позаботился о том, чтобы ходатайствовать перед органами о его досрочном откреплении от системы ГУЛАГа.

Заниматься переработкой угля и сланцев на нефтепродукты И.Н. считал в 20-е годы бессмысленным, о чем совершенно определенно высказал свое мнение корреспонденту «Торгово-промышленной газеты». «Получение нефтепродуктов из угля является, во всяком случае, делом отдаленного будущего хотя бы потому, что в течение долгого времени оно будет обходиться дороже получения их из нефти... Я против производства определенных затрат на эксперименты по изысканию других методов разжижения угля. Перед промышленностью СССР в настоящий момент имеется очень много гораздо более неотложных проблем, разрешение которых даст нам реальную пользу уже в ближайшее время» (Губкин, Ипатьев, Стрижов, 1927).

Губкин не забыл и не простил И.Н. Стрижову его прямоты. В 1931 г., летом, когда Стрижов пришел по этапу в поселок Чибью и уже представил начальнику Ухтпечлага свой известный доклад с широкой оценкой перспектив

огромного региона, известного теперь как Тимано-Печорская провинция, Губкин на чрезвычайной сессии АН СССР в Москве 21–27 июня говорил: «На наших глазах возникло и развивается сжигание углей – превращение твердого вещества в жидкий продукт, получение искусственной синтетической нефти. В связи с этим получают грандиозное значение горючие сланцы, против которых 5–6 лет назад вел отчаянную борьбу один из врагов трудящихся Советского Союза, которого с благоговением тогда выслушивали наши хозяйственники как величайшего из оракулов» (Губкин, 1953, с. 239). Понятно, что Губкин здесь подразумевает И.Н. Стрижова.

Практически сразу же после кончины Губкина была ликвидирована Канско-Тасеевская экспедиция ГУЛАГа, обязанности главного геолога которой выполнял Иван Николаевич. Срок его десятилетнего заключения и прикрепления к лагерям истек в июне. Немедленно получил он освобождение, возвратился в Москву и был принят в Московский нефтяной институт на должность заведующего кафедрой «Газового дела» (Стрижов, автобиография, 1943, л. 2–10).

Петр Иоакимович Пальчинский

Петр Иоакимович Пальчинский младше И.М. Губкина на четыре года (родился в 1875 г.). Петербургский горный институт окончил в 1900 г. Вскоре проявил себя как разносторонне талантливый горный инженер и организатор производства. В горнопромышленных кругах России пользовался заслуженным авторитетом (Гараевская, 1996).

Член партии эсеров, руководитель обороны Зимнего дворца в октябре 1917 г. Тогда же арестован и вместе с другими членами Временного правительства заключен в Петропавловскую крепость. После освобождения включился в работу Русского технического общества (РТО), в апреле 1918 г. избран в Совет РТО, а затем его председателем.

Несмотря на прямо противоположные политические платформы с большевиками, пошел на сотрудничество с советской властью и много работал для восстановления разрушенного мировой войной хозяйства России. В.И. Ленин постоянно пытался привлечь Пальчинского к работе в хозяйственных органах и готов был предоставить ему самые высокие и ответственные посты, вплоть до председателя ВСНХ (хотя документального подтверждения этому пока не обнаружено). «Но окружение В.И. Ленина категорически это-

му воспротивилось» (Гараевская, 1996, с. 95). Периодически арестовывался и по несколько месяцев находился в заключении, но в тюрьмах, насколько позволяли условия, интенсивно работал. С И.М. Губкиным контактировал по линии Главного нефтяного и Сланцевого комитетов.

После очередного ареста 25 июня 1918 г. «Ленин потребовал от Г.Е. Зиновьева и Петроградской ВЧК объяснений, почему Пальчинский не амнистирован. «Если он ученый, писатель, нельзя ли ему – в случае наличия серьезных улик против него – предоставить условия особо льготные (например, домашний арест, лаборатория и т.п.). Почти немедленно ЧК разрешила Петру Иоахимовичу непосредственно давать консультации всем нуждающимся в этом ведомствам и учреждениям» (Гараевская, с. 99).

И хлынул поток посетителей в тюрьму (Дом предварительного заключения)... Для личного свидания явились друзья и хорошие знакомые: инженеры Н.И. Берлинг, Н.П. Козлов, Д.И. Мушкетов, Д.С. Зернов, В.В. Старостин, В.П. Семенов-Тяньшаньский, И.М. Губкин, В.Н. Якубов и др.» (Гараевская, 1996, с. 99). В защиту Пальчинского выступали РТО, Лига возрождения Петрограда, ЦК Совета экспертов при ВСНХ и др. (там же, с. 96–97).

В Доме предварительного заключения в Петрограде Петр Иоахимович находился до 17 марта 1919 г. (почти девять месяцев!) и, поскольку ему были созданы сносные условия, не прекращал работы.

Авторитет Пальчинского в инженерных и правительственных кругах был очень высок. И И.М. Губкин поддерживал с ним еще в течение нескольких лет тесные деловые отношения. Более того, поскольку жилья в Москве у Петра Иоахимовича не было, Губкин прописал и поселил его в своей громадной квартире в доме № 36 на Спиридоньевке! Таким образом, Губкины избежали возможного *уплотнения* (Гараевская, 1996, с. 101).

Такие отношения продолжались еще некоторое время. Но к концу 1926 г. стало очевидно, что многие государственные структуры и даже общественные организации в условиях новой власти действуют неэффективно. Аппарат их непрерывно заседает, инженеры не имеют возможности заниматься делом, а лишь строчат протоколы и отчеты. И Петр Иоахимович с некоторыми горе-руководителями (а скорее – партийными функционерами в науке и технике) общение прекратил. В их числе был и Губкин, с которым Пальчинский перешел лишь на официальные отношения (Гараевская, 1996, с. 149).

Вполне вероятно, что после очередного и последнего ареста Пальчинского Губкин до конца своих дней жил в постоянном страхе. Естественно, он понимал, что никаким врагом и вредителем Петр Иоахимович не был. Так же, как и арестованный позднее Иван Николаевич Стрижов. И того, и другого Губкин слишком хорошо знал. Но было также совершенно ясно, что органы могут сфабриковать дело и против него самого: общение по работе было тесным. И ничего сочинять не нужно: даже в тюрьме навещал! А затем, после выхода из ДПЗ, поселил у себя и прописал! Вот оно – вредитель-

ское гнездо! Стало быть, заговор у них созрел еще в 1918! Улики для ОГПУ – лучше и быть не может!

Было чего опасаться. Тогда, в конце двадцатых, в тридцатом году как будто бы пронесло.... Но с тех пор нужно было всегда оправдывать доверие партии и клеймить и живых, и мертвых.

В автобиографической статье «Доверие народа – высшая награда» 1938 г. Губкин неспроста отводит Пальчинскому почти целую страницу. Борьба с вредительством в 1937 г. была весьма выигрышным моментом в биографии кандидата в депутаты в Верховный Совет СССР. Губкин пишет, что еще в 1918 г. Пальчинский якобы отговаривал его идти на службу к большевикам, на что он, естественно, отвечал с возмущением. В имевшем как будто бы место доверительном разговоре В.И. Ленин о Пальчинском сказал: «Да... – Это крупный враг. Носовых платков не крадет, на мелочи не разманивается» (Губкин, 1950, с. 54).

Понятно, что эта история придумана Губкиным для автобиографии через десять лет после гибели Пальчинского.

Здесь Губкин лгал, несомненно. Лгал, чтобы стереть в памяти тех, кто еще оставался в живых, тех, кто не только тесно сотрудничал с Пальчинским, но и сочувствовал ему, навещал в тюрьме, жил с ним под одной крышей.

Александр Иванович Косыгин

Александр Иванович Косыгин младше И.М. Губкина почти на 12 лет (родился в 1883 г.). Петербургский горный институт окончил в 1914 году, когда ему уже исполнился 31 год (до этого, в 1908 – математический факультет Петербургского университета).

С 1924 г. по распоряжению Главгортопа ВСНХ СССР принимал участие в подсчете запасов нефти месторождений Бакинского района (Косыгин, 1926). Первое руководство по разведке месторождений нефти и газа подготовлено А.И. Косыгиным (1932). На XVII сессии МГК представил доклад «Классификация нефтяных и газовых месторождений по величине пластового давления» (Косыгин, 1937).

С И.М. Губкиным А.И. Косыгин сотрудничал тесно. К 35-летию научно-педагогической и общественной деятельности Губкина в 1927 г. в «Нефтяном хозяйстве» опубликовал довольно обстоятельный очерк. Заканчивая очерк, Александр Иванович пишет: «Иван Михайлович – талантливый ученый, стремящийся науку сблизить с жизнью. Как общественный деятель – он полон творческого духа. Он стоит в центре

научной общественности, он объединяет вокруг себя инициативу, научную и техническую мысль» (Косыгин, 1927, с. 166). Как погромщик в это время Губкин еще далеко не раскрылся, многим, вполне вероятно, казался таким, каким его и представляет Косыгин.

Доброе отношение к Губкину Александра Ивановича не спасло: 21 февраля 1938 г. он был арестован и осужден по статье 58 к 8 годам заключения. Скончался А.И. Косыгин в Магадане в 1940 г. (Репрессированные геологи, 1999).

Михаил Владимирович Абрамович

Михаил Владимирович Абрамович младше И.М. Губкина на двенадцать с половиной лет (родился в 1884 г.). Петербургский горный институт окончил в 1910 г., одновременно с Губкиным. Исследования на Апшероне проводил как сотрудник Геолкома в первое время под руководством Д.В. Голубятникова, затем самостоятельно. Внес значительный вклад в изучение разреза продуктивных отложений региона, его геологического строения и нефтегазоносности.

Начиная с 1912 г. опубликовал целый ряд работ, посвященных геологии и нефтегазоносности Апшерона. Довольно быстро сформировался как специалист, способный к широкому общению. Уже в 1920 г. М.В. составил систематическое описание нефтяных месторождений Апшеронского полуострова, оценил перспективы новых площадей и новых горизонтов продуктивной толщи (Потапов, 1954, с. 31).

С И.М. Губкиным, несомненно, встречался в Горном институте, Геолкоме, его Нефтяной секции, в «Азнефти». Но какие-либо письменные свидетельства о взаимоотношениях М.В. Абрамовича и И.М. Губкина неизвестны. Весьма подозрительный факт, как это уже отмечено выше: при публикации докладов участников XVII сессии МГК названы все их авторы, включая даже *прикрепленного* к лагерю Н.Н. Тихоновича. А по Азербайджану доклад «Нефтяные месторождения Азербайджана» представлен от имени «Азнефтеразведки» и ни одна фамилия не названа. В 1935–1938 гг. Михаил Владимирович возглавлял сектор геологии Азербайджанского филиала АН СССР, затем, до самой своей кончины в 1965 г. – отдел геологии нефти Института геологии АН Азербайджана.

В 1925 г. на совещании по охране, рациональному использованию нефтяных недр М.В. Абрамович был одним из немногих оппонентов, не со-

гласившихся с *теорией газовой шапки* и системой разработки газонефтяных залежей, предложенной И.Н. Стрижовым. В 1927 г. предложил свои системы разработки нефтяных месторождений – сплошную и ползущую (Абрамович, 1927). Причем не считал нужным упомянуть своего предшественника. И всегда был в этом последователен: Стрижов для него в геологии нефти как бы не существовал. Столь же неуклюжую попытку представить М.В. Абрамовича первым геологом, предложившим системы разработки нефтяных месторождений, сделал в 1964 г. и А.Я. Кремс. Правда, был вынужден тут же оговариваться (Кремс, 1964, с. 147).

С начала тридцатых годов Михаил Владимирович много внимания уделяет методике поисков и разведки залежей нефти и газа и издает соответствующие пособия для вузов и техникумов. Первое из них опубликовано в 1933 г., через год после выхода книги А.И. Косыгина (в «Горной энциклопедии» по этому поводу неточность: пионером в этом назван М.В. Абрамович).

М.В. Абрамович внес крупный вклад в исследование Апшеронской нефтеносной области и в развитие геологии нефти и газа в целом. Избрание его академиком АН Азербайджанской ССР в 1955 г. было вполне заслуженным. Вполне вероятно, что он был достоин и избрания в действительные члены АН СССР, но по неписаным критериям (партийность, национальность), вероятно, и не выдвигался партийными органами на имеющиеся вакансии.

Степан Ильич Миронов

Степан Ильич Миронов младше И.М. Губкина на 12 лет (родился в 1883 г.). Петербургский горный институт окончил в 1914 г., но уже в последние годы учебы, с 1913 г. работал в Геолкоме. С 1914 г. в изданиях Геолкома печатаются его труды, в первое время в соавторстве с Н.Н. Тихоновичем (Тихонович, Миронов, 1914). Позднее публикуются и результаты самостоятельных исследований.

В 1925 г. возглавил нефтяную секцию Геолкома. А после реорганизации Геолкома был директором НГРИ (1929–1930) и заместителем директора (1931–1938).

Вакансия академика по нефти после кончины И.М. Губкина долго пустовала. Правда, Губкин проходил по техническому отделению, а не по геологии. В 1946 г. Степан Ильич Миронов был избран академиком и с этого времени до самой своей кончины в 1959 г. работал на Сахалине, Сахалинском филиале Института горючих ископаемых. Миронов внес заметный вклад в исследование Урало-Эмбенской, Волго-Уральской, Западно-

Сибирской областей, Сахалина. По статье С.П. Максимова о нем в «Горной энциклопедии» трудно судить о том, насколько его заслуги соответствовали высокому академическому званию. «Расширил область применения микрораспалеонтологического метода в нефтяной геологии», – пишет Максимов (Горн. энциклопедия, 1984–1991, т. 3). Тезис этот звучит достаточно скромно. Скорее всего, нужно было заполнить вакансию в Академии, а лучшей кандидатуры, которая устраивала бы всех заинтересованных лиц и, прежде всего, партийные органы, на тот момент не нашлось. При этом еще демонстрировалось *несокрушимое единство блока коммунистов и беспартийных*: Степан Ильич в ВКП(б) не состоял.

«Хороший человек, но, конечно, не академик», – вспоминал о нем Е.М. Смехов (Приложение).

Доля руководителя любого коллектива в советские времена всегда была непростой, так как начальник вместе со своим личным составом должен был любой ценой выполнять план и в то же время с этим личным составом ладить. А в условиях постоянных реорганизаций и сокращений штатов делать это было непросто. Несомненно, что при И.М. Губкине (впрочем, как и позднее) НГРИ то и дело получал еще и срочные внеплановые задания. А подготовка материалов к докладам Губкина на Международных конгрессах (такого, например, как «Мировые запасы нефти») требовала серьезных усилий всего коллектива. И, конечно, приходилось откладывать текущие дела в сторону и работать на академика. Причем от своевременной сдачи плановых заданий в срок исполнителей никто не освобождал. «Степан Ильич страдал от него безмерно», – вспоминает Зинаида Андреевна Мишунина (Приложение).

Игнатий Осипович Брод

Игнатий Осипович Брод младше И.М. Губкина на 31 год (родился в 1902 г.). В геологию нефти и газа Брод ворвался как метеор совсем молодым человеком, подобно тому как за четверть века до него Иван Николаевич Стрижов. С 1926 г., в возрасте 24-х лет, студент Брод по заданию Геолкома начал самостоятельные исследования в Дагестане, а в 1929 г. возглавил работу нескольких геологических партий НГРИ в этом регионе!

В середине тридцатых годов Брод уже был непревзойденным знатоком нефтяных месторождений Дагестана и Чечено-Ингушетии. Если равные ему были, то разве что в лагерях и

тюрьмах. Так что не случайно путеводители экскурсий для участников XVII сессии МГК по этим областям было поручено составить ему. А на самой сессии Игнатий Осипович, вероятно, был одним из самых молодых участников. Доклад его – «О классификации нефтяных залежей по их формам» – был основополагающим. Таких детальных разработок, как у Брода, до той поры в отечественной науке и практике не было. А иллюстрации к этому докладу были так хороши, так серьезно разработаны, что сам президент XVII сессии в своем докладе вынужден был на них постоянно ссылаться. Было чему и позавидовать! (Брод, 1940).

Вскоре после конгресса Игнатий Осипович был арестован и провел «под следствием» несколько месяцев. Н.А. Еременко пишет, что освобождением своим Брод обязан случаю, если не чуду. В камере на глаза ему попался обрывок газеты с информацией о нефтяном фонтане на площади, бурение на которой вменялось ему в вину как вредительство (Еременко, 2002). Но дело, скорее всего, не только, а, может быть, и не столько в этом. В 1938 г. на посту наркома НКВД Л.П. Берия сменил Н.И. Ежова и начало своей деятельности ознаменовал освобождением части подсудимых и осужденных. В эту группу счастливицов попал и И.О. Брод. Тем более что верстались планы третьей пятилетки, а самые толковые и энергичные работники нерационально использовались в лагерях и томились в тюрьмах.

Биографы И.О. Брода пишут, что тогда же, в 1938 г. (вскоре после освобождения!), по ходатайству И.М. Губкина и С.И. Миронова ему было присуждено звание профессора и ученая степень кандидата геолого-минералогических наук. В этой связи не вполне ясно замечание В.Е. Хаина и Б.А. Соколова о том, что И.М. Губкин Брода не очень жаловал (Хаин, Соколов, 2002). Вопрос в том, – в какие именно годы? Если в 1938 г. за него ходатайствовал, то в какие именно годы не жаловал? До тюрьмы? Хотя, в общем, известно, что Губкин порой имел под рукой две разных (если не противоположных!) характеристики на одного и того же сотрудника и в нужный момент мог представить соответствующую именно этому моменту бумагу. Об этом мне рассказывал Владимир Абрамович Долицкий.

После избрания академиком И.М. Губкин выезжает в регионы уже не столько как специалист, а как начальник, партийный функционер. Беседует с рабочими, молодежью, вдохновляется сам и вдохновляет людей на трудовые подвиги и разоблачение «пессимистов и вредителей».

Вот как вспоминает о приезде в Башкирию летом 1938 г. А.А. Трофимук: «По заданию народного комиссара тяжелой промышленности товарища Л.М. Кагановича И.М. Губкин посетил почти все нефтяные районы Урало-Волжской области с целью установления перспектив их дальнейшего развития в связи с разработкой плана третьей сталинской пятилетки. Главное внимание И.М. Губкин уделил в этой поездке Башкирии. Иван Михайлович

посетил все промыслы и разведки Башкирии, подробно ознакомился с многолетними результатами промысловой и разведочной работы геологов, беседовал и знакомился с работами молодых геологов промыслов, разведок и ЦНИЛа.

Им были одобрены направления и методы дальнейших работ по поискам месторождений ишимбаевского типа. Особое внимание И.М. Губкин обращал на разведку глубоких горизонтов карбона и особенно девона, начатую и запроектированную в Башкирии на площадях Ишимбаева, Шиханы, Стерлибашево и Туймаза.

В беседах с геологами он излагал свои взгляды на нефтеносность девонских отложений, которые впоследствии были развернуты в его замечательной посмертной работе «Урало-Волжская нефтеносная область» (Губкин, 1940).

Идеи И.М. Губкина, обосновывающие поистине огромные перспективы дальнейшего развития нефтяной промышленности Башкирии, окрылили геологов-разведчиков и вдохновили их на усиление творческой энергии по поискам и разведке новых нефтяных месторождений и горизонтов» (Трофимук, 1950, с.17).

А вот как вспоминают ученики И.О. Брода о его приездах на участки поисковых работ «Грознефти» в бытность его главным геологом объединения. Начинает с того, что просит показать структурную карту площади. Затем – разрезы, описания керна, буровые журналы, каротажные диаграммы. По ходу дела все построения (разрезы и карта) уточняются. Причем сам он (и все его помощники тоже!) пропускают время завтрака в служебной столовой и постытятся до обеда, на который тоже едва успевают. Именно структурные построения для отдельных площадей, которым Игнатий Осипович придавал огромное значение, и позволяли ему надежно закладывать поисковые скважины. А создание карт для целых регионов – определять стратегию поисковых работ, выбирать первоочередные объекты в новых областях. И он мог давать обоснованные рекомендации не только по хорошо известным ему районам, а и по тем, с которыми едва привелось познакомиться. Таков случай, когда Брод во время командировки в Китай порекомендовал местным специалистам сменить направление поисков, что вскоре и привело к успеху.

И.О. Брод постоянно готовил новые курсы и издавал соответствующие учебники. Работы его публиковались на английском, немецком, румынском, итальянском, испанском, польском, китайском языках. Особенно много переводили и издавали И.О. Брода в Китае, после того как китайские геологи воочию убедились в том, что на прогнозах И.О. можно базировать поиски месторождений нефти и газа (Еременко, 2002).

Дмитрий Иванович Мушкетов

Дмитрий Иванович Мушкетов младше И.М. Губкина почти на 11 лет. Но Петербургский горный институт окончил раньше его на три года, в 1907 г. Возможно, что они были знакомы еще во время учебы.

Дмитрий Иванович Мушкетов пользовался за рубежом действительно огромной известностью. Не имевший официально ученых степеней (докторская без защиты диссертации была присуждена ему лишь в январе 1936 г.) и званий, он, тем не менее, был почетным членом многих зарубежных научных обществ. Дмитрий Иванович был делегатом трех сессий Международного геологического конгресса: XIII – в 1922 г. в Бельгии, XIV – в 1926 г. в Испании, XV –

в 1929 г. в Южной Африке. Но на XVI сессию в США его не пустили. Очень хотелось быть главой делегации советских геологов И.М. Губкину, увенчанному лаврами руководителя геологической службы СССР и академика. Но в присутствии действительно выдающегося ученого Мушкетова чиновный Губкин выглядел бы весьма бледно и непривлекательно. В статье, посвященной памяти Дмитрия Ивановича, Ю.Я. Соловьев подробно раскрывает всю неприглядную возню, которая была, несомненно, организована И.М. Губкиным с целью отстранить Мушкетова от поездки. И, несмотря на постановление АН СССР и личные письма ее президента А.П. Карпинского Г.К. Орджоникидзе и даже самому Сталину, Д.И. на конгресс не пустили (Соловьев, 2001). И главой делегации в результате этой непристойной и беспрецедентной в мировой практике акции на XVI сессии оказался Губкин.

Но авторитет Д.И. Мушкетова во всем мире был так высок, что на этой сессии он заочно был единогласно избран председателем Комитета по разломам земной коры. И решение о проведении следующей XVII сессии, в СССР, было признанием заслуг и вклада – действительно известных российских геологов и, в первую очередь, именно Д.И. Мушкетова, в мировую науку.

Ю.Я. Соловьев пишет, что в конце 1933 г. Д.И. получил от Генерального Секретаря сессии доктора Менденхолла письмо, в котором говорилось, что присланные им доклады «Современные представления о тектонике Средней Азии» и «Опыт сейсмического районирования СССР» приняты к печати в трудах Конгресса. В письме подчеркивалась особая роль профессора Д.И. Мушкетова при решении вопроса о месте проведения очередной XVII сессии МГК. Менденхолл писал: «На Конгрессе о Вас спрашивались Ваши друзья и коллеги как здешние, так и из других стран, и выражалось

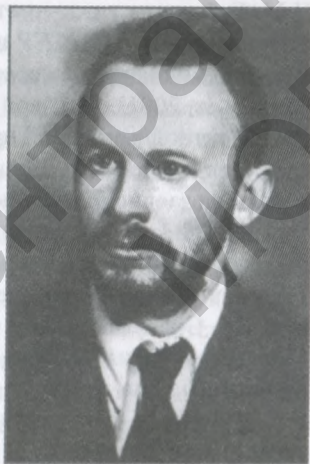
всеобщее сожаление по поводу Вашего отсутствия. Основная работа, проделанная Вами в Южной Африке, являлась, без сомнения, главной причиной избрания СССР местом созыва XVII Конгресса. Благодаря Вашей работе в Претории и заслуженному высокому научному авторитету, которым Вы пользуетесь, другие страны ясно почувствовали, что Вы установили за СССР преимущественное право созыва XVII Конгресса. И когда приглашение, сделанное XV сессией, было повторено на XVI, другим странам было件件но, что им не следует выступать с конкурирующими предложениями» (Соловьев, 2001, выделено мною – А.Г.).

Совершенно ясно, что мировое геологическое сообщество не представляло себе XVII сессии МГК без Мушкетова. И, конечно, предполагалось, что именно он и будет организатором и руководителем Конгресса. Однако мировое общественное мнение не было указом для диктатора СССР. И мало того, что Дмитрия Ивановича и близко не подпустили к делу организации Конгресса, заблаговременно, до начала конгресса его еще и изолировали от общества.

В конце того же 1937 г. кандидат в депутаты Верховного Совета СССР по Бакинскому избирательному округу И.М. Губкин рассказывал о Мушкетове своим избирателям как о давнем вредителе и явном враге советской власти (об этом уже говорилось в главе о нефтегазоносных провинциях). Через три месяца после этого выступления, 18 февраля 1938 г., Д.И. Мушкетов был приговорен к высшей мере социальной защиты и убит в ленинградских Крестах.

Николай Иванович Бухарин

Академиками Губкин и Бухарин стали в один и тот же день – 12 января 1929 г. – и по одной и той же причине: по распоряжению свыше. В этом году Н.И. Бухарин в течение нескольких месяцев еще оставался членом Политбюро ЦК ВКП(б) и по представлениям руководителей страны должен был осуществлять взаимодействие между ними и Академией и быть проводником политики партии в науке. В.М. Орел и Ю.И. Кривоносов полагают, что Бухарин вел достаточно разумную политику, не был сторонником коренных ломок и перестроек, считал, что большинство ученых не будут сопротивляться решениям правительства, пойдут на сотрудничество с властями (Орел, Кривоносов, 2002). На заседаниях партийной группы И.М. Губкин и И.Н. Бухарин встре-

чались и тесно сотрудничали на протяжении семи лет с 1929-го и по 1936 год. Практически в этот же период, уже после вывода из Политбюро, Бухарин возглавлял научно-технический отдел ВСНХ, а затем – аналогичный отдел Наркомтяжпрома. Так что и здесь встречи и сотрудничество Губкина и Бухарина были неизбежны.

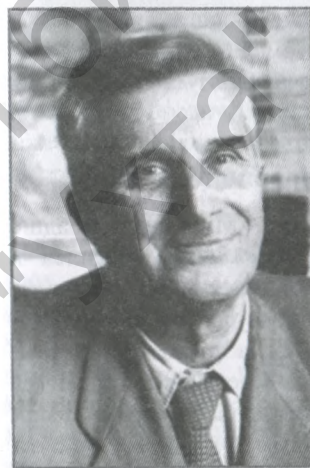
Надо полагать, что после снятия Н.И. Бухарина со всех руководящих постов, затем и ареста и расстрела, все, кто имел с ним какие-либо контакты, жили в постоянном страхе. Сфабриковать «дело о сотрудничестве с врагом народа с целью подрыва советской науки» органам ничего бы не стоило. Тем более что контакты действительно были. В этом свете становятся понятными страстные выступления Губкина против «троцкистско-бухаринских шпионов и разбойников»: стремился отмежеваться (Губкин, 1938, 1939).

Николай Сергеевич Шатский

Николай Сергеевич Шатский младше И.М. Губкина на 24 года (родился в 1895 г.). Учился в Московском университете у А.П. Павлова, затем – в Московской горной академии, которую окончил только в 1929 г. (в 1916 г. призывался на военную службу). В МГА работал ассистентом кафедры общей геологии еще во время учебы. И уже в начале двадцатых годов опубликовал серьезные работы по региональной геологии и тектонике. А в 1929-м, в год завершения образования, вышла из печати его работа, связанная с нефтяной геологией (Шатский, 1930).

С И.М. Губкиным Шатский был знаком еще со времени работы и учебы в МГА. Близко соприкасался с ним также в период исследований КМА (здесь более тесно он сотрудничал с А.Д. Архангельским), в Нефтяной секции Геолкома и НГРИ.

Николай Сергеевич очень рано сформировался как высокопрофессиональный геолог. Суждения свои по любым вопросам высказывал без оглядки на авторитеты. Так, например, у него сложились собственные представления о механизме формирования брекчий, связанных с грязевыми вулканами. И это вызвало неприкрытое раздражение Губкина, высказанное им на XVI сессии МГК. В докладе на этой сессии он цитирует работу Н.С. Шатского 1928 г. (Шатский, 1930), не называя имени автора. Вместо этого он пишет – *некоторые геологи* (Губкин, 1934, с. 46). Прослой глинистой брекчии (по справедливому мнению И.М. Губкина – это сопочная брекчия) по представлениям Шатского имели тектоническое происхождение. Прав или

неправ в данном, либо в других случаях автор, в прениях с оппонентами принято соблюдать определенные нормы.

К проблеме грязевого вулканизма Николай Сергеевич возвращался и в тридцатые годы. В оставшейся неопубликованной в то время работе он пишет о том, что выводы Губкина о перспективности на нефть структур, связанных с грязевыми вулканами, «очевидны и, бесспорно, обсуждать их нет никакой необходимости. Что же касается доказанности газовой теории (генезиса грязевых вулканов – А.Г.), то этот вывод мне представляется преждевременным и неверным» (Шатский, 1965, с. 330).

«Откуда взялись такие воззрения, мне неизвестно» (Губкин, 1934). Читай: «Новые идеи высказываю только я, академик. А ежели вы предполагаете что-то иное, извольте, прежде чем печатать, согласовать со мной».

Столь же ревниво отнесся Губкин и к рекомендации Н.С. в 1934 г. о поисках нефти в Сибири. «Я уже говорил об этом раньше», – напоминал он.

Думается, что не в отместку Губкину, а по заслугам Н.С. Шатский в своей работе, посвященной Волго-Уральской области, не использует компиляцию академика по этому региону (Шатский, 1945).

Георгий Федорович Мирчинк

Георгий Федорович Мирчинк младше И.М. Губкина почти на 18 лет (родился в 1889 г.). Естественное отделение МГУ окончил в 1912 г., но еще, будучи студентом, с 1909 г. по рекомендации А.П. Павлова проводил самостоятельные исследования. То есть, как геолог Георгий Федорович сформировался практически одновременно с Губкиным. Он был тогда почти вдвое моложе.

С 1919-го по 1930 г. – профессор и декан геологоразведочного факультета МГА. В 1923 г. активно участвовал в составлении первой карты четвертичных отложений европейской части России и уже в это время «стал одним из крупнейших специалистов по четвертичной геологии Европы» (Бессуднова, 2004, с. 147). Г.Ф. «руководил работами по составлению международной карты четвертичных отложений Европы», в Международной ассоциации по изучению четвертичного периода с 1932-го по 1941 г. был членом президиума советской секции, а в 1941 г. – был избран ее президентом (там же, с. 148). В 1940 г. Г.Ф. был избран действительным членом АН БССР за огромный вклад в развитие геологии Республики.

В свете этого непонятно:

1) Почему Г.Ф. не был рекомендован в академики или хотя бы в члены-корреспонденты АН СССР на выборах 1939 г. или ранее?

2) Почему комиссию АН СССР по изучению четвертичного периода возглавил И.М. Губкин, не имевший никаких обобщающих трудов по геологии четвертичного периода и естественно не имевший никакого авторитета у специалистов четвертичников? Ответ напрашивается только один: для наведения большевистского порядка в той среде, которая до поры до времени оставалась вне поля зрения *ученого-патриота*.

23 июня 1941 г. Г.Ф. Мирчинк был арестован по обвинению «в участии в антисоветской монархической организации». Скончался 10 апреля 1942 г. в больнице Саратовской тюрьмы еще до окончания следствия. В 1947 г. его реабилитировали и посмертно восстановили в правах. (Репрессированные геологи, 1999, с. 219–220).

«Георгий Федорович Мирчинк читал у нас четвертичную геологию. Это был настоящий ученый, настоящий профессор и совсем другой тип человека, нежели его брат. Разговоров о том, что в судьбе Г.Ф. злую роль сыграл брат Михаил Федорович, я не слышала. Это были разные люди, и нельзя было даже предположить, что они братья» (З.А. Мишунина, «Приложения»).

Михаил Федорович Мирчинк

Михаил Федорович Мирчинк родился в 1901 г., по возрасту годится Губкину в сыновья (так же, как и Н.Б. Вассоевич, И.О. Брод, М.И. Варенцов). В Московскую горную академию поступил в 1919 г. Студентом Михаил Мирчинк был, безусловно, заметным. Вестник МГА в отчете за 1921/22 учебный год сообщает, что в феврале 1921 г. по инициативе профессора Е.В. Милановского и группы студентов было проведено организационное собрание Геологического кружка. А через год был выбран новый Президиум кружка в составе преподавателя Е.В. Милановского, преподавателя Н.С. Шатского и студентов – Н.К. Игнатовича, М.Ф. Мирчинка и В.В. Штильмарка. Тогда же появляется

первая самостоятельная работа начинающего исследователя, основанная на литературных данных – «Общие замечания по геоморфологии Апшеронского полуострова» и пять серьезных рефератов по публикациям М.В. Абрамовича, С.М. Апресова, Я.В. Гаврилова, С.Р. Зубера, С.А. Ковалевского. При этом студент Мирчинк, нисколько не считаясь с авторитетами, порой завершает свои заметки довольно резкими замечаниями: *рассуждения автора представляются гадательными и необидительными* (Отчет МГА..., 1923).

В 1924-м, уже на последних курсах, был откомандирован на производственную практику и восстановился в МГА только в 1928 г. (Бессуднова, 2006). Окончил Академию лишь в 1930 г., став к этому времени уже опытным, сложившимся геологом.

Зинаида Львовна Маймин рассказывала: «Мы записывали лекции Губкина четвером: я – одну фразу, подруги по очереди – вторую, третью, четвертую. Иначе не успевали. Потом сводили все это в один конспект. У Михаила к экзаменам своего конспекта не было. Он попросил у нас, размножил его на гектографе, причем на обложке как автор поставил свою фамилию. Это стало известно Губкину, и он Мирчинка из Академии исключил. Позднее простил. Мирчинк восстановился и окончил ее в 1930 году».

Человек снисходительный, обладающий чувством юмора, конечно, простил бы эту юношескую проделку. Губкин не простил. И нерадивого, хотя, безусловно, способного студента запомнил.

Михаил Мирчинк, повторимся, был, несомненно, талантливым человеком. Первые статьи его, посвященные вопросам геологии и нефтеносности Апшерона, публиковались в журнале «Азербайджанское нефтяное хозяйство» еще во время его учебы в МГА – в 1922–1923 гг. Юноша, едва вступивший на геологическую стезю, сразу же проявляет себя как очень способный исследователь. Чего стоят названия его первых статей: «Общие замечания по геоморфологии Апшеронского полуострова» (1922) и «К вопросам тектоники Апшеронского полуострова» (1923). Сам отец нефтяной геологии Апшерона Д.В. Голубятников за такого рода обобщения не брался. И, как профессор МГА, начинающего исследователя поощрил, дал на эти статьи положительные отзывы. А И.М. Губкин, по-видимому, тогда не оценил опасности, которая таилась до поры до времени в этом мальчишке.

В работе, представленной на XVII сессии МГК В.П. Батуриным сообщает в частности весьма любопытные сведения о вкладе юного Мирчинка (студента!) в исследование проблемы генезиса продуктивной толщи Апшерона (Батуриным, 1940). Он отмечает, что в 1926 г. с критикой гипотез континентального и дельтового происхождения продуктивной толщи выступил М.Ф. Мирчинк. «Отвергая и континентальное, и дельтовое происхождение продуктивной толщи, Мирчинк предложил новую теорию, – говорит Батуриным. – Представления М.Ф. Мирчинка сводятся к следующему: отложение продуктивной толщи происходило в сильно пересоленном бассейне, «с окружающих берегов (в этот бассейн, В.Б.) стекают воды рек, ручьев и еще более мелких потоков. В их устьях вблизи береговой линии откладываются сравнительно неоднородные дельтовые образования, а мелкие частицы и муль сносятся далеко вглубь бассейна.... Также сдуваются ветрами на водную поверхность тучи песка и пыли, которые, постепенно осаждаясь, входят в общий процесс накопления».

Из краткого изложения гипотезы М.Ф. Мирчинка видно, что его взгляды во многом совпадают со взглядами С.А. Ковалевского (в своей второй полемиической работе М.Ф. Мирчинк сам указывает на это). Разница заключается лишь в том, что С.А. Ковалевский предполагал существование многоводной древней Куры, а М.Ф. Мирчинк рисует сеть «рек, ручьев и еще более мелких водных потоков», спускавшихся с Кавказской горной страны» (Батуриным, 1940, с. 298).

А вскоре после окончания Академии появляется целая серия статей под общим заглавием «К вопросам генезиса продуктивной толщи» (1925, 1928, 1932). Конечно, они в значительной мере компилятивны. Но все же своя позиция у М.Ф. Мирчинка есть.

А по завершении учебы он сразу же начал преподавать в Азербайджанском нефтяном институте.

Жизнь не стоит на месте. Вчерашние ученики становятся геологами.

Мирчинк явно опережал своих преподавателей, создавая буквально на ходу один учебный курс за другим. Уже в 1931 г. издается его пособие «Курс геологии нефтяных месторождений СССР» – впервые в стране! Книга выходит на год раньше «Учения о нефти» И.М. Губкина и на четыре года раньше учебника «Нефтяные месторождения СССР» С.Ф. Федорова с соавторами (Федоров и др., 1935)!

И надо же так случиться, что Михаил Мирчинк проводит геологическую съемку в том же районе, который ранее исследовал его преподаватель. Он уточняет объемы выделенных Губкиным свит, находит фауну там, где она до того не была известна и, главное, совершенно иначе определяет их возраст! В 1933 г. публикуется его работа «Геологические исследования в северной и юго-восточной частях планшета 1–3 (Кемишдаг) кабристанских пастибищ».

То, что человеку с нормальной психикой и, повторюсь, с чувством юмора, кажется естественным, болезненно самолюбивый принимает за покушение на его труды, честь и достоинство. По поводу публикации Мирчинка Иван Михайлович писал своему другу:

«15.V.1933 г. Не согласен... с Вашим *восхищением* пятиверстной геологической картой. Вся моя научная компетенция и моя научная совесть горячо протестуют против нее в той части, где Вы принимаете номенклатуру и определение возрастов Мирчинка. Меня удивляет *поголовный психоз*, который охватил все, даже наиболее светлые головы Бакинских геологов. Как это поддались научному влиянию столь легкомысленного и неряшливого научного исследователя... Если бы Вы и Ваши товарищи внимательнее проштудировали мои работы и их выводы сравнили с тем, что пишет Мирчинк и К°, то Вам стала бы ясна вся нечистоплотность, с которой они оперируют в деле научного исследования. Прочитайте мои работы и посмотрите на Вашу карту... Куда же вы девали мои орбитоидовые слои, куда вы девали мою юнундагскую свиту... А вот те, которые систематически и упорно борются против

моих взглядов, борются не во имя истины, а по причинам иного порядка, а Вас делают невольным участником в этой борьбе, – эти лица отлично знают, что они творят и для кого они творят... Выходит, что *нашлись счастливички*, которые, что *называется*, с одного удара молотка нашли и *иноцерамов и орбитоид*, определяющих меловой возраст ильхидага... Приехал на два часа – и сразу нашел такое количество данных, что можно топить материки и вздымать горы, устанавливать фазы тектонических движений, менять историю Земли в пределах миллионов лет». (Цитируется по Кумоку, 1968, с. 224).

Кому именно адресовано это письмо, Кумок не называет. Это, конечно, было бы весьма интересно, но в принципе – неважно. В данном случае важна реакция Губкина – болезненная и предвзятая. Учитель не радуется успеху своего ученика, не радуется тому, что мы движемся вперед в познании природы. Это для него значения не имеет. Губкин подозревает здесь направленные против него интриги. По существу же, если встать на позицию Губкина и оставлять в неприкосновенности истины, установленные предшественниками, то человечество должно было бы оставаться на уровне пещерного развития. Как уже говорилось, в этом споре прав оказался Михаил Мирчинк (Потапов, 1954, с. 49).

При жизни Губкина Мирчинк, конечно, не мог рассчитывать на успешное продвижение в науке и по службе. К 1939 г. кроме уже названных выше работ М.Ф. Мирчинк опубликовал также монографии «Тектонические проблемы юго-восточного Кавказа» (1935) и «Нефтяные месторождения Азербайджана» (1939). Но в члены-корреспонденты АН СССР в 1939 г. Губкин рекомендовал не его, а близкого к нему С.Ф. Федорова. И только после кончины всевластного академика начинается стремительный рост Михаила Федоровича:

- 1940 г. – кандидат наук и профессор;
- 1941 г. – член ВКП(б);
- 1943 г. – доктор наук (без защиты диссертации);
- с 1943 г. – заведующий кафедрой Московского нефтяного института;
- 1941–1957 гг. – руководитель геологической службы «Азнефти» и Наркомнефти;
- 1949, 1950 гг. – лауреат Сталинских премий;
- 1953 г. – член-корреспондент АН СССР;
- 1958–1970 гг. – директор Института геологии и разработки горючих ископаемых (ИГиРГИ).

Естественно, что о конфликтных отношениях М.Ф. Мирчинка и И.М. Губкина знали его коллеги и соперники. И могли бы предать гласности давнюю историю и воспрепятствовать дальнейшему продвижению мнимого последователя Губкина. Поэтому каждый из них постоянно должен был быть начеку, быть готовым отразить удары и наносить упреждающие.

Александр Павлович Серебровский

Александр Павлович Серебровский родился в 1884 г., член РКП(б) с 1903 г. Советский партийный и государственный деятель, организатор нефтяной промышленности Азербайджана, председатель правления Нефтесиндиката и заместитель председателя ВСНХ СССР (1926–1931), заместитель наркома тяжелой промышленности (1931–1937). Александр Павлович внес большой вклад в восстановление нефтяной промышленности (Горн. энциклопедия, 1984–1991, т. 4). Стало быть, в тридцатые годы И.М. Губкин как начальник Главного геолого-разведочного управления находился в подчинении у А.П. Серебровского.

Я. Кумок приводит в своей книге чрезвычайно интересную выдержку из письма И.М. Губкина к жене Варваре Ивановне в августе 1927 г. Думаю, что здесь опечатка в дате. Во-первых, ответственность за нефтяные дела в 1927 г. нес не Губкин, а И.Н. Стрижов, с которым у Серебровского было взаимопонимание и прекрасные отношения. Во-вторых, в 1927 г. женой Губкина была Нина Павловна. Так что это, вероятно, не 1927-й, а 1937 г. В этом письме «Губкин сетует на размолвку и на тон, которым Александр Павлович изъяснялся: «Откуда такая злоба против меня? Я к нему всегда относился удивительно хорошо» (Кумок, 1968, с. 224).

Зинаида Андреевна Мишунина рассказывала, что А.П. Серебровский выступал против И.М. Губкина в связи с невыполнением планов по Грозному: «Приехали Орджоникидзе и Губкин. Это 1934 г. Серебровский и Кудрявцев выступили против хищнической разработки месторождений» (Приложение). Вспомним, что в августе 1933 г. в Баку проходил Всесоюзный съезд ВНИТО нефтяников. И И.М. Губкин в соавторстве с Н.М. Николаевским, Ф.Ф. Дунаевым и И.Д. Жаровым выступил здесь с докладом «Политика плановой разработки нефтяных месторождений в СССР» (подумать только – и здесь политика!). Вместо *рациональной системы* разработки газонефтяных месторождений И.Н. Стрижова стала насаждаться *плановая политика!* Отсюда, вероятно, и возмущение подлинных специалистов и рачительных хозяйственников действиями и распоряжениями чиновников, девизом которых был *план любой ценой.*

Александр Павлович был арестован и погиб 10 февраля 1938 г.

Сергей Филиппович Фёдоров

Сергей Филиппович Фёдоров родился в 1896 г. В 1919 г. был принят в кандидаты, а в 1920 г. в члены РКП(б) и в том же году был направлен в МГА. Геологоразведочный факультет академии окончил с отличием в 1924 г. По представлению ректора был оставлен в МГА для подготовки к научной и педагогической деятельности и с тех пор постоянно сотрудничал с Губкиным. Ученую степень кандидата геолого-минералогических наук С.Ф. Федорову присудили в 1935 г. без защиты диссертации.

В страшные тридцатые годы прилежно клеймил представления И.Н. Стрижова о строении газонефтяных залежей, *мифическую* газовую шапку и *вредительскую* систему разработки таких залежей – от крыльев к своду (Федоров и др., 1935).

Весьма редкий случай в мировой практике: кандидат наук избран членом-корреспондентом Академии наук! Это произошло 29 января 1939 г. по представлению А.Д. Архангельского, А.Е. Ферсмана и И.М. Губкина. А ученую степень доктора геолого-минералогических наук ему, новоявленному члену-корреспонденту, присудили 23 февраля того же года без защиты диссертации! И тогда же утвердили в ученном звании профессора.

Зинаида Андреевна Мишунина вспоминает: «Жуткий был человек и никакой геолог» (Приложение).

Это о нем так ехидно высказался Калицкий: «Калигула ввел своего коня в Сенат».

Е.М. Смехов: С.Ф. Федоров был каким-то комиссаром (вероятно, дивизию?). Потом – доцентом у И.М. Губкина. Не очень умный человек и профессионал не очень высокий. Не уважали мы его.

Андрей Яковлевич Кремс

Андрей Яковлевич Кремс младше И.М. Губкина на 28 лет (родился в 1899 г.). В 1920 г. окончил Бакинское политехническое училище по нефтепромышленной специальности и начал свой путь в геологии техником в геологическом бюро Балаханского нефтепромышленного района (Кремс, 1964, с. 6). Азербайджанский нефтяной институт окончил в 1931 г. Как сообщает «Горная энциклопедия», помощником директора ПО «Азнефть» начал работать уже в 1930 г., т.е. еще во время учебы в институте, и уже в 1932 г. возглавил геологическую службу объединения! (Горн. энциклопедия, 1987, т. 3, с. 129). В это время в «Азнефти» и научно-исследовательских учреждениях Азербайджана работали высококвалифицированные специалисты: М.В. Абрамович, С.М. Апрецов, В.П. Батурин, К.А. Машкович, В.А. Горин, С.А. Ковалевский, В.С. Мелик-Пашаев. Начинали работу и молодые геологи, ставшие вскоре известными исследователями (Михаил Федорович Мирчинк, Игорь Иванович Потапов). Публикации Кремса тридцатых годов ничем особым не примечательны. Выдвинулся он, видимо, в связи с тем, что, благодаря репрессиям, ряды нефтяников систематически редели.

В 1933 г. выступал с докладом на совещании в Баку по проблеме *плановой* разработки нефтяных месторождений (Кремс, 1934) и опубликовал статью близкого содержания в «Азербайджанском нефтяном хозяйстве» (Кремс, 1933).

Тогда же, вероятно, был замечен Губкиным. И в 1934 г., надо думать, неожиданно для себя вознесен на вершину геологической службы Наркомтяжпрома, которой и руководил вплоть до своего ареста в 1938 г. А те, кто могли бы грамотнее, чем А.Я. Кремс, направлять геологоразведку «Азнефти», а в дальнейшем и всего Наркомата, к счастью для себя, остались в Азербайджане. Не все из них избежали репрессий. В Ухто-Ижемском (бывшем Ухто-Печорском) лагере кроме Кремса позднее оказался и К.А. Машкович, и многие специалисты смежных специальностей – промысловики, буровики, механики. Но немало геологов уцелело.

В Ухто-Печорском лагере А.Я. Кремса сначала определили на общие работы. Но в связи с истечением срока заключения и прикрепления к лагерям геологов, арестованных в 1928–29 гг., и их отъездом из Ухты, геологическая служба Ухтижемлага в 1938 г. была обезглавлена. И Кремс снова оказался на вершине геологоразведки. Правда, уже не в столице, а в далеком таежном крае.

Бытует такая легенда. Новоявленный глава НКВД Л.П. Берия в 1939 г. вызывает в Москву главных специалистов лагерей с докладами о делах на местах. Из поселка Чибью к нему под конвоем доставляют Кремса. А они знали друг друга еще в Баку! В Ухтижемлаг А.Я. Кремс возвращается уже не под конвоем, а в персональном вагоне! Вскоре ему вернут все регалии. Могущественный руководитель опричников подарит ему свой портрет, и главный геолог Ухтижемлага – Ухткомбината НКВД будет сидеть под этим портретом до самого ареста Берии в 1953 г. Надо думать, что в это время владелец портрета натерпелся страху и мог ожидать если не самого худшего, то, во всяком случае, утраты своего высокого положения.

К этому времени его сверстники уже возглавили геологическую службу как Главгеологии (А.А. Трофимук), так и Главнефти (М.Ф. Мирчинк). И Кремс благоразумно не вернулся в Москву, остался в провинции, зато в роли первого.

Пока в своей практической деятельности А.Я. Кремс будет идти в направлении, намеченном Н.Н. Тихоновичем, И.Н. Стрижовым и их соратниками в Юго-Восточном Притиманье, ему будет сопутствовать удача. И посыплются премии и награды, которые по существу дела он должен был бы хотя бы разделить со своими предшественниками.

Большую часть орденов и премий Кремс получил во времена Берии. Но коллеги, занимавшие в 60–70-е гг. высокие посты, не забывали его и тогда, когда он фактически уже был отстранен от руководства геологоразведкой провинции. Правда, для него были придуманы почетные должности – заместитель начальника УТГУ по науке и председательство в различных научно-технических обществах. Опять же – почетное председательство. Работу в обществах вели ученые секретари.

Если читатель решится на такой подвиг, как знакомство с монографиями А.Я. Кремса, он получит собственное представление как об этих трудах, так и об их авторе. На писания Кремса серьезные исследователи никогда не ссылались. Учиться по его пособиям – занятие совершенно бесплодное. Основное в них – цитаты из «Учения о нефти», славословие И.М. Губкина и большевистская брань по адресу К.П. Калицкого. Одна из монографий Кремса была в период хрущевской оттепели рассмотрена Н.А. Кудрявцевым и подвергнута уничижающей критике (Кудрявцев, 1957). Именитые научные редакторы и рецензенты, рекомендовавшие некачественную продукцию к печати, скорее всего, едва пролистывали рукописи: читать то, что написано Кремсом, невозможно. И нельзя ничего поправить, улучшить, так как улучшать там нечего.

К концу сороковых годов все основные структуры на Восточно-Тиманском мегавале были опоскованы. Открытые на них месторождения вошли в разработку. А геологоразведчики Тимано-Печорской провинции под руководством Кремса еще в течение нескольких лет безуспешно работали в

смежных районах. Конечно, в то время еще не было мощных станков для исследования глубоких горизонтов на севере провинции и в Предуральском прогибе. Но многое можно было сделать и теми силами и средствами, которые у геологоразведчиков были.

В практической деятельности Кремс слепо следовал представлениям Губкина о том, что образовавшаяся во впадинах нефть мигрирует к их бортам, к обрамляющим их поднятиям. И, исходя из этого, отрицал возможность открытия месторождений в Ижма-Печорской впадине. Кроме того, пережив арест, следствие, общие работы, всего нового просто боялся. Анна Васильевна Дуркина, одна из старейших палеонтологов провинции, рассказывала: «Андрей Яковлевич говорил, что если мы не откроем нового месторождения, ничего не случится. А если не выполним план бурения, нас посадят». И бурили неподалеку от основных транспортных артерий, там, где не было угрозы утопить оборудование в болотах, выполняли план по метражу.

Геологоразведку в провинции Кремс практически довел до краха, но все еще держался на плаву, благодаря поддержке старых друзей в Москве. А в пессимизме и своих неудачах обвинял начальника Коми совнархоза А.С. Савченко! К концу сороковых годов в Ухткомбинате сложился уже довольно мощный коллектив специалистов-геологов – И.Г. Добрынин, А.В. Иванов, Т.Г. Карасик, К.А. Машкович, О.А. Солнцев, В.А. Лещенко, У.М. Юдичев. В 1951 г. начал свою деятельность Б.Я. Вассерман. В период хрущевской оттепели геологи открыто стали критиковать Кремса, предлагали новые направления поисков.

Одним из инициаторов выхода геологоразведки в Ижма-Печорскую впадину был Олег Александрович Солнцев, работавший в середине пятидесятых годов главным геологом ЦНИЛа Ухткомбината. «Меня поддерживали У. Юдичев и И. Добрынин, – пишет Солнцев. – Первого А. Кремс освободил от обязанностей начальника геологического отдела комбината, второго... вынудил уйти на пенсию... Мне было предложено либо увольняться, либо идти главным геологом вновь организованной в Сосновке Печорской конторы бурения» (Солнцев, 2000, с. 367). Это происходило в 1956 г. Строптивый главный геолог ведущей научно-исследовательской организации А.Я. Кремса не устраивал.

Открытие в 1959 г. Западно-Тэбукского нефтяного месторождения стало поворотным пунктом в истории провинции и началом конца эпохи Кремса. И вполне справедливо, что среди первооткрывателей этого месторождения и уникальных Усинского нефтяного и Вуктыльского газоконденсатного нет А.Я. Кремса.

О своих принципиальных разногласиях с Кремсом и застойных временах в геологоразведке провинции свидетельствует и Георгий Александрович Чернов, отметивший в 2006 г. столетие со дня своего рождения (Чернов, 1996, 2002).

Василий Михайлович Сеньюков

Василий Михайлович Сеньюков младше И.М. Губкина на 36 лет (родился в 1907 г.). Член ВКП(б) с 1929 г. Московский нефтяной институт окончил в 1935 г.

Еще в период учебы, во время практики в Сибири, обнаружил нефтепроявления в кембрийских отложениях в районе реки Толбы. В 1934 г. материалы о нефтеносности этого района были опубликованы (Сеньюков, 1934) и, видимо, этого было достаточно для присуждения Сеньюкову ученой степени доктора геолого-минералогических наук в 1938 г., всего через три года после окончания института! В более поздние годы вполне рядовая геологическая работа В.М. Сеньюкова (главного геолога и заместителя начальника Главгеологии Нарком-

тяжпрома с 1937 г.!) представлялась как выдающийся труд и сам по себе, и как исследование, подтверждающее *научные прогнозы основоположника*. Несомненно, что И.М. Губкину, наркому Л.М. Кагановичу весьма импонировали *люди из народа*, почему Василий Михайлович и стал правой рукой Губкина в геологоразведке.

Тем не менее, на сессии МГК в том же 1937 г. Василий Михайлович с докладом почему-то не выступал. Материалы о нефтеносности Сибири были представлены здесь А.Г. Вологдиным с соавторами (Вологдин, Гедройц, Смирнов, 1940).

О том, как бездарно и безответственно руководил в конце 30-х – начале 40-х гг. геологическими исследованиями в СССР В.М. Сеньюков, в то время заместитель начальника и главный геолог «Главгеологии» Наркомнефти, можно узнать из стенограммы заседания Коллегии Наркомнефти СССР от 28 марта 1942 г. Как доложил тогда заместитель наркома Н.К. Байбаков, в период 1939–42 гг. на поиски и разведку новых месторождений было израсходовано 110 млн. рублей, а сданы в эксплуатацию только три новых месторождения. По итогам этого заседания Сеньюков был с работы снят с решением «использовать на низовой работе» (Нужна реальная нефть..., 2008, с. 38).

В шестидесятые годы Сеньюков уже не был хозяином в геологии и о нем, может быть, не вполне справедливо забыли. В упоминавшемся уже юбилейном сборнике к 90-летию Губкина Ю.А. Притула, рассматривая перспективы нефтеносности Восточной Сибири, славословит лишь И.М. Губкина и вообще не вспоминает Сеньюкова (Притула, 1963).

В.М. Сеньюков был явно неглупым человеком, обладал организаторскими способностями. С его именем связывают внедрение в практику геологоразведки опорного бурения как одного из методов региональных исследо-

ваний. Какого-либо крупного вклада как в геологию, так и в науку о нефти В.М. Сеньюков не внес, поскольку его собственные исследования, как и исследования руководимого им коллектива замыкались рамками ложного направления нефтяной геологии – биогенной гипотезы.

А.В. Мельников ошибочно указывает в «Горной энциклопедии» (Т. 4, 1989, с. 520), что Сеньюков работал во ВНИГРИ и в 1946–1951 гг. был директором института. Институт ВНИГРИ (бывшая нефтяная секция Геолкома) находился в Ленинграде, а В.М. Сеньюков директорствовал во ВНИГНИ (Москва).

Я познакомился с В.М. Сеньюковым в 1974 г. на совещании в Ухте. Через день он со своим аспирантом Владимиром был у нас дома в Печоре и рассказал много интересного о своей молодости, об учебе в МГА. В частности о приезде в Академию М.И. Калинина. Михаил Иванович якобы предостерегал студентов от тлетворного влияния недобитых буржуев, на что Василий со свойственной ему непосредственностью выкрикнул с места: «А мы их серпом по яйцам!». И, видимо, уже тогда был отмечен вниманием руководства.

Прозвучала и еще одна любопытная мысль: «Тогда все давили, и я тоже хотел давить». Сейчас не могу сказать точно, о каком именно времени говорил Василий Михайлович. Видимо, это было начало пятидесятых. О том, что вскоре после сессии ВАСХНИЛ 1948 г. доктор С. предлагал принести в жертву Брода, пишет Н.А. Еременко (2002).

Поводом для преследования И.О. Брода могла послужить критика им недавней публикации В.М. Сеньюкова. В книге «Залежи нефти и газа» (1951) Брод писал: «В 1944 г. В.М. Сеньюков предложил, пользуясь терминологией П.И. Степанова, районирование Русской платформы с выделением на ней поясов и узлов нефтегазонакопления. Предлагаемое В.М. Сеньюковым районирование, интересное по своей идее, не обосновано геологическими и палеогеографическими данными, позволяющими считать выделенные им зоны за действительно существующие в природе пояса и узлы нефтегазонакопления» (Брод, 1951, с. 38). Думается, что этого неосторожного в годы *борьбы с космополитизмом* замечания Игнатия Осиповича было достаточно для его преследования.

А о травле Н.А. Кудрявцева вспоминает К.А. Аникиев (Аникиев, 1981, фонды ВНИГРИ). Когда начальствующие геологи-нефтяники прибыли во ВНИГРИ с целью искоренить крамолу предложенной Кудрявцевым глубинной гипотезы, с ними естественно был и В.М. Сеньюков.

«Стиль ведения всей сессии как в фокусе сконцентрирован был в заключительном слове М.Ф. Мирчинка, – пишет К.А. Аникиев, – который, обращаясь к Н.А., сказал: «Кстати, Николай Александрович, С-в назвал Ваш доклад не «болтовней», а «галиматьей». Это будет точнее. Тов. С. вообще свойственна грубость выражений, иногда даже вульгарность, но, по существу, тов. С. был сегодня совершенно прав» (Цитируется по Аникиев, 1981, фонды ВНИГРИ, с. 122).

Михаил Иванович Варенцов

Михаил Иванович Варенцов младше И.М. Губкина на 30 лет (родился в 1902 г.). Учился на рабфаке в 1921–1923 гг. В 1923 г. был принят в члены ВКП(б) и тогда же зачислен в МГА, которую окончил в 1929 г.

На кафедре «Геологии нефти» был ассистентом Губкина, под руководством которого работал до 1939 г.

«Горная энциклопедия» крайне скупо освещает жизненный путь и профессиональную деятельность члена-корреспондента Академии наук СССР М.И. Варенцова (всего 9 строчек!). По окончании МГА преподавал, работал в научно-исследовательских институтах, в 1949–1955 гг. возглавлял ГИН АН СССР. «Дал срав-

нительный анализ перспектив нефтегазоносности Закавказья, межгорных впадин СССР и Центральной Азии» (Горн. Энциклопедия, т. 1, 1984). Отметим, что большинство трудов М.И. Варенцова опубликовано в соавторстве с другими исследователями, часто весьма именитыми (Самсонов, Каламаров, 1999). Для столь высокого звания как член-корреспондент творческие достижения Варенцова представляются весьма скромными. Более подробные сведения можно почерпнуть из выпуска «Отечественные геологи – члены-корреспонденты АН СССР», где М.И. Варенцов квалифицируется как *видный* специалист в области геологии нефти.

Господин В. активно участвовал в травле И.О. Брода во время *борьбы с космополитизмом* и, конечно, был в рядах тех, кто позднее препятствовал присуждению Ленинской премии руководимому Бродом коллективу (Еременко, 2002).

К званию члена-корреспондента В.И. Варенцов, как и другие последователи И.М. Губкина, надо полагать, двигался целеустремленно. В 1951 г., к 80-летию со дня рождения И.М. Губкина, опубликовал статью «О геологии и палеогеографии окрестностей города Гори и смежных районов Грузии» (Варенцов, 1951, с. 52–71). Вполне вероятно, что по существу дела работа эта добротная. Она иллюстрируется двенадцатью рисунками и фотографиями, четырьмя палеогеографическими схемами, сопровождается большим списком литературы. Я остановился лишь на том, что имеет отношение к теме книги – к мифам о Губкине.

Статья М.И. Варенцова изобилует голословными утверждениями о величии академика. Например: «Являясь создателем передовой советской науки в области геологии нефти, И.М. Губкин разработал многие общетеоретичес-

кие вопросы современной геологической науки и обогатил ее рядом важнейших научных обобщений, далеких, казалось бы, от его специальности геолога-нефтяника» (Варенцов, 1951, с. 52). Вклад председателя Комиссии по изучению четвертичного периода при АН СССР И.М. Губкина в изучение четвертичных отложений по М.И. Варенцову заключается в том, что по инициативе академика в 1932 г. в Москве была созвана международная конференция по изучению четвертичного периода Европы. «Он был избран президентом конференции и выступил с *блестящим* докладом, в котором отметил громадное теоретическое значение изучения четвертичного периода. На грани этого периода произошло одно из замечательнейших событий в жизни Земли, а именно появление человека, «очеловечивание нашего обезьяноподобного предка», – пишет Варенцов. И далее: «Губкин подчеркивает огромную роль человека, активно воздействующего на природу. *Человек советской эпохи*, – говорил он, – *заставляет природу служить социализму, господствует над ней и покоряет ее, изменяя для нужд социалистического строительства очертания рек, биологический и физико-химический режимы морей, форму гор и рельеф земной поверхности* (там же, с. 52, выделено мною – А.Г.). К чему может привести подобное кликушество, человечество вскоре осознало, а в XXI в. уже пожинает катастрофические последствия своего варварского воздействия на природу.

Ниже Михаил Иванович вдохновенно пишет о красоте исследованного им уголка Кавказа: «Город Гори, где родился и провел свои детские и юношеские годы (до 1894 г.) Иосиф Виссарионович Сталин, расположен в живописной долине р. Куры... (с. 53). Заключение статьи столь проникновенно, что его можно цитировать почти полностью: «Советские геологи внесли большой вклад в дело изучения геологического строения и геоморфологии одного из интереснейших районов Грузии. Этот живописный и *близкий сердцу каждого прогрессивного человека уголок священной советской земли* таит в себе большие запасы минеральных ресурсов, изучение и промышленное освоение которых составляет *почетную задачу геологов Сталинской эпохи*» (там же, с. 69).

В 1971 г. М.И. Варенцов был приглашен А.Я. Кремсом в Ухту на заседание, посвященное 100-летию со дня рождения И.М. Губкина, и выступил с «основополагающим» докладом. Ничего нового в развитии учения Губкина в докладе, естественно, не содержится. Отдельные «яркие штрихи» биографии академика Варенцов воспроизводит по упоминавшемуся уже источнику – «Доверие народа...» (Губкин, 1938). И цитирует строки о явно выдуманном Губкиным эпизоде, в котором председатель Геолкома якобы злобно шипел на энтузиаста поисков нефти в Поволжье (Варенцов, 1972, с. 13). Неужели члену-корреспонденту М.И. Варенцову не было известно – кто именно был этот председатель Геолкома, не было известно, что Дмитрий Иванович Муш-

кетов – всемирно известный геолог, полностью реабилитированный в годы хрущевской оттепели?

В этом же выступлении Варенцов «разоблачает» глубинную гипотезу, вольно цитирует Н.А. Кудрявцева и В.Б. Порфирьева и пытается убедить слушателей в том, что представления о неорганическом происхождении нефти заводят теорию и практику нефтяной геологии в тупик и на международных форумах уже не рассматриваются.

А начинал свой путь в геологии Михаил Иванович Варенцов, как и многие другие сподвижники Губкина, неплохо. Мишу Варенцова академик очень хвалил (Кумок, 1968, с. 230).

Николай Александрович Кудрявцев

Николай Александрович Кудрявцев младше И.М. Губкина на 22 года (родился в 1893 г.). Петроградский горный институт окончил в 1922 г., но работать в Геолкоме начал уже с 1920 г. Затем бессменно – в НГРИ (ВНИГРИ) до самой своей кончины в 1971 г. Геологические исследования проводил на Кавказе, в Средней Азии. В 1936 г. получил ученую степень доктора геологоминералогических наук, в 1941-м – звание профессора.

На XVII сессии МГК выступил с докладом «Нефтяные месторождения Грузинской ССР» (Кудрявцев, 1940). В эти годы Н.А. еще разделял представления о биогенном происхождении углеводородов.

В 1938 г. как опытный геолог был прикомандирован к комиссии ГУЛАГа, обследовавшей деятельность Ухто-Печорского лагеря. Вполне вероятно, что *столь компетентные органы* выбор кандидатуры геолога согласовывали с *самым главным геологом* страны. И решение комиссии, в состав которой входил еще заместитель главного геолога «Кергезнефти» (одно из подразделений «Азнефти») Гурген Павлович Ованесов, геофизик Перьков, а возглавлял некто Н.И. Шацкий, надо думать, было составлено еще заранее. Выводы гласили: руководство лагеря – начальник Я.М. Мороз, главный инженер Ю.К. Максимович, руководители геологической службы Н.Н. Тихонович, И.Н. Стрижов занимались вредительством, распыляли силы и средства по огромному региону. Такое решение подводило все руководство лагеря под расстрел.

Понятно, что Н.А. Кудрявцев прекрасно сознавал, чем рискует, не соглашаясь с мнением большинства комиссии. Тем не менее, он написал об-

стоятельное особое мнение (68 рукописных страниц!) о том, что геологи Ухтпечлага вели свои исследования грамотно, высокопрофессионально. А недостатки в работе геологической службы (если они и были) объясняются свойственной нашему, тем более лагерному, хозяйству обычной неразберихой.

Скорее всего, судьба руководителей лагерей по всему Союзу была предопределена заранее в связи со сменой Н.И. Ежова на Л.П. Берия. Так что спасти от расстрела их ничто не могло. И прекрасный хозяйственник и далеко не худший из начальников лагерей Я.М. Мороз и главный инженер Ю.К. Максимович, выдающийся специалист, организатор и патриот освоения Севера были расстреляны. А Н.Н. Тихоновича, И.Н. Стрижова, А.А. Аносова от окончательной расправы, вполне вероятно, спасло бескомпромиссное заключение Николая Александровича: не виновны! Скорее всего, И.М. Губкин не ожидал от Кудрявцева какого-либо противодействия комиссии и не предвидел благополучного исхода, в первую очередь, для И.Н. Стрижова. Так что особое мнение Н.А. Кудрявцева, вероятно, стало для него полной неожиданностью. Кроме того, геологически обоснованное, вполне откровенное и также бескомпромиссное объяснение представил и Н.Н. Тихонович.

К концу сороковых – началу пятидесятых годов Николай Александрович уже вполне убедился в ошибочности биогенной гипотезы. И открыто выступил с ее опровержением. Для находящихся у власти геологов-нефтяников выступления Кудрявцева оказались сущим подарком. После сессии ВАСХНИЛ 1948 г. *идеалистов, метафизиков и космополитов* искали во всех науках. В геологии нефти и газа разоблачали покойного К.П. Калицкого, пытались шельмовать И.О. Брода, но этого гонителям, конечно, было мало.

В это время И.М. Губкин еще не был канонизирован в полной мере. И те, кто был обязан ему своей карьерой, и те, кто находились в тридцатые годы у него в опале, поняли, какие дивиденды можно извлечь из возвеличивания академика и разоблачения противников *его учения*. Не случайно именно в конце 40-х – начале 50-х гг. и появляется серия статей, посвященных памяти «основоположника», готовится к печати двухтомник его трудов, проходят губкинские чтения, посвященные 80-летию со дня рождения. До того такого единодушия в стане геологов-нефтяников не наблюдалось.

Выше я уже упоминал о том, в каком духе проходило обсуждение гипотезы, представленной Н.А. Кудрявцевым. В фондах ВНИГРИ хранятся стенограммы того памятного заседания и машинописный двухтомник под редакцией З.Л. Маймин, посвященный жизни и деятельности этого выдающегося Человека и Ученого.

Для выступления против утвержденных в то время догматов требовалось немалое мужество. И Николай Александрович, конечно, сознавал, что он снова рискует своим положением, а, может быть, и жизнью. Судьба генетики и ее сторонников были ему, несомненно, известны. И все же он тогда еще соблюдал известную осторожность. А во время хрущевской оттепели уже назвал вещи своими именами: «Губкин – деревенский ученый-знахарь».

Николай Брониславович Вассоевич

Николай Брониславович Вассоевич младше И.М. Губкина почти на 31 год (родился в 1902 г.). Петербургский горный институт окончил в 1924 г. В 1925–1950 гг. проводил исследования на Кавказе и в Предкавказье (в частности на соседних с губкинскими планшетах в Кабристане), в Фергане.

Работы, посвященные исследованию флиша 1948 и 1951 гг., принесли Николаю Брониславовичу мировую известность.

В последующие десятилетия своей жизни Вассоевич был занят в основном усовершенствованием шаткого здания биогенной гипотезы, полагал, что довел ее до совершенства и создал на ее основе **теорию**, названную им **оса-**

дночно-миграционной.

И.М. Губкин весьма ревниво относился к тем, кто мог бы вдруг пересмотреть его построения. Со слов покойного Игоря Александровича Резанова я знаю о том, как сурово вопрошал академик молодого Вассоевича: «А что ты делаешь на моем планшете?» Подтверждают это и Зинаида Андреевна Мишунина (Приложение), и В.Е. Хаин, и Б.С. Соколов: И.О. Брода и Н.Б. Вассоевича И.М. Губкин не жаловал (Хаин, Соколов, 2002, с. 5).

В статье, посвященной вкладу И.М. Губкина в разработку биогенной гипотезы, как уже говорилось выше, Вассоевич достаточно определенно обвинил его в плагиате у Г.П. Михайловского, нашел у академика многочисленные неясности и неточности в изложении материалов и терминологическую путаницу. И в дальнейшем, касаясь истории возникновения биогенной гипотезы, всегда отмечал манеру Губкина не ссылаться на предшественников.

Непримирим был Н.Б. к инакомыслию: «Никакой неорганической крамолы не допускал» (Хаин, Соколов, 2002). Вспоминаю рассказ покойного геолога М.Ф. Кобильника. В 60–70 гг. он был главным геологом одной из нефтегазоразведочных экспедиций УТГУ в г. Печоре. Раз в пять лет все мы, начиная от рядовых до главных, повышали свою квалификацию на различных министерских курсах: при МГУ в Москве, при ВНИГРИ в Ленинграде и других. Лекции большей частью читали высококлассные специалисты. Так что для нас, провинциальных таежных геологов, возможность узнать о достижениях науки и практики последних лет, пожить месяц, а то и два в столицах было большой радостью.

Михаил Федорович Кобильник попал на такие курсы в МГУ, видимо, в самом начале семидесятых годов. Вдоволь наслушался у Н.Б. Вассоевича

лекций по *осадочно-миграционной теории* и на одном из занятий спросил профессора: «Нельзя ли нам услышать что-либо о последних разработках в области гипотезы глубинного происхождения нефти и газа?» На что профессор ответил: «Лжеученым в Храм науки вход воспрещен!» Предоставляю читателям судить об этом самим.

Завершая эту главу, уместно вспомнить, как любимые ученики и последователи Губкина и его ЕПНМ преследовали подлинных Ученых. По отношению к И.О. Броду об этом свидетельствует Н.А. Еременко «4 мая 1949 г. И.О. Брод направил письмо в парторганизацию МГУ, где объяснялся по поводу «Учения о нефти» и своих статей. Вынужден был объясняться. Но это не спасло. Доктор наук С., профессор, страстный поклонник «темного пятна» академика Лысенко, ходил по геологическим организациям и с пылом утверждал: «Нефтяникам нужна жертва. Этой жертвой должен стать Брод». Он подходил с этим кличем и ко мне лично. В результате обсуждение работ И.О. Брода с обвинением в «низкопоклонничестве и космополитизме» состоялось.

Сейчас, спустя многие годы, мне не удалось обнаружить документальных следов этого «судилища». Помню только большую аудиторию амфитеатром, внизу стол с «судьями» и «обличительные» речи обвинителей, членов-корреспондентов АН СССР, господ В. и Ф., и восседавших возле них докторов Р. и С. (принципиально не привожу фамилий, они уже перешли в мир «иной» – Бог им судья). Жалкое зрелище. Но в те времена оно могло привести к тяжелым последствиям; слава Богу, пронесло» (Еременко, 2002, с. 55). Заметим, что Николай Андреевич здесь не вполне точен: господин В. стал членкорром несколько позднее, в октябре 1953 г.

В цивилизованном обществе и условиях рыночной экономики руководят институтами и возглавляют геологическую службу предприятий крупные специалисты. А в нашей стране в эпоху большевизма положение человека в обществе определялось его партийностью, ценились послушные исполнители. Никто открыто теперь не славословит Леонида Ильича Брежнева. Вроде бы не совсем удобно. А культ Губкина в отрасли, культки его последователей в регионах по-прежнему процветают.

Глава 7

СЕМЬЯ

Не буду повторять того, что Губкин написал о своем детстве. Поверим в этом автору «Моей молодости» (Губкин, 1950). Попробуем проанализировать то, что рассказал о его семьях Я.Н. Кумок.

На вкладке после страницы 192 мы видим народного учителя с его юной женой Ниной. Фотография датирована весной 1897 г. Ивану двадцать шесть лет. Нина на переднем плане, хороша собой, выглядит дородной и слегка закрывает собой правое плечо мужа. Оба серьезны, взгляды устремлены в неведомое будущее. В августе следующего года у них родится сын Сергей.

Кумок приводит в своей книге письма Ивана Михайловича, отправленные Нине в Петербург с Майкопа в 1910 г. Женаты они уже тринадцать лет, а письма дышат нежностью и любовью. В декабре этого года у Губкиных появится дочь Галина.

В 1917 г. Губкины жили в Петрограде. Весной Временное правительство командировало Ивана Михайловича в Америку для ознакомления с постановкой нефтяного дела в САСШ. Спасаясь от разрухи, холода и голода Нина Павловна уехала с Галей в Ставрополь. Сергей – студент кораблестроительного института – оставался в Петрограде.

По версии Я.Н. Кумока Нина Павловна писала мужу в Америку, «Просила отцовской властью распорядиться о приезде Сережи в Ставрополь... Получив телеграмму Ивана Михайловича из Соединенных Штатов, Сергей послушаться не посмел. А в Ставрополе закружила его беда» (Кумок, 1968, с. 269).

Какая именно беда – Кумок не разъясняет. И предоставляет читателю возможность разбираться и догадываться самому. Попробуем. Бушует гражданская война. Империя рухнула. Царя нет, но Вера и Отечество пока незыблемы. Это позднее Губкин напишет о том, что он с давних пор стал безбожником.

Но ведь с Ниной он в православной церкви венчался. И детей крестил. И в письме к Нине Павловне от 2 ноября 1910 г. он пишет о красоте божьего мира (Кумок, 1968, с. 109).

Коммунистом-безбожником отец Сергея объявится лишь в 1921 г., в возрасте пятидесяти лет, в год вступления в РКП(б). А до того, надо думать, дети росли в той атмосфере, в которой воспитывались их сверстники в среде

научно-технической интеллигенции. Вероятно, многие коллеги Губкина состояли в конституционно-демократической партии. И я не исключаю того, что в то время и он сам склонялся к позициям кадетов. Или как крестьянский сын – эсеров. Как и П.И. Пальчинский, с которым Губкин до его последнего ареста в 1927 г. тесно общался.

Так что о политической ориентации юного Сергея можно только догадываться. Как мог относиться девятнадцатилетний юноша к событиям октября семнадцатого года? Естественно, что в студенческой среде могли быть приверженцы различных партий. Но нужно иметь в виду следующее.

Революция произошла в России в феврале. К добру ли, к худу ли государь отрекся от престола – другой вопрос. К чему в итоге пришла страна – все мы знаем достаточно хорошо. На себе испытали.

Но в семнадцатом году у России был и другой шанс. Учредительное собрание должно было принять новую конституцию. Впереди были выборы в Государственную Думу и формирование многопартийного правительства.

Захват власти большевиками был переворотом – антигосударственным, антидемократическим, антинародным. И вплоть до 1929 г. они это событие совершенно откровенно так и именовали: октябрьский переворот. Не стеснялись. В семидесятых годах я с изумлением обнаружил этот термин в журнале «Нефтяное хозяйство». Новое обозначение – Великая Октябрьская социалистическая революция – вождь придумал лишь в двадцать девятом году. И термин переворот был изъят из обращения.

В 1917 г. думающие люди понимали: произошло нечто чудовищное, но может быть, еще поправимое. И нужно бороться с узурпаторами власти. И в студенчестве, в молодежи белая гвардия видела свою опору. Так было в частности во время восстания юнкеров в Москве. Так что совершенно не удивительно, что Сергей Губкин мог оказаться в рядах борцов с большевизмом.

Еще раз обратимся к биографу его отца: «Завертелась Сергеева линия в беспомощной и сумасшедшей пляске по городам и весям... вдруг взвилась – и рухнула, вонзилась в землю далеко-далеко от дома... И Сергей Губкин стал эмигрантом». Версия Кумока: будто искал он «привычного твердого отцовского локтя, вокруг которого обвиться, спасаясь от лютого бездорожья войны» (Кумок, 1968, с. 269).

Конечно, в 1968 г., в глухие брежневские времена написать в книге серии «ЖЗЛ», издаваемой партийным органом – ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», что у нашего героя – ученого-большевика (пусть он тогда еще и не большевик, чуть позднее!) сын воевал с большевиками на стороне белых, было невозможно. Главлит все равно бы не пропустил. А то и всю книгу бы зарезал.

Когда семья остается без кормильца, без главы (в данном случае – временно), ответственность за ее судьбу чаще всего принимает на себя старший сын. Сергею в 1918 г. исполнилось 20 лет. Студент, думается, что с чистым

сердцем и хорошей головой, впоследствии – академик (и в отличие от отца – по заслугам!) – как мог он оставить мать и десятилетнюю сестренку и бежать от них неизвестно куда? Вопрос этот Яков Кумок не обсуждает. Слишком много в жизни его героя и его близких опасных вопросов, ответы на которые могут погубить авторский замысел и будущую книгу.

Слишком сложными должны были быть обстоятельства, которые не позволили Сергею стать опорой семьи в страшные годы гражданской войны и разрухи. И вполне очевиден ответ: из России (в это время уже большевистской) бежали те, кто опасался возмездия красных.

А дезертировать из отступающей белой армии, пробраться тайком в Ставрополь, укрыться у матери было нереально. Могли расстрелять свои, могли бы выловить, и опять же расстрелять, красные. Далеко ходить за примерами в то время необходимости не было. Стреляли те и другие без суда и следствия на каждом шагу.

В конце концов, этот период в жизни Сергея и всей семьи Губкиных окончится относительно благополучно: Сергей вернется из эмиграции, восстановит российское (теперь уже советское, так как дело происходит в мае 1923 г.) гражданство. И поможет в этом И.М. Губкину товарищ по партии Феликс Эдмундович Дзержинский (Кумок, 1968, с. 270–271).

Видимо, ощущая свою вину перед семьей, в первые месяцы после возвращения Сергей был послушным сыном и записался в Горную академию на геологический факультет. «Но очень скоро – кажется, даже и не оповестив родителей – он лекции на геологическом факультете посещать перестал, а стал ходить на лекции в металлургический факультет» (там же, с. 271–272).

Учебу Сергей окончил в 1928 г. И вскоре навсегда покинул родительский дом. Я.Н. Кумок этот разлад объясняет тем, что еще в начале двадцатых годов отношения отца и матери дали трещину. «А потом настал день, – пишет Кумок, – и самый дорогой человек ушел из дому: больше Сергей Иванович и Иван Михайлович в родном доме не встречались. Те отношения любви и соперничества, противоборства иногда, которые начали складываться давно, теперь обострились» (там же, с. 273).

Сергей Иванович Губкин, не в пример отцу, был явно одаренным, целеустремленным, одержимым на избранном пути человеком. Первая его работа «Введение в механику пластически деформируемого тела» была издана через три года после окончания Академии, в 1931 г., то есть за год до выхода компиляции его отца «Учение о нефти». Успех не вскружил голову молодому ученому. Он не стал компилятором, прокладывал новые пути в науке (Биограф. словарь, 1958; 1959). Сергей Иванович проявил себя как талантливый исследователь в области металлургии, руководил научно-исследовательским институтом, стал действительным членом АН БССР. Ушел из жизни Сергей Иванович рано, в 1955 г. в возрасте всего 57 лет.

Дочь тоже не пошла по стопам отца, своей профессией избрала возду-

хоплавание. Когда в шестидесятые годы Я.Н. Кумок собирал материалы для своей книги, после кончины И.М. Губкина прошло около 25 лет. Сергея Ивановича в живых уже не было, Нины Павловны, вероятно, тоже. Галине Ивановне было тогда около 55 лет. И, по словам Кумока, она бережно хранила письма отца.

То, что юная Галя пережила в конце 20-х – начале 30-х гг. – аресты близких их семье людей – П.И. Пальчинского, И.Н. Стрижова – в конце пятидесятых получило новую оценку.

Если и были ранее сомнения (не маскировались ли?), теперь они развеялись. Эти люди были патриотами России, а истинный ее враг и вредитель в те годы находился в Кремле. Как же она должна была относиться к отцу, «разоблачавшему» в печати своих соратников, знакомых ей с детства людей? Кем же на самом деле был тогда он?

Кумок пишет: «Галина Ивановна Губкина терялась по собственному признанию, когда слышала вопрос: «Не дочь ли вы знаменитого академика?» [214, с. 267]. Версия Кумока – не хотела прикрываться славной фамилией – выглядит сомнительной. В 1930 году, когда Губкин проявит себя откровенным погромщиком в геологии и нефтяной промышленности и публично, в печати будет предавать еще не так давно близких ему по совместной работе людей, дочери его Галине будет 20 лет, сыну Сергею – 32 года. Несомненно, что имена Мушкетова, Стрижова и многих других нефтяников Нине Павловне и их детям, так же, как и второй жене Губкина, были известны. Теперь отец и муж отдавал их органам на заклатие, клеветал на уже погибшего П.И. Пальчинского, подводил под расстрел Д.И. Мушкетова. Как могли они относиться к своему отцу, мужу?

Как сложились отношения с дочерью, Ниной Павловной и новой женой, остается неизвестным. Эти вопросы я оставляю открытыми. Будем надеяться, что будущие биографы Губкина дадут на них более определенные ответы.

Отец Галины в последние месяцы своей жизни не только ходил по лезвию ножа, а уже, можно сказать, лежал на плахе в ожидании удара занесенного над ним топора.

Но в том, что стряслось с его коллегами, был повинен во многом, а зачастую и в первую очередь, он сам. И грядущий арест мог бы стать возмездием за все его злодеяния.

Годы потрясений Губкины провели в разлуке. Иван Михайлович – в Америке, затем в Москве. Нина Павловна с Галей – в Ставрополе, Сережа в белой армии (?), затем в эмиграции. За три–четыре года многое может случиться. Возможно, что уже в это время в жизни И.М. и появилась Варвара Ивановна. Вопрос этот достаточно деликатный и в освещение его Кумок не углубляется.

Дело в том, что вся жизнь коммуниста находилась под контролем партии.

Разводы не поощрялись (разве что с чуждыми по духу большевикам элементами). Развод мог бесповоротно повредить карьере. Естественно, сами вожди позволяли себе и своим приближенным и разводы, и новые браки, и увлечения. Но для широкой публики такие подробности из жизни руководителей, ученых-патриотов не предназначались.

Так что Я.Н. Кумок сообщает о переменах в семейной жизни своего героя как-то вскользь. То была жена Нина Павловна, то вдруг появилась Варвара Ивановна. В сущности, нам о ней ничего не известно. В брошюре Ю.В. Самсонова и Л.В. Каламкарова 1999 г. имеется ее фотография [288]. Варвара Ивановна запечатлена на ней в президиуме пятых юбилейных Губкинских чтений, посвященных столетию со дня рождения ее мужа (1971 г.). Она в центре, на фоне портрета большевика-ученого. Справа от нее профессор А.А. Бакиров, слева – член-корреспондент АН СССР М.И. Варенцов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные материалы позволяют ответить на вопросы о том, был ли И.М. Губкин гениальным ученым, основоположником геологии нефти и газа, крупнейшим организатором геологической науки и геологоразведки, нефтяной и газовой промышленности.

Несомненно, Губкин был одарён способностями и, благодаря упорству в достижении поставленных целей, проявил себя впервые же годы после окончания института как талантливый геолог, вдумчивый исследователь. Но не более того. А, может быть, и менее. (Табл. 5).

Увлечись новым для того времени методом геологических построений – структурными картами, он не уделил должного внимания исследованию фациальных условий осадконакопления в районе предполагавшейся им рукавообразной залежи нефти. Позднее в своих лекциях и учебниках (1932, 1937) он преподносил студентам рукавообразные залежи как неизвестный ранее *мировой уникам*, а свою гипотезу как гениальное открытие, определившее направление поисковых работ в районе Майкопа. Это была якобы новая страница в геологии нефти и газа, открывшая миру глаза на существование совершенно нового типа залежей нефти, не связанных с антиклинальными складками. Но на широких геологических форумах, международных конгрессах, он таких, мягко выражаясь, нескромных заявлений не делал. Здесь он упоминал и своего первого Учителя К.И. Богдановича, и известный, как оказалось, задолго до него тип рукавообразных залежей нефти в Пешельбронне.

Практически во всех своих мнимых достижениях, преподносившихся его последователями как подвиги и открытия, Губкин был не более чем эпигоном. По пунктам:

1. Биогенная гипотеза происхождения нефти в том виде, в котором ее представил И.М. Губкин, была практически полностью списана им у Г.П. Михайловского, без ссылок на предшественника. Это был откровенный плагиат.

2. В оценке перспектив Волго-Уральской области он следовал прогнозам геологов XIX в. и не претендовал на роль первооткрывателя. Правда, здесь, как и во многих других случаях, он объявлял себя *неутомимым борцом*.

3. «Открытие» триединой сущности диапиризма, грязевого вулканизма и нефтегазоносности было основано на представлениях Г.В. Аби́ха, Ф. фон Кошкюля, Д.И. Менделеева, Э.А. Штебера. Труды И.М. Губкина и С. Ф. Фёдоровова о грязевом вулканизме З.А. Мишунина определяет как *беспредметные*.

Периодизация профессиональной, государственной и общественной деятельности И.М. Губкина

1871–1910 гг. Основные вехи	1910–1918 гг.	1918–1930 гг.	1930–1939 гг.
<p>Детство, юность, поиски призвания, становление.</p> <p>Народный учитель в сельских школах (1890–1895); учеба в Петерб. учительском ин-те (1895–1898); учитель в Петерб. городском училище (1898–1903); Участник революц. движения (в Союзе борьбы за освобождение, 1895–1898). Учеба в Санкт-Петербургском горном институте (1903–1910).</p>	<p>Период самостоятельных исследований.</p> <p>Работа в Геолкоме: геолог-трудник (до 1913), альюнк-геолог (до 1915), геолог (до 1917). Геологическая съемка ряда планшетов на Кубани и Апшероне. Высоко профессиональная работа геолога-съемщика, добротные геологич. отчеты. Апробация и внедрение новых способов графических построений (структурная карта “рукавообразной залежи”). Смелые обобщения (Майкопская свита Кубани и Апшерона). В этот период проявляется недостаточное внимание к работам предшественников. Временным Правительством командирован в США для изучения постановки нефтяного дела (1917–1918).</p>	<p>Период бурной организационной деятельности в правительств. учреждениях.</p> <p>Вступление в ряды ВКП (б) – 31.03.1921. Активное участие в выборах советских и профсоюзных органов, государственных комитетах и комиссиях. Педагогическая деятельность (с 1921-го проректор; 1922 – ректор МГА). Читает курсы: “Учение о нефти”. Создает и возглавляет ГИНИ – Государственный нефтяной институт (1925). Уничтожает Геолком (1929). Избирается действительным членом АН СССР по техническому отделению (12.01.1929).</p>	<p>Период погромов оппонентов и движения вверх по служебной и общественной лестнице.</p> <p>Создание Всесоюзного геологогеографического объединения (начальник с 07.07.1931). ГИНИ преобразован в Институт горючих ископаемых (с 1934-го – директор). Награжден орденом Ленина (17.11.1936). Избран вице-президентом АН СССР (29.12.1936). Выдвинут кандидатом Верховного Совета СССР (ноябрь 1937). Президент XVII сессии Международного геологического конгресса (Москва, 1937).</p> <p>Создание компилятивных обобщений: “Учение о нефти” (1932, 1937), “Тектоника юго-восточной части Кавказа в связи с его нефтеносностью” (1934), “Урало-Волжская нефтеносная область” (до 1939, опубликована посмертно).</p>

4. Построение книги «Учение о нефти» заимствовано И.М. Губкиным у Ганса Гефера. То есть, у него не было собственной идеи, основного стержня, на чем можно было бы создать оригинальный труд. Определения этого учебника как *классический труд* объясняются лишь страхом последователей мнимого основоположника перед возможными обвинениями в инакомыслии (Таблица 6).

Осмысливая в зрелом возрасте свою жизнь, мы размышляем о том, что дали нам школа и институт, как воспитывали нас, чему научили преподаватели и наставники. Нужно отдать должное И.М. Губкину: о своей бабушке, о школьном учителе он отзывается с теплотой. Думается, что и преподавателей Петербургского горного института Губкину было за что вспомнить. А благодарить их он должен бы был не только за добротную высокопрофессиональную геологическую подготовку, но, может быть, и за всю свою последующую жизнь. Карл Иванович Богданович в 1919 г. уехал из России в Польшу. И вспоминать его публично добрым словом Губкин в России, видимо, не решался. Да и зачем? Вспоминать о том, как учили его уму-разуму в *almater* и на Майкопе? Тогда придется разделить с профессором-эмигрантом права первооткрывателя и славу провидца. Но на международных форумах (на которых присутствовал и сам Учитель) ссылаться на него приходилось: зарубежные коллеги неуважительного отношения к трудам предшественников и необоснованные притязания на приоритет могли не простить.

Знакомство с трудами горных инженеров XIX в. и современников Губкина позволяет сделать вывод о том, что практически все труды мнимого основоположника в 20–30е гг. – это сплошное эпигонство, компиляция, а то и откровенный плагиат. Становится понятным, почему же последователи Губкина не создали ни одной научной монографии, ни одного исследования, посвященного анализу его трудов, его вкладу в геологию нефти и газа. Нет базы. Нет первоисточников, подтверждающих приоритет Губкина.

Мог ли Губкин жить спокойно, пожиная незаслуженные лавры – плоды чужих трудов? Правда, те, кому он завидовал, были либо физически уничтожены, либо, как ему казалось, сгинули до конца своих дней в лагерях. И их можно было бы не опасаться.

Но подходили к концу десятилетние сроки изоляции И.Н. Стрижова, Н.Н. Тихоновича, В.К. Котульского. Вот-вот они должны были возвратиться из изгнания и, вполне вероятно, что пришлось бы где-то рядом с ними жить и работать, встречаться, смотреть в глаза. Как приходилось встречаться в Академии наук с оболганным им академиком Н.Н. Лузиным....

Не был застрахован Губкин и от гнева *отца и учителя*. Как ни насаждали марксистскую диалектику в геологии Д.И. Выдрин и И.Ф. Куразов, директор ЦНИГРИ В.А. Языков, как ни боролся с «вредительством» в своем институте Н.М. Федоровский, все они были уже арестованы, а Языков расстрелян.

Не задумывавшийся о своей судьбе И.М. Губкин не мог. Прийти за ним могли в любую ночь, как приходили за его сотрудниками, коллегами, недавними друзьями, соседями.

“Открытие”, публикация	Предшественники, современники и их представления	Представления И.М. Губкина	Современные представления
1	2	3	4
Майкопская рукавообразная залежь, 1913. И.М. Губкин “Майкопский нефтеносный район. Нефтяно-Ширванская площадь”, 1912. И.М. Губкин “К вопросу о геологическом строении средней части Нефтяно-Ширванского месторождения нефти”, 1913.	К.И. Богданович, 1906-1915; С.И. Чарноцкий, 1909; Е.М. Юшкин, 1909-1913; Г.Л. Сорокин, 1913 Продуктивные горизонты Нефтяно-Ширванского НМ – не пласты, а линзы.	Продуктивные песчаные линзы приурочены к поверхности древней эрозии, рукавообразной по форме (1912). “...перед нами размыв, произведенный текучими водами, действовавшими в виде потока на поверхности фораминиферных слоев... Дно этого рукава... представляет ряд углублений, чередующихся с менее размытыми местами. К этим углублениям приурочено отложение песчаных линз или чечевиц” (1913, с. 26).	К.П. Калицкий (1921) не считал вывод И.М.Г. однозначным. К.И. Богданович (1921): “Толкование Губкина нельзя считать доказанным... Гораздо вероятнее, что эти залежи расположены не по направлению какого-либо рукава, залива или русла реки, а действительно вдоль мелководной полосы” (с. 102). Максимов М.И. (1929): на ограниченном участке – русловая фация, далее к северо-западу дельты авандельты палеорек. Хельквист Г.А. (1936, 1946). Залежи приурочены к морскому мелководью.
Биогенная гипотеза происхождения УВ, 1932,1937.	Н.И. Андрусов, 1906; Г.П. Михайловский, 1906; А.Д. Архангельский, 1927.		Биогенная гипотеза несостоятельна, отрицает.

1	2	3	4
Апшеронский полуостров, тектоническое продолжение ЮВ-го окончания главного Кавказского хребта, 1934 Триединая сущность ДС, ГВ и нефтеносности. “Тектоника юго-вост. части Кавказа...”, 1934	Г.В. Абиx, 1862, 1879; К.И. Богданович, 1902, 1906; Д.В. Голубятников, 1903-1933; С.М. Апреcов, 1933; М.Ф. Мирчинк, 1933; Э. Зюсс; Г.П. Гельмерсен; Ф. фон Кошкуль; Д.И. Менделеев; Э. Штебер	Склады ветвятся и образуют четковидно расположенные брахиантиклинали. Выделил купола “нормального антиклинального строения”: Сураханы, Биби-Эйбат, Карачукур, Кала. “Купола диапирового строения или складки с ядрами протыкания”: Кирмакинская, Фатъманская, Шабандагская, Аташкинская, Бинагадинская, Хурдаланская. «...газо- и нефтепроявления ГВ суть функции... геол. строения, в частности функции особой формы тектоники – диапировых структур. Диапир. структура, «...диапиризм является общим законом в тектонике всей области погружения ЮВ-го Кавказа, так как куполообразные структуры, которые выделены как куполы нормального строения по своей форме, с геоморф. точки зрения как будто являются нормальными куполами, но генетически это неразвившиеся ДС, остановившиеся на некоторой первичной стадии развития» (1934, с. 43).	Н.А. Кудрявцев неоднократно рассматривал проблему взаимосвязи грязевого вулканизма и магматизма и считал эту связь реальной (Кудрявцев, 1963, 1973). С позиций глубинной гипотезы рассматривают проблему грязевого вулканизма В.А. Горин и З.А. Буниат-заде . Они полагают, что: 1. Региональные глубинные разломы определяют “закономерности проявления газонефтяного вулканизма во времени и пространстве”. 2. Газонефтяные вулканы постепенно переходят “в категорию грязевых и начинают выделять через предельно разработанные жерла уже в основном газ и насыщенный газом газонефтувulkanическую брекчию”. 3. Со временем действующие грязевые вулканы становятся ископаемыми. То есть грязевые вулканы закономерно проходят ряд этапов в своем развитии (Горин, Буниат-заде, 1967).
И.М. Губкин – первооткрыватель Волго-Ур. нефтеносной обл.-ти. Урало-Волжская или восточная нефтеносная область (Второе Баку) Изд-во АН СССР, 1940 Горючие сланцы и нефть в Поволжье, 1919	Гернгрос-2-й, 1837 П.В. Еремеев, 1867 Г.Д. Романовский, 1864, 1868 А.П. Павлов, 1877 И.Н. Стрижов, 1927, 1928 Н.Н. Тихонович, 1928 А.Н. Розанов, 1928 А.Д. Архангельский, 1929 К.П. Калицкий	Нефть может быть в коллекторах ивжест перми и карбона. Провести топографическую и геологическую съемки, а затем заложить скважину до глубины 400-600 саж.	В Волго-Уральской НП с 1929 г. разворачиваются поисково-разведочные работы на нефть и газ. В середине XX в. – ведущая провинция по добыче нефти в СССР.

И не менее страшным был самосуд. Что же я в действительности сделал за свою жизнь? Переписывал чужие материалы, заимствовал чужие идеи.... Какую славу принесет мне очередная компиляция – «Урало-Волжская область»? А свой вклад в геологию нефти и газа замарал грязью и залил кровью....

В.В. Белоусов вспоминает: «В страшные тридцатые годы, когда каждый советский гражданин был готов к тому, что вот-вот над ним разразится гроза и он просто исчезнет в недрах Гулага или получит пулю в затылок в подвалах Чека, Иван Михайлович Губкин был грозой для геологов, особенно тех, кто занимался нефтью. Он постоянно искал вокруг себя вредителей, выступал с пугающими обвинительными речами, и если кого-либо он считал не таким, как нужно, автор этих идей, да и его ближайшие коллеги попадали в опалу и их карьере мог прийти конец. Могло быть и хуже» (Вл. Вл. Белоусов, 1999, с. 254).

Говорят, в глубине души каждый знает себе цену. А звания и ордена не скрывают от самого себя собственного убожества и пустоты. И это убивает страшнее, чем цианистый калий, петля или пуля.

Из геологов, родившихся в начале семидесятых годов XIX в., почти ровесников, Губкин – крестьянский сын, прожил меньше всех – неполных 68 лет. Может быть, сказались лишения, перенесенные в молодые годы и в годы учебы в зрелости. Вполне вероятно. Но также вероятно и другое.

М.М. Зощенко в «Возвращенной молодости» (1968) приводит многочисленные примеры из жизни великих людей. Многие из них имели весьма слабое здоровье и при этом прожили долго, часто сохраняя работоспособность до последних дней. Им было интересно жить, они ставили перед собой большие задачи, поднимали глыбы новых проблем и стремились сами их разрешить. И напротив, когда людям жить не хотелось, все казалось уже неинтересным и ненужным, смерть избавляла их ото всех разочарований.

Помнил ли Губкин дату ареста Стрижова? Не сомневаюсь – помнил. Надеялся ли он, что Стрижов никогда не вернется из лагерей и, в конце концов, сгинет в них? Конечно, надеялся.

Во время работы комиссии ГУЛАГа в Ухте Н.Н. Тихонович был уже на свободе, жил и преподавал в Москве. А И.Н. Стрижов работал главным геологом Канско-Тасеевской экспедиции в системе ГУЛАГа. Для *вождя народов* все это никакого значения, естественно, не имело. Его опричники расправлялись с намеченными им жертвами не только в лагерях и Москве, но и во Франции и Мексике. Но, видимо, ему уже надоел Губкин, не давший обещанных сорока миллионов тонн нефти в год. А такие грехи вождь прощать не любил. И по неподтвержденным пока документами сведениям, И.М. Губкин в начале 1939 г. уже находился под домашним арестом. А с другой стороны, он со страхом ждал возвращения из лагеря И.Н. Стрижова и других оклеветанных им геологов и нефтяников.

«Кто способен побороть страх, тот может побороть и чуму», – сказал Наполеон (Цитируется по Зощенко, 1968, с. 95). И.Н. Стрижов должен был вернуться из лагерей в июне 1939 г. Губкин страха не поборол. И за два месяца до возвращения Стрижова скончался.

Мертвый Губкин был теперь власти более полезен, чем живой. Из него сделали символ *ученого-большевика, ученого-патриота*. На его примере воспитывали молодые поколения геологов, пытались вырастить подобных ему борцов с инакомыслием, бездумных и послушных исполнителей решений безумной и безответственной власти.

Уже после кончины И.М. Губкина была опубликована его статья «За осуществление третьей сталинской пятилетки». Она интересна не только тем, как *ученый-большевик* как бы уже с того света громит мнимых вредителей, но и тем, что во многом остается созвучной многим последующим десятилетиям нашей жизни...

Что же сегодня осталось от наследия Губкина, и какое значение оно имеет ныне для геолога-нефтяника? Осталось все. И добротные работы начинающего геолога 1911–1917 гг. И компиляции, декларации, призывы. И погромные выступления. Все это представляет интерес для истории науки и истории Отечества.

«Горная энциклопедия» сообщает: «Именем Губкина названы город и район в Белгородской области, поселок в Азербайджанской ССР, банка в Каспийском море, рудник на территории КМА, газонефтяное месторождение в Западной Сибири, Институт геологии АН Азербайджанской ССР, МИНХ и ГП (ныне РГУ нефти и газа – А.Г.), геофизическое исследовательское судно Министерства геологии СССР, Всесоюзное научно-техническое общество нефтяной и газовой промышленности. В 1949 г. АН СССР учреждена премия И.М. Губкина (присуждается 1 раз в 3 года)» (Максимов, 1986, с. 196).

Комментарии, как говорится, излишни. Пусть судят читатели.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамович М.В. О принципах рациональной разработки нефтеносных площадей // Вопросы рациональной разработки и охраны залежей нефти. Баку: Изд-во Азнефти, 1927, с. 7–26.

Абрамович М.В. Поиски и разведка залежей нефти и газа. Баку: Азнефтеиздат. Изд. 2-е. 1941.

Абрамович М.В. Поиски и разведка залежей нефти и газа. Баку: Азнефтеиздат, 1945, 280 с.

Абрамович М.В. Д.В. Голубятников и его деятельность. (Из истории изучения нефтяных месторождений Азербайджана). Баку: Изд-во АН Аз. ССР. 1960, 135 с.

Алексеев П.В. Погром в храме науки // Неделя. 1988, № 31 (1479), с. 6–7.

Алиев А.И., Багир-заде Ф.М., Буниат-заде З.А. и др. Объяснительная записка к карте месторождений нефти и газа и перспективных структур Азербайджанской ССР масштаба 1:500 000. Баку: Элм, 1985, 107 с.

Андреев С.Ю., Гольдина Н.А. Чрезвычайные люди. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989, 336 с.

Андрусов Н.И. К вопросу о происхождении и залегании нефти // Труды БО ИРТО. Баку: 1906, вып. 5 (май – август), с. 1–18.

Архангельский А.Д. Несколько слов о генезисе грязевых вулканов Апшеронского полуострова и Керченско-Таманской области // Бюлл. МОИП. Отд. Геол., 1925. (н.с., т. XXIII) Т. III, № 3–4, с. 269–285.

Архангельский А.Д. Условия образования нефти на Северном Кавказе. Серия редакции журнала «Нефтяное и сланцевое хозяйство». 1927.

Архангельский А.Д. Где и как искать новые нефтеносные области в СССР // Нефтяное хозяйство. 1929. № 6, с. 791–796.

Архангельский А.Д. Геологическое строение СССР. Европейская и Среднеазиатская части. Л.–М.: НКТП, Гос. научно-техн. геол. разв. изд-во, 1932. 432 с.

Архангельский А.Д. Геологическое строение СССР. Западная часть. Изд. 2-е, испр. и доп. Вып. 1. М. – Грозный, Л., Новосибирск: горн. геол. нефт. изд-во, 1934. 224 с.

Архангельский А.Д. Геологическое строение СССР. Западная часть. Изд. 2-е, испр. и доп. Вып. 2. М.–Л.: ОНТИ Гл. ред. геол. разв. и геодез. лит. 1934.

Баженова О.К., Бурлин Ю.К., Соколов Б.А. и др. Геология и геохимия нефти и газа. М.: МГУ, 2000. 384 с.

Баймухаметов К.С., Якупов Ф.М. История открытия и разведки Туймазинского нефтяного месторождения // Нефт. хоз-во, 2004, № 8, с. 8–11.

Бакиров А.А. Главнейшие этапы развития взглядов на происхождение нефти в отечественной науке / Происхождение нефти. М.: Гостоптехиздат. 1955.

Батурин В.П. Генезис продуктивной толщи Апшеронского полуострова и соседних районов // Труды XVII сессии МГК. Т. 4. М.: Гос. НТИ нефт. и горно-топл. лит-ры. 1940. С. 295–310.

Бацевич Л.Ф. Геологическое описание Сигнахского уезда. Материалы для геологии Кавказа, кн. VIII. Тифлис. 1878.

Безбородов Р.С., Гольденберг Л.А., Левинсон В.Г. и др. Краткий очерк научной деятельности И.О. Брода / Геология и нефтегазоносность юга СССР (Кавказ). – Л.: Гостоптехиздат, 1963. С. 5–36.

Бессуднова З.А. Архангельский Андрей Дмитриевич / Павловская геологическая школа [И.А. Стародубцева, З.А. Бессуднова, С.К. Пуханто и др., отв. ред. Ю.Я. Соловьев]. М.: Наука, 2004, с. 70–74.

Бессуднова З.А. Мирчинк Георгий Федорович / Павловская геологическая школа [И.А. Стародубцева, З.А. Бессуднова, С.К. Пуханто и др., отв. ред. Ю.Я. Соловьев]. М.: Наука, 2004, с. 145–150.

Бессуднова З.А. Варенцов Михаил Иванович (1902–1977) / Отечественные члены-корреспонденты Российской Академии наук XVIII – начала XXI вв. Геология и горные науки. Отв. ред. Ю.Я. Соловьев. М.: Наука, 2007. С. 164–166.

Бессуднова З.А. Мирчинк Михаил Федорович (1901–1976) / Отечественные члены-корреспонденты Российской Академии наук XVIII – начала XXI вв. Геология и горные науки. Отв. ред. Ю.Я. Соловьев. М.: Наука, 2007. С. 184–186.

Бессуднова З.А. Чепиков Константин Романович (1901–1989) / Отечественные члены-корреспонденты Российской Академии наук XVIII – начала XXI вв. Геология и горные науки. Отв. ред. Ю.Я. Соловьев. М.: Наука, 2007. С. 199–201.

Билибин В.В. Вычисление производственных программ нефтедобычи по методу «составных кривых» // Азерб. нефт. хоз-во, 1927, № 5 (65). С. 11–22.

Билибин В.В. Подсчет подземных запасов нефти по НКП на Балахано-Сабунчинской площади // Азерб. Нефт. хоз-во, 1928. № 2. С. 16–30.; № 3. С. 10–21; № 4. С. 13–17.

Билибин В.В. Подсчет подземных запасов нефти. Баку-М.: ОНТИ НКТП АЗОНТИ, 1937. 192 с.

Биографический словарь деятелей естествознания и техники / Отв. ред. А.А. Зворыкин. Т. 1 (А–Л). М.: Изд-во БСЭ, 1958.

Биографический словарь деятелей естествознания и техники / Отв. ред. А.А. Зворыкин. Т. 2 (М–Я), М.: Изд-во БСЭ, 1959.

Блохин А.А. Нефтяные месторождения Башкирской АССР. (Тезисы к докладу) // Труды XVII сессии МГК. Т. 4. М.: Гос. НТИ нефт. и горно-топл. лит-ры. 1940, с. 419.

Богданович К.И. Годовой отчет за 1906 г. // Изв. Геолкома. 1907. Т. XXVI.

Богданович К.И. Геологические исследования Кубанского нефтеносного района. Лист Хадьженский // Труды Геолкома. Новая серия. СПб, 1910, вып. 57.

Богданович К.И. Железные руды России. Геологический характер их месторождений, распространение и запасы. СПб, 1911.

Богданович К.И. Отчёт о поездке летом 1914 г. в нефтеносные районы кубанской области // Горн. журн., 1915. № 7–9.

Богданович К.И. Очерк месторождений нефти и других битумов. Пг.: Серия ред. журнала «Нефтяное и сланцевое хозяйство», 1921. 138 с.

Большая Советская Энциклопедия (изд. третье). Т. 23. М.: Изд-во «Сов. энц.», 1976. 554 с.

Борисов А.А., Грацианова О.П. Нефтяные месторождения Башкирской АССР. // Труды XVII сессии МГК. Т. 4. М.: Гос. НТИ нефт. и горно-топл. лит-ры. 1940, с. 221–233.

Брод И.О. О классификации нефтяных залежей по их формам. Труды XVII сессии Международного геологического конгресса, т. 4. Гостоптехиздат, М., 1940. С. 23–32.

Брод И.О. Залежи нефти и газа (формирование и классификация). Гостоптехиздат, М.–Л., 1951. 351 с.

Брод И.О. и Еременко Н.А. Основы геологии нефти и газа. М.: Изд-во МГУ, 1950.

Брод И.О., Старобинец К.Н., Тилопо В.А., Елин Н.Д. Нефтяные месторождения Чечено-Ингушской АССР (Грозненский район). Путеводитель нефтяных экскурсий XVII сессии Международного геологического конгресса. ОНТИ, М.–Л., 1937. С. 39–66.

Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. XIV. СПб, 1895.

Бронштейн К.Г. Курские магнитные аномалии. // Труды XVII сессии МГК. М.: Гос. науч.-тех. изд. нефт. и горно-топл. лит.-ры. 1940. С. 431–442.

Буялов И.И. Эмбенская нефтеносная область // Труды XVII сессии МГК. Т. 4. М.: Гос. НТИ нефт. и горно-топл. лит.-ры. 1940, с. 181–201.

Ваксберг А. Страницы одной жизни // Знамя. 1990. № 5. С. 169.

Ваксберг А. Загадка и магия Лили Брик. М.: ООО «Агентство «КРПА Олимп»: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Изд-во Астрель», 2003. 461, [3]. (Роковая женщина).

Варенцов М.И. Нефтяные месторождения Туркмении // Труды XVII сессии МГК. Т. 4. М.: ГосНТИ нефт. и горн. топл. лит.-ры. 1940. С. 147–166.

Варенцов М.И. Нефтяные месторождения Керченского и Таманского полуостровов // Труды XVII сессии МГК. Т. 4. М.: ГосНТИ нефт. и горн. топл. лит.-ры. 1940. С. 417–418.

Варенцов М.И. Геологическое строение западной части Куринской депрессии. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1950. 258 с.

Варенцов М.И. О геологии и палеогеографии окрестностей города Гори и смежных районов Грузии/ Сборник «Памяти ак. И.М. Губкина». М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 52–71.

Варенцов М.И. О жизни и деятельности академика И.М. Губкина // Изв. АН СССР. Серия геол. 1952. № 2.

Варенцов М.И. Иван Михайлович Губкин – выдающийся ученый, государственный деятель. Современное значение его научного наследия / Материалы Ухтинской юбилейной научно-технической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения основоположника советской нефтяной геологии академика И.М. Губкина. Сыктывкар: Коми кн. изд., 1972. С. 9–27.

Вассоевич Н.Б. Геологические исследования в пределах планшета А–VI Кахетинской нефтеносной области (Предварительный отчет о работах 1928 г.). М.–Л.: Гос. науч.-тех. изд-во. 35 с. (Труды НГРИ. Серия А. вып. 2).

Вассоевич Н.Б. Микронепфть // Исследования ВНИГРИ в области нефтяной геологии. Л.: Гостоптехиздат, 1959. С. 131–162. (Труды ВНИГРИ; вып. 132).

Вассоевич Н.Б. Микронепфть / Изб. труды. Геохимия органического вещества и происхождения нефти. М.: Наука, 1986. С. 10–39.

Вассоевич Н.Б. О взглядах И.М. Губкина на происхождение нефти / Материалы по советской нефтяной геологии. М.: Госгеолтехиздат. 1963, с. 5–37.

Вернадский В.И. Письмо Б.Л. Личкову № 160 / Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым (1918–1939). М.: Наука, 1979. С. 197.

Викторов В. Ученый-патриот (о И.М. Губкине). М.: Госполитиздат, 1960. 30 с.

Винда В. Майкопские залежи нефти в связи с нефтепромышленностью в Кубанской области. Горно-технический очерк с картами и чертежами. СПб: 1906.

Владимир Владимирович Белоусов. М.: ОИФЗ РАН, «книжный дом Университет», 1999. 400 с., илл.

Войнович В. Портрет на фоне мифа. М.: Изд-во ЭКСМО, 2003.

Волкова С.П., Тихомиров В.В. Жизнь и труды Германа Вильгельмовича Абиха // Очерки по истории геол. знаний. М.: Углетехиздат, 1959. Вып. 8. С. 177–238.

Вологдин А.Г. Пути практического разрешения проблемы сибирской нефти // Изв. АН СССР, сер. Геол., 1939. № 2. С. 53–63.

Вологдин А.Г., Гедройц Н.А., Смирнов Л.П. Нефтеносность Сибири // Труды НГРИ. М.–Л.: 1938. Сер. А. Вып. 91. С. 51–57.

Вологдин А.Г., Гедройц Н.А., Смирнов Л.П. Нефтеносность нижнего палеозоя Сибирской платформы // Труды XVII сессии МГК. Т. 4. – М.: ГосНТИ нефт. и горн. топл. лит.-ры, 1940. С. 247–256.

Вопрос о нефтеразведке в Президиуме ВСНХ // Нефт. бюлл. 1926. № 5. С. 11.

Вопрос об организации нефтеразведочного дела в президиуме промплана. // Нефт. бюлл. 1926. № 20. С. 14.

Воскобойников Н.И. Минералогическое описание полуострова Апшерона, составляющего Бакинское ханство // Горн. журн., 1827. Кн. IX. С. 17–55.

Воскобойников Н.И., Гурьев С.В. Геогностическое описание полуострова Тамани, принадлежащего к Земле Войска Черноморского // Горн. журн., 1832. Ч. 1.

Выдающийся ученый нефтяник и газовик профессор Иван Николаевич Стрижов / Ред. И.А. Гараевская. М.: РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2008. 140 с., илл.

Высоцкий Б.П. Проблемы истории и методологии геологических наук. М.: Недра. 1977. 280 с.

Гаврилов В.П. Геодинамическая модель нефтегазообразования в литосфере и ее следствия // Геология нефти и газа, 1998. № 6, с. 2–12.

Гаврилов В.П., Григорьянц Б.В., Дворецкий П.И. и др. Зоны нефтегазоаккумуляции жильного типа. М.: Наука. 2000. 152 с.

Галкин А.И. Вредителям не так легко было отделаться от меня // Неделя. 1990. № 4.

Галкин А.И. Академик И.М. Губкин: миф и действительность / История геологических исследований на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар, 1991. С. 72–77 (Труды семинара).

Галкин А.И. Вклад И.Н. Стрижова в дело охраны и рационального использования нефтяных недр // Вопросы истории естествознания и техники. 1991. № 4. С. 38–43.

Галкин А.И. Деятельность И.М. Губкина на руководящих постах в промышленности и геологоразведке (штрихи к портрету) / История геологических исследований на Европейском северо-западе СССР (Мат-лы годичной сессии КОГИ СССР и семинара по истории геологии). Петрозаводск, 1991, с. 158–165.

Галкин А.И. Иван Николаевич Стрижов (1872–1953). М.: Изд-во Академии горных наук, 1999. 247 с., илл.

Галкин А.И. Методологические аспекты геологии нефти и газа: страницы истории // Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова (ИИЕТ). Годичная научная конференция 2002. М.: Диполь-Т, 2002. С. 403–406.

Галкин А.И. Вклад И.М. Губкина в изучение Майкопского нефтеносного района:

страницы истории // ИИЕТ. Годичная научная конференция 2003. – М.: Диполь-Т, 2003. С. 469–471.

Галкин А.И. К оценке достоверности обзорных публикаций (на примере истории геологии нефти и газа в России и СССР) // ИИЕТ. Годичная научная конференция 2004. М.: Диполь-Т, 2004. С. 450–453.

Галкин А.И. Академик И.М. Губкин – Ученый? // ИИЕТ. Годичная научная конференция 2006. М.: Диполь-Т, 2006. С. 391–395.

Галкин А.И. Отечественные геологи-нефтяники в «Горной энциклопедии» (М.: Изд-во «Советская энциклопедия» в 5 томах, 1984–1991) // ИИЕТ. Годичная научная конференция 2006. М.: Диполь-Т, 2006. С. 396–400.

Гараевская И.А. «Петр Пальчинский (портрет инженера на фоне войн и революций)». М.: «Россия молодая», 1996. 175 с., с илл.

Гельмерсен Г.П. Отчет генерал-лейтенанта Гельмерсена о геологических исследованиях, произведенных в 1864 г. на Самарской Луке, в Крыму и в Донском крае // Горн. журн., 1865. № 3. С. 573–619.

Геология и нефтегазоносность юга СССР (Кавказ). Л.: Гостоптехиздат, 1963. 478 с. (Труды НИЛНЕФТЕГАЗ, вып. 9).

Геология месторождений угля и горючих сланцев СССР // Горючие сланцы СССР (Редколлегия тома: В.А. Котлуков (ред.), С.С. Бауков, Э.А. Мустыйги). М.: Недра, 1968. Т. 11. 608 с.

Геология нефти. Справочник в 2 т. – М.: Недра, 1968. Кн. 1. Нефтяные месторождения СССР. 763 с.

Геология СССР. Т. X. Закавказье. Ч. I. Геологическое описание / Ред. В.П. Ренгартен. Гос. изд-во геол. лит-ры комитета по делам геологии при СНК СССР. М.–Л.: 1941.

Герасимов Н.П. Нефтяные месторождения Пермского Прикамья // Тр. XVII сессии МГК. Т. 4. М.: Гос. НТИ нефт. и горно-топл. лит-ры. 1940. С. 233–240.

Гернгрос-2-й. Отчет штабс-капитана Гернгрос-2-го о поисках, произведенных по поручению Горного Начальства в Симбирской, Казанской и Оренбургской губерниях для открытия месторождений асфальта // Горн. журн., 1837. Ч. 4. Кн. 12. С. 406–425.

Гефер Г. Нефть и ее производные. СПб. М.: Изд. «Т-ва М.О. Вольф», 1908. 315 с.

Голубятников Д.В. Извержение грязевого вулкана Отманбоздаг 10 ноября 1904 г. // Газета «Каспий», Баку. 1904.

Голубятников Д.В. Нефть, гудронный песчаник и асфальтовый камень в Приволжском районе // Нефтяное дело, 1904.

Голубятников Д.В. Берекейская нефтеносная площадь // Изв. Геолкома, 1906. Т. XXV. № 7. С. 361–411.

Голубятников Д.В. О нефтеносности острова Булла // Изв. Геолкома, 1912 (Протоколы). С. 144.

Голубятников Д.В. О нефтеносности участка, расположенного около горы «Отман-бозы-Даг» // Изв. Геолкома. Т. XXXII, 1913.

Голубятников Д.В. Ископаемый грязевой вулкан на промысле Ильич // Нефт. и сланц. хоз-во, 1923. Т. № 7–8.

Голубятников Д.В. Об ископаемом грязевом вулкане на Бибиэйбатской бухте. // Азерб. НХ, 1924. № 2.

Голубятников Д.В. Детальная геологическая карта Апшеронского полуострова, Аташкинский район (Шубаны). Тр. Геолкома, Нов. Сер. Л.: 1927. 266 с.

Гордеев Д.И. История геологических наук. М.: Изд-во МГУ. Ч. II. 1973. 323 с.

Горин В.А., Буниат-заде З.А. Механизм формирования нефтяных и газовых месторождений Южно-Каспийской впадины / Генезис нефти и газа (доклады, представленные на Всесоюзное совещание по генезису нефти и газа, г. Москва, февраль 1967 г.). М.: Недра. 1967. С. 539–544.

Горная энциклопедия. / Гл. ред. Е.А. Козловский. Ред. кол.: М.И. Агошков, Л.К. Антоненко, К.К. Арбиев и др. / М.: Сов. энциклопедия, в 5 т. 1984–1991.

Губкин И.М. Майкопский нефтеносный район. Нефтяно-Ширванская нефтеносная площадь // Труды Геолкома. Новая серия. СПб 1912. Вып. 78. 169 с.

Губкин И.М. К вопросу о геологическом строении средней части Нефтяно-Ширванского месторождения нефти // Труды Геолкома. Новая серия. СПб, 1913. Вып. 88. 95 с.

Губкин И.М. Геологические исследования Кубанского нефтеносного района. Листы Анапско-Раевский и Темрюкско-Гостоговский // Тр. Геол. Ком. Новая серия, 1915. Вып. 115.

Губкин И.М. Геологические исследования в северо-западной части Апшеронского полуострова. Листы Сумгаитский, Коунский, Учътапинский, Перешкюльский // Изв. Геол. Ком. 1914. Т. XXXIII, № 4; 1915. Т. XXXIV, № 1, 2; 1916. Т. XXXV, № 1.

Губкин И.М. Горючие сланцы и нефть в Поволжье // Экон. Жизнь. 1919. 12.10. № 228; 16.10. № 231.

Губкин И.М. Об обводнении нефтяных месторождений Бакинского и Грозненского районов // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1922. № 7–8. С. 362–367.

Губкин И.М. Беседа с корреспондентом // Нефтяной бюллетень, 1926. № 16. С. 2–7.

Губкин И.М. Вступительная статья к «Материалам Ухтинской геологической экспедиции 1929/30 гг.» // Нефтяное хоз-во, 1930. № 8–9. Приложения.

Губкин И.М. Сорвать строительство нефтяной промышленности вредителям не удалось // Известия, 1930. 25 ноября. № 324.

Губкин И.М. К вопросу о рациональной разработке нефтяных месторождений // Нефт. хоз-во. 1930. № 7. С. 12–17.

Губкин И.М. Естественные богатства СССР и их использование. М.–Л.: Соцэргиз, 1931. 64 с. (Доклад на чрезвычайной сессии АН СССР 21–27 июня 1931).

Губкин И.М. Учение о нефти. М.–Л.: ОНТИ, 1932. 443 с.

Губкин И.М. Башкирская нефть, ее значение и перспективы развития. Уфа: Изд. Башгосплана, 1932. 12 с.

Губкин И.М. Геология на службу социализму. М.–Л.: ОНТИ НКТП СССР. 1932. 8 с.

Губкин И.М. Труды ноябрьской юбилейной сессии АН СССР 12–19 ноября 1932 г., посвященной 15-й годовщине Октябрьской революции. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. 42 с.

Губкин И.М. Тектоника юго-восточной части Кавказа в связи с нефтеносностью этой области. М.Л.: ОНТИ, 1934. 52 с.

121. Губкин И.М. О так называемом академике Лузине. «Правда». 15 июля 1936. С. 4.

Губкин И.М. Ленин и наука // Правда, 1937. 21 января.

Губкин И.М. Учение о нефти. М.–Л.: ОНТИ НКТП, 1937. 459 с.

- Губкин И.М. Доверие народа – высшая награда. М.: Соцэкгиз, 1938. 46 с.
- Губкин И.М. За осуществление третьей сталинской пятилетки // Изв. АН СССР. Сер. геол., 1939. № 2. С. 3–6.
- Губкин И.М. Мировые запасы нефти // Труды XVII сессии МГК. Т. 1. М.: 1939. С. 167–178.
- Губкин И.М. Предисловие / Геологическая изученность и минерально-сырьевая база СССР к XVIII съезду ВКП(б). Под общей ред. ак. И.М. Губкина. Редколлегия – А.В. Беспалов (отв. ред.), А.А. Бакиров, А.О. Верчеба, Г.Г. Гудалин и В.В. Когтев. М.–Л., ГОНТИ, 1939. С. 3–8.
- Губкин И.М. К вопросу о генезисе нефтяных месторождений // Труды XVII сессии МГК. Т. 4. М.: ГосНТИ нефт. и горн. топл. лит.-ры. 1940. С. 9–22.
- Губкин И.М. Урало-Волжская нефтеносная область (Второе Баку). Изд. АН СССР. 1940.
- Губкин И.М. Избранные сочинения: в 2 т. / М.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 612 с.
- Губкин И.М. Избранные сочинения: в 2 т. / М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. II. 518 с.
- Губкин И.М. Горная промышленность за десять лет существования Советской власти // Избр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. II. С. 97–119.
- Губкин И.М. Боевые задачи на нефтяном фронте // Избр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. II.
- Губкин И.М. Речь при закрытии геологического совещания по работам на землях треста «Востокнефть» // Избр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. II. С. 435–439.
- Губкин И.М. Горючие ископаемые Кузбасса // Избр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. II. С. 324–340.
- Губкин И.М. Учение о нефти. М.: Наука, 1975. (Изд. 3-е). 384 с.
- Губкин И.М., Ипатьев В.Н., Стрижов И.Н. Нефтепродукты из угля // Торгово-промышленная газета, 1927. 11 января (Интервью).
- Губкин И.М., Николаевский Н.М., Дунаев Ф.Ф., Жаров И.Д. Политика плановой разработки нефтяных месторождений // Труды I Всесоюзного съезда ВНИТО нефтяников. Баку 20–25 августа 1933 г. М.–Л.: Грозный-Новосибирск. Гос.-научно-техн. горн.-геол. нефт. изд.-во. 1934. Вып. 2. С. 5–33.
- Губкин И.М., Киселев С.П. Мировые нефтяные месторождения. 1934 г.
- Губкин И.М. и Федоров С.Ф. Грязевые вулканы Советского Союза и их связь с генезисом нефтяных месторождений Крымско-Кавказской геологической провинции. Изд. Акад. Наук СССР, 1938.
- Губкин И.М. и Федоров С.Ф. Грязевые вулканы Советского Союза и их связь с нефтеносностью // Труды XVII сессии МГК. М.: Гос. науч.-тех. изд. нефт. и горно-топл. лит.-ры. 1940. С. 33–66.
- Двали М.Ф. О гипотезах неорганического происхождения нефти и об оценке перспектив нефтегазоносности с позиций этих гипотез / Труды ВНИГРИ. Вып. 267. Л.: Недра. 1968.
- Дейхман А.А. Об огненном явлении в Бакинской провинции. Горный журнал, 1828, № 2. С. 150–156.
- Дело академика Николая Николаевича Лузина / Отв. ред. С.С. Демидов, Б.В. Левшин/. СПб.: РХГИ, 1999. 312с.
- Доленко Г.Н. Закономерности нефтегазоаккумуляции в земной коре, свидетельств-

- твующие о глубинном происхождении нефти и газа / Происхождение нефти и газа и формирование их промышленных залежей. Киев: Наукова думка. 1971. С. 3–35.
146. Дуткевич Г.А. Самая глубокая скважина на Урале и перспективы глубокой разведки в Верхне-Чусовских городках // Труды НГРИ, серия Б, вып. 40. ОНТИ НКТП СССР. М.–Л.: 1932. Гос. научно-техническое изд.-во. 32 с.
147. Дьяков Б.Ф. Микронепть еще не нефть // Геология нефти и газа, 1988. № 1. С. 33–39.
148. Еремеев П.В. Отчет подполковника Еремеева о занятиях по разысканию месторождений нефти в Казанской, Симбирской и Самарской Губерниях // Горн. журн., 1867. Ч. 1. С. 333–361; 475–496.
149. Еременко Н.А. История науки «Геология нефти». Геология нефти (справочник). Т. 1. Основы геологии нефти (под редакцией Н.А. Еременко). М.: Гостоптехиздат. 1960. С. 3–37.
150. Еременко Н.А. Развитие принципов теории формирования УВ. // Геология нефти и газа, 1984. № 12. С. 18–24.
151. Еременко Н.А. Об О.И. Броне / Воспоминания о И.О. Броне и Н.Б. Вассоевиче (К 100-летию со дня рождения). / Отв. ред. Б.А. Соколов/ М.: ГЕОС, 2002. С. 40–65.
152. Зabloцкий Е.М. «Дело Геолкома» / Репрессированные геологи (Изд. 3-е, испр. и дополн.), 1999. С. 398–403.
153. За единую геологоразведочную службу в СССР (под ред. И.М. Губкина). М.–Л.:ОНТИ. 1938. // Проблемы советской геологии. № 1. С. 7–12.
154. Замена металлических труб цементным раствором при бурении нефтяных скважин // Нефт. и сланц. хоз-во, 1921, № 1–4. С. 199–200.
155. Замятин А.Н. Заметка о признаках нефти в овраге Кур-Сай, близ впадения р. Темира в р. Эмбу (Уральской области, Темирского уезда, урочище Муртук) // Изв. Геолкома. 1913. Т. 32. № 9. С. 861–870.
156. Замятин А.Н. К вопросу об условиях залегания и происхождения нефти в Уральской области // Геол. вестник. Петроград, 1915. Т. 1, № 1. С. 35–38.
157. Замятин А.Н. Приволжский район. Самарское, Сюкеевское и Стерлитамакское месторождения. // Естественные производительные силы России, Петроград, 1918. Т. IV. Вып. 22. С. 144–148.
158. Зоценко М.М. Возвращенная молодость // Избр. произв. в 2 т. Л.: Худ. лит.-ра, 1968. Т. 2. С. 3–164.
159. Иванов А.П. Челекенское месторождение // Нефтяное дело. 1903. №№ 6, 7, 9.
160. Иванчук П.К. и Эвентов Я.С. Нефтяные месторождения Среднего Поволжья. // Труды XVII сессии МГК, Т. 4. М.: ГосНТИ нефт. и горн. топл. лит.-ры., 1940. С. 207.
161. Известия Центрального Бюро и президиума Московского отделения ВАР-НИТСО, 1929. № 1.
162. Ильин С.И. К вопросу об условиях образования нефти в Средней Азии // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1940. № 5. С. 26–34.
163. Индустриализация СССР: Выбор курса // Правда. 1988. 21 октября. № 295 /25647/. С. 3.
164. Калинин М.К. Грязевые вулканы, причины их возникновения, развитие и затухание / Развитие идей академика И.М. Губкина в нефтяной геологии (ред. В.В. Вебер и М.К. Калинин) М.: Недра, 1964. С. 30–54.

- Калинко М.К. Геология нефти и газа / История геологии. М.: Наука, 1973. С. 305–321.
- Калинко М.К. Тайны образования нефти и горючих газов. М.: Недра. 1981. 192 с.
- Калицкий К.П. Грозненский нефтеносный район // Труды Геолкома. – СПб: 1906. Вып. 24.
- Калицкий К.П. Чатминский нефтеносный район // Изв. Геолкома. Т. XXVI. № 3. СПб, 1907.
- Калицкий К.П. О миграции нефти // Изв. Геолкома. Т. XXX. СПб, 1911.
- Калицкий К.П. Нефтяные месторождения Шур-Су и Камыш-Баши (Ферганской области) // Труды Геолкома. нов. сер. Вып. 133. Петроград, 1913. 35 с., илл.
- Калицкий К.П. Риштанское месторождение нефти (Ферганской области) // Труды Геолкома. нов. сер. Вып. 127. Петроград, 1913. 34 с., илл.
- Калицкий К.П. Нефтяная гора (Закаспийской области) // Труды Геолкома. нов. сер. Вып. 95. Петроград, 1914. 78 с., илл.
- Калицкий К.П. В какую фазу геологического цикла происходит образование нефтяных залежей? // Труды Геолкома нов. сер. Петроград: 1916. Вып. 146. 78 с.
- Калицкий К.П. Озокерит или горный воск // Материалы по общей и прикладной геологии. Петроград: Изд. Геолкома. Вып. 5, 1917. 48 с.
- Калицкий К.П. Нефтяное месторождение Сель-рохо Ферганской области // Тр. Геолкома. нов. сер. Вып. 167. Петроград, 1918. 27 с., 7 табл.
- Калицкий К.П. Геология нефти. (Лекции, читанные в Петроградском нефтяном институте). / Серия редакции «Нефтяное и сланцевое хозяйство». Пг. 1921. 223 с.
- Калицкий К.П. О нефтяных месторождениях типа Майкопской «рукавообразной» залежи // Нефт. и сланц. хоз-во. 1925. Т. VIII. № 3. С. 446–455.
- Калицкий К.П. Перспективы Чимионского нефтяного промысла // Изв. Геолкома, 1926. Т. XLV. С. 13–21, илл.
- Калицкий К.П. Самашкинский нефтеносный район // Труды НГРИ, сер. А. Вып. 3. 1931.
- Калицкий К.П. Происхождение и условия залегания Ферганской нефти. ОНТИ, 1936.
- Калицкий К.П. Фациальные особенности шнурковых залежей нефти // Труды НГРИ, нов. сер. Вып. 5. Л.–М.: Гостоптехиздат, 1939. 43 с.
- Калицкий К.П. Нефтяные месторождения Среднеазиатских республик // Труды XVII сессии МГК, Т. 4. М.: ГосНТИ нефт. и горн. топл. лит.-ры, 1940. С. 422.
183. Калицкий К.П. Научные основы поисков нефти. М.–Л.: Гостоптехиздат, 1944. 241 с.
- Кантор Ю.З. Война и мир Михаила Тухачевского. М.: Издательский дом «Огонек»; «Время», 2005. 576 с., илл. (Серия «Диалог»).
- Ковалевский С.А. Грязевые вулканы Восточного Закавказья // Азерб. нефт. хоз-во, 1927, № 6–12.
- Ковалевский С.А. О генезисе грязевых вулканов Восточного Закавказья // Азерб. нефт. хоз-во, 1928, № 1 (73). С. 27–34; № 2 (74). С. 31–39.
- Конторович А.Э. Осадочно-миграционная теория нафтидогенеза. Состояние на рубеже XX и XXI вв., пути дальнейшего развития // Геология нефти и газа, 1998. № 10. С. 8–16.
- Коншин А.М. Отчёт об исследовании нефтяных месторождений Закубанского

- края и Таманского полуострова // Материалы для геологии Кавказа. 1888. Сер. 2. Кн. 2. С. 79–210, илл.
- Коншин А.М. Геологическое описание Грозненской нефтяной площади и нефтяных месторождений Терской области и Каспийского побережья. Тифлис: Изд. Управления горной частью Кавказского края, 1892. С. 57–59.
- Коншин А.М. Исследование орогеологического строения Черноморского побережья // Материалы для геологии Кавказа. 1896.
- Коншин А.М. Описание разработки нефтяных месторождений в Северной Америке и сравнительные условия добычи нефти на Кавказе. // Материалы к геологии Кавказа. Т. VIII. Кавказское горное управление. Тифлис. 1896.
- Коншин А.М. О степени благонадежности Майкопского нефтяного района (Замечания А.М. Коншина по поводу доклада Е.М. Юшкина о Майкопском нефтяном месторождении) // Труды ТО ИРТО. Грозный, 1909. Вып. II. С. 28–36.
- Косыгин А.И. Новый фонтан в Майкопском районе // Нефт. бюлл. 1923. № 6. С. 4–5.
- Косыгин А.И. О подсчетах запасов нефти месторождений Бакинского района // Нефт. хоз-во, 1926. № 2.
- Косыгин А.И. Иван Михайлович Губкин (К 35-летию научно-педагогической и общественной деятельности) // Нефт. хоз-во, 1927. № 2. С. 163–167.
- Косыгин А.И. Разведка нефтяных и газовых месторождений. ОНТИ, 1933.
- Косыгин А.И. Классификация нефтяных и газовых месторождений по величине пластового давления. // Межд. геол. конгресс XVII. ОНТИ НКТП СССР, 1937.
- Кошкуль Ф. Месторождения нефти Закубанского края и Таманского полуострова // Горный журнал, 1865. № 7. С. 73–95; № 8. С. 195–210.
- Краткий очерк научной деятельности И.О. Брода / Р.С. Безбородов, Л.А. Гольденберг, В.Г. Левинсон, Д.В. Несмеянов, Л.А. Польстер / Геология и нефтегазоносность юга СССР (Кавказ). Л.: Гостоптехиздат, 1963. (Труды НИЛНЕФТЕГАЗ. Вып. 9). С. 5–36.
- Краюшкин В.А. Абиогенно-мантыйный генезис нефти. Киев, Наукова думка, 1984. 176 с.
- Кремс А.Я. Анализ практики разработки нефтяных месторождений Бакинского района // Азерб. нефт. хоз-во, 1933, № 6–7.
- Кремс А.Я. Анализ практики разработки нефтяных месторождений Бакинского района / Плановая разработка нефтяных месторождений. Труды I Всесоюзного съезда ВНИТО нефтяников. Баку 20–25 августа 1933 г. М.–Л.: Грозный-Новосибирск. Гос.-научно-техн. горн.-геол. нефт. изд.-во. 1934. Вып. 2.
- Кремс А.Я. Вопросы формирования залежей нефти и газа. Гостоптехиздат, 1954. 259 с.
- Кремс А.Я. Поиски и разведка залежей нефти и газа (творческие и практические основы). Гостоптехиздат, 1959.
- Кремс А.Я. История советской геологии нефти и газа (научно-исторические очерки). Л.: Недра, 1964. 379 с.
- Крейчи-Граф К. Основные вопросы нефтяной геологии / М.–Л.: ОНТИ, 1934. 264 с.
- Кривоносов Ю.И. Партийная группа академиков АН СССР – роль в решении академических проблем в тридцатые годы двадцатого века. // Институт истории естествознания науки и техники (ИИЕТ) им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2002. – М.: Диполь-Т, 2002. С. 168–169.

Кривоносов Ю.И. Партийные органы и формирование кадровой политики в сфере науки (двадцатые–восемидесятые годы двадцатого века). // Годичная научная конференция ИИЕТ РАН, 2003. М.: Диполь-Т, 2003. С. 173–176.

Кривоносов Ю.И. Академические выборы: два конфликта с властью с разницей в 38 лет. // Годичная научная конференция ИИЕТ РАН, 2004. М.: Диполь-Т, 2004. С. 167–170.

Кротова В.А. От редактора / Материалы по советской нефтяной геологии (Сб. статей, посвященный 90-летию со дня рождения И.М. Губкина). М.: Госгеолтехиздат, 1963. С. 3–4.

Крылов А.П., Глоговский Н.М., Мирчинк М.Ф., Николаевский Н.М., Чарный И.А. Научные основы разработки нефтяных месторождений. М.–Л.: Гостоптехиздат, 1948, 415 с.

Кудрявцев Н.А. Нефтяные месторождения Грузинской ССР // Труды XVII сессии МГК. Т. 4. М.: ГосНТИ нефть и горн. топл. лит.-ры., 1940. С. 107–116.

Кудрявцев Н.А. Сравнительная оценка перспективных в нефтеносном отношении районов Сибири и ближайшие задачи поисковых и разведочных работ / Перспективы нефтеносности Западной Сибири (геологическое строение и проблемы возможной нефтеносности). М.: 1948. С. 279–297.

Кудрявцев Н.А. Против органической гипотезы происхождения нефти // Нефтяное хозяйство. 1951. № 9. С. 17–24.

Кудрявцев Н.А. Материалы дискуссии по проблеме происхождения и миграции нефти / Киев, 1955. С. 71.

Кудрявцев Н.А. О книге А.Я. Кремса «Вопросы формирования залежей нефти и газа» (Гостоптехиздат, М.–Л., 1954. 259 с.) / Геология и геохимия. Л.: ВНИГРИ, Гостоптехиздат, 1957. Вып. 1 (VII). С. 248–254.

Кудрявцев Н.А. О книге А.В. Ульянова и Г.А. Хельквиста «Геология нефтяных и газовых месторождений» // Геология и геохимия. (Тр. ВНИГРИ, НТО нефтяников, доклады и статьи). Л.: Гостоптехиздат. 1958. Вып. 2. (VIII). С. 411–418.

Кудрявцев Н.А. Проблема миграции нефти и формирования нефтяных и газовых скоплений / Материалы Львовской дискуссии 8–12 мая 1957 г. М.: Гостоптехиздат. 1959. 423 с.

Кудрявцев Н.А. Глубинные разломы и нефтяные месторождения. Тр. ВНИГРИ, 1963, вып. 215.

Кудрявцев Н.А. Генезис нефти и газа / Л.: Недра, 1973. 216 с.

Кумок Я.Н. Губкин. М.: Молодая гвардия. 1968. ЖЗЛ. Серия биографий. Вып. 23. 288 с.

Л.А.М. Калигула // Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. XIV. СПб, 1895. С. 25.

Лазарев П.П. Курская магнитная и гравитационная аномалия // Соч. М.–Л.: Изд-во АН СССР. 1950. Т. III (геофизика). С. 11–50.

Ларина-Бухарина А.М. Незабываемое. М.: Изд-во «Вагриус». 2002. 444 с.

Лебедев Н.И. Геологический очерк нефтяных месторождений Апшеронского полуострова. Изд. ТПОПК, Баку, 1899.

Лебедев Н.И. Обзор нефтеносных площадей Апшеронского полуострова. // Нефтяное дело. № 1, 1899.

Леворсен А. Геология нефти и газа / (Пер. с англ.). М.: Мир. 1970. 639 с.

Максимов С.М. Губкин И.М. // Горная энциклопедия. М.: Изд-во Сов. энциклопедия. 1986. Т. 2. С. 195–196.

Материалы методического совещания работников научно-исследовательских лабораторий геологоразведочных организаций. Л.: ВНИГРИ, 1957. 397 с.

Материалы по советской нефтяной геологии. М.: Госгеолтехиздат, 1963. 218 с.

Материалы Ухтинской юбилейной научно-технической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения основоположника советской нефтяной геологии академика И.М. Губкина / Сыктывкар, Коми кн. изд-во. 1972. 87 с.

Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность в Северо-Американском штате Пенсильвания и на Кавказе // Соч. Изд-во АН СССР Л.–М.: 1949. Т. X. С. 17–244.

Мессинева М.А. Обзор современных взглядов на происхождение нефти / Происхождение нефти и природного газа. М.: изд-во ЦИМТНефти. 1947.

Методика поисково-разведочных работ на нефть и газ. / Сост. и ред. В.А. Долицкий, Е.Ф. Фролов, Н.А. Еременко / М.: Недра, 1964. С. 703–735.

Милановский Е.Е. и Хаин В.Е. Геологическое строение Кавказа. М.: Изд-во МГУ, 1963. 357 с. (Очерки регион. геологии СССР, вып. 8. Ред. М.В. Муратов).

Миронов С.И. Уральский нефтеносный район и условия его развития // Нефтяное и сланцевое хоз-во. № 1–3. 1920.

Мирчинк М.Ф. Общие замечания по геоморфологии Апшеронского полуострова // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1922. № 4–5.

Мирчинк М.Ф. К вопросам тектоники Апшеронского полуострова. 1923.

Мирчинк М.Ф. Производственные перспективы V пласта Биби-Эйбата. Изд. ГРБ Азнефти, 1928.

Мирчинк М.Ф. Курс геологии нефтяных месторождений СССР. 1931.

Мирчинк М.Ф. К вопросам генезиса продуктивной толщи // АНХ № 1, 1925; № 1, 3, 10, 1928; № 2, 1932.

Мирчинк М.Ф. Геологические исследования в северной и юго-восточной частях планшета 1–3 (Кемишдаг) кабристанских пастбищ. // Труды ГРК Азнефти, вып. 1, 1933.

Мирчинк М.Ф. Несколько слов о строении Юнусдагской горы. // АНХ № 11–12, 1933.

Мирчинк М.Ф. Обзор геологического строения Апшеронского полуострова. Труды АзФАН СССР, вып. VI, 1934.

Мирчинк М.Ф. Тектонические проблемы Юго-Восточного Кавказа. Труды Азерб. нефт. геол.-разв. треста, в. 11. 1935.

Мирчинк М.Ф. Нефтяные месторождения Азербайджана. АзГОНТИ, 1939.

Мирчинк М.Ф. Нефтепромысловая геология. М.–Л.: Гос. научн. техн. изд-во нефть и горн. топл. лит.-ры, 1946. 699 с.

Мирчинк М.Ф. И.М. Губкин – основоположник советской нефтяной геологической науки // Нефт. хоз-во, 1953. № 6. С. 35–41.

Мирчинк М.Ф., Гаврилов Я.В. Нефтепромысловая геология. 1934, 1939.

Мирчинк М.Ф., Дмитриев Е.Я., Поминов А.Г., Ясенов Б.П. Геологическое строение и нефтеносность Прикаспийского района. Труды Азерб. нефт. геол.-разв. треста, в. 8. 1934.

Михайловский Г.П. Несколько соображений о происхождении кавказской нефти // Изв. Геолкома., 1906. Т. XXV. № 6, С. 319–358.

Мишунина З.А., Вебер В.В., Алферов Б.А., Акрамходжаев А.М., Бабаев А.Г. Труды К.П. Калицкого и их практическое и теоретическое значение / Методы изучения коллекторов нефти и газа и их покровы. Л.: ВНИГРИ. 1974. (Тр. ВНИГРИ. Вып. 351). С. 8–26.

Наливкин В.Д. Тектоническое строение платформенного чехла Западно-Сибирской плиты / Материалы по Советской нефтяной геологии. – М.: Госгеолтехиздат. 1963. С. 81–105.

Н.-К. Майкопский нефтеносный район: Рецензия на работу И.М. Губкина. // Нефтяное дело. 1912. № 21. С. 27.

Научное наследие академика И.М. Губкина в нефтяной геологии Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 87 с.

Неручев С.Г. Нефтепроизводящие свиты и миграция нефти. Изд. 2-е., доп. и испр. Л.: Недра, 1969.

Несмеянов Д.В., Безбородов Р.С. О поперечном разломе в южном Дагестане // Геология и нефтегазоносность юга СССР (Кавказ). Л.: Гостоптехиздат, 1963. С. 114–120. (Труды НИЛНЕФТЕГАЗ, вып. 9).

Нефтяные и газовые месторождения СССР. Справочник в двух книгах / под ред. С.П. Максимова/ Книга первая Европейская часть СССР, М.: Недра, 1987. 358 с., илл.

Нефтяные и газовые месторождения СССР. Справочник в двух книгах / под ред. С.П. Максимова/ Книга вторая Азиатская часть СССР, М.: Недра, 1987. 303 с., илл.

Нефтяные месторождения Азербайджана / Коллектив геологов Азнефтеразведки // Труды XVII сессии МГК, Т. 4. М.: ГосНТИ нефт. и горн. топл. лит.-ры, 1940. С. 117–139.

Нефтегазозведочное дело в СССР (Беседа с председателем Совета нефтяной промышленности, проф. И.М. Губкиным) // Нефт. бюлл., 1926, № 16. С. 2–7.

Нехорошев В.П. Владимир Клементьевич Котульский // Выдающиеся советские геологи. Очерки по истории геологических знаний. Л.: Наука. 1978. Вып. 19. С. 160–175.

«Нужна реальная нефть...» (Стенограмма заседания Коллегии Наркомнефти СССР 28 марта 1942 г.) // Ветераны: из истории развития нефтяной и газовой промышленности. Вып. 21. М.: ЗАО «Изд-во «Нефтяное хозяйство», 2008. С. 16–41.

Ованесов Г.П., Буялов Н.И. Основные этапы развития нефтедобывающей промышленности СССР. Серия нефтегазовая геология и геофизика. М.: ВНИИОЭНГ, 1977. 69 с. (тематические научно-технические обзоры).

Ожегов С.И. Словарь русского языка (ок. 57 000 слов). Изд. 12-е, стереотип. Под ред. д-ра филолог. наук проф. Н.Ю. Шведовой. М., «Русский язык», 1978. 846 с.

Отчет МГА за 1921/22 уч. год // Вестник МГА, 1922. № 2. С. 271–317.

Организация нефтеразведки // Нефт. бюлл., 1926, № 8. С. 6.

Орел В.М., Кривоносов Ю.И. Академик Бухарин – роль в преобразовании Академии наук (1929–1936). К 70-летию института истории науки и техники. // Годичная научная конференция ИИЕТ РАН, 2002. М.: Диполь-Т, 2002. С. 67–79.

О результатах геологоразведочных работ. 1933, с. 32.

Отказ от организации нефтегазозведочного треста // Нефт. бюлл. 1926. № 23. С. 12.

Павлов А.П. Самарская Лука и Жегули (геол. исследования // Тр. Геол. Ком. Т. 2 № 5. СПб.: 1887. 63 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. 1–3, СПб, 1773–88 (1769).

Панфилов И. Династия геологов Косыгиных // Нефтяник, 1983. № 8. С. 44–46; № 10. С. 44–46.

Перспективы нефтеносности Западной Сибири (геологическое строение и перспективы возможной нефтегазоносности) / Коровин М.К., Кудрявцев Н.А., Степанов Д.Л. и др. (ред. Н.А. Кудрявцев). М.–Л.: Госгеолтехиздат, 1948.

Перчёнок Ф.Ф. Дело Академии наук // Природа. 1991. № 4. С. 96–104.

Перчёнок Ф.Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. С. 201–235.

Порфирьев В.Б. Основные факторы нефтеобразования // Изв. АН СССР, (сер. геол.) 1939. № 3. С. 84–102.

Потанов И.И. Апшеронская нефтеносная область. Геологическая характеристика. Баку: Изд-во АН АзССР, 1954. 539 с.

Прутула Ю.А. Перспективы нефтегазоносности Восточной Сибири / Материалы по советской нефтяной геологии. М.: Госгеолтехиздат, 1963. С. 149–163 (Сборник статей к 90-летию со дня рождения И.М. Губкина).

Проблемы геологии нефти и газа / Под ред. В.Д. Наливкина, П.К. Иванчука, М.Ф. Двали. Л.: Недра. 1979, 254 с. (Мингео СССР, ВНИГРИ).

Прокопов К.А. Природные газы в северо-западной части Северного Кавказа 1933.

Протокол общего собрания Терского отделения Императорского Русского Технического общества в г. Грозном, 17 ноября 1912 г. // Грозный, 1913. Труды ТО ИРТО. Вып. 1. С. 161–163.

Процесс «Промпартии» (25 ноября – 7 декабря 1930 г.). Стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу / М.: ОГИЗ Советское законодательство, 1931. 541 с.

50 лет советской геологии / М.: Недра. 1968. 420 с.

Репрессированные геологи. Биографические материалы. М.–СПб., 1995. 210 с. (Изд. 2-е).

Репрессированные геологи. Гл. ред. В.П. Орлов. Отв. редакторы Л.П. Беляков, Е.М. Заблоцкий. М.–СПб.: (МНР РФ, ВСЕГЕИ, РосГео). 1999, 452 с. (Изд. 3-е).

Розанов А.Н. Следует ли искать нефть в пределах Русской равнины и где именно? // Нефт. хоз-во, 1928. № 11–12. С. 603–606.

Романовский Г.Д. Нефть, асфальт и горючие сланцы волжских берегов // Горн. журн., 1864. Ч. IV. С. 421–424.

Романовский Г.Д. О самарских нефтяных источниках, каменноугольной почве Стерлитамакского уезда и о некоторых новых открытиях в северо-восточной части Оренбургского края // Зап. ИМО, 1868. Ч. III. Сер. 2.

Романовский С.И. Петербургская /1897 г./ и Московская /1937 г./ сессии Международного геологического конгресса // Советская геология, 1984. № 7. С. 119–124.

Романовский С.Г. Наука под гнетом Российской истории. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 344 с.

Ростовцев Н.Н., Нестеров И.И. Поиски и разведка нефтяных и газовых месторождений в Западно-Сибирской низменности / Методика поисково-разведочных работ на нефть и газ [Сост. и ред. В.А. Долицкий, Е.Ф. Фролов, Н.А. Еременко]. М.: Недра, 1964. С. 782–823.

Рябинин А.Н. О геологических исследованиях в некоторых нефтеносных местностях Сигнахского уезда Тифлиской губернии по левую сторону реки Иоры // Изв. Геолкома, 1903. Т. XXII. № 3. С. 163–228.

Рябинин А.Н. К изучению геологического строения Кахетинского хребта // Тр. Геолкома. нов. сер. Вып. 69. СПб., 1911. 98 с.

Рябинин А.Н. Геологические исследования в Ширакской степи и ее окрестностях // Тр. Геолкома. нов. сер. Вып. 93. 1913.

Рябухин Г.Е. Прогнозы академика И.М. Губкина о нефтегазоносности Восточной Сибири и претворение их в жизнь / Научное наследие академика И.М. Губкина в нефтяной геологии Сибири. Новосибирск: Наука, 1980, с. 40–48.

Самсонов Ю.В., Каламаров Л.В. Член-корреспондент Академии наук СССР М.И. Варенцов (1902–1977): Серия «Выдающиеся ученые РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина». Вып. 41. М.: Нефть и газ, 1999. 40 с.

Сафронов Е. Первый руководитель советской нефтяной промышленности // Нефтяник. 1981. № 11. С. 25–27.

Сенюков В.М. Река Толба и ее нефтеносность, 1934.

Сенюков В.М. Теоретические основания районирования Русской платформы в отношении перспектив нефтеносности и газоносности // Нефт. хоз-во, 1945. № 10. С. 28–34.

Сергеев А. За марксистско-ленинскую методологию в анализе важнейших проблем советской нефтепромышленности // Нефт. хоз-во. 1930. № 6. С. 891–892.

Смирнов В.И. К истории классификации запасов минерального сырья // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 9. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 148–165.

Сойфер В. Ленин и интеллигенция // Проблемы Восточной Европы. Вашингтон, 1990. С. 240–274.

Соколов Б.А., Хаин В.Е. Геофлюидодинамическая модель нефтегазообразования в осадочных бассейнах / Геодинамическая эволюция и нефтегазоносность осадочных бассейнов. М.: Наука, 1997. С. 5–9.

Соколов В.А. Очерки генезиса нефти. Гостоптехиздат, 1948.

Соколов В.А. Черное золото. Воениздат, 1953.

Соколов В.А. Нефть. М.: Недра, 1970. 384 с.

Соколов И.П. Поиски и разведка нефтяных и газовых месторождений в Ферганской впадине / Методика поисково-разведочных работ на нефть и газ / Сост. и ред. В.А. Долицкий, Е.Ф. Фролов, Н.А. Еременко / М.: Недра, 1964. С. 703–735.

Солнцева О.А. Меня можно назвать неудачником / Дорогами надежд и сомнений. История поисков месторождений нефти и газа в Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции. Сборник статей и воспоминаний. Ухта: ГФПУ «Ухтанефтегазгеология», 2000. С. 355–376.

Соловьев Ю.А. «Дату смерти знает только МВД». Дмитрий Иванович Мушкетов // ВИЕТ, 2001. № 2. С. 75–92.

Соловьев Ю.А., Хомизури Г.П., Бессуднова З.А. Отечественные члены-корреспонденты Российской академии наук XVIII – начала XXI века: геология и горные науки. М.: Наука, 2007. 607 с.

Сорокин Г.Л. О Майкопском нефтяном районе // Доклад на общем собрании ТО ИРТО в г. Грозном 17 ноября 1912 г. (Труды ТО ИРТО за 1913 год). Грозный, 1913. Вып. 1. С. 1–20.

Социалистическое строительство и ВАРНИТСО // Известия Центрального Бюро и президиума Московского отделения ВАРНИТСО, 1929. № 1.

Спасский Н.Л., Крайцов А.Г. Роль питомцев горного института в создании и развитии Геолкома // Изв. вузов. Геология и разведка. 1983. № 4. С. 131–133.

Справочник по нефтяному делу. Ч. II. 1925.

Стрижов И.Н. Коренный вопрос нефтепромышленности // Русская мысль, 1900. кн. VIII. С. 105–123.

Стрижов И.Н. Изучение третичных слоев Кавказа // Записки Кавк. отд. Импер. Русск. Геогр. О-ва. Тифлис, 1904. Т. XXVI. (Отд. оттиск 33 с.).

Стрижов И.Н. О запасах нефти Грозненского нефтяного месторождения // Грозненский торгово-промыш. бюл. 1905. № 135. С. 2, № 139. С. 1, № 140. С. 1, № 141. С. 2.

Стрижов И.Н. Новые данные по геологии Грозненского нефтяного месторождения / Отзыв о книге К.П. Калицкого «Грозненский нефтеносный район» // Труды ТО ИРТО за 1908 г. Грозный, 1908. Вып. 1. С. 10–40.

Стрижов И.Н. Признаки благонадежности нефтяных месторождений на Кавказе // Сб. Трудов ТО ИРТО за 1909 г. Грозный, 1909. Вып. 2. С. 37–48.

Стрижов И.Н. К вопросу об основах рациональной организации государственной нефтяной промышленности // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1922. № 1–4. С. 3–10.

Стрижов И.Н. Проект правил об охране нефтяных месторождений от затопления водой, обязательных к исполнению на нефтяных промыслах // Нефт. хоз-во. 1922. № 7–8. С. 368–372.

Стрижов И.Н. Задачи Грозного // Нефтяное и сланцевое хоз-во. 1923. № 3. С. 374–401.

Стрижов И.Н. Методы разработки нефтяных месторождений // Грозн. нефт. хоз-во. 1923. № 3–4. С. 63–68.

Стрижов И.Н. Проект разработки нефтяных месторождений // Нефтяное и сланцевое хоз-во. 1923. № 6. Приложение 11. С. 3–11.

Стрижов И.Н. Промышленное строительство и новые месторождения нефти // Торгово-промышленная газета, 1927. 15 января. № 64.

Стрижов И.Н. Надо искать нефть в новых местах // Торгово-промышленная газета. 1928. 15 июля.

Стрижов И.Н. Американские нефтеперегонные заводы // Нефтяное изд-во, 1929. 439 с.

Тетяев М.М., Аржекаев С.А. и др. ЦНИГРИ во втором пятилетии. Тезисы ЦНИГРИ / М.–Л.: 1932. С. 9.

Тихомиров В.В. Геолого-тектонические представления и практическая деятельность русских горных инженеров в начале второй четверти XIX в. // Изв. АН СССР, сер. геол. 1951, № 4.

Тихонович Н.Н. «Уральский нефтеносный район: Кой-Кара, Иман-Кара, Кизил-Куль». Труды Геолкома, нов. сер. Вып. 119. Петроград: 1915. 114 с.

Тихонович Н.Н. Уральский нефтеносный район. Естеств. производит. силы России. Т. 4, вып. 22. Изд. Кепс. 1918. С. 100–139.

Тихонович Н.Н. Всесоюзное совещание по вопросам охраны и рационального использования нефтяных недр // Нефт. хоз-во. 1925. № 11–12. С. 902–913.

Тихонович Н.Н. Как искать нефть в новых местах // Торгово-промышленная газета. 1928. 28 июля.

Тихонович Н.Н. Девонские отложения Русской платформы и Приуралья. М., Гостоптехиздат, 1951.

Тихонович Н.Н., Миронов С.И. Уральский нефтеносный район. Лист: Магат, Бяули, Чингильды // Труды Геолкома, нов. сер. Вып. 105. Петроград: 1914. 89 с., илл.

Томас Дж. Э. Достоверные запасы нефти в США // Труды XVII сессии МГК, Т. 4. М.: ГосНТИ нефт. и горн. топл. лит-ры., 1940. С. 279–282.

Трофимук А.А. Нефтеносность палеозоя Башкирии. М.: Гостоптехиздат, 1950. 248 с.

Трофимук А.А. Урало-Поволжье – Новая нефтяная база СССР. М.: Гостоптехиздат, 1957. 280 с.

Трофимук А.А. И.М. Губкин – ученый, государственный деятель, основоположник советской нефтяной геологии (к 90-летию со дня рождения) // Геология нефти и газа, 1961. № 10. С. 36–42.

Успенская Н.Ю. Перспективы нефтеносности Нижней Волги и Калмыцких степей // Труды XVII сессии МГК. Т. 4. М.: ГосНТИ нефт. и горн. топл. лит-ры, 1940. С. 201–205.

Федоров С.Ф. Грязевые вулканы Крымско-Кавказской нефтеносной области. Информ. Сб. НГРИ, 1934.

Федоров А.Н. Словарь по нефтяной геологии / Под ред. К.А. Прокопова / Л.–М.: ОНТИ НКТП СССР, 1934. 211 с.

Федоров С.Ф. Грязевые вулканы Крымско-Кавказской геологической провинции и диапиризм / Результаты исследования грязевых вулканов. Изд. Акад. Наук СССР, 1939.

Федоров С.Ф. Результаты исследования грязевых вулканов Крымско-Кавказской нефтеносной области. Сб. трудов сотр. ин-та горюч. ископ. Изд. Акад. Наук СССР, 1939.

Федоров С.Ф. Нефтяные месторождения Советского Союза. М.–Л.: Госнаучтехиздат нефтяной и горно-топл. лит-ры. 1939. 536 с.

Федоров С.Ф. Очерки по истории геологии нефти. М.: АН СССР, 1953. 76 с.

Федоров С.Ф., Сулин В.А., Шумидин С.В. Нефтяные месторождения Советского Союза. М.–Л.: ОНТИ НКТП, 1935. 523 с.

Федоров С.Ф., Сулин В.А., Авдусин П.П., Левенсон В.Э. Факторы сравнительной оценки нефтеносности зон грязевых вулканов. Реф. Сборник. Отд. техн. наук. Акад. Наук СССР за 1940.

Хаин В.Е. Взгляды И.М. Губкина на тектонику Азербайджана и их развитие в трудах азербайджанских геологов / Памяти академика И.М. Губкина. М.: изд-во АН СССР, 1951. С. 24–39.

Хаин В.Е. Геотектонические основы поисков нефти. Баку: Азнефтеиздат, 1954. 692 с.

Хаин В.Е., Соколов Б.А. И.О. Брод и Н.Б. Вассоевич – лидеры отечественной нефтегазовой геологии середины XX века / Воспоминания о И.О. Броде и Н.Б. Вассоевиче (К 100-летию со дня рождения). / Отв. Ред. Б.А. Соколов / М.: ГЕОС, 2002. С. 5–12.

Хельквист Г.А. Геологическое строение зональных залежей нефти / М.–Л.: Гостоптехиздат. 1946. 43 с.

Хомизури Г.П. Фёдоров Сергей Филиппович (1896–1970) / Отечественные члены-корреспонденты Российской Академии наук XVIII – начала XXI вв. Геология и горные науки. Отв. ред. Ю.Я. Соловьев. М.: Наука, 2008.

Хроника // Нефтяное и сланцевое хозяйство, 1921, № 1–4. С. 199–200.

Чарноцкий С.И. Геологические исследования Кубанского нефтеносного района. Лист Нефтяно-Ширванский // Труды Геолкома. Новая серия. СПб, 1909. Вып. 47.

Чарноцкий С.И. К вопросу об эксплуатации второстепенных месторождений нефти на Кавказе // Поверхность и недра. 1917. Т. 2. № 2-3. С. 11–12.

Чарноцкий С.И., Губкин И.М. Отчет о разведочных работах на Нефтяно-Ширванской нефтеносной площади // Изв. Геолкома. 1910. Т. 29. № 1. С. 1–36.

Чернов Г.А. Борьба за нефть в Большеземельской тундре. М.: ИПКОН РАН, 1996, 185 с.

Чернов Г.А. Печорский край – судьба моя (по запискам геолога). М.: Научный мир, 2002. С. 328–334.

Шатский Н.С. Тектоническая брекчия и грязевые вулканы в Азербайджане. Труды III Всес. съезда геол. 20–26 сент. 1928. Вып. II. Ташкент, 1930.

Шатский Н.С. Андрей Дмитриевич Архангельский (1879–1940). М.: МОИП, 1944. 60 с.

Шатский Н.С. Очерки тектоники Волго-Уральской нефтеносной области и смежной части западного склона Южного Урала. Материалы к познанию геологического строения СССР. БМОИП, нов. сер., вып. 2 (6). 1945.

Шатский Н.С. Геологическое строение восточной части Черных гор и нефтяные месторождения Миатлы и Дылым (Северный Дагестан) / Избр. труды. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. С. 115–331.

Шатский Н.С. О природе грязевых вулканов // Избранные труды. Т. III (Геологические формации и осадочные полезные ископаемые). М.: Наука, 1965. С. 329–346.

Шатский Н.С. Первоочередные задачи в области истории геологии // Избр. труды. Т. IV. М.: Наука, 1965. С. 336–337.

Шатский Н.С., Меннер В.В. О стратиграфии палеогена Восточного Кавказа // Бюлл. МОИП. Отд. Геол. 1927. Т. 5. № 1.

Шатский Н.С., Янишин А.Л. Портреты геологов / М.: Наука. 1986. 304 с.

Шахновский И.М. Происхождение нефтяных углеводородов. М.: ГЕОС, 2001. 72 с.

Щербаков Д.И. Из истории КЕПС. Воспоминания о В.И. Вернадском / (Очерки по истории геологических знаний). М.: Изд-во АН СССР, 1963. Вып. 2. С. 34–45.

Юшкин Е.М. Майкопское нефтяное месторождение // Труды ТО ИРТО Грозный, 1909. Вып. II. С. 1–27.

Юшкин Е.М. Майкоп и иностранцы // Труды ТО ИРТО. Грозный. 1910. Вып. 4. С. 55–63.

Юшкин Е.М. Статистические сведения о Майкопских нефтяных промыслах // Труды ТО ИРТО за 1913 г. Грозный, 1913. Вып. 1. С. 154–156, табл.

Языков В.А. О работе центрального научно-исследовательского геологоразведочного института / Труды I Всесоюзной научно-исследовательской геологоразведочной конференции. Л. – М.: 1935. С. 16–21.

Яковлев Н.Н. Воспоминания геолога-палеонтолога / М.: Наука. 1965. 87 с.

Hufer H. Das Erdöl und seine Verwandten 1906 г.

Mrazec L. Über die Bildung der rumänischen Petroleumlagerstätten. Congres international du petrole, III session, Bucarest, 1907. Compte-rendu, t. II, Memoires, pp. 80–134 (напечатано в 1910 году).

Sjögren H. Preliminära meddelanden fran de Kaukasiska naftafälten. P-I- Ofversigt af Apscherons Geologi. P. II. De tektoniska för hallandena pa halfön Apscheron. Meddelanden fran Upsala universitets mineralogisk-geologiska institution. 1891, 1892.

Strigeoff I.N. Russian system of field development // Oil and Gaz Journ, 1928, t. 26, 46, pp. 67, 84, 86, 89.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Аникиев К.А. Кудрявцев в моей памяти / Сборник воспоминаний под ред. З.Л. Маймин. Л.: ВНИГРИ, 1981. Фонды ВНИГРИ.

Губкин И.М. (личное дело) Архив РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина. Опись № 1. Ед. хр. № 518. 78 л.

Ильин Р.С. Докладная записка руководству Западно-Сибирского геологоразведочного треста о нефтеносности Западной Сибири. 1932, 12 мая.

Ильин Р.С. К проблеме сибирской нефти, 1935. 9 с. (ТГФ ЗСГГТ, Томская, Омская обл.).

Ильин Р.С. За сибирскую нефть. 1935, 53 с. (КГУ, Томская, Омская, Новосибирская, Тюменская, Кемеровская обл., Красноярский край).

Калицкая В.П. Жизнь и труды К.П. Калицкого. Л.: ВНИИ Наркомнефти, 1945. Архив отдела истории геологии Гос. геол. музея им. В.И. Вернадского РАН.

Кудрявцев Н.А. Состояние геологоразведочных работ Ухтижемлага на нефть и газ вне эксплуатационных площадей и их дальнейшие задачи и перспективы / Материалы по организации геолого-топографической службы Ухтпечлага. Ухта, 1939. С. 45–89. Архив ПГО «Ухтанефтегазгеология».

Материалы по организации геолого-топографической службы Ухтижемлага НКВД. Часть II. Отчет бригады ГУЛАГа о командировке /сентябрь-декабрь месяцы 1938 г./ и замечания по отчету бригады геологов Ухтижемлага. Ухта, 1939. 203 с. Архив ПГО «Ухтанефтегазгеология».

Стрижов И.Н. Вымский район (отчет о геологических исследованиях, произведенных осенью 1932-го). 1933. 127 с. (Архив ПГО «Ухтанефтегазгеология»).

Стрижов И.Н. Поиски нефти в Сибири. Канск, 1938. 234 с. (Фонды ВНИГРИ).

Стрижов И.Н. Юго-западная часть Средне-Сибирской платформы, ее геологическое строение и вопрос о нефтеносности. Канск, 1939. 88 с. (Фонды ВНИГРИ).

Стрижов И.Н. Автобиография. М.: 1943. (Архив ГАНГ, а. Оп. 2. Д. 1784. Л. 2–10).

Тезисы к докладу на совещании 13 января 1939 года в Главгеологии в Москве под председательством ак. И.М. Губкина по вопросу о поисках нефти в Сибири. М.: 1939. (Фонд ВНИГРИ).

Тихонович Н.Н. Автобиография / Личное дело. Архив МВД г. Ухта.

Тихонович Н.Н. Ответ на заключение Комиссии ГУЛАГа о геологоразведочных работах Ухтпечлага / Материалы по организации геолого-топографической службы Ухтпечлага. Ухта, 1939. Архив ПГО «Ухтанефтегазгеология».

ИЗ НАСЛЕДИЯ И.М. ГУБКИНА

Горючие сланцы и нефть в Поволжье

(Экон. жизнь, 1919, 12.10. № 228; 16.10. № 231).

По инициативе гл. нефтяного комитета в прошлом году была организована геологическая экспедиция с целью исследования горючих сланцев в районе Симбирска.

Экспедиция ставила себе более широкую задачу – произвести разведку горючих сланцев в двух районах: Симбирском и Сызранском. Но разведка в Сызрани не могла быть выполнена вследствие занятия этого района чехословаками; пришлось ограничиться только симбирским районом, условия разведки которого были крайне неблагоприятны. Экспедиция выехала, когда Казань была еще в пределах Советской России. Потом, когда партия выехала на место работ, район был занят чехословаками, так что экспедиция все время работала за фронтом. Партия произвела на реках Волге и Свияге ряд расчисток, которые были потом инструментально засняты и связаны нивелирной съемкой, что послужило основой для подсчета запасов горючих сланцев в исследуемом районе.

По самым скромным подсчетам, этот запас определяется в 25 миллиардов пудов на площади в 100 кв. верст.

По окончании работ партия вывезла из Симбирского района около 400 п. горючего сланца в Москву, где он подвергся исследованиям с целью определения его химических свойств, а затем и практического его значения как исходного материала для получения путем сухой перегонки нефтяных продуктов. В осташковской лаборатории исследованы были пробы пяти пластов, причем было обнаружено, что выход смолы со сланцев колеблется от 9 до 10%. Несколько точнее было произведено исследование других проб сланцев из общего количества 50 пуд, причем получались более благоприятные результаты. Выход смолы из ундорских сланцев, по данным послонных опытов, определяется в общем в 20%, не глядя на ...комитет строя свои расчеты не на этом благоприятном выходе смолы, а допуская как минимум выход смолы только в 10%. Им не учитываются при этом весьма благоприятные результаты исследований в экспериментальном институте. Согласно этим исследованиям выход смолы из сланца достигал лишь 5–6% или при пересчете на сухое вещество до 9%. Кроме того, ...установлено, что в сланце содержится до 2,6% серы. Нужно заметить, что эти не совсем благоприятные

данные относятся к одному первому пласту ундорского месторождения; кроме того, нужно принять во внимание не вполне благоприятную постановку опыта в отношении достижения более высоких температур при перегонке. Тем не менее мы учитываем эти данные и строим расчеты, исходя из 10% содержания самого сланца. И в этом случае при громадном запасе в 25 миллиардов пудов сланцы получают громадное практическое значение.

Экспедицией Бутова было установлено, что условия залегания сланцев представляют большие удобства для разработки: путем заложения штолен в берега Волги можно легко развить добычу в широком масштабе, если позволяют организационные силы и средства.

Принимая во внимание все это и не вдаваясь в дальнейшие детальные исследования сланцев главсланец решил приступить к разработке волжских сланцев в широком масштабе. Им была организована весной этого года горно-геологическая экспедиция. Основной задачей экспедиции было приступить к разработке горючих сланцев в Ундорах. Когда экспедиция находилась еще в подготовительном периоде, совершенно неожиданно выплыл новый вопрос о Сюкеевском месторождении, замечательным своими выходами на значительном протяжении битуминозного доломита. Главный сланцевый комитет предложил президиуму ВСНХ взять и это дело в свои руки и провести исследование Сюкеевского месторождения, поскольку все представляет практический интерес в отношении исследования битуминозной породы в качестве топлива или же как исходного материала для получения нефтяных продуктов путем сухой перегонки. Таким образом, перед главсланцевым комитетом стояло уже две задачи. Ввиду того, что по обстоятельствам военного времени в прошлом году не было произведено исследование в сызранском районе, перед главным сланцевым комитетом стала еще и третья задача вместо производства детальных геологических работ в Кашпурском районе, возле гор. Сызрани.

По приезде на место работы комиссия главсланца застала там дело в следующем положении: по береговому обрыву Волги на расстоянии 9 верст было произведено до 20 расчисток, которыми был вскрыт битуминозный пласт. Это дало возможность выяснить условия залегания пласта, его мощность, равную приблизительно 3 саж. и характер его битуминозности. Оказалось, что пласт обнаруживает признаки битуминозности на протяжении почти 9 верст. Даже те места, которые кажутся совершенно белыми, после удара молотком обнаруживают свою битуминозную природу: под белой корой выветривания в свежем изломе обнаруживается темно-бурая окраска и сильный запах нефти. Так как основной задачей по отношению к Сюкееву являлось исследование битуминозного пласта как топлива и как исходного материала для получения из него нефтяных продуктов, то еще до отъезда в Москву были высланы его пробы, направленные главсланцем в осташкинскую лабораторию, где они подверглись перегонке и дали выход 5–6%-ного

жидкого продукта. Подобный результат нас же вполне удовлетворил, так как мы ждали, что выход жидких продуктов будет около 15–20%. Возможно, что и в других, наиболее пропитанных битумом местах этот пласт и даст такой выход, но средняя проба дала только такой незначительный выход.

Тогда комиссия главн. сланцевого комитета решила, что сюкеевское месторождение не должно служить центром работ экспедиции, но вместе с тем постановила не прекращать здесь работ, оставляя небольшую партию для выработки 50–60 куб. битуминозной породы в наиболее благоприятных местах для производства опытов в более широком масштабе. Центром работ являлись таким образом Ундоры.

Осмотревши Ундорское месторождение, решено было выбрать походным пунктом работ по очистной добыче сланца место прошлогодних. Однако это место для развития работ в широком масштабе было недостаточно. Нужен был другой пункт, откуда можно бы развить работы навстречу буровским штольням и увеличить таким образом выемочное поле. Приблизительно в 700 саж. от штольни Бутова есть овраг, в котором на определенной высоте над уровнем Волги должны были залегать горючие сланцы, которые действительно и были обнаружены там. В этом овраге была произведена предварительная расчистка, показавшая, что сланцы находятся в коренном залегании. Исходя из этого обстоятельства был выработан план разработки у этого места путем заложения ряда штолен, которые предложено было сбить со штольнями бутовского бугра. Развивая одновременно работы в этих двух местах, мы получаем большое выемочное поле, с которого можно очень быстро взять несколько миллионов пудов сланца, причем в случае надобности работы здесь могут быть форсированы, насколько позволяют средства и силы. По установлению первоначальных заданий по расчистке бутовской штольни и соседнего оврага, комиссия главн. Сланцевого комитета отправилась в Кашпурский район, расположенный в 18 верстах от Сызрани вниз по Волге. Здесь была уже произведена топографическая съемка и совершен геологический осмотр местности путем рекогносцировочных прогонов в сторону от береговой полосы, что дало возможность составить хотя бы приблизительное представление о площади распространения сланцев.

Хотя о запасах полезного ископаемого в Кашпурском районе сейчас ничего определенного сказать нельзя, так как не произвести даже достаточно числа разведочных работ, которые дали бы фактическое обоснование для этого, однако можно предположительно принять, что запасы эти не менее запасов ундорского месторождения, т. е. (они) эти могут быть исчислены приблизительно в 20–25 миллиардов пудов. Что касается качества кашпурских сланцев, то они будут выше ундорских, причем сера, вызывающая наибольшее опасение, констатирована только в первом пласту. Таким образом, предварительный осмотр района открыл новые... Перспективы: по отношению к Кашпуру ставилась задача только выяснения запасов полезного ископае-

мого, и не предполагалось, что здесь можно будет немедленно приступить к работам по очистной добыче. Между тем предварительные изыскания установили возможность немедленного приступа к работе, воспользовавшись удобным залеганием сланца на берегу Волги, в районе селения Кашпура, где имеется две штольни длиной до 20 саж. каждая. Устойчивость пород здесь совершенно обеспечена, а поэтому к очистным работам можно приступить сейчас же без риска.

Решено было для начала работ воспользоваться этими двумя штольнями и начать очистную добычу из них. Одна из этих штолен проведена в 1914 году, следовательно, стоит около четырех лет, а другая будто бы проведена чехословаками, которые вынимали из нее горючий сланец для своих нужд. На берегу Волги видны сожженные штабели сланца. Эти факты указывают на то, что жители пользуются сланцем как топливом, сжигая его в печах. Но как местное топливо сланец имеет два неудобства: во-первых, разогреваясь он дает много газа, который сгорает в высоких частях дымоходов, в большинстве случаев дырявых и представляющих большую опасность в пожарном отношении, во-вторых, он очень сильно нагревает подовую часть печи, которая требует предварительной поливки водой прежде, чем на ней можно печь хлеб.

После обследования прибрежной полосы возле Кашпура, основным недостатком которой является то, что сланцы здесь залегают на слишком низком уровне от Волги и заливаются во время талой воды, была совершена посадка внутрь берега по направлению к селу Марьевка через Поварочейку, в котором в обоих берегах реки Кубры найдены выходы горючего сланца. Здесь условия залегания сланца таковы, что их можно добывать открытыми работами, при которых можно брать и фосфориты, залегающие в кровле сланценой толщи. При подземных работах штольнями, по крайней мере, в основных выработках, брать фосфориты не предлагается, так как они представляют очень устойчивую кровлю. Около Марьевки сланценовая толща выклинивается и практического интереса для разработки пока представлять не может. В настоящее время можно было бы в кашпурском районе организовать работы в таком же широком масштабе, как и в Ундорах.

После всего этого обследования был поднят вопрос о выработке плана приступа к разработке месторождения. Было предложено два плана разработки. Оба плана по своему существу оказались тождественны и отличались только характером приступа к работе и деталями. По первому плану при...

* * *

По отношению к Сюкееву геологический к-т еще в прошлом году поднял вопрос об его исследовании, для чего было дано специальное поручение одному из его геологов. Сакмарские нефтяные месторождения были включены в программу этого года и не были выполнены исключительно по военным

обстоятельствам. И комиссией главсланца, как только стало ясно, что битуминозный доломит сам по себе не представляет промышленного интереса, был выдвинут вопрос об освещении Сюкеева как нефтяного месторождения. Вопрос был поставлен таким образом: если битуминозный доломит и связанные с ним факты выходов густой черной нефти не представляют интереса в отношении его непосредственной разработки и (в) использования, то та ... которую он (представляет) как пласт, налитанный нефтью, возбуждает к нему глубокий интерес.

Объективные признаки, которые заставляют с большим интересом говорить о Сюкееве, следующие: в районе Сюкеева обнаружен пласт нефтенасыщенного плотного доломита мощностью около трех сажен, обнаруживающий на всем протяжении признаки не только битуминозные, но и нефтеносности. По (на) берегу Волги признаки нефтеносности прослежены на протяжении девяти верст. Степень насыщения пласта весьма разнообразна. Есть места, где из него высачивается вместе с водою черная густая нефть. В таких местах пласт представляется окрашенным в черный цвет. В других местах окраска пласта темно-бурая и нижние насыщенные части пласта представляются коричневыми. Получается представление о распределении битума в этом пласте пятнами разных размеров. Наибольшие проявления признаков нефтеносности приурочены к отдельным местам. Например, максимальное количество их наблюдается в районе Долгой Поляны в пещере, где густая нефть стекает из стенок и по трещинам в кровле пещеры. Другим местом богатым признаками нефтеносности пласта является Сюкеевский свод (вход), где на значительном протяжении пласт является окрашенным черной нефтью. Если поставить себе вопрос, отчего зависит такое неравномерное распределение нефти в пласте, прежде всего придется обратить внимание на самый характер пласта и на условия его залегания. Пласт этот очень плотного сложения, но неоднороден по своему составу, в нем есть участки более плотного сложения и менее плотного. По-видимому, большая степень пропитанности приурочена к менее плотным участкам, а также к тем местам, где развита в пласте наиболее густая трещиноватость.

Совокупность наблюдаемых признаков нефтеносности в связи с литологическим характером пласта и условиями его залегания выдвинули вопрос о первичном или вторичном залегании нефти в пласте. Не только для нас, геологов, этот вопрос имеет громадное значение, но и правильное разрешение его может иметь большое практическое значение.

В самом деле, если нефть в без...ном залегании доломита находится в нормальном залегании, то сюкеевское месторождение в практическом отношении ничего не стоит, так как из плотного камня, каким является доломит, никакой нефти не получить, и тогда на всем деле нужно поставить крест. Если же стать на точку зрения, что в доломите нефть находится во вторичном залегании, тогда к Сюкееву отношение меняется, так как здесь возни-

кает ряд предположений, из которых наиболее важным будет, что нефть в пласт откуда-то пришла. Следовательно, пласт получает значение как показатель существования где-то внизу залежи нефти, являющейся по отношению к нему первопричиной (первичной). В сюкеевском месторождении под первым битуминозным доломитом залегает мощный пласт в 5–6 сажен гипса, под которым лежит новый битуминозный пласт, менее плотный, чем верхний. Следовательно битуминозность верхнего пласта может быть поставлена в причинную связь с более нижним пластом. Но и по отношению к этому пласту может быть поставлен тот же вопрос о первичном и вторичном залегании в нем нефти.

Имеется разрез буровой скважины, которая была пробурена возле урочища Долгой Поляны и известна под именем «Плита». В различных местах ее были встречены признаки нефтеносности в виде запаха нефти в породах, и эти признаки в скважине наблюдались до глубины 90 саж. Правда, скважина жидкой нефти не получила, но факты, обнаруженные в связи с другими признаками нефтеносности, являются совершенно достаточными, чтобы сказать, что месторождение представляет интерес в разведочном отношении. Возникает естественный вопрос, можем ли мы рассчитывать встретить нефть на глубине. На это мы должны сказать – пока неизвестно. Этот вопрос может быть только решен глубоким бурением, скважиной заложеной с целью разведки.

Учтя всю сумму вышеизложенных признаков, государство должно идти на справедливый риск. Оно должно стать на точку зрения желательности окончательно выяснить этот вопрос. Но правильный ответ на него может получиться лишь при усилении правильного выбора места для скважины. Если заложить буровую скважину просто случайно, то не только не решить поставленного вопроса, но он будет еще более затемнен. В практике нефтяного дела таких примеров много. Мы знаем историю разведки Бинагадов, Сураханов, богатейших нефтяных месторождений Апшеронского полуострова, не оцененных по достоинству в течение десятков лет. При благоприятных условиях разведки в ... может быть выявлен новый нефтяной район, который будет иметь мировое значение.

Однако где же эту нефть следует искать? Я остановлюсь на геологической стороне вопроса. Битуминозный пласт доломита в Сюкееве подчинен среднему отделу пермской системы. Он лежит несколько ниже красноцветной толщи, известной под именем татарского яруса, относящегося к верхнему отделу той же системы, и наблюдаемой в правом берегу Волги на значительном расстоянии между Нижним Новгородом и Казанью. Третий нижний отдел пермской системы сложен тоже красноцветными породами мергелями, глинами и песчаниками. Между этими двумя красноцветными толщами залегает свита, известная под именем русского цехштейна, представленная известняками, доломитами, гипсами. Эта свита, к которой приурочены про-

слои нефти не только в Сюкееве, но и в других местах, по своему петрографическому свойству не может являться благоприятной в качестве коллектора (собирателя нефти). Скважина «Плита» шла как раз по этой свите и жидкой нефти не встретила. Значит, следующая свита, где надлежит искать нефть, это нижний отдел пермской системы, в составе которого есть песчаники, могущие быть коллекторами нефти. Сюкеево, где этот нижний отдел залегает на более или менее значительной глубине, представляет наиболее интересное место для разведки в нефтеносном отношении этого отдела. Глубина залегания этого отдела колеблется между 150–200 саж.

Если здесь не будет встречена нефть, придется углубиться в породы каменноугольной системы и даже, может быть, пройти их на более или менее значительную глубину. Исходя из этих соображений нужно закладывать глубокую скважину. Технически является вполне возможным провести скважину до глубины 400–500 саж., а при канатном способе бурения даже до шестисот сажен.

Для всего этого нужен серьезный подход к работе, нужна государственная точка зрения, нужна большая поддержка. Исходя из всего вышесказанного мы решили действовать следующим образом.

В районе Сюкеевского месторождения мы произведем, прежде всего, топографическую съемку. Выше было указано, что максимальное проявление нефтеносности в Сюкеевском районе приурочено, по-видимому, к тектоническим нарушениям залегания слоев. Чтобы убедиться в непреложности этого факта, необходима детальная геологическая съемка Сюкеевского месторождения. Мы надеемся, что в ближайшее время эта задача будет выполнена, а тогда уже решим, где наиболее целесообразно заложить эту буровую скважину. Предстоящей осенью и зимой мы должны будем заняться подготовкой к буровым работам, чтобы будущей весной приступить к ним. Если подготовительные работы будут окончены раньше, можно и зимой приступить к работам.

Вот какой план намечается в отношении к Сюкееву.

Сорвать строительство нефтяной промышленности вредителям не удалось

(Известия, 1930, 25 ноября, № 324)

Вредительство в своем развитии прошло несколько стадий. Первоначальной стадией этого вредительства нужно считать, так сказать, элементарное вредительство, т.е. вредительство непосредственно на предприятии путем нарушения производственных процессов, нарушений правильного их функционирования, путем порчи определенных механизмов, путем неиспользования оборудования, в особенности заграничного и т. д. Эти черты элементарного вредительства с особенной резкостью выразились в шахтинском

процессе. Но и в шахтинском процессе выявляются признаки более высокой степени вредительства, когда оно уже начинает охватывать целые организации вроде Донугля.

И вот, когда вредительство перешло в более высокую стадию и из рамок предприятия стало расширяться по целой отрасли производства, единоличных вредителей стало недостаточно. Потребовалась определенная организованность, создание определенных вредительских гнезд. Создается уже целая вредительская организация по линии отрасли производства. Эта сторона деятельности, по-моему, тоже выявилась на шахтинском процессе, где мы имели дело с вредительской организацией в пределах громадного крупного производства, а вредительские акты уже переносились на всю промышленность.

Когда вредительство перешло на подобную ступень, тут уже элементарные приемы вредительства, элементарная организация стала уже недостаточной, и вредители перешли к плановому образу действия, к вредительству планового порядка. На этой высокой ступени вредительства они стараются захватить такие основные наши центры хозяйственной жизни, как ВСНХ, в целях овладения всей нашей промышленностью, и Госплан – в целях вредительского планирования всего народного хозяйства. Отсюда уже начинается плановое вредительство большого масштаба.

Вредители сами раскрыли, в чем состояла их, так сказать, методология вредительства. Они хотели произвести дискредитацию планирования, т.е. способствовать усилению одних отраслей промышленности, создать разрыв с другими отраслями хозяйства; в одно место бросить очень много, а в другое – дать минимальное количество сил и средств. Эта хозяйственная диспропорция должна была в конечном счете привести к разрыву всей промышленной деятельности и подготовить такое состояние, когда бы можно было нас взять голыми руками. Момент создания организованного вредительства приурочивается приблизительно к 1925–1926 годам, когда у нас были особенно обострены отношения с Польшей. Вредители тогда уже надеялись путем вредительских актов вывести из строя Донбасс или нефтяную промышленность, в момент интервенции – и транспорт, т.е. этим они достигли бы приостановки не только всей жизни страны, а главным образом приостановки передвижения наших войск к границам.

С 1928-го по 1930 г. вредительская деятельность расширилась, и в сферу этой деятельности вовлекаются новые группы интеллигенции.

Что же касается нефтяной промышленности, то у вредителей была определенная задача – сорвать развитие нефтяной промышленности и сделать его невозможным именно в тех темпах и в тех заданиях, какие намечались партией и правительством.

Вредители прежде всего постарались урезать нашу пятилетку. Дело в том, что наша пятилетка съездом Советов в отношении добычи нефти была

принята приблизительно в размерах 22–23 млн. тонн, причем этот план был принят после очень большой борьбы, потому что первоначальные сметки вредительской пятилетки гораздо ниже – около 16–17 млн. тонн. Эти 23 млн. т были буквально вырваны у планирующих органов. Теперь же получается, что мы выполняем нашу пятилетку в 2,5–3 года, причем даем нефти не 23 млн. т, как намечал съезд Советов на 1932–33 г., а 25 млн. в 1931 г.

Таким образом, вредительская пятилетка выполнена в два года, пятилетка съезда советов и даже несколько увеличенная будет выполнена в 2–3 года. А сейчас мы имеем совершенно новую пятилетку, намеченную правительством, – 46 млн. т, т.е. в два раза больше пятилетки съезда Советов. Вот такие темпы способна развить наша нефтяная промышленность, и какие темпы предлагали вредители.

Каким же способом вредители добивались замедления наших темпов? Все это делалось главным образом под предлогом необходимости колоссальных, капитальных затрат и невозможности взять у страны достаточно средств, а мы между тем сейчас выполняем повышенные задания, не требуя особых капиталовложений в нефтяную промышленность.

Кроме **вредительства в планировании** нефтяной промышленности в ней имелись еще два места, по которым они хотели ударить, это **разведка** нефтяных месторождений и **вовлечение в эксплуатацию новых** районов. С одной стороны, они кричали, что разведки нужно вести, что разведки нужно форсировать, а на самом деле разведки стояли на одном месте.

Самым ярким поборником таких разведок на словах был один из видных вредителей Стрижов, возглавлявший нефтяную секцию «Промпартии». Он постоянно кричал о необходимости разведок в самых больших масштабах. А ведь он был старшим директором всей нефтяной промышленности, он был председателем научно-технического совета нефтяной промышленности.

Что же мы видим во время управления им нефтяной промышленностью, во время его постоянных криков о необходимости разведок в больших масштабах?

Одно время все разведки были законсервированы по крайней мере на 6 мес. Приведу еще два характерных примера о разведках в Грозненском районе. Приезжаю я однажды в район горы Малгобек. Там бурилась скважина № 5. Спрашиваю: «Какой глубины скважина?». Мне сообщают: глубина такая-то. Цифру я отмечаю в своей записной книжке. На ту же скважину я приезжаю ровно через год и спрашиваю снова, какая глубина теперь. Мне рабочий называет ту же цифру. Когда я удивился, что в течение года не прошли ни одного фута, ни одного метра, мне на это ответили: «Мы полгода стояли, а затем инструмент сломался, и так прошел год». На другой скважине в районе Али-Юрта мне называли глубину меньшую, чем была в предыдущем году. Я спрашиваю, чем это объясняется, мне говорят: «В старой скважине остался инструмент, смяло трубы, мы ее оставили и начали бурить новую».

Или возьмем такой пример: скважина приблизительно в 400 м, которая в Америке бурится месяц-два, да которую и мы уже можем бурить в этот срок, такая скважина бурится до 5 лет. Получается, что проходка в среднем составляет 20 сантиметров в день.

Один из вредителей объясняет эту методику таким образом: «Мы не смогли ставить разведку скважин в заведомо неправильных местах, потому что центр нас все время контролировал, и безграмотно заложенная скважина могла бы обратить на нас внимание. Поэтому мы скважины закладывали в местах надлежащих, правильных. Зато способ бурения скважин старались проводить таким образом, чтобы разведки фактически не было».

Сейчас, когда нам приходится выполнять задания партии и правительства о добыче к концу пятилетки 40 млн. тонн, – налицо действительно чрезвычайное напряжение в разведочной работе. Сейчас действительно требуется большое число станков, заграничного оборудования и проч. Все это нужно выполнить в течение ближайших 2–3 лет.

Это по линии разведки новых площадей, но, по-видимому, той же политики они держались и при разработке нижележащих горизонтов. Дело в том, что мы эксплуатируем некоторые определенные нефтяные пласты, у нас имеются старые месторождения, где совершенно не тронуты нижележащие пласты. Чтобы их ввести в эксплуатацию, их нужно разведать, дойти до них, обнаружить их нефтеносность и площадь ее распространения, а затем уже организовать массовую разработку. Вот здесь намечается несомненный прорыв, потому что некоторые месторождения, как, например, Сураханское, Бибиэйбатское, оказались в этом отношении малоподготовленными. К счастью, благодаря Сураханскому прорыву, мы сумели вовремя заметить и захватить и вовремя внести определенные коррективы и надеемся, что по этой линии, пожалуй, значительного прорыва не будет. Также предательская политика велась и в остальных частях нефтяной промышленности.

Например, сейчас со строительством заводов – узкое место. Строительство заводов не поспевает за развитием нашей добычи, и мы имеем в этом направлении чрезвычайно напряженное положение. Например, в вопросе с крекингами вредители, без сомнения, поработали на совесть, в этом никакого сомнения нет. Они все время кричали о необходимости крекинг-заводов, много об этом писали, а на самом деле крекинговое строительство сдали таким фирмам, которые к крекингам промышленного характера никакого отношения не имели.

Постановка опытов с крекингами тормозилась до последней степени. Мы, например, пробовали реализовать процесс крекингования по методу инженера Шухова в ползаводской обстановке. Но мы не могли добиться получения субсидии в 35 тыс. рублей. Мы должны были кланяться таким руководителям, как Стрижов, и нам под тем или иным предлогом отказывали в этих деньгах. Или – нам нужно было, например, исправить на заводе котел, и

на это тратились такие сроки, которые выходили за всякие пределы здравого рассудка и смысла.

Думаю, что и в других отраслях нефтяного дела была та же самая методология. Но понятно, им сорвать наше строительство, опирающееся на миллионные массы, не удалось. Они нам нанесли большой вред, но вместе с тем они нас многому и научили, — они показали нам наши недостатки, и я уверен, что причиненный вред мы сумеем быстро исправить.

Что новая пятилетка будет выполнена, в этом я не сомневаюсь нисколько. Вся проделанная нами работа до сих пор в области разведки месторождений открывает нам богатые перспективы. Например, Бенойское месторождение указывает, что в Грозненском районе нефть можно искать на большом пространстве Черных гор. При этих условиях приобретают особое значение и Сунженский, и Терский хребты.

Кроме того, сейчас у нас намечается чрезвычайно интересный район, это — Ширакская степь, 120 км к востоку от Тифлиса. Так что пятилетка — задача партии и правительства по новым районам — будет выполнена во что бы то ни стало.

Для меня понятно то колоссальное возмущение, которое проявляют теперь огромные массы рабочих и трудящихся, то глубокое возмущение, которое проявляют к вредителям истинные представители науки, ибо мы имеем здесь дело с совершенно неслыханным предательством, низкой позорной изменой и лакейским пресмыкательством перед международным капиталом.

Академик И.М. Губкин

О так называемом академике Лузине

«Правда». 15 июля 1936 г. С. 4

Большой круг научных сотрудников, профессоров и академиков собрался в одной из аудиторий института органической химии для обсуждения статей «Правды» об академике Лузине и о традициях раболепия перед Западной Европой.

Все выступления с полным единодушием и страстностью клеймили двурушническое и вредительское поведение Лузина.

Подводя итоги собранию, с острой речью, часто прерывающейся аплодисментами, выступал академик И.М. Губкин:

Чувство глубокого негодования и отвращения вызывает в каждом из нас так называемый академик Лузин. Никаких обстоятельств, смягчающих его вину, нет. Это враг в маске благожелательного советского гражданина. Мы должны быть теперь бесконечно более бдительны. Враг не решается больше выступать в открытую, лоб в лоб. Формы классово-борьбы изменились, враг маскируется, но действует он с прежней непримиримостью.

Так начал свою речь академик Губкин.

Он проанализировал поведение Лузина, он изобличил его в постоянном лицемерии, в скрытом двурушничестве.

Лузин аттестовывал в весьма похвальных выражениях наших молодых научных работников и исподтишка издевался над ними. В кругу своих приятелей он воровато шептал о всеобщей бездарности, о некультурности и научной посредственности всех тех молодых работников, которых он сам официально аттестовал с самой лучшей стороны. «Во всей стране, — говорил он, — имеется, может быть, только два-три человека, достойных звания доктора». Злость, бесстыдство, наглость подобного огульного охаивания молодых научных работников вовсе не нуждается в разоблачении.

— Откуда же это пренебрежение к советской науке и к советским научным работникам? — спрашивает далее И.М. Губкин.

— Какими побуждениями руководствуется так называемый академик Лузин, когда нагло клеветает на нас? Разве не ясно, что это — побуждение врага?

— Мы отлично знаем, что нигде, ни в одной стране никакое правительство не оказывало столько внимания и столько забот науке и ее представителям. Нам не надо далеко ходить за примерами. Вот здание, в котором мы находимся. Это великолепное и обширное здание института построено только в наше время советской властью. Справа и слева от нас, на большом протяжении, расположились 8 других научно-исследовательских институтов по самым различным отраслям знания. Советская наука успешно конкурирует с самыми передовыми странами капиталистического мира, и бесстыдные, позорные, двурушнические выступления наших врагов в маске благожелательного советского гражданина вызовут у нас негодующий решительный отпор.

Вторую и заключительную часть своей речи академик И.М. Губкин посвятил «раболепию» перед границей, этому массовому явлению среди советских научных работников, и советскому патриотизму.

Сила традиции, сила многолетних репутаций велика у нас. Даже дрянной кусок мыла мы будем доверчиво считать превосходным, если на обертке сказано, что мыло это сработано в Париже. Надо, чтобы советские научные работники прониклись глубоким чувством собственного достоинства. Русский язык до сих пор не является полноправным языком на международной научной арене. Это наша вина. Мы услужливо торопимся переводить свои труды на иностранные языки. В таком раболепии перед границей мы спешим прежде опубликовать свои труды в Германии, во Франции, в Англии, а уже потом у себя на Родине. «Правда» справедливо высказалась об этом униженном и недостойном советского гражданина раболепии. Мы не отказываемся от постоянного обмена с иностранной научной мыслью. Но мы можем и должны заставить считать русский язык и научные труды, изложенные на языке нашей великой родины, такими же полноправными, как английские

и немецкие. У нас плохо работают научные издательства. Это наша общая вина. И преодолеть эту беду вовсе не так трудно.

Заканчивая свою речь, академик Губкин под громкие аплодисменты собрания сказал:

— В наших научных трудах воплощена великая мысль, великая идея помощи строящемуся социализму. Уже выстроено великолепное, чудесное здание социализма, в чем советская наука и советские научные работники сыграли немаловажную роль. Тем с большим негодованием мы отвергаем грязную хулу врага. Советская интеллигенция уже не по принуждению, не по обязанности, а по глубокому и страстному убеждению работает вместе с рабочими и крестьянами великой родины социализма.

Акад. **И.М. Губкин**

За осуществление третьей сталинской пятилетки

(Публикуется по тексту: Изв. АН СССР. Сер. геол., 1939. № 2. С. 3–6)

Вся страна, весь многомиллионный великий советский народ, с чувством огромного подъема и энтузиазма встретили решения Восемнадцатого съезда Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

Осуществив в основном первую фазу коммунизма — социализм, наша родина вступила «в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму» [Резолюция XVIII съезда ВКП (б)].

Велики, грандиозны победы на всех участках социалистического строительства, достигнутые трудящимися СССР под руководством Коммунистической партии, под водительством гениального стратега, вождя и любимого учителя Иосифа Виссарионовича Сталина.

Еще более грандиозные задачи поставлены перед нами планом третьей сталинской пятилетки.

Глава Советского Правительства — Председатель СНК СССР В. Молотов в своем докладе на XVIII съезде ВКП (б) с исчерпывающей полнотой нарисовал те огромные социальные и экономические сдвиги, которые произойдут в нашей стране за годы третьего пятилетия.

В дальнейшей борьбе за экономическую независимость нашей родины, в дальнейшей борьбе за осуществление лозунга догнать и перегнать также и в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединенные Штаты Америки мы должны еще более показать образцы нашей организованности, нашей сплоченности и преданности великому делу Ленина — Сталина.

В свете общих задач третьего пятилетнего плана отчетливо выявляется ответственная и почетная роль геологической службы страны. За период со-

ветской власти мы имеем бесспорные достижения в деле открытия, изучения и освоения минеральных богатств. По ряду главнейших ископаемых Союз Советских Социалистических Республик занимает первое место в мире. Однако не во всем и не везде дело у нас обстоит благополучно.

Географическое размещение промышленности в основном сконцентрировано в нескольких экономически мощных районах. Развитие новых индустриальных центров, развитие тяжелой промышленности на наших окраинах и особенно на Дальнем Востоке, развитие местных отраслей промышленности и т.п. в целом ряде случаев лимитируется имеющимися недостатками в организации дела геологического изучения страны. Эти недостатки главным образом сводились к гигантомании, к поискам и разведке обязательно «мировых» месторождений, к игнорированию сырьевой базы местного значения, к неравномерной и в ряде случаев экономически нерациональной концентрации геологических работ в пунктах, не имеющих актуального народно-хозяйственного значения. В результате, имея в валовом измерении огромные запасы полезных ископаемых, мы продолжаем загружать транспорт переброской сырьевых ресурсов и промышленного полупродукта на значительные расстояния, тем самым удорожая стоимость готовой продукции.

План третьей сталинской пятилетки предусматривает, «что в размещении нового строительства в третьей пятилетке по районам СССР необходимо исходить из приближения промышленности к источникам сырья и районам потребления в целях ликвидации нерациональных и чрезмерно дальних перевозок, а также — дальнейшего подъема в прошлом экономически отсталых районов СССР».

Третий пятилетний план конкретно указывает те основные направления в работе геологических организаций, которые должны явиться узловыми и генеральными задачами всех геологических учреждений страны. Остановимся на наиболее важных из них.

В области угольной промышленности план предусматривает необходимость обеспечения наиболее высоких темпов добычи углей в угольных районах Урала, Подмосковского бассейна, на Дальнем Востоке и в Средней Азии, а также создания новых баз добычи местных углей во всех районах страны, где имеются хотя бы небольшие месторождения. Надо прямо сказать, что этим объектам в прошлой практике геологических учреждений мы уделяли явно недостаточно внимания. Мы обязаны немедленно по-большевистски включиться в детальное изучение уже известных месторождений из числа перечисленных и в самом срочном порядке подготовить их промышленное освоение. Одновременно мы обязаны раз и навсегда покончить с чванливым отношением к вопросу изучения местных топливных ресурсов и уделять последним самое серьезное внимание.

Организуя всестороннее комплексное изучение каменноугольных месторождений Союза, мы тем самым облегчим выполнение второй ответственной задачи третьего пятилетия — развертывание подземной газификации углей.

План третьего пятилетия имеет в виду создание в районе между Волгой и Уралом новой нефтяной базы – «Второе Баку». В практическом разрешении этой проблемы мы имеем серьезные достижения, но наряду с этим мы должны признать и наши крупные недостатки. Еще далеко не все геологические учреждения страны осознали всю важность поставленной задачи; некоторые из них до последнего времени продолжали стоять в стороне. В первую очередь этот упрек следует отнести к научным геологическим организациям и в частности к Академии Наук СССР. В разрешении вопроса создания «Второго Баку» еще не чувствуется руководящей роли научной мысли, работники-практики в основном предоставлены самим себе, а отсюда неизбежные в таких случаях ошибки и медлительность. Научной геологической общественности следует повернуться лицом к проблеме «Второго Баку» и, используя новейшие достижения теории в сочетании с необходимым производственным риском, оказать реальную помощь работникам практики.

Наряду с особой постоянной заботой об увеличении производственных мощностей черная металлургия в третьем пятилетии идет под лозунгом пятилетки специальных сталей. Этот лозунг обязывает наших геологов к интенсивному и тщательному минералого-химическому изучению месторождений железных руд, с одной стороны, и поискам и изучению месторождений, содержащих легирующие элементы, – с другой. Опыт подобного рода изучения хотя бы халиловских руд указывает на огромные потенциальные возможности, которыми мы обладаем в части развития качественной металлургии. Этот опыт должен быть всемерно расширен. Производство нужных стране специальных сталей должно быть полностью обеспечено надежной в качественном и количественном отношении сырьевой базой.

Не менее важной задачей является обеспечение сырьевой базой черной металлургии Дальнего Востока. До сего времени этому вопросу мы уделяли еще далеко недостаточное внимание. Большие валовые цифры запасов железных руд и каменного угля на Дальнем Востоке еще не решают конкретно поставленной задачи. Необходимо уточнить наши знания этих месторождений и подготовить их к бесперебойной промышленной эксплуатации.

Гигантский рост производства цветных металлов, особенно в части меди, алюминия, свинца, цинка, никеля, олова, магния, вольфрама и молибдена в свою очередь выдвигает перед советскими геологами целый ряд важнейших задач. Разрешение их должно идти в двух направлениях: с одной стороны, мы должны более хозяйственно и целесообразно использовать известные месторождения, не допуская больших потерь, что, к сожалению, еще имеет место; с другой, – развить поиски и разведки новых месторождений. И здесь мы должны учесть наши ошибки в прошлом: в погоне за месторождениями-гигантами мы игнорировали менее богатые рудные залежи, а в результате создавалось напряженное состояние с сырьевой базой. Наконец, пора практически, не на словах, а на деле осуществить неоднократные указания о комплексном изучении и освоении минерально-сырьевых ресурсов и не до-

пускать такого положения, когда, благодаря ведомственной ограниченности, большие массы ценных компонентов шли в отвалы. Научным геологическим учреждениям здесь есть над чем поработать.

Крупные капиталовложения, запланированные в части нового строительства, сами по себе говорят об огромных масштабах потребления массовых строительных материалов. Уроки прошлого неоднократно указывали нам, что недостаточно внимательное отношение к этим видам минерального сырья не только удорожает строительство, но и нередко ставит крупнейшие стройки под угрозу непосредственного срыва.

Наша страна обладает колоссальнейшими запасами самых разнообразных строительных материалов; географическое размещение их самое благоприятное. И при всем при этом мы практически нередко испытываем весьма серьезные перебои в снабжении наших строек нужными видами и в нужном количестве строительными материалами.

Что же лежит в основе этого, парадоксального, на первый взгляд, положения? Как и в ряде других аналогичных случаев, огромные геологические запасы психологически демобилизовали геологов, изучение стройматериалов шло «исподволь», и результаты оказались довольно плачевными. Взять хотя бы для примера нашу цементную промышленность. Разве можно признать нормальной существующую практику, когда Сибирь и Средняя Азия завозят цемент из Европейской части СССР, имея на собственной территории огромные запасы первоклассного цементного сырья?

В резолюции XVIII съезда ВКП (б) по докладу тов. В. Молотова прямо указано: «Прекратить завоз цемента из Европейской части СССР в восточные районы и республики Средней Азии, для чего построить новые цементные заводы средней и небольшой мощности всего на 4, 8 миллиона тонн, в том числе в районах Дальнего Востока, Сибири, Казахской ССР, республик Средней Азии и на Урале».

Долгом советских геологов является выполнение этого решения в части обеспечения новых цементных заводов надежными в качественном и количественном отношении сырьевыми ресурсами.

«Осуществление великих задач третьего пятилетнего плана настолько тесно связано с кровными интересами рабочих, крестьян и советской интеллигенции, что обеспечение его выполнения зависит, прежде всего, от нас, – коммунистов и непартийных большевиков-руководителей, и особенно от нашего умения организовать труд и поднять коммунистическое воспитание трудящихся...

Теперь, после окончательного укрепления политических и экономических позиций социалистического общества в СССР, решают дело кадры, освоившие технику производства, решают дело советские культурные силы, возглавляющие массы трудящихся в их великой борьбе за полную победу коммунизма» (из резолюции XVIII съезда ВКП (б) по докладу т. В.М. Молотова).

В этой величественной борьбе велики и почетны задачи научных сил страны. Троцкистско-бухаринские мерзавцы пытались подорвать советскую науку, пытались поставить барьер между наукой и конкретными задачами социалистического строительства и кое в чем успели основательно напакостить. Железная рука пролетарского правосудия уничтожила этих фашистских агентов. Партия и правительство повседневно и решительно оказывают советской науке реальную помощь. Растут смелые, новые победы талантливой научной смены. Прошедшие выборы действительных членов и членов-корреспондентов Академии Наук СССР явились смотрам научных сил страны. Академия Наук пополнилась огромным отрядом лучших ученых. Правительство полностью обеспечивает материальную базу для творческого научного труда. Сейчас дело за нами.

Осуществляя на практике указания товарища Сталина о подлинно передовой науке, мы обязаны все свои знания и весь свой опыт подчинить задаче борьбы за реализацию плана третьей сталинской пятилетки. В этой борьбе не должен иметь места либерализм к лженаучным проявлениям со стороны отдельных псевдоученых. Помогая добросовестно ошибающимся, мы обязаны безжалостно разоблачать тех, кто пытается под флагом «высокой теории» протаскивать чуждые нам взгляды или сознательно уходить от боевых задач социалистического строительства.

В наших руках находится ключ к пониманию марксистско-ленинских основ науки. Этим ключом является «Краткий курс истории ВКП (б)». В нем с предельной остротой и отчетливостью изложена философия пролетариата, строящего светлое здание коммунизма. Тщательно и с любовью изучая этот исторический документ, каждый преданный делу Ленина-Сталина советский ученый сможет закалить себя в непримиримой борьбе с врагами народа, какой бы тогой ни прикрывали они свое звериное лицо.

XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) явился могучей демонстрацией сил страны Советов – страны подлинного демократизма, страны счастья и радости всех трудящихся. В то же самое время съезд партии продемонстрировал несокрушимую мощь великого советского народа. И если злобствующие черные силы фашизма попытаются нарушить счастье народов СССР, весь народ под боевыми знаменами Коммунистической партии, под мудрым водительством гения нашей эпохи, величайшего вождя и друга всех трудящихся Иосифа Виссарионовича Сталина как один встанет на защиту священных рубежей нашего социалистического отечества и нанесет сокрушительный уничтожающий удар любому врагу, показавшему свое «свиное рыло» как на западе, так и на востоке.

Да здравствует передовая советская наука!

Да здравствует XVIII съезд ВКП (б)!

Да здравствует товарищ СТАЛИН!

ДОКУМЕНТЫ

Постановление Совета Народных Комиссаров

Союза ССР

Москва, Кремль № 2042

17 ноября 1937 г.

Об организации геологоразведочных и поисковых работ в СССР

Совет Народных Комиссаров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

В целях коренного улучшения постановки и организации геологоразведочных и поисковых работ в СССР:

1. Сосредоточить производство всех геолого-исследовательских (съёмка), изыскательских и поисковых (геологоразведка) работ в Главном Геологическом Управлении Наркомтяжпрома, возложив на него:

а) разработку единого плана геолого-исследовательских и изыскательских работ по СССР;

б) сводный учет и обобщение результатов поисковых работ;

в) разработку и составление геологической карты и карты недр размещения полезных ископаемых СССР;

г) руководство, инструктирование и контроль за работой всех геологоразведочных трестов на местах, подчиненных ГГУ, и геологоразведочных групп соответствующих Главков Наркомтяжпрома.

2. Все геологические материалы, в том числе и материалы, находящиеся в архивах Академии Наук СССР, имеющие практическое значение для организации разработки природных богатств страны, передать и сосредоточить в Главном Геологическом Управлении Наркомтяжпрома, при котором должен быть организован предусмотренный постановлением Совнаркома Союза ССР от 27 марта 1937 г. Всесоюзный Геологический Фонд.

При местных геологических трестах ГГУ Наркомтяжпрома создать хранилища республиканских, краевых и областных геологических фондов.

Предусмотреть на 1938 год отпуск 1 миллиона рублей на проектирование и начало строительства Центрального хранилища Геологического фонда. Сооружение здания закончить в 2-летний срок.

3. В Академии Наук СССР сосредоточить всю научно-теоретическую разработку вопросов геологии СССР в области:

- а) изучения физических свойств земли;
- б) процессов её исторического развития;
- в) изучения явлений, происходящих в земной коре;
- г) выяснения условий залегания полезных ископаемых в недрах земной коры и их образования (генезиса).

В части практических работ – геологической съёмки – Академия Наук оказывает научную помощь ГГУ Наркомтяжпрома по составлению геологических карт масштаба 1:1000000.

Существующие три научно-исследовательских Института Академии Наук СССР – Геохимический имени Ломоносова, Петрографический и Геологический – объединить в один – Геологический Научно-исследовательский Институт с целями и задачами, предусмотренными в настоящем пункте постановления.

Президиуму Академии Наук СССР и Наркомтяжпрому обеспечить систематический обмен опытом и результатами научно-исследовательских и поисковых работ.

4. Организовать на базе существующих четырех научно-исследовательских институтов ГГУ Наркомтяжпрома единый научно-исследовательский институт, поставив перед ними задачу обобщения результатов поисковых работ и разработки наиболее эффективных методов ведения разведочных и исследовательских работ.

Включить Всесоюзный Институт Минерального Сырья (ВИМС) в состав Научно-исследовательского Института ГГУ Наркомтяжпрома на правах его филиала, занимающегося специально вопросами технологии минерального сырья.

По мере развития научно-исследовательских работ предоставить Научно-исследовательскому Институту ГГУ Наркомтяжпрома право организации своих филиалов и отделений на местах.

5. Центральную Комиссию по запасам полезных ископаемых подчинить непосредственно Народному Комиссару Тяжелой Промышленности. Председателем Комиссии назначить заместителя Народного Комиссара Тяжелой Промышленности, первым заместителем председателя Комиссии назначить Начальника ГГУ Наркомтяжпрома.

6. Поручить Госплану предусмотреть на 1938 год увеличение отпуска средств на усиление геологоразведочных и исследовательских работ.

7. Обязать ГГУ Наркомтяжпрома к 15 декабря 1937 года представить сводный план геолого-исследовательских и изыскательских работ на 1938 год.

Председатель СНК Союза ССР – В. Молотов

Управляющий делами СНК Союза ССР – Н. Петруничев.

Приказ Народного Комиссара

тяжелой промышленности

№ 993 20 ноября 1937 г.

Об улучшении постановки и организации геологоразведочных и поисковых работ

В целях коренного улучшения постановки и организации геологоразведочных и поисковых работ в СССР, в соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 17/IX-1937 г. ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Производство всех геолого-исследовательских (съёмка) и поисковых (геологоразведка) работ сосредоточить в Главном Геологическом Управлении Наркомтяжпрома.

2. Допустить существование и организацию, с разрешения ГГУ НКТП, геологоразведочных организаций при отдельных главках и трестах НКТП для производства детальной разведки месторождений с целью эксплуатации их, работающих под контролем ГГУ НКТП и отчитывающихся перед ним в своей работе.

3. Возложить на ГГУ НКТП:

- а) разработку и составление единого плана геолого-исследовательских и изыскательских работ по СССР,
- б) сводный учет и обобщение результатов поисковых работ,
- в) разработку и составление геологической карты и карты недр – размещения полезных ископаемых СССР,
- г) производство основных комплексных геолого-исследовательских и изыскательских работ в СССР,
- д) руководство, инструктирование и контроль за работой всех геологоразведочных трестов на местах, подчиненных ГГУ, и геологоразведочных групп соответствующих главков и трестов Наркомтяжпрома.

4. Сосредоточить в Главном Геологическом Управлении НКТП все геологические материалы, в том числе материалы, находящиеся в архивах Академии Наук СССР и других организаций, имеющие практическое значение для разработки природных богатств страны.

5. Начальнику ГГУ немедленно приступить к осуществлению этого пункта и к 15 декабря представить первый доклад о результатах.

6. К 15 декабря произвести полный учет и проверку состояния хранения геологических материалов как в центре, так и при местных органах ГГУ и представить доклад и предложения.

7. Для хранения геологического фонда СССР построить в 2-летний срок здание центрального хранилища.

Предусмотреть на 1938 г. в смете ГГУ 1 миллион рублей на проектирование и начало строительства центрального хранилища геологического фонда.

За единую геологоразведочную службу в СССР

Постановление Совнаркома СССР от 17 ноября и приказ Наркома тяжелой промышленности т. Л.М. Кагановича от 20 ноября об организации геологоразведочных работ в Советском Союзе являются огромнейшим событием для всех геологов нашей страны.

Эти решения открывают нам, советским геологам, чрезвычайно широкие перспективы, невиданные пути развития геологии.

Наша большевистская партия во главе с товарищем Сталиным, наше правительство дают нам все для того, чтобы мы действительно по-настоящему максимально развернули работу по выявлению богатств нашей счастливой Родины и широко развили стахановские методы труда.

Решения эти не являются для нас неожиданными, ибо они отражают подлинные настроения и желания всех работников в области геологии нашей страны.

За двадцать лет существования Советской власти в деле изучения недр нашей великой родины мы достигли огромных успехов. Так, на 1 января 1937 года заснятая геологической съемкой площадь составляет 43,2% от всей территории страны. По запасам целого ряда полезных ископаемых (железо, нефть, марганец, фосфориты, апатит, калийные соли) СССР вышел на первое место в мире. За эти годы общие запасы углей возросли больше чем в 6 раз, меди – в 27 раз, свинца и цинка – в 8 раз и т. д.

Но наряду с этим, имеется еще много крупных недостатков в работе геологоразведочных организаций.

До настоящего времени геологоразведочные работы у нас велись самыми разнообразными учреждениями и предприятиями. Далеко не всегда эти работы проводились хорошо, а иногда приводили даже к совершенно неправильным выводам о сырьевой базе, что вело к неправильному распределению капиталовложений, замораживанию средств, т.е. по существу к вредительскому подрыву благосостояния социалистического хозяйства. Главное Геологическое Управление до сих пор не было по существу штабом геологоразведочных работ. Троцкистско-бухаринские шпионы, диверсанты и вредители, пользуясь нашей беспечностью, творили свои грязные дела, задерживали изучение недр, создавая диспропорцию между изученностью месторождений и планом его эксплуатации.

На весьма низком уровне стояло и изучение качества разведываемого сырья. Промышленность, получая для эксплуатации какое-либо месторождение, обычно должна была начинать его изучение почти заново. В практике работы геологоразведочных трестов и других организаций, как правило, не ставилась задача одновременного изучения технологических свойств разведываемых руд. Этим занималась промышленность, начинавшая эксплуатацию месторождения. Все это сильно тормозило освоение недр, приводило к производству излишних затрат, задерживало получение нашей промышленностью ценнейшей продукции.

Начальнику ГГУ НКТП представить на утверждение НКТП:

а) к 15 декабря с. г. проектное задание и предложения об участке строительства,

б) к 1 апреля 1938 г. эскизный проект здания,

в) к 1 августа 1938 г. технический проект с тем, чтобы во 2-м полугодии 1938 г. развернуть подготовительные работы и закладку фундамента здания.

8. Организовать на базе существующих четырех научно-исследовательских институтов ГГУ НКТП единый научно-исследовательский институт, поставив перед ним задачу обобщения результатов поисковых работ и разработку наиболее эффективных методов ведения разведочных и исследовательских работ.

Включить Всесоюзный Институт Минерального сырья (ВИМС) в состав Научно-исследовательского института на правах его филиала, занимающегося специальными вопросами технологии минерального сырья.

По мере развития научно-исследовательских работ предоставить научно-исследовательскому институту право организации, с утверждения (каждый раз) НКТП, своих филиалов и отделений на местах.

Начальнику ГГУ представить к 15 декабря с. г. Положение и структуру единого Научно-исследовательского института ГГУ НКТП и предложения по организации его работы и использованию наличных кадров. Предусмотреть использование освобождающихся в результате слияния кадров геологов на усилении техперсонала геологоразведочных организаций в центре и на местах.

9. Центральную Комиссию по запасам выделить из системы ГГУ и подчинить непосредственно Наркому.

Председателем Комиссии назначить заместителя Наркома Тяжелой Промышленности тов. Завенягина.

Первым заместителем председателя Комиссии назначить начальника ГГУ НКТП академика тов. Губкина И.М.

10. Предусмотреть на 1938 г. увеличение отпуска средств на усиление геологоразведочных и исследовательских работ.

Начальнику ГГУ НКТП к 15 декабря с. г. представить сводный план геолого-исследовательских изыскательских работ на 1938 г., включающий геологоразведочные работы всех организаций, входящих в систему НКТП.

11. Одновременно с рассмотрением плана работ геологоразведочных организаций главков и трестов НКТП, Главному Геологическому Управлению проверить подготовку и техническую вооруженность кадрами и оборудованием этих организаций и представить предложения об усилении их с ликвидацией маломощных организаций, неспособных технически правильно выполнять работы по геологоразведке.

Народный Комиссар тяжелой промышленности – Л. Каганович

На невысоком уровне стояла и материально-техническая вооруженность геологоразведочных работ. Этим вопросом в системе ГГУ, а также других главках и наркоматах, занимались слабо.

Не всегда правильно были организованы и научно-исследовательские геологоразведочные работы. Центральный Научно-исследовательский геологоразведочный институт не был мобилизован на боевые задачи социалистического строительства. Его высококвалифицированные кадры и лаборатории не были использованы в надлежащей мере. Тематический план его работы часто был случайного характера и никак не обеспечивал за ЦНИГРИ методического, руководящего начала.

В хаотическом состоянии находилось и дело хранения фондовых материалов. Многочисленные организации, ведущие поисково-разведочные работы, не чувствуя за собой никакого контроля, преступно относились к фондовым геологическим материалам, не обеспечивая их хранение.

Печатаемое выше постановление Совнаркома и приказ Наркома тяжелой промышленности заставляют нас в кратчайший срок перестроить геологоразведочную службу и ликвидировать последствия вредительства, вырвав с корнем его остатки.

Эти решения дают нам возможность уничтожить обезличку, безответственность и бесплановость в геологическом обслуживании нашей страны и организовать единый руководящий штаб геологической службы.

Наши недостатки умело использовались врагами народа, и поэтому нам необходимо перестроить нашу работу немедленно, в кратчайший срок навести порядок в геологоразведочной службе.

Надо сломать старую гнилую и вредительскую систему организации и метода работы и работать по-большевистски, по-новому организовать геологоразведку на основе указаний товарища Сталина, на основе указаний нашей партии и правительства.

Постановление Совнаркома и приказ т. Л.М. Кагановича возлагают на Главное Геологическое Управление производство всех геолого-съемочных и геолого-изыскательских и поисковых (геологоразведка) работ.

Это важнейшее решение заставляет нас всех смотреть совершенно иначе на наши обязанности перед социалистической промышленностью, заставляет нас полностью перевооружиться не только в практической работе, но и в части наших устремлений. Каждый геолог должен сознавать, что он целиком отвечает за состояние недр вверенного ему участка работы. Коренное перевооружение особенно касается наших районных трестов, которые сейчас должны явиться центрами, объединяющими всю работу по изучению недр своего края.

Существовавшие до настоящего времени многочисленные поисково-разведочные организации различных главков и др. учреждений вели свои работы бесконтрольно, часто перекрывая друг друга или подчиняя свои работы узкоделаческим интересам своей организации, а иногда и интересам

отдельных специалистов, не увязывали их с интересами социалистической промышленности и тем самым не обеспечивали планомерного изучения сырьевой базы нашей промышленности по всей территории СССР. Можно привести сотни примеров, где прежняя «система» принесла огромный ущерб в деле изучения сырьевых ресурсов. Достаточно посмотреть на Дальний Восток, Урал и другие районы, где разведки ведут десятки организаций, не связанных между собой.

В решении правительства ясно говорится, что все геолого-исследовательские и поисковые работы должны быть сосредоточены в ведении Главного Геологического Управления. Таким образом, на нас возлагается важнейшая задача обеспечения сырьевой базой всех предприятий социалистической промышленности.

Возлагая на ГГУ и его учреждения такой чрезвычайной важности обязанность, наше правительство требует от нас проявления максимальной инициативы и подвижности в деле нашего перевооружения и организации работ на новых началах. Расхлябанности, нытья и беспечности не место в нашей работе. Мы являемся сейчас главной организацией, которая отвечает за состояние нашего минерально-сырьевого баланса.

На существующие геологоразведочные организации других главков и других учреждений будет сейчас возложена задача промышленной разведки тех месторождений, характер которых уже выявлен и в отношении которых решены их общие промышленные перспективы. Но все работы таких геологоразведочных учреждений будут находиться под контролем ГГУ, которое будет также координировать их работу между собой.

Первое и самое главное мероприятие, проводимое в осуществление этого, будет разработка единого плана геолого-исследовательских, поисковых и разведочных работ. Правительство не примет ни единого плана геологоразведочных работ от какого-либо учреждения в нашей стране без согласования с ГГУ. Представление плана геолого-съемочных, поисковых и разведочных работ Правительство возложило на ГГУ. В связи с этим наша первейшая обязанность – обеспечить скорейшую его проработку и координацию с таким расчетом, чтобы план отразил в себе такое развитие геолого-съемочных, поисковых и разведочных работ, которые обеспечили бы покрытие всех потребностей нашей промышленности в минеральном сырье не только на текущий период, но и на определенные сроки вперед необходимые для дальнейшего нормального, социалистического развития нашей промышленности.

Не менее важной задачей, возложенной Правительством на ГГУ, является сводный учет и обобщение результатов поисковых работ. Отдельные геологоразведочные предприятия, ведя поисковые работы, интересовались, как правило, каким-либо одним объектом, все же полученные в результате работ данные, связанные с нахождением каких-либо других полезных ископаемых, учитывались и обобщались слабо. Не обобщались и методические результаты проводимых поисковых работ. В настоящее же время ГГУ обязано произ-

водить сводный учет всех геологических данных и обобщать все результаты поисковых работ.

В задачу нашей работы поставлено Правительством также и составление сводных геологических карт и карт наших недр, карт размещения полезных ископаемых. Эта важнейшая работа до настоящего времени нами недооценивалась. Сводные карты составлялись весьма медленно и еще медленнее они печатались. В результате такой медлительности карты по выходе в свет теряли свою полную ценность. В настоящее время от нас требуется ускорение во много раз темпов работы.

В деле изучения нашей минерально-сырьевой базы и в определении правильного направления дальнейшего развития геолого-съёмочных, поисковых и разведочных работ огромную роль должны сыграть комплексные геолого-исследовательские работы. Комплексность до настоящего времени была вопросом, о котором много говорили, но мало проводили в жизнь. Промышленное освоение минерально-сырьевой базы в отдельных новых районах, как правило, не было широко комплексным. В результате темпы развития экономики края замедлялись и громадные источники минерально-сырьевых ресурсов лежали втуне, не попадая в баланс минерального сырья нашей страны. Задачей организаций ГГУ в настоящее время являются постановки крупнейших комплексных геолого-исследовательских работ в целом ряде наиболее перспективных районов.

Плохая работа различных геологоразведочных предприятий в значительной мере зависела от того, что ГГУ не обеспечивало общего руководства и инструктирования этих организаций.

Правительство, возлагая на нас объединение всех геологических работ в СССР, требует также и того, чтобы ГГУ обеспечило инструктирование и контроль за работой на местах всех геологоразведочных трестов и других предприятий, входящих в систему Наркомата тяжелой промышленности на местах.

Особенное внимание в постановлении уделено организации Всесоюзного Геологического Фонда. Организация этого важнейшего учреждения позволяет обеспечить координацию геологических работ в нашей стране. До настоящего времени различные организации, ведущие геологические работы, не только не считали нужным передавать геологические материалы в Центральный фонд ГГУ, но и небрежно хранили эти материалы у себя. В результате большое количество геологических материалов не могло получить широкого использования, что приводило к излишнему расходованию средств и повторению уже проведенных ранее работ.

В настоящее время такому безобразному положению решением Совета Народных Комиссаров будет положен конец. Намеченная постройка Центрального хранилища Геологического фонда позволит сосредоточить в одном месте все необходимые геологические материалы.

Большая работа здесь предстоит трестам ГГУ, которые обязаны создать

республиканские, краевые и областные хранилища геологических фондовых материалов.

Все эти важнейшие мероприятия не могут не коснуться организации научно-исследовательской геологической работы. Организуемый согласно решению Совнаркома единый Научно-исследовательский геологоразведочный институт обязан в кратчайший срок возглавить всю методическую работу в области геологии в нашей стране. Этот институт должен явиться главной опорой для ГГУ в деле скорейшей перестройки и перевооружения геологических работ. Весь громадный коллектив этого института должен максимально мобилизовать себя с тем, чтобы провести всю намечаемую реорганизацию геологических работ в наиболее короткий срок. Обладая большим количеством весьма квалифицированных кадров, имея прекрасные лаборатории, Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт ГГУ должен обеспечить инструктаж и методическое руководство геологоразведочных работ у нас в стране с тем, чтобы их качество в полной мере отвечало запросам промышленности и обеспечивало рациональное расходование средств на геологические работы. На этот же институт совместно с Всесоюзным Геологическим фондом должно быть возложено составление сводных геологических карт и карт размещения полезных ископаемых, а также руководство составлением такого рода карт в отдельных районах. Одной из важнейших задач работы Центрального института является обобщение результатов поисковых работ и разработка наиболее эффективных методов ведения разведочных и исследовательских работ.

В системе Центрального института предусмотрено существование специального филиала, занимающегося разработкой вопросов технологии минерального сырья. Всесоюзный институт минерального сырья, являющийся, согласно решению Правительства, такого рода филиалом, должен в кратчайший срок перестроить свою работу, с тем чтобы, увязав ее с работой трестов ГГУ, взять на себя выполнение работ по технологическому изучению руд, разведываемых работами трестов и контор ГГУ. Разведывая месторождение какого-либо полезного ископаемого, мы должны знать не только его запасы, но и качество руд, и технологические свойства.

Все эти колоссальной важности задачи требуют от нас новых методов работы и иных темпов. Неповоротливости и беспечности должен быть положен конец. В первую очередь необходимо принять меры к искоренению последствий вредительства. Враги народа, троцкистско-бухаринские бандиты, шпионы и диверсанты нанесли геологоразведочному делу огромный ущерб; нашей неотложной задачей является полнейшее и окончательное разоблачение всей этой мрази и их пособников. Выкорчевывая остатки вражеской банды, мы должны смело опереться на наши молодые кадры, воспитанные советской властью. Смелое выдвижение лучших и способнейших специалистов обеспечит нам хороший большевистский состав командиров нашей отрасли работы. Крепкими партийными и непартийными большевиками должны мы

укрепить и периферийные звенья нашей работы. Работникам, выдвигаемым на новые ответственные участки работы, мы должны обеспечить всяческую поддержку и помощь в работе.

Не менее важным условием, обеспечивающим нам выполнение решения Правительства, будет максимальное развитие стахановского движения. Этому важнейшему методу социалистического труда в системе геологоразведочных организаций почти совершенно не уделялось внимание. Мы, как правило, не знали своих стахановцев и не заботились о закреплении их успехов и о передаче их опыта другим, между тем совершенно ясно, что среди работников геологоразведочного дела есть много энтузиастов, действительно преданных нашей родине и готовых отдать свои силы для торжества коммунизма. Необходимо только им как следует помочь и организовать их работу так, чтобы они могли широко показать большевистские темпы своей работы.

Следующим также весьма важным условием нашей дальнейшей работы будет материально-техническое вооружение наших поисковых и разведочных партий. Все наши работы должны быть максимально оснащены механизмами. В системе Центрального Научно-исследовательского геологоразведочного института должен существовать методический центр, который обеспечит внедрение новых механизмов, в корне меняющих старые, негодные сейчас темпы работы. Мы должны сейчас бурить и разведывать быстро, давая высокое качество не только по работе механизмов, но и высокое качество геологических данных.

Промышленность, получающая от нас для эксплуатации месторождения, должна иметь исчерпывающую характеристику его и находящихся в нем руд не только с точки зрения запасов, но и в части качественных сторон (химико-минералогическая характеристика, условия обогатимости, предварительные технологические условия переработки и т. п.).

Все это еще раз говорит о том, что решения Совнаркома и НКТП имеют огромное политическое и народнохозяйственное значение, ибо дают полную возможность в ближайшее время широко раскрыть наши недра для нужд цветущей социалистической родины.

Большевистское выполнение этих решений при мобилизации всех наших возможностей позволит нам с честью выполнить задания партии и правительства. Промышленность нашей счастливой родины, обладающей неисчислимыми запасами минеральных ресурсов, не должна иметь недостатка в минеральном сырье. Партийные и непартийные большевики, работающие в области геологии, достигшие под руководством партии Ленина-Сталина и вождя народов, нашего любимого Сталина, необычайных успехов, записанных в Великой Сталинской Конституции, через преодоление временных трудностей придут к еще более невиданным победам.

Мы даем свое твердое обещание под руководством нашей партии и вождя народов товарища Сталина выполнить это постановление и приказ и полностью обеспечить все отрасли нашей социалистической индустрии минерально-сырьевой базой.

ВОСПОМИНАНИЯ

З.А. Мишунина

«Маршал» и «генералы» нефтяной геологии

Беседа с Зинаидой Андреевной Мишуниной

Ленинград, ВНИГРИ, 10 октября 1991 г.

Я училась в МГУ с 1920 г. по 1925 г. на геолого-почвенном отделении физико-математического факультета. Преподавали у нас А.Д. Архангельский, А.П. Павлов, А.П. Иванов. Архангельский читал «Геологию России» целых три года. Читал прекрасно, по-деловому.

В первый год – геологию Европейской России, потом – геологию Кавказа, на третий год – геологию Средней Азии.

Нефтяному делу в университете не учили, но Архангельский уделял этому внимание. Одна из курсовых работ у меня была по Челекену. А тема дипломной работы – «Тектоника Путинского нефтеносного района и ее связь с грязевым вулканизмом». Проблемой грязевого вулканизма занимались Е.В. Милановский, А.Д. Архангельский, Н.С. Шатский. Н.С. Шатский писал о вулканических брекчиях. Но их работы не принимали во внимание. А работа И.М. Губкина и С.Ф. Федорова по грязевым вулканам беспредметная.

А.Д. Архангельский раньше Губкина еще в 1927 г. высказался о глинисто-карбонатных отложениях как о возможно нефтематеринских, говорил о значении карбонатных толщ для нефтеносности. Губкин в одной из своих работ повторил выводы Архангельского без ссылок на своего предшественника. Он никогда не ссылался.

Еще во время учебы я вместе с группой студентов из МГУ проходила практику у Е.В. Милановского в его Поволжской партии. Мы передвигались на маленьком пароходе. М.Ф. Мирчинк шел впереди нас в красной фуражке, заходил в село и отбирал хлеб.

Диплом я защитила в 1927 г. (или в начале 1928 г.) и пришла на работу в Геолком в Ленинграде. У меня был «блат» – Вадим Николаевич Зверев, близкий родственник моей большой подруги. Прочитав отзыв Андрея Дмитриевича Архангельского, он сказал: «Я знаю, куда Вас определить» и отвел меня к Степану Ильичу Миронову. Он заведовал нефтяной секцией Геолкома.

Работы И.М. Губкина мне казались интересными, но они компилятивны. Он взял за основу представления американских геологов и доходчиво излагал их.

Мне приходилось соприкасаться с Губкиным и его трудами непосредственно по работе в Закавказье. Он вел съёмку в Кабристане. Мои два планшета были рядом с его планшетами. Мне приходилось сбивать свои материалы (геологическую карту, тектонику) с его построениями. И сколь это ни прискорбно, у нас не всегда сходились материалы при сбивках карт. Правда, мы работали в разное время. Я – с 1930-го по 1934 г. У нас были разные представления о возрасте некоторых свит. Там, где у него были надвиги, у меня стратиграфические несогласия. Верхний мел, турон, майкоп резко несогласно ложатся на другие свиты. У других – надвиги, у меня – несогласия. В общем, это явления нормальные.

По направлению к главному хребту несогласия выражаются все более резко благодаря различиям в литологии свит (коричневые глины на белых мергелях турона).

Я вполне положительно оценила перспективы нефтеносности Кабристанских пастбищ (у меня до Шемахи). Планшет Николая Сергеевича Шатского через один от моего (через В.Н. Вебера). У Шатского на планшете была скважина с признаками нефти и газа. При более глубоком бурении было бы открыто месторождение. Теперь не знаю, почему они там не бурят. Сосредоточились на море. Но одно месторождение в долине Куры открыли. Там были известны и ранее небольшие месторождения – Нафталан. Одна из скважин – Саатлы-1 – встретила нефть в вулканогенноосадочных породах.

С самого начала работ у меня было несколько скептическое отношение к данным Губкина. Гениальными его труды я не считала (это по отношению к его работам по Кабристану). Обстановка в стране нам была ясна. *Tet a tet* мы с Николаем Брониславовичем Вассоевичем это обсуждали и даже посмеивались над Губкиным. Н.Б. одно время интересовался Кабристаном. И здесь мы уловили неправильности построений Губкина, в особенности они были заметны на стыках планшетов. Я тоже знаю от Н.Б. Вассоевича, что Губкин выражал недовольство: «А что ты делаешь на моем планшете?!»

Наш институт Губкин угнетал. Степан Ильич Миронов (в 1929–1931 гг. – директор, в 1931–1938 гг. – зам. директора) страдал от него безмерно.

А.П. Серебровский выступил против Губкина в связи с невыполнением планов по Грозному. Приехали Орджоникидзе и Губкин. Это 1934 год. Александр Павлович Серебровский и Николай Александрович Кудрявцев выступили против хищнической разработки месторождений.

Не сходились у меня границы (причем совершенно не сходились на 1,5 км при одновёрстной съёмке!) и с Сергеем Филипповичем Федоровым. Жуткий был человек и никакой геолог. Он требовал у меня карты. А я не дала ему, так как мне нужно было еще раз их проверить, кое-что уточнить. Так он пошел к директору института Степану Ильичу Миронову и кричал у него с визгом, чтобы Степан Ильич принял меры по отношению ко мне.

Однажды, это было примерно в 1932–1933 г., Степан Ильич (с 1931-го

он был заместителем директора НГРИ) дал мне на отзыв отчет Федорова. Я нашла в нем много неточностей. Федоров набросился на Степана Ильича и снова требовал санкций. Но свою карту по моим замечаниям вынужден был исправить. Текст у него был забавный. Когда я читала его отчет, целый вечер смеялась. Часто вспоминаю одну фразу: «Воды сарматского бассейна были солеными и непригодными ни для питья и ни для технических нужд». Это дословно.

Одно время я работала с М.Ф. Мирчинком. Он большую часть времени проводил в Баку, развлекался. А я была совершенно одна. И у меня работа шла успешно как раз не потому, что Мирчинк был выдающимся геологом. Работали мы по Закавказью, вели съёмку в нефтеносных районах. Это было продолжение работ Геолкома (съёмка Апшерона и Кабристана). Все это было сверхсекретно, так что сводных карт я не видела. Георгий Федорович Мирчинк читал у нас четвертичную геологию. Это был настоящий ученый, настоящий профессор и совсем другой тип человека, нежели его брат. Разговоров о том, что в судьбе Г.Ф. злую роль сыграл брат Михаил Федорович, я не слышала. Это были разные люди, и нельзя было предположить, что это братья.

С работами И.М. Губкина мне довелось столкнуться и по Западной Сибири. В 1936–1937 гг. я занималась Минусинской впадиной. Мне пришлось начать свои исследования после высказываний сибирских геологов о бесперспективности Минусинской впадины. Там работал Тьжнов. Губкин очень решительно высказался о том, что Кузбасс перспективен (Это о зоне перехода угленосных фаций в нефтеносные). А мне казалось, что сам Кузбасс бесперспективен на нефть. А Минусинскую впадину я считала перспективной. Главные надежды возлагала на девон. После меня работали геологи, которые поддержали мои выводы о перспективности девона.

После открытия нефти в Березово послали комиссию во главе с Чочиа и все работы в Минусе были свернуты. Они не говорили, что этот район бесперспективен, но – Западная Сибирь богаче. А в Минусе уже была легкая парафиновая нефть. Помню большие ёмкости на 60–80 тонн прекрасной нефти. Все скважины в Минусе интенсивно газировали. Это конец 50-х годов. В общем – после Березово.

А.Г.: Далее я расспрашиваю З.А. о геологах-современниках.

З.А.: Замечательные работы были у Казимира Петровича Калицкого. На него были нападки со стороны Губкина, многих наших *генералов*. У Калицкого есть идеи, которые не могут быть приняты в настоящее время, но это ничего не значит.

С К.П. Калицким во многом был солидарен Н.М. Леднев. Основное направление его работ литолого-фациальное. Он и с С.И. Мироновым был единомышленником.

История Б.Ф. Дьякова по отношению к Н.А. Кудрявцеву – чушь! Вскоре

на одном из заседаний Ученого Совета он просил извинений у Н.А.: «Я был не прав». Позднее говорил, что склонен к неорганической гипотезе.

Об отсутствии главной фазы нефтеобразования задолго до Дьякова писал В.В. Вебер, писала и я в своих работах. Признает эту фазу С.Г. Неручев и вся геохимическая часть.

И.Н. Стрижова упоминали, считался авторитетным ученым, но я с ним не была знакома и с его работами мало сталкивалась.

А.Г.: Какими критериями Вы пользовались при оценке новых земель?

З.А.: – В.Б. Порфирьев – творец теории перехода угленосных фаций в нефтеносные. Миграцию по разломам он считал одним из важнейших условий формирования месторождений УВ. Я разломы необходимым условием не считала, а его теорию перехода фаций признавала. Мы пользовались всей суммой знаний по нефтяной геологии и таких «основоположников», как И.М. Губкин, тогда еще не признавали.

А.Г.: Так И.М. Губкин после смерти был возвеличен?

З.А.: Нет, он и при жизни сам многое делал, чтобы создать себе ауру «Маршала» нефтяной геологии. А его последователи подражали ему, позднее М.Ф. Мирчинку, представлялись важными «генералами».

Е.М. Смехов

Мои современники

Беседа с Евсеем Максимовичем Смеховым

Ленинград, ВНИГРИ, 10 октября 1991 г.

Начинал я учиться во Владивостоке, в университете. Но избрал нефть и перешел в Москву, в Нефтяной институт. Слушал лекции И.М. Губкина. Читал он просто, увлеченно, вспоминал о путешествии в США. У него была слабость: очень уважал старых партийцев. Это понятно. Ему приходилось выколачивать деньги. «Учение о нефти» для того времени – важная, ценная книга. С.Ф. Федоров был каким-то комиссаром (вероятно, дивизии?). Потом – доцентом у И.М. Губкина. Не очень умный человек и профессионал не очень высокий. Не уважали мы его.

М.Ф. Мирчинк был умным, толковым человеком. Умел все новое взять от нас. Я с ним часто общался. Деловой человек, ничего не скажешь.

Он был главным геологом Наркомнефти, а министром был Н.К. Байбаков. Тоже хороший человек, толковый. В годы репрессий страдали преимущественно инженерно-технические работники. Но и рабочие, и мастера тоже. На моей памяти это было с 1933-го по 1936 г., а с 37-го опять пошла волна арестов.

В 1933 г. расстреляли Михаила Георгиевича Перфильева. Он погиб молодым. Расстреляли главного геолога «Сахалиннефти» Михаила Григорье-

вича Танасевича. Судила «тройка». Феликса Николаевича Шахова посадили позднее, не расстреляли.

Выдрина и Богдановича сослали в Краснодар, Н.Т. Линдтропа – в Казахстан. Потом перевели в Лугу. В Ленинграде жить не разрешали. Он был знатоком промысловых процессов, – заводнения. Абсолютно аполитичный был человек. Знал лишь свою работу, любил жену. За что его посадили?

Был еще такой геолог-историк Ремизовский. Он наивен был, вступил в партию. Очень верил в идею. А многие считали, что он продался большевикам. Я ведь тоже больше семидесяти лет в партии. Я не могу отказаться от этого. Я был комиссаром корабля. Команда была человек двести.

К.Р. Чеников перед войной был начальником в «Башнефти». А там как раз тогда громили кадры, брали всех подряд. И он был смертником, уцелел чудом. А меня прислали туда на укрепление. Он говорит: «Уезжай! Не снесешь головы». И я уехал.

Казимир Петрович Калицкий был представителем старого поколения. Очень интересный, высокообразованный, любопытный человек, очень крупный ученый. Геолог-нефтяник в полном смысле слова. Его работы по Средней Азии – классика! Никто не мог больше сказать. Позднее пытались лишь детализировать то, что сделал Калицкий. В институте его все уважали. Когда он говорил – все слушали. По отношению к советской власти был нетерпим. Нашего брата – коммунистов и комсомольцев – не жаловал. Как уцелел – непонятно! В кабинете у него было место, а вообще в институте – тесно.

– Я никого не пушу, коммунистов особенно!

– А Смехова пустите?

– Пусть приходит, посмотрим.

К составлению планов его не привлекали, считали кабинетным ученым.

Я защитил докторскую в 1950 г. Одним из моих оппонентов был Николай Александрович Кудрявцев, другим – Криштофович.

У нас в институте работали Игнатий Осипович Брод и Наталья Юрьевна Успенская (муж и жена). Потом они перекочевали в Москву. Успенская в молодости была очень хороша. Когда она появлялась на заседании Ученого совета, все млели. И геологом была очень хорошим, серьезным, высокого класса. Я часто пользовался ее книгой. А замечания на мою книгу она дала очень дельные, я был ей благодарен.

А И.О. Брод тоже хорошо знал наше ремесло, но повадки имел карьериста. Говорил он прекрасно. Мы звали его оперным певцом.

Мы с ним встречались в Китае, когда еще жив был Мао. Мы работали там в 1958 г. Брод был приглашен с целью объездить все провинции и сделать обзорный доклад. Он говорил четыре часа подряд, правда, половина времени уходила на переводчика.

Николай Александрович Кудрявцев – специалист очень высокого клас-

са! К фактам относился осторожно, все тщательно выверял. Тому, что он писал (фактам), верить можно безусловно. Много шума наделала его идея о неорганическом происхождении нефти. С.Ф. Федоров и М.Ф. Мирчинк пытались его прижать. А он – что думал, то и говорил, не стеснялся. Я был просто поражен тому, как он был настойчив, но в то же время деликатен. Глубоко порядочный человек. Как и К.П. Калицкий – был человек аполитичен. Но всегда делал выписки из трудов Ленина, Сталина. И когда его попытались обвинить в аполитичности, показывал эти выписки.

Я один из его почитателей. И он мне всегда дарил отписки своих статей с трогательными надписями. А к проблеме, им поднятой, я думаю, еще вернутся.

Зинаида Андреевна Мишунина своеобразная женщина, красивая. С Н.А. они не очень контактировали, со временем даже здороваться перестали. Они были одногодки. Она стояла на органических позициях, а он на неорганических.

А М.Ф. Двали занимал примиренческую позицию, хотя стоял на позициях биогенной гипотезы. Деликатный, не ругался. Хороший человек. Жизнь он отдал Камчатке. А потом занимался наукой, был главным геологом ВНИГРИ. Беспартийный, а в прошлом – меньшевик. Умел ладить с людьми. И стариков уважал, и молодежь поддерживал.

Степан Ильич Миронов был директором нашего института. Хороший человек, мягкий. Когда стал академиком, перебрался в Москву. Говорили, что в свое время он участвовал в революционном движении, был эсером. Я знал его близко, был вхож к нему. Один его сын погиб на фронте, другой жив. Он не принадлежал к блестящей плеяде геологов...

Сейчас растет поколение молодых. Есть специалисты по отдельным направлениям, но вождей, лидеров нет. Может, и появились бы, но надо ведь помогать человеку. Не везет нефтяникам, нет выдающихся....

В.В. Вебер

Многое о них сочинили позднее

Беседа с Василием Валериановичем Вебером

27 декабря 1974 г., Москва

В 1919-м была снаряжена по распоряжению Главного нефтяного комитета вторая экспедиция, большая. Все районы были в руках белых. Казалось, лишь Ухта была нашей. Начальником был Александр Иванович Косыгин, отец Юрия Косыгина. Геологом был Стоянов Степан Андреевич (потом он удрал в Америку). Я был коллектором (показывает удостоверение, подписанное И.М. Губкиным и С.И. Мироновым).

Две теплушки шли из Ленинграда, две из Москвы. В Вологде объединились. В Котласе сели на большую баржу. Тащили ее бичевой до Усть-Выми. Оказалось, что район захвачен белыми.

Нас было двадцать человек, охраняли два красноармейца. Был буровой станок. Занялись доманиковыми сланцами. Работали до осени. У Серегова бросили баржу, потом поднимались на легких лодках до доманиковых сланцев.

Николай Александрович Кудрявцев – самый близкий товарищ. Он окончил Горный институт в 1922–23 гг., я в 1924 г. Он был секретарем нефтяной секции, председателем – Казимир Петрович Калицкий, потом Степан Ильич Миронов. В 1923 г. я работал коллектором у Казимира Петровича, а через год получил самостоятельное задание. В 1927 г. мне поручили большую работу. Коллектором у меня тогда был Владимир Борисович Порфирьев, впоследствии единомышленник Н.А. Кудрявцева. Да, Николай Александрович до войны приезжал на Ухту. Он принципиально спорил. Как ученого Губкина ставил высоко.

Д.В. Голубятников картировал медленно, но досконально. В последние годы он в основном жил в Москве, раз в год приезжал в Баку. С ним были теплые отношения.

Губкин тоже очень хороший полевой геолог. Основная его работа – геолога на Кавказе. Он смотрел широко, как бы с его вершин. Ему приписывают больше теоретические мысли. А их он сам ценил меньше, чем свою работу геолога-съемщика.

Он синтезировал. Как-то ехали мы с ним вместе в поезде, и он посоветовал перевести работу Лиллея, а потом многое в «Учении о нефти» использовал.

Совершенно неверно противопоставляют его Калицкому и другим ученым. Когда ввели ученую степень доктора геолого-минералогических наук, И.М. Губкин ходатайствовал о ее присвоении Н.Н. Яковлеву и К.П. Калицкому без защиты диссертаций.

Губкин всегда приглашал Калицкого на совещания. Только после его смерти создали противопоставление их личностей, после сессии ВАСХНИЛ.

ПИСЬМА

Г.А. Чернов – А.И. Галкину

Уважаемый Аркадий Ильич!

Я знаю, что Вы более 20 лет занимаетесь историей геологии нефти и газа, много и серьезно работаете в архивах, я думаю, что Вам будет небезынтересно узнать о моей 20-летней борьбе с последователями и учениками Губкина, а также ухтинскими нефтегазоразведчиками из моей новой книги «Борьба за нефть в Большеземельской тундре» (7 лет пролежавшей под сукном), поэтому стоило прожить 90 лет, чтобы обо мне начали писать правду!

Само название этой книги говорит о том, что выпало в этом процессе на мою долю – долю геолога, непосредственного участника, руководителя многих экспедиций по Печорскому краю.

Мне очень понравилась Ваша статья в «Неделе» о Губкине, в которой Вы разоблачили подлинное его лицо, о котором я хорошо знал еще в 30-е гг.

Ваше определение Губкина – Лысенко в геологии – точное определение. Бездарщина. Признавая Русскую платформу высокоперспективной на нефть и газ, его ученик – Василий Михайлович Сенюков сумел через Кремль организовать московский филиал ВНИГРИ, в котором я работал. Было пробурено 19 скважин глубиной до трех км в надежде на большую нефть, но нефть в течение пяти лет так и не была открыта. Мне пришлось (против моей воли, по воле судьбы) руководить этими работами и представлять отчет с отрицательной оценкой, за что мне чуть и не дали 10 лет. Об этом Вы подробно найдете в моей книге.

А мои работы по Большеземельской тундре не поддерживались ухтинскими разведчиками.

Надеюсь, что Вы выскажете свое мнение о моей «Борьбе...», которая оказалась не бесполезной. Мои прогнозы оправдались, открыт целый нефтегазоносный бассейн в Большеземельской тундре!

Высылаю Вам еще книгу о моем отце, проф. А.А. Чернове.

Сейчас президент республики Коми Ю. Спиридонов выделил средства Институту геологии НЦ УрО РАН (Сыктывкар) на издание книги обо мне. Может, у Вас будет желание и время написать статью в эту книгу.

Сообщите мне об этом.

Г.А. Чернов

Москва, 27 мая 1996 г.

К.А. Аникиев – А.И. Галкину

Дорогой Аркадий Ильич! В.Д. Дибнер и я благодарим Вас за Ваши публикации о Губкине в «НЕДЕЛЕ» и в «Молодежи Севера» (последнюю мы от Вас получили).

Вы проломили первым стену культа Губкина в печати. Мне хочется послать Вячеславу Марковичу Старчевскому в «НЕДЕЛЮ» в развитие Вашей статьи мою заметку «Пятна лысенковщины в истории естественных наук» (три листа машинописи), которую весной 89 г. «замотала» и не стала печатать наша обкомовская прислуга – «Ленинградская Правда».

Но надо заметку несколько перекроить. Книгу «Чрезвычайные Люди» мне прислал Мальдин из Свердловска (адрес я Вам высылал). Сборник Кудрявцевский уже в переплете!!!

27 февраля 1990 г.

Ваш К.А.

Н.С. Бескровный

О научном культе И.М. Губкина

(отклик на статью А. Галкина в «НЕДЕЛЕ» от 22–28 января 1990 г.)

Я проработал материалы времен моей 16-летней научной работы под руководством ученика И.М. Губкина проф. Н.А. Кудрявцева и хочу высказаться по затронутому вопросу.

Моя критика учения И.М. Губкина, утверждал Н.А. Кудрявцев, «вызвана попытками сторонников органической теории прикрыть его авторитетом несостоятельность своих ошибочных представлений о генезисе нефти... К памяти И.М. Губкина я отношусь с глубоким уважением» (Материалы дискуссии по проблеме происхождения и миграции нефти, Киев, 1955, с. 71).

Даже в доверительных частных беседах Н.А. Кудрявцев никогда не общал мне ничего, что могло бы как-то скомпрометировать И.М. Губкина. Но теперь я вижу, – после статьи А. Галкина, – что в те отдаленные времена негативное отношение к И.М. Губкину – организатору науки и производства, – было бы неминуемо оценено компетентными органами как вылазка врага народа с соответствующими оргвыводами. В результате некоторые ныне здравствующие сторонники учения И.М. Губкина называли Н.А. Кудрявцева только «ревизионистом, смыкающимся с некими внешними силами», чтобы повредить отечественной науке и производству, но все-таки не врагом народа. Но и в таких условиях атмосфера научной работы в группе Н.А. Кудрявцева была достаточно душной.

Культе И.М. Губкина возник после печально известной августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Это была опасная попытка утвердить в нефтегеологической науке канонизированную веру, талмудизм и начетничество.

Группа ученых, объявивших себя учениками И.М. Губкина (некоторые даже на 200%), возглавлявших науку и близких к ним, фактически объявила учение И.М. Губкина, изложенное в известном учебнике, истиной в последней инстанции. Любое новое знание, идущее вразрез с этим учебником, перестало приниматься в тело науки, и сама наука в условиях отсутствия свободы печати и ограниченной возможности устных выступлений превратилась в догму.

Против мертвечины и застоя в науке и выступил проф. Н.А. Кудрявцев в 1951 г. Его выступление именно в 1951 г. было частично спровоцировано официальным сталинским лозунгом: наука не может развиваться без борьбы мнений, без свободы критики. Впоследствии Н.А. Кудрявцев не раз с горечью говорил: знал бы я, что этот лозунг гарантировал свободу только официальной монополярной науке разоблачить, изжить и уничтожить в своей среде проявления всякого инакомыслия и оппонентства, я бы еще подумал. Тогда еще слово диссидент не применялось.

Н.А. Кудрявцев был на словах очень лояльным гражданином, весьма убежденным ученым. Его доказательная и сокрушительная критика не оставила камня на камне от теоретического ядра учения И.М. Губкина, его представлений об образовании нефти из трупных остатков животных и растений, рассеянных в так называемых нефтематеринских породах. «Губкин не скрывал, что поддерживаемые им взгляды на происхождение нефти принадлежат отчасти Стюарту, отчасти американским геологам и что, объединяя их в новом варианте, он вносит лишь поправки в те и другие» (Н.А. Кудрявцев, 1955, с. 71).

Справедливая критика Н.А. Кудрявцева обеспечила теоретический прогресс в нефтяной геологии. Потом через много лет к критике учения И.М. Губкина присоединились даже его бывшие «двухсотпроцентные» сторонники.

А в период 1951–1954 гг. вокруг посягнувшего с очень справедливой критикой на учение Губкина проф. Н.А. Кудрявцева сгустилась такая атмосфера травли, что уже предчувствовался трагический конец. Но и в это время случилось чудо: сработала гласность в виде совещания в Киеве в 1954 г.; поддержка В.Б. Порфирьева, П.Н. Кропоткина и даже министра Н.К. Байбакова. В результате Н.А. Кудрявцев был спасен для разработки неорганического направления.

Назовем несколько признаков, свидетельствующих о том, что сейчас этот старый культ И.М. Губкина и монополия органической теории, выступающей под другим именем, до сих пор окончательно не изжиты.

В планах научных учреждений Мингео СССР после 1973 г. отсутствует «неорганическая» тематика. Крайняя ограниченность количества публикаций. Искажение неорганического направления в программах высшей школы. Отсутствие защиты кандидатских и докторских диссертаций по неоргани-

ческой тематике. Участвовавшие попытки сторонников органической теории присвоить себе приоритетные достижения в разработке неорганического направления и др.

Ведущий научный сотрудник ВНИГРИ
Бескровный Николай Сергеевич

3 мая 1990 г., Ленинград.

А. Трофимук

Клевета под флагом разоблачения

(«Неделя» 15. 03. 90)

По утверждению автора статьи А. Галкина, И.М. Губкин не имел научных заслуг для избрания его в 1929 году действительным членом (академиком) АН СССР: «никаких трудов – утверждает Галкин – он не имеет, если не считать геолого-статистических обзоров по нефтяной и горной промышленности».

Между тем в избранных трудах академика И.М. Губкина, изданных академией наук СССР, с 1901-го по 1928 год названо более 50 публикаций И.М. Губкина.

За это время И.М. Губкин:

провел геологические исследования нефтеносных районов Апшеронского полуострова и Северного Кавказа (детальная геологическая съемка);

выявил геологическое строение, условия образования и формирования месторождений нефти как на Апшеронском полуострове (Баку), так и на Северном Кавказе (Майкоп, Грозный);

в Майкопском районе И.М. Губкин в 1911 году впервые в мировой науке описал «рукавообразные» нефтяные залежи, разработал методику их обнаружения, положил начало выявления месторождений нефти, не связанных со сводами куполов и антиклинальных складок; геологи США, позднее обнаружив подобные залежи нефти, назвали их «шнурковыми»;

в 1917 году геологическим Комитетом И.М. Губкин как видный геолог был направлен в США для ознакомления с геологией нефтяных месторождений. Октябрьскую революцию он встретил в США. И.М. Губкин проявил себя в эти дни как истинный патриот, заявивший о поддержке нового строя. В 1918 году И.М. Губкин вернулся на Родину и сразу же окунулся в работу по восстановлению нефтяной промышленности, по поискам новых районов нефтедобычи;

по заданию В.И. Ленина И.М. Губкин изучает нефтепроявления Поволжья с целью выявления промышленных месторождений нефти, организует и направляет в эти районы научные экспедиции;

с 1920-го по 1925 год И.М. Губкин – председатель Особой правитель-

ственной комиссии по изучению Курской магнитной аномалии, работа которой увенчалась открытием в центре нашей страны крупнейшей базы высококачественных магнетитовых железных руд. Работа этой комиссии также положила начало созданию в СССР геофизической службы по выявлению месторождений полезных ископаемых, особенно нефти.

Именно эти и другие заслуги и послужили основанием для избрания И.М. Губкина действительным членом (академиком) АН СССР.

Галкин в своей статье утверждает: «Красный специалист» Губкин не открыл за свою жизнь ни одного месторождения (не был он в том числе и первооткрывателем «Второго Баку», что приписывают его последователи)). Едва ли нужно опровергать эти голословные утверждения. И.М. Губкин как ученый дал прогноз возможности открытия новых залежей как на Апшеронском полуострове, так и на Северном Кавказе. Эти прогнозы в ходе разведочных работ, руководимых Губкиным, подтвердились.

Губкин обосновал необходимость поиска нефти в районах между Волгой и Уралом, объекты и методы поиска и руководил осуществлением этих работ. Его единомышленниками были крупные ученые А.Н. Розанов, А.Д. Архангельский, Н.И. Стрижов и др., тогда как его противники – видные геологи К.П. Калицкий, Н.Н. Тихонович, А.Н. Замятин доказывали бесперспективность поиска живой нефти на этих территориях. И.М. Губкин обосновал также наличие в Урало-Поволжье самого мощного по запасам и производительности скважин девонского этажа, разработка которого увенчалась ростом добычи в стране более чем на 150 млн. тонн.

Будучи руководителем Государственного геологоразведочного управления ВСНХ, И.М. Губкин обеспечивал планомерное изучение нефтегазоносности не только Европейской части СССР, но и Западной, Восточной Сибири и Дальнего Востока.

В 1932 году, руководя Советом по изучению производительных сил АН СССР, И.М. Губкин обосновал перспективы нефтегазоносности и способы их выявления в Западной Сибири как новой крупнейшей базы нефтегазодачи в СССР. Сейчас, как известно, эта Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция (Тюменская и Томская области) обеспечивает 65 процентов общего объема добычи нефти и природного газа СССР.

Чтобы окончательно убедить читателей в полной научной некомпетентности академика И.М. Губкина, Галкин объявляет его главный научный труд «Учение о нефти» плагиатом труда Г.П. Михайловского. Видимо, Галкин не дал себе труда ознакомиться со статьей Г.П. Михайловского, носящей название «Несколько соображений о происхождении Кавказской нефти» (Изв. Геолкома, 1906 г., т. 25, № 6). Сам автор этой статьи аттестует свои представления в качестве только соображений, вытекающих из работ исследователей генезиса нефти и геологов, выявлявших геологические условия ее залегания. К тому же в подстрочном к этой статье замечании Г.П. Михай-

ловский упоминает о том, что его соображения, высказанные в статье, «буквально совпадающие с моими», были раньше опубликованы в том же 1906 г. А.Н. Андрусовым.

В обстоятельной монографии И.М. Губкина «Учение о нефти» И.М. Губкиным была создана теория преобразования захороненного в осадочных породах рассеянного органического вещества (тогда как Г.П. Михайловский обосновал возможность образования нефти только за счет концентрированного в осадочных породах органического вещества). Вполне вероятно, что И.М. Губкин даже из соображений неясности с авторством названных соображений не счел необходимости упомянуть о Г.П. Михайловском.

Галкин в своей статье приводит множество имен геологов, репрессированных в 30-е годы. Походя, говоря о разногласиях по научным вопросам И.М. Губкина с некоторыми из репрессированных, он подготавливает читателя к восприятию того, что И.М. Губкин повинен в репрессиях всех названных геологов. Видимо, в качестве единственного доказательства столь тяжкого обвинения статья иллюстрируется фотографией ожесточенного на трибуне И.М. Губкина на фоне его же газетной статьи 1930 года под заголовком «Сорвать строительство нефтяной промышленности вредителям не удалось». Едва ли можно упрекать И.М. Губкина за его осуждение «вредителей» по шахтинскому процессу. Это сейчас нам ясно, что этот и другие процессы были подготовлены органами на основе вынужденных признаний обвиняемых, а тогда ведь все принималось за чистую правду.

Галкин обвиняет Губкина и в том, что во время защиты планов очередного пятилетия он обосновал возможность достижения добычи нефти в стране в 40–42 миллиона тонн, тогда как его противник И.Н. Стрижов считал реальным добычу в объеме только 20 миллионов тонн. Известно, что в предвоенный год страна достигла добычи несколько большей 31 миллиона тонн, а после Великой Отечественной войны – в 1955 году, по осуществленным прогнозам И.М. Губкина, – она превысила 70-ти миллионный рубеж.

А. Галкин утверждает: «После смерти Губкина в апреле 1939 года были свернуты работы бессмысленной и безрезультативной Канско-Тасеевской экспедиции, затеянной «под идеи» Губкина вопреки предложениям Стрижова». Однако он умалчивает о том, что этой «бессмысленной и безрезультативной экспедицией» руководил И.Н. Стрижов, что в ходе работ этой экспедиции И.Н. Стрижовым дано отрицательное заключение о возможности нахождения промышленной нефти во всей Восточной Сибири. Тогда как порочные, по Галкину, идеи Губкина увенчались открытием в Восточной Сибири более 30 месторождений нефти и газа, заложивших основу создания в Восточной Сибири новой крупной базы нефтедобычи.

Все, кто знал и общался с И.М. Губкиным, видели в нем не только крупнейшего знатока геологии нефти, патриота, государственного деятеля, но и

обстоятельного человека, проявлявшего заботу об удовлетворении нужд геологов, геофизиков, о поднятии их научного уровня, воспитании истинных патриотов.

В свете изложенного вызывает удивление, что редакция столь популярного и весьма распространенного еженедельника, каким является «Неделя», сочла возможным не только предоставить Галкину свои страницы для его клеветнических, голословных измышлений, но и своим сопроводительным текстом подтвердила их достоверность.

На волнах неправильно понятой демократии и гласности появились люди, подобные Галкину, основная цель которых – опорочить людей, заслуживающих глубокого уважения. Цель одна: внушить, что в прошлом хороших, достойных подражания деятелей не было. (Даже В.И. Ленин не был таким деятелем!) Нет их и сейчас, видимо, не будет и в будущем.

Каково студентам Московского нефтяного института, созданного И.М. Губкиным и носящего его имя, на основе инсинуаций Галкина ощущать, что высокое имя Института принадлежит не ученому, не патриоту, а «карьеристу», виновному в репрессиях геологов. Каково жителям города Губкина Белгородской области, – крупнейшего промышленного узла, ощущать, что назван этот город не в честь ученого – первооткрывателя богатейших магнетитовых руд, а как пишет на Ваших страницах Галкин – в честь «выдающегося» чиновника!

Новосибирск
А. Трофимук,
Академик АН СССР

2 мая 1990 г.

В.А. Кротова

От редактора (*Предисловие к сборнику, посвященному 90-летию со дня рождения И.М. Губкина*). Публикуется по тексту: *Материалы по советской нефтяной геологии. М.: Госгеолтехиздат, 1963. С. 3–4.*

В сентябре 1961 г. вся геологическая общественность нашей страны отмечала 90-летие со дня рождения акад. И.М. Губкина – крупнейшего ученого-коммуниста, талантливого основоположника нефтяной геологической науки, организатора высшего нефтяного образования в СССР.

Деятельность И.М. Губкина является примером глубочайшего патриотизма и преданности великой Советской родине и идеям марксизма-ленинизма, примером беззаветного служения народу. Празднование его 90-летия происходило накануне знаменательного события в жизни советского народа и всего прогрессивного человечества – XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза, когда подводились итоги грандиозных побед и свершений социалистического строя, невиданных успехов советской науки и поко-

рения космического пространства, освоения богатств земли и ее недр, когда намечались новые пути движения к коммунизму.

Крупные успехи геологической науки и практики, в частности нефтяной геологии, являются результатом огромной работы творческих коллективов ученых и производственников, результатом содружества науки и промышленности, научного предвидения, основанного на знании закономерностей развития земной коры и процессов, в ней происходивших.

В организации этих творческих коллективов геологов, как и в целом геологической службы в СССР, с первых же дней советской власти огромная заслуга принадлежит Ивану Михайловичу Губкину. Являясь крупнейшим геологом-нефтяником, ученым и организатором, И.М. Губкин был мудрым руководителем советских геологов, стилем работы которого была конкретность руководства, ясность постановки задач, целеустремленность, исключительное умение найти главное направление в работе.

Отличительной чертой деятельности И.М. Губкина как ученого было умелое соединение науки и производства, претворения результатов научных исследований и вытекающих из них теоретических выводов в практической деятельности, глубина научного предвидения, основанного на данных всестороннего анализа факторов не только геологии, но и смежных отраслей знания. Именно этим определяется большая и действенная сила научных прогнозов И.М. Губкина.

Будучи ученым-коммунистом, патриотом своей родины, И.М. Губкин большую заботу проявлял о подготовке кадров молодых советских геологов, был прекрасным педагогом и воспитателем молодежи.

Заслуги И.М. Губкина в деле освоения нефтяных богатств нашей страны очень велики, и приходится сожалеть о том, что его нет среди нас в такую замечательную и полную открытий эпоху, когда по-настоящему оправдываются сделанные им прогнозы нефтегазоносности различных территорий.

Авторы настоящего сборника, посвященного светлой памяти И.М. Губкина, имели целью охарактеризовать его вклад в отечественную нефтяную геологию, показать действенность его научных прогнозов, основанных на соединении теории и практики, науки и промышленности, на знании закономерностей диалектического развития различных природных процессов, определяющих, в частности, размещение полезных ископаемых, на удачном использовании метода научных аналогий и т.д.

Одной из задач сборника является изложение взглядов И.М. Губкина на наиболее сложные вопросы нефтяной науки – вопросы происхождения нефти, освещенные им в книге «Учение о нефти». Подробный разбор положений И.М. Губкина, сделанный в статье Н.Б. Вассоевича, важен особенно потому, что труд этот не издавался с 1937 г. Также весьма полезно довести до широкого круга читателей и прежде всего молодого поколения некоторые

стороны учения о нефти И.М. Губкина, получающие иногда не вполне точное толкование в нефтяной геологической литературе.

Важное место в сборнике занимает характеристика геологического строения и нефтеносности территорий, в частности тех, по которым И.М. Губкиным были даны положительные прогнозы, но в которых глубокое поисково-разведочное бурение широким фронтом началось только после смерти ученого, в результате претворения в жизнь его идей и развития метода изучения перспектив нефтегазоносности крупных территорий. Это – Урало-Волжская нефтеносная область, добыча нефти в которой в 1961 г. составила большую часть от общей добычи по Союзу, а также Средняя Азия, Западно-Сибирская низменность, Восточная Сибирь и др. Среди крупнейших открытий в области нефтяных месторождений последних лет особое внимание заслуживает открытый совсем недавно Мангышлакский нефтеносный район, вошедший в общую сокровищницу нефтяных богатств СССР.

В сборнике рассматриваются и другие проблемы, связанные с развитием идей И.М. Губкина, и вопросы, затрагиваемые в его работах, а также отдельные особенности территорий, по которым ученым давались прогнозы.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И.М. ГУБКИНА

1871 (9), 21 сентября	родился в с. Поздняково Муромского уезда Владимирской губернии
1887	окончил Муромское уездное училище
1890	окончил Киржачскую учительскую семинарию
1895	поступил в Петербургский Учительский институт
1898	окончил Учительский институт
1903	поступил в Петербургский Горный институт
1908	студенческая практика в Майкопском районе
1909	первая печатная научная работа (О гранитах северного берега Ладожского озера)
1910	окончил Петербургский Горный институт, продолжил изучение Майкопского нефтяного района
1913–1915	адъюнкт-геолог Геологического Комитета (Геолкома)
1915–1917	геолог Геолкома
1918–1927	член коллегии Главного нефтяного Комитета
1918–1924	Председатель Главного сланцевого Комитета
1920	профессор Московской горной академии
1921, 31 марта	принят в РКП (б)
1920, 14 июля 1926	возглавляет Особую комиссию по изучению Курской магнитной аномалии
1922	избран ректором Московской горной академии
1922–1939	возглавляет редколлегию журнала «Нефтяное хозяйство» (ранее – «Известия Главного нефтяного комитета», «Нефтяное и сланцевое хозяйство»)
1923–1929	зам. директора Геолкома
1925–1939	возглавляет Государственный исследовательский нефтяной институт
1928, 5 декабря	избран действительным членом Академии наук СССР (на выборах в техническом отделении)

- 1929, 12 января то же на Общем собрании Академии наук
 1930 опубликована статья «Сорвать строительство нефтяной промышленности вредителям не удалось»
 1931–1939 возглавляет Главное геологоразведочное управление НКТП СССР
 1932 опубликован учебник «Учение о нефти»
 1936 избран вице-президентом Академии наук СССР
 1937 избран депутатом Верховного Совета СССР
 1937 избран президентом XVII Международного геологического конгресса в Москве
 1939, 21 апреля скончался, похоронен в Москве

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абих Г.В. 29, 32, 36, 38, 54, 56, 78, 110, 119, 122, 175
 Абрамович М.В. 38-39, 54-55, 98-99, 116, 130, 144-145, 153, 159
 Агабеков М.Г. 56
 Алферов Б.А. 98
 Амирасланов А.А. 112
 Андреев С.Ю. 10
 Андрусов Н.И. 7, 14, 26-27, 54, 86, 122, 126
 Аникиев К.А. 163
 Аносов А.А. 41, 167
 Апресов С.М. 55-56, 110, 116, 153, 159
 Аржекаев С.А. 101
 Архангельский А.Д. 7, 14, 26-28, 36-38, 67-69, 71, 78, 83-85, 96, 98, 104, 105, 116, 118, 122, 126, 128, 134, 136, 151, 158
 Багерьянц 61
 Байбаков Н.К. 162
 Баймухаметов К.С. 71
 Бакиров А.А. 18, 27, 29, 77, 174
 Барбот де Марни Н.Н. 30, 54, 97, 119
 Баскаков Л.И. 119
 Бастамов С.Л. 83
 Батурин В.П. 55, 116, 154, 159
 Баунов С.С. 80
 Бах А.Н. 89, 93
 Бацевич Л.Ф. 32, 54
 Белоусов В.В. 57, 180
 Берия Л.П. 73, 147, 160, 167
 Берлинг Н.И. 142
 Бескровный Н.С. 34
 Билибин В.В. 39, 114
 Блохин А.А. 69, 112
 Блюмер Э. 105
 Богданович К.И. 7, 14, 39, 43-45, 48, 51, 53-56, 98, 103, 105, 107, 110-111, 119, 122, 175, 177
 Борисов А.А. 69

Борисяк А.А.	98, 110-112
Брежнев Л.И.	169
Брод И.О.	18, 27, 29, 72, 98, 104, 122, 146-148, 153, 164, 168-169
Бронштейн К.Г.	85
Буниат-заде З.А.	37
Бухарин Н.И.	106-107, 150-151
Буялов Н.И.	69
Бялокоз Е.Л.	83
Варенцов М.И.	70, 153, 164-166, 174
Варсанюфьева В.А.	61
Вассерман Б.Я.	161
Вассоевич Н.Б.	7, 18-29, 56, 98, 116, 126, 136, 153, 168
Вебер В.В.	10, 54-55, 64, 98-99, 105, 116, 133
Вебер В.Н.	14, 98, 130
Вернадский В.И.	9, 14, 83, 86-87, 91, 96, 104, 111-112, 114-115, 122, 127
Винда В.	43-44
Волярович П.Е.	54-55
Волкова С.П.	31
Вологдин А.Г.	74, 76, 162
Воскобойников Н.И.	31
Выдрин Д.И.	177
Вышемирский В.С.	77, 88
Вышинский А.Я.	89
Гаврилов Я.В.	116, 153
Газизов М.	80
Гараевская И.А.	10-11, 79-80
Гедройц Н.А.	76, 98
Гельмерсен Г.П.	10, 29, 36, 38, 97, 110
Герасимов А.П.	56, 110
Герасимов Н.П.	69, 74
Гернгрос 2-й	62
Гёффер Г.	27, 46, 53, 105, 126, 177
Гиммельфарб А.Я.	84
Гинзбург-Карагичёва Т.Л.	20, 27-28
Гогунцов	61
Голицын Б.Б.	86
Голубятников В.Д.	54
Голубятников Д.В.	14-15, 34, 38, 48, 54-56, 78, 98-99, 104, 116-117, 119, 128-130, 134, 154
Гольдина Н.А.	11

Горин В.А.	37, 56, 159
Горская А.И.	28
Грацианова О.П.	69
Гречишкин Л.А.	98
Грум-Гржимайло В.Е.	79
Губкин С.И.	170-172
Губкина В.И.	157, 174
Губкина Г.И.	172-173
Губкина Н.П.	157, 170, 173
Гуковский И.Э.	15
Гурьев А.В.	31
Даль В.И.	121
Двали М.Ф.	18
Деборин А.М.	106
Дейхман А.А.	31
Денисова О.А.	85
Джанелидзе А.И.	57
Дзержинский Ф.Э.	58, 172
Добролюбова Т.А.	61
Добрынин И.Г.	161
Доленко Г.Н.	18
Долицкий В.А.	10, 147
Домбер В.	97
Дунаев Ф.Ф.	118, 157
Дуркина А.В.	161
Дуткевич	70
Ежов Н.И.	147, 167
Еремеев П.В.	62
Еременко Н.А.	18, 27, 147, 169
Ерофеев В.	97
Жаров И.Д.	118, 157
Жемчужников Ю.А.	54
Забнин И.С.	80
Завенягин А.П.	137
Залесский М.Д.	116
Замятин А.Н.	11, 62-63, 69, 99, 130
Зверев В.Н.	14
Зернов Д.С.	142
Зиновьев Г.Е.	142
Зощенко М.М.	180
Зубер С.Р.	153
Зюсс Э.	111

Иванов А.В.	161
Иванов А.П.	28
Иванчук П.К.	69
Игнатович Н.К.	153
Израилев	61
Ильин Р.С.	74
Ильин С.И.	28, 98
Ипатьев В.Н.	81
Каганович Л.М.	84, 147, 163
Каламкаров Л.В.	174
Калигула	132, 158
Калинин М.И.	112, 163
Калинко М.К.	18, 27, 37, 118
Калицкая В.П.	131
Калицкий К.П.	7, 14, 18, 27-28, 33, 48, 51, 54-55, 61, 63, 78, 98-99, 103-105, 107, 110, 112-113, 116, 119-120, 122, 126, 128-133, 158, 160, 167
Карасик Т.Г.	161
Карпинский А.П.	9, 78, 86, 91, 97, 108, 111, 127, 149
Кассин Н.Г.	54, 69
Квитка С.К.	54
Кейзерлинг А.А.	29
Кивит А.А.	80
Киселев С.П.	118
Кисельников В.В.	86
Кобильник М.Ф.	168
Ковалевский С.А.	35-36, 38, 55, 110, 115-116, 153, 155, 159
Козин К.П.	85
Козлов Н.П.	142
Кольман Э.	93
Конторович А.Э.	18, 77
Коншин А.М.	30, 38, 43-44, 54, 103-104, 117, 119
Корбуш М.М.	85
Кортенберг Д.Л.	86
Косолапкин И.И.	60
Кострикин М.Л.	61
Косыгин А.И.	51, 118, 143-145
Котульский В.К.	100-101, 177
Кошкуль фон Ф.	29, 32, 36, 38, 43, 103, 110, 119, 175
Красин Л.Б.	83
Краснопольский А.А.	62, 98
Краюшкин В.А.	18

Крейчи-Граф К.	105, 116
Кремс А.Я.	7, 61, 70-71, 120, 137, 145, 159-161, 165
Крестовников В.Н.	85
Кржижановский Г.М.	106
Кривоносов Ю.И.	10, 106, 150
Кропоткин П.Н.	122
Крыленко Н.В.	82
Крылов А.Н.	83
Крэг К.	19, 27, 105
Кудрявцев Н.А.	7, 18, 28, 33, 37, 42, 53, 77-78, 98, 122, 125, 140, 157, 160, 163, 166-167
Кулик Н.А.	60-61
Кумок Я.Н.	7, 10-11, 13, 156-157, 170, 172-173
Куразов И.Ф.	177
Курнаков Н.С.	86-87
Лазарев П.П.	83-86, 104, 118
Лебедев Б.А.	34
Лебедев Н.И.	32, 54
Леворсен А.	115
Леднев Н.М.	14, 130
Лейст	84
Ленин В.И.	58, 73, 84-85, 90, 95, 141-142
Лесли П.	53
Лещенко В.А.	161
Лиллей Э.Р.	22
Логан У.	29
Логачев	61
Ломоносов М.В.	26, 122, 127
Лузин Н.Н.	92-93, 177
Лукин Н.М.	100
Лутугин П.	98
Лысенко Т.Д.	13
Мазарович А.Н.	69
Маймин З.Л.	10, 154, 167
Маковский А.А.	45
Максимов С.П.	146
Максимович Ю.К.	166-167
Мандельбаум М.М.	77
Маслов К.С.	7, 53
Махальский А.	98
Махровский К.А.	15
Машкович К.А.	159, 161

Мейстер А.К.	99-100
Мелик-Пашаев В.С.	116, 159
Мёллер В.И.	97, 108
Мельников А.В.	163
Менделеев Д.И.	28-29, 33, 38, 104, 110, 117, 119, 132, 175
Менденхолл	149
Месропян А.И.	55
Мессинева М.А.	18
Мехлис З.Л.	93
Мехтиев Ш.Ф.	56
Милановский Е.В.	69, 153
Милановский Е.Е.	56-57
Миронов С.И.	61-62, 75, 98-99, 130, 145, 147
Мирчинк Г.Ф.	152-153
Мирчинк М.Ф.	8, 55, 70, 116, 153-156, 159-160, 163
Миткевич-Волчасский Е.Н.	14
Михайловский Г.П.	14, 24-27, 108, 119, 122, 168, 175
Мишунина З.А.	10, 37, 55, 64, 99, 105, 153, 157-158, 168, 175
Мороз Я.М.	58, 60, 166-167
Мразек Л.	36
Мугус Э.А.	80
Мустыйги Э.А.	80
Мушкетов Д.И.	9, 14, 68, 78, 99-101, 104, 108, 111-115, 122, 142, 149, 165, 173
Мушкетов И.В.	97
Нагаев Г.	11
Наливкин В.Д.	77
Наливкин Д.В.	54, 111
Неручев С.Г.	18
Нестеров И.И.	78
Нечаев А.В.	11, 62, 69
Никитин С.Н.	97
Николаевский Н.М.	18, 157
Обручев В.А.	14, 78, 111-112, 114-115, 122
Ованесов Г.П.	166
Ожегов С.И.	121
Омелянский В.Л.	20
Орджоникидзе Г.К.	149, 152
Орел В.М.	150
Оргенберг Д.Л.	86
Павлов А.П.	62-63, 69, 71, 134, 137, 152
Паллас П.С.	31

Пальчинский П.И.	9, 79-82, 96, 140-143, 171, 173
Перчёнок Ф.Ф.	10, 89, 106
Перьков	166
Петров Л.С.	168
Покровский М.Н.	106
Полевой П.И.	128
Порфирьев В.Б.	18, 28, 98, 122, 125
Потапов И.И.	25, 54-55, 159
Потонье Г.	25-27
Преображенский П.А.	85
Притула Ю.А.	162
Пришлецов В.И.	83
Прокопов К.А.	36, 45, 103, 116, 130
Пылаев Г.Н.	15
Радченко Р.	28
Ракузин М.А.	116
Рамзин Л.К.	81-82
Рассел Б.	115
Раузер-Черноусова Д.М.	28
Резанов И.А.	168
Рейнгард А.Л.	111
Ренгартен В.П.	57, 110
Розанов А.Н.	54, 63, 67-69, 71, 137
Розанова Н.А.	10, 137
Романовский Г.Д.	62, 97
Романовский С.И.	10, 61, 111-113
Ростовцев Н.Н.	78
Рябинин А.Н.	14, 32-33, 54, 99, 110
Рябухин Г.Е.	75, 77
Савченко А.С.	161
Самсонов Ю.В.	174
Саханов А.Н.	116
Свердлов В.М.	64, 89
Семенов-Тяньшанский П.П.	142
Семихатов А.Н.	69
Сенюков В.М.	162-163
Сергеев А.	17
Серебровский А.П.	15, 140, 157
Сидоров С.Ф.	58, 61
Симанович С.	54
Смехов Е.М.	10, 73, 132-133, 146, 158
Смирнов Л.П.	76

Смит П.	28
Соколов Б.А.	147
Соколов Б.С.	168
Соколов В.А.	18, 27
Соколов И.П.	132
Соколовский Н.А.	30
Солнцев О.А.	161
Соловьев Н.И.	15
Соловьев Ю.Я.	149
Сорокин А.	54
Сорокин Г.Л.	43, 49, 51, 53
Софроницкий П.А.	69
Стадников Г.Л.	23, 27, 104, 119
Сталин И.В.	16-17, 58, 73, 84, 92, 149, 165
Старостин В.В.	142
Степанов Д.Л.	28
Степанов П.И.	112
Стоянов А.А.	130
Стоянов С.А.	130
Страхов Н.М.	28, 136
Стризов И.Н.	9, 10, 14-16, 30, 32, 38-42, 44, 49-51, 53, 60, 65-68, 74-76, 78, 81, 91, 94-96, 103-105, 109, 11-112, 115, 117, 125, 127, 139-142, 145-146, 157-158, 160, 166-167, 177, 180-181
Сулин В.А.	69
Тер-Габриэлян С.М.	15
Тетяев М.М.	101
Тихомиров В.В.	31
Тихонович Н.Н.	14, 16, 41-42, 58-61, 63, 66-67, 74, 76, 78, 98- 100, 104, 115, 128, 130, 138, 144, 160, 166-167, 177, 180
Толль Э.	99
Томас Дж.Э.	114
Траск Т.Д.	28
Трофимук А.А.	11, 28, 70, 77, 147, 160
Уайт Д.	28
Ульянов А.В.	52
Усов М.А.	76
Успенская Н.Ю.	69, 98
Ушейкин Н.И.	15, 38, 48, 54-55, 117, 119, 129-130
Федоров Н.Т.	83

Федоров С.Ф.	7, 18, 30, 36, 70, 118, 136, 140, 155-156, 158, 175
Федоровский Н.М.	177
Ферсман А.Е.	14, 87, 111-112, 136, 158
Фриче В.М.	106
Хагер Д.	105
Хаин В.Е.	56-57, 147, 168
Хакфорд И.Е.	28
Хаммер Г.	20
Хант Т.С.	29
Хельквист Г.А.	7, 52
Хесс Г.Г.	113
Цванцигер Б.В.	81-82
Чарноцкий С.И.	14-15, 43-45, 48, 50-51, 53, 98, 117, 130
Чепиков К.Р.	72-73
Чернобров В.С.	54
Чернов А.А.	61
Чернов Г.А.	161
Чернышёв Ф.Н.	98, 130
Чубаров П.А.	65
Шатский Н.С.	54, 69, 78, 85, 111, 122, 127, 136, 151, 153
Шахновский И.М.	18, 28
Шацкий Н.И.	166
Швецов М.С.	69
Шегрен	32, 54
Шибинский А.А.	15
Шох П.М.	94
Штебер Э.А.	33, 35, 38, 110, 175
Штильмарк В.В.	153
Щербаков Д.И.	87
Эвентов Я.С.	69
Эйнштейн А.	103
Энглер К.	27
Эндрьюс	29
Юдичев У.М.	161
Юшкин Е.М.	38, 43-44, 53, 103
Языков В.А.	101-102, 177
Яковлев Н.Н.	14, 99-100, 133
Якубов В.Н.	94, 142

Ухто-Печорская общественная организация «Мемориал»

А.И. Галкин

Академик

Иван Михайлович ГУБКИН:

мифы и действительность

(1871–1939)

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,88. Тираж 500. Заказ № 2547.

ООО «Кировская областная типография».
610000, г. Киров, Динамовский пр., 4.

Тел./факс: (8332) 38-34-34
E-mail: kot@kot.kirov.ru, www.kot-kirov.ru